

ПЕРЕПИСКА С М.А. ВОЛОШИНЫМ*

(1903–1917)

Вступительная статья, публикация и комментарии
К.М. Азадовского и А.В. Лаврова

Взаимоотношения Брюсова и Максимилиана Волошина уже не раз освещались в специальных статьях¹ и затрагивались попутно в ряде работ по русской литературе начала XX в. Канвой изложения этой темы неизменно служила переписка двух поэтов – один из наиболее содержательных документальных источников для истории русского символизма в период его зрелости. Эта переписка с наглядной и впечатляющей полнотой отразила как историю личных отношений Брюсова и Волошина, так и обстоятельства, связанные с начальным этапом издания журнала “Весы”, контакты московских символистов с французским литературно-художественным миром. Обширные цитаты из переписки Брюсова и Волошина и даже некоторые письма целиком воспроизводились ранее в статьях, заметках, комментариях к публикациям², но только знакомство с этой перепиской в ее максимально полном объеме позволяет создать целостное представление о подлинном масштабе и многообразии этих отношений, о широком историко-литературном контексте, в который она входит составной частью.

Андрей Белый в некрологической статье о Брюсове по праву называет Волошина в ряду тех “интересных имен”, которые Брюсов “вызвал к жизни”, привлек к литературной деятельности³. Хотя Максимилиан Александрович *Волошин* (1877–1932) вполне может быть причислен к тому же литературному поколению, к которому принадлежал и Брюсов, но творческое самоопределение его состоялось значительно позже, лишь в начале 1900-х годов, когда Брюсов был автором нескольких стихотворных сборников и всероссийски известным “декадентом”. В 1893–1897 гг. – в пору самых дерзких поэтических выступлений Брюсова – Волошин, уже писавший стихи и серьезно интересовавшийся литературой, учился в Феодосийской гимназии, где, естественно, был изолирован от влияния ранних русских символистов; но, и поступив в 1897 г. в Московский университет, он, по существу, на первых порах не проявлял особой заинтересованности “новым искусством” и менее всего мог считать себя его приверженцем – на первом плане для Волошина тогда стояли не эстетические, а социальные вопросы: он принимал деятельное участие в студенческом движении и поплатился за это исключением из университета и административными преследованиями⁴.

Но, разумеется, пройти мимо внимания Волошина, с ранней юности проявлявшего жадный интерес ко всему новому и необычному, первые опыты русской символистской поэзии все же не могли. Об этом внимании свидетельствует его рукописная рецензия на “Книгу раздумий”⁵ (1899) – сборник стихотворений К.Д. Бальмонта, Брюсова, Модеста Дурнова и Ив. Коневского, написанная, скорее всего, в год ее выхода и, возможно, в расчете на опубликование: в 1900 г. Волошин начинает выступать с критическими отзывами в журнале “Русская мысль”⁶. В своих выпадах против “символической реторики” и “бесцельной игры словами” у Бальмонта, Брюсова и других участников “Книги раздумий” и в общих рассуждениях о реализме, символизме и импрессионизме Волошин неукоснительно следует приему, постоянно использовавшемуся в то

*Эта работа выполнена в 1983–1984 гг.: просмотрена и дополнена в 1989 г. Однако уже после этого появились в печати некоторые материалы (в основном архивные), исследованные нами в начале 1980-х гг. Сохраняя отсылки к источникам в их первоначальном виде, укажем здесь лишь на самые основные из публикаций последнего времени, имеющие прямое отношение к нашей теме. Так, воспоминания о Волошине, написанные Е.А. Бальмонт, Н.Я. Рыковой и др., собраны в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. Сост. и коммент. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова. М. 1990. Дневник Волошина “История моей души” напечатан в кн.: Волошин М. Автобиографическая проза. Дневник. Сост., статья и примеч. З.Д. Давыдова и В.П. Купченко. М. 1991 (в том же издании помещена статья Волошина “Судьба Верхарна” (1917) и содержится обстоятельный комментарий к ней). Письма Волошина к А.М. Петровой за 1895–1910 гг. опубликованы В.П. Купченко в кн.: Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. [Вып.] I. СПб. 1991. Укажем также, что рецензия Брюсова на Волошинский сборник “Anno mundi ardentis”, как и другие его статьи, перепечатаны в кн.: Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Составители Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М. 1990 (К.А., А.Л.)

М.А. ВОЛОШИН

Фотография М. Рубинчика. Керчь, 1901
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

время "умеренными" критиками "декадентства", которые в принципе считали правомерными новые искания в области художественного слова и видели определенные достижения на этой стезе у западноевропейских писателей, но решительно отказывали отечественным авторам в признании аналогичных творческих опытов. Соответственно и клеймо "прелюбодеев слова", которым Волошин уничтожал четырех авторов "Книги раздумий", вполне могло соперничать с другими хлесткими формулировками критиков, писавших об этом стихотворном сборнике⁷.

Сам Волошин датирует свое "пробуждение самосознания"⁸ 1901-м годом – точнее, теми месяцами, когда он странствовал по среднеазиатской пустыне, и это "пробуждение самосознания" было связано у него с пробуждением интереса к символизму – "новому" мироощущению и "новому" искусству, с предчувствием "сдвигов времен" и наступления "новой культурной эпохи". "То же, что Блок в Шахматовских болотах, а Белый у стен Новодевичьего монастыря, я по-своему переживал в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов", – писал Волошин в автобиографии 1925 г.⁹ Но в отличие от Блока и Андрея Белого для Волошина подлинной школой

"нового" искусства явилось знакомство с литературно-художественным миром Парижа. Приехав в столицу Франции в 1901 г. в надежде продолжать прерванные университетские занятия, Волошин самозабвенно окунулся в атмосферу эстетических исканий, сблизился с кругом русских художников, живших в Париже, познакомился с писательницей и переводчицей А.В. Гольштейн, через которую узнал многих деятелей французской культуры. Подлинный переворот во взглядах и вкусах он пережил благодаря открытию для себя новейшей французской живописи и поэзии. "Что же именно меня так привлекло во французском искусстве, на это я не имею прямо физической возможности ответить, – писал он 29 августа 1901 г. двоюродному брату Я.А. Гловову. – Это слишком много, и я ведь только в преддверье вхожу. Все совсем *новое*. Этого достаточно"¹⁰. Почти одновременно он признавался в письме к другому близкому другу, А.М. Пешковскому: "...идет страшная ломка разных старых взглядов, новые открытия (субъективные, разумеется) в искусстве, преклонение пред величием французской литературы (...), успехи в рисовании, новые стихотворения, собрания материалов для будущей статьи о Гюставе Море, бешеный восторг перед картинами Эдона..."¹¹.

Новые эстетические критерии, внушенные Волошину живописью Одилона Редона и вообще всей художественной атмосферой Парижа, не замедлили сказаться и на его подходе к русской символистской поэзии, в том числе и к творческой деятельности Брюсова: в частности, одним из поэтических откровений явилась для Волошина книга Брюсова "Tertia vigilia"¹². В лекции "Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого", прочитанной в январе 1902 г. в парижской Высшей русской школе¹³, Волошин попутно коснулся полемики о современной поэзии, развернувшейся на страницах "Мира искусства" между С.А. Андреевским и Брюсовым;¹⁴ Андреевский писал, что современное поэтическое творчество исчерпало себя и омертвело, что стихотворная форма в поэзии доживает свой век, – Брюсов, наоборот, патетически утверждал, что "стих не вырождается, а перерождается, вступает на высшую ступень развития", что если "судить только по напряженности в искусстве творческих сил, то наше время придется сравнивать (...) с эпохой Возрождения"¹⁵. «В полемике на страницах "Мира Искусства" преимущество оказывается далеко не на стороне г. Андреевского», – подчерки-

васт Волошин и, обвиняя критика в архаизме эстетических представлений, продолжает с уверенностью искушенного парижского ценителя: «Ответ же Валерия Брюсова звучит голосом из совсем другого периода. Нельзя сказать, чтоб этот ответ был бы *особенно* талантлив и блестящ: нет, он написан только умно и со знанием дела. Но разница между этими статьями та, что, попавшись статья Брюсова в руки какому-нибудь образованному французу, он бы прочел ее с интересом и не нашел бы в ней ничего удивительного, над статьей же Андреевского он бы остановился с открытым ртом не один раз, а многого бы и совсем не понял без соответствующих исторических справок. В Россию новые течения приходят обыкновенно только лет через двадцать. Так происходит и теперь с тем направлением, которое зародилось во Франции в начале восьмидесятых годов и в общем известно под именем нео-идеализма»¹⁶.

Попутно Волошин иронически упоминает о скандальной репутации, которая сложилась вокруг имени Брюсова в 1890-е годы: «Валерий Брюсов пользуется в России славой декадента *par excellence**, т(ак) к(ак) именно ему приписывается знаменитый в свое время стих: “О закрой свои бледные ноги”, который, несмотря на кристальную ясность, простоту и полную беспретенциозность своей мысли, долгое время считался образцом декадентской нелепости и туманности»¹⁷. О новейших поэтических опытах Брюсова Волошин

отзывается в своей лекции в высшей степени сочувственно, видя в них, в частности, творчески плодотворное использование ассонанса (идущего, по мысли Волошина, от народных песен Кольцова и Некрасова на смену общепринятой точной рифме): «Теперь Валерий Брюсов снова взялся за разработку ассонанса и дал великолепные образчики его:

Если б к вам я прибыл,
Вы мои отдаленные предки –
Вы собратом гордиться могли бы,
Оценили бы взор мой меткий.

Эти полурифмы дают стиху удивительную гулкость и широту»¹⁸. Позднее Волошин вновь воспроизведет эту неточно процитированную строфу из стихотворения “Скифы” (I, 152–153) в набросках своих воспоминаний о поэте – как первые строки, заставившие его поверить в незаурядное творческое дарование Брюсова¹⁹.

Важнейшим событием парижской жизни Волошина стало его знакомство в сентябре 1902 г. с К.Д. Бальмонтом. Позднее Волошин назвал Бальмонта в числе тех трех поэтов (наряду с Вяч. Ивановым и Жозе-Мари де Эредиа), у которых он учился “владеть стихом”²⁰. Но не меньшую роль в жизни Волошина сыграло его личное общение с Бальмонтом, который также благодаря этой дружбе чувствовал себя духовно обогащенным. Жена Бальмонта Екатерина Алексеевна пишет в воспоминаниях о Волошине: «Имя Макса Волошина я услышала впервые

К.Д. БАЛЬМОНТ

Рисунок М.А. Волошина. Карандаш

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

* По преимуществу (франц.).

от Бальмонта. Он писал мне из Парижа осенью 1902 г., что познакомился в Латинском квартале (кажется, на одной из своих лекций) с талантливым художником М. Волошиным, который “и стихи пишет”. В каждом письме похвалы ему возрастали. Бальмонт, видимо, заинтересовался и привязался к Макс. Он писал, что они много бывают вместе, бродят по городу. Макс показывал ему уголки старого Парижа, доселе ему неизвестные. Писал, что разность взглядов и вкусов – Макс принадлежал латинской культуре, изучал французских живописцев и поэтов, а Бальмонт был погружен в английскую поэзию, переводил Шелли, изучал Э. По – не мешала их сближению. К сожалению, я не могу привести подлинных слов Бальмонта из его писем, слов нежных и восторженных о Максе, письма эти погибли на нашей парижской квартире во время войны 1914 года»²¹.

Через посредничество Бальмонта Волошин получил доступ в круг русских символистов. “Податель сего письма, Макс Волошин, да внидет в дом Ваш приветствуемый и сопровождаемый моею тенью”, – писал Бальмонт 25 декабря 1902/7 января 1903 г. из Парижа в рекомендательном письме к Брюсову²². О Волошине писал Брюсову в своем рекомендательном письме и живший тогда в Париже юрист и литератор А.С. Яценко, московский знакомый Брюсова²³: “Вероятно, Бальмонт уже писал Вам, дорогой Валерий Яковлевич, о Максе Волошине, о том самом, который передает Вам это письмо. Вот человек, с которым Вы можете говорить на Вашем родном языке, не рискуя быть непонятым или не понять его. Таких людей не часто встречаешь, и это приходится ценить. Побеседуйте с ним, и он Вам сообщит очень много фактов и мыслей о искусстве и людях Парижа. (...) Он Вас читал и высоко ставит Ваш талант”²⁴. В другом письме, от 10 января 1903 г., отправленном уже непосредственно Брюсову, Яценко дополнительно сообщал: “В феврале месяце приедет к Вам некто Макс Волошин, очень оригинальный и интересный человек, мой давнишний приятель. Он прожил здесь несколько лет, занимался живописью, изучал искусство, странствовал по свету”²⁵.

Знакомство поэтов, вопреки первоначальным предположениям, состоялось не в Москве, а в Петербурге, куда Волошин приехал из Парижа и где он встретился с Брюсовым, в то время выполнявшим обязанности секретаря петербургского журнала “Новый путь”. Впервые Волошин увидел Брюсова 23 января 1903 г. на XVIII религиозно-философском собрании²⁶. Позднее в статье о собрании стихов Брюсова “Пути и перепутья” он красочно живописал свои впечатления²⁷.

На другой день Волошин встретился с Брюсовым в редакции “Нового пути”. Там состоялось их знакомство. В ходе кратковременного общения в конце января 1903 г. в Петербурге Брюсов сумел по достоинству оценить нового приверженца символистского движения и распознать его поэтическое дарование: по инициативе Брюсова Волошин передал для “Нового пути” подборку своих стихотворений, и эта публикация явилась его поэтическим дебютом в столичной печати²⁸. Перед приездом Волошина в Москву Брюсов писал из Петербурга жене (31 января 1903 г.): “Видаю Макса Волошина, интересный господин: познакомься с ним во вторник – скиталец и поэт (познакомься через Бальмонта)”²⁹. Столь же лаконична и строго определена по своему смыслу дневниковая запись Брюсова, относящаяся к этому же времени: “В Петербурге познакомился и с Максом Волошиным. Юноша из Крыма. Жил долго в Париже, в Латинском квартале. Поэт и художник. Исходил пешком все побережье Средиземного моря. Интересно рассказывает о Андорре и Балеарах. (...) В Петербурге он не очень понравился, но Москва носилась с ним почти три недели”³⁰.

Последнее полуироническое замечание Брюсова вполне соответствовало действительности: не найдя надежной почвы для общения с петербургскими носителями новых идей, группировавшимися тогда в основном вокруг Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, Волошин сразу же был признан “своим” в среде московских символистов, предводительствуемых Брюсовым, и прежде всего в кругу издательства “Скорпион”. Приобщение Волошина к числу “скорпиончиков” в эту пору, когда в Москве развернулась активная борьба за самоопределение “нового” искусства, яркими, выразительными штрихами обрисовал в своих мемуарах Андрей Белый³¹. В “скорпионовском” альманахе “Северные цветы” было опубликовано стихотворение Волошина “В вагоне” (“Снова дорога... и с силой магической...”) ³² с рефреном-подражанием звуку движущегося поезда (“Тй-та-та... тй-та-та... тй-та-та... тй-та-та...”) – своего рода его визитная карточка как поэта и “странника”³³. Примечательно, что именно это стихотворение осталось для Брюсова прочно связанным с образом его автора. Десять лет спустя, 29 июня 1913 г., Брюсов написал стихотворение “Разбегаются снова поля за окном...”, также передающее дорожные впечатления:

Дальний путь, дальний путь, дальний путь, дальний путь.
Это я прошептал, иль колесами сказано?
Убедать! позабыть! умереть! отдохнуть!
Что-то длинное, долгое снова развязано.

Милый Макс! да, ты прав! под качанье рессор
Я, как ты, задремал, убаюкан их “титатью”,
И уже Океан смотрит прямо в упор
Мне в глаза, здесь в полях, за болотистой Припятью.

(III, 324)

После регулярных встреч в феврале-марте 1903 г. общение Брюсова и Волошина возобновилось в ноябре того же года, когда Волошин вернулся из Крыма в Москву с тем, чтобы вновь надолго уехать в Париж. Общение это по-прежнему было творчески содержательным. “Один вечер читал ему все свои стихи”, – записал Брюсов³⁴. По более позднему свидетельству Волошина можно заключить, что в их числе был и “Конь блед”; после опубликования этого стихотворения³⁵ Волошин писал А.М. Петровой (август 1904 г.): «Что совсем меня ослепило, это “Конь блед” Брюсова в майской книжке. Он мне его читал в неоконченных отрывках, и я только слабо предчувствовал всю его необычайность»³⁶.

Общая характеристика, которую Брюсов дает Волошину, – по обыкновению, трезвая и объективная, лишенная излишней восторженности: “Он умен и талантлив, не гениален”³⁷. Скорее всего, в этих словах сказывалось отношение Брюсова к тем неумеренным эмоциям, которые возбуждал Волошин в кругу московских символистов; возможно, что уже к этому времени относятся наблюдения Е.А. Бальмонт, отраженные в ее воспоминаниях о Волошине: «Брюсов находил, что “мода” на Макса длится слишком долго, и, вначале одобрив его и обласкав, вдруг стал обращаться с ним свысока. Меня поражало, что Макс как будто не замечал этой перемены тона и был с ним, как и с другими “мэтрами”»³⁸. Однако Брюсов всегда отдавал должное таланту, остроте и своеобразию ума Волошина, его искренней и живой увлеченности всем, что имело отношение к “новому” искусству, и прежде всего к французской поэзии, которая для Брюсова в той же мере, как и для Волошина, была школой художественного мастерства и средством его эстетических пристрастий. С этой точки зрения Волошин, уезжавший вновь во Францию на длительный срок, оказался для Брюсова нужным и прямо-таки незаменимым, поскольку как раз тогда, осенью 1903 г., было принято решение об издании московского символистского журнала “Весы” и уже началась подготовка первых номеров.

Естественно и закономерно, что Волошин стал парижским корреспондентом нового издания, взяв на себя обязательство писать в “Весы” прежде всего о событиях французской художественной жизни. Обсуждение вопросов, связанных с формированием “Весов”, безусловно, было в ноябре 1903 г. основной темой общения Волошина и Брюсова, ставшего фактическим руководителем журнала; 27 ноября 1903 г. датировано печатное удостоверение, выданное Волошину редакцией “Весов”: “Макс Волошин, редактор отдела изящных искусств”³⁹. Все же по характеру своей работы Волошин редактором в обычном смысле этого слова не был, его участие в “Весках” ограничивалось постоянным сотрудничеством и подготовкой регулярных корреспонденций – как в виде статей “писем из Парижа”, так и в форме кратких информационных сообщений. Помимо этого, Волошин выступал на страницах “Весов” с изложением собственных взглядов на искусство: уже 1-й номер журнала открывался, наряду со статьями Брюсова и Бальмонта, программной статьей Волошина “Скелет живописи”⁴⁰.

Приехав в Париж, Волошин стал одним из самых деятельных сотрудников “Весов” на протяжении первого года их издания. Справедливо утверждение, что самое «существование “Весов” (...) неотделимо от имени и деятельности Волошина»⁴¹. Контакты с парижским литературно-художественным миром, направленные на привлечение в “Весы” французских живописцев, поэтов и критиков, – основная тема переписки Волошина с Брюсовым, особенно активной и конструктивно деловой в 1904 г.: более половины писем относятся к этому времени.

Обсуждая в Москве с Волошиным цели и характер будущего издания, Брюсов, естественно, говорил о тех французских поэтах, которых редакция “Весов” – согласно намеченной программе – намеревалась популяризировать. К ним относились в первую очередь начинатели и вожди французского символизма: Бодлер, Верлен, Малларме. Во Франции эти имена воспринимались на рубеже веков как общепризнанные; в России же их репутация была еще крайне неустойчивой. Огромным авторитетом обладали для Брюсова и французские символисты “второго призыва”, которые выступили в литературе в середине 1880-х годов и, сплотившись вокруг Малларме, считали себя его учениками и продолжателями. К этому поколению принадлежали, в частности, Ж. Мореас, Ж. Лафорг, С. Мериль, А. де Ренье, Ж. Ришпен, Ф. Вьеле-Гриффен и др. В России эти имена были тогда почти неизвестны. Особое внимание уделял Брюсов и бельгийским поэтам, также сформировавшимся в лоне символизма, – Верхарну и Метерлику. Перечисляя в письме к З. Гиппиус (1903 г.) современных художников, равных, по его мнению, “величайшим творцам всех веков”, Брюсов называет Верхарна, Вьеле-Гриффена и А. де Ренье⁴².

К тому времени, когда Волошин оказался в Париже в качестве корреспондента “Весов”, символизм во Франции как единая литературная школа уже перестал существовать: он распался окончательно вскоре после смерти Малларме (1898 г.). Однако еще в 1890-е годы в нем обнаружались центробежные тенденции, способствовавшие его быстрому разложению. Так, Жан Мореас, создатель “романской школы”, проповедует возврат к классицизму; Сен Жорж де Буэлье и другие “натюрлисты”, стремившиеся передать непосредственное чувство природы, открыто называют себя противниками символизма; наконец, поэты во главе с Рене Гилем, не порвавшие с позитивизмом, пытаются сформулировать принципы “научной поэзии” и осуществить их на практике. Истощение и перерождение символизма проявляется и в попытках взглянуть на это литературное движение ретроспективно; выходят в свет первые мемуары его участников (книги Г. Кана, А. Ретте и др.). Все эти имена и события, отразившиеся в переписке Брюсова и Волошина, попадают затем на страницы “Весов”.

К началу века один за другим прекращают свое существование многочисленные литературно-художественные символистские журналы. В 1903 г. закрывается “Revue blanche” – наиболее значительный из “маленьких журналов”, возникших в период расцвета символизма во Франции. Центром, пропагандирующим все новое в современном искусстве, остается журнал “Mercure de France”, возникший в 1890 г. как орган французских символистов. «Все живое, смелое, новое находит свое отражение на страницах “Mercure de France”, этого ветерана “маленьких revue”, пятнадцатый год отстаивающего права “нового искусства” во Франции», – отмечал Брюсов в “Весках”⁴³. Ежемесячные критические обзоры литературной, театральной, художественной жизни, которые печатались в “Mercure de France”, казались “весовцам” образцовыми. С редакцией этого журнала и пытались Брюсов и другие московские символисты – при помощи Волошина – установить контакты. Особенно заманчивой представлялась им идея склонить к участию в “Весках” некоторых постоянных авторов “Mercure de France”, прежде всего Реми де Гурмона, наиболее влиятельного из французских критиков символистской ориентации. Волошин с энтузиазмом берется выполнить эту задачу. В его переписке с Брюсовым постоянно мелькают имена Реми де Гурмона, Жана де Гурмона, Рашильд, Мокеля, Экаута, Ван Бевера – ведущих сотрудников “Mercure de France” в 1900-е годы. Благодаря Волошину между московским журналом и “Mercure de France” постепенно налаживаются деловые отношения: в 1904 г. постоянным сотрудником “Весов” становится Ван Бевер, позднее (в 1905–1908 гг.) – Жан де Гурмон. У Брюсова и Полякова завязывается переписка с этими писателями. В конце 1904 – начале 1905 г. с редакцией “Mercure de France” по рекомендации Волошина общается поселившийся в Париже М.Н. Семенов (в частности, с Р. де Гурмоном)⁴⁴. Брюсов же, со своей стороны, настойчиво тянется к сотрудничеству в этом авторитетном органе французских символистов. Не случайно “Весы” – явно из тактических соображений – пытались дезавуировать “русские письма”, которые систематически помещал в “Mercure de France” журналист Е.П. Семенов, стремившийся к достаточно полному освещению культурной жизни России. “Весы” же упрекали его в том, что он пишет “вяло и скучно”, а главное – сообщает французским читателям “исключительно факты из одного лагеря нашей литературы, причем такого, где в настоящее время истинная литературная жизнь отсутствует”⁴⁵.

По существу, Волошин выполняет в это время роль посредника между парижскими и московскими поэтами-символистами. Пытаясь привлечь тех или иных писателей к участию в “Весках”, Волошин одновременно связывал им о русской литературе, об изданиях “Скорпиона”, о московских символистах. Так, в начале 1904 г. на банкете в редакции журнала “La Plume”, посвященном Верхарну, Волошин подробно рассказывает бельгийскому поэту о Брюсове (п. 11). Позднее, в 1905 г., описывая годичный банкет в редакции того же журнала, Волошин упоминает о Метерлинке, который с интересом расспрашивал о Бальмонте и его путешествии в Мексику⁴⁶. Кроме того, из волошинского письма к Брюсову от 21 мая/3 июня 1904 г. (п. 39) явствует, что Бальмонт познакомился с Рене Гилем – видимо, не без участия Волошина и А.В. Гольштейн.

С Р. Гилем, писавшим для “Весов” на протяжении всего шестилетнего периода издания журнала, Волошин сошелся особенно близко, о чем свидетельствует их переписка⁴⁷. Примечательно, что в конфликте между Гилем и “Весами”, возникшем в конце 1904 г., Волошин решительно встал на сторону французского поэта⁴⁸. Кроме того, Волошин лично познакомился с такими поэтами, как А. Лакюзон, В. Литчфус, И. Рамбоссон, Садия-Левин. Особую главу в истории русско-французских литературных связей начала века образуют дружественные отношения Волошина и Брюсова с поэтами “Аббатства” (Р. Аркос, А. Мерсеро, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель и др.). Имена этих авторов постоянно появлялись на страницах “Весов”, их статьи и книги рекламировались в библиографическом отделе. Наряду с Р. Гилем, Ван Бевером и Ж. де Гурмоном, Р. Аркос печатал в “Весках” свои обзорные статьи – “парижские письма”. Сотрудничал в “Весках” – под псевдонимом Эсмер-Вальдор – и А. Мерсеро. Поэты “Аббатства” были по достоинству оценены Брю-

совым и Волошиным еще до того, как приобрели известность у себя на родине.

Точно так же способствовал Волошин и появлению в “Весак” имен нескольких французских художников-символистов, до этого почти неизвестных в России. Среди них следует в первую очередь назвать Одилона Редона. Тесно связанный с Малларме и его кругом, Редон казался Волошину наиболее характерным представителем французской символистской живописи. В январе 1904 г. Волошин вступает с Редоном в переговоры относительно сотрудничества в “Весак”, причем именно французскому художнику редакция (в лице С.А. Полякова) заказывает изготовление “символического знака” для журнала (этот замысел не был осуществлен). Благодаря материалам о Редоне, подготовленным Волошиным и появившимся в “Весак”⁴⁹, русский читатель смог впервые познакомиться с искусством этого оригинального мастера.

Вероятно, в московских разговорах Брюсова и Волошина в 1903 г. упоминался и Поль Гоген, чья неожиданная смерть на острове Таити в мае 1903 г. всколыхнула европейский художественный мир. Брюсов неоднократно напоминал Волошину о том, что “Весам”, по мнению редакции, следовало бы “поговорить о Гогене” (п. 10). Со свойственным ему точным художественным вкусом Брюсов безошибочно отделил Гогена от других современных живописцев, которых рекомендовал “Весам” Волошин. Однако статья Волошина о Гогене в “Весак” так и не появилась⁵⁰. Не писал Волошин в “Весак” и о таких крупнейших мастерах, как Ван Гог или Сезанн.

Наряду с Редоном Волошин горячо пропагандировал искусство “набидов” – художников группы “Les Nabis”. “Набиды” были своеобразным объединением, сложившимся в самом конце 1880-х годов. Ученики и последователи Гогена (в меньшей степени Пюви де Шаванна), “набиды” (по-древнееврейски – “пророки”) пытались создать свой собственный стиль, язык, ритуал, свою символику. Их группа представляла своего рода “орден”, объединявший немногих “посвященных”. К “набидам” принадлежали Дени, Серюзье, Боннар, Вюйар, Рансон, Руссель и некоторые другие, менее известные художники; к ним примыкали также график Валлотон, скульптор Майоль, руководитель театра “L'Oeuvre” Люнье-По и др.⁵¹ В 1890-е годы “набиды” группировались вокруг журнала “Revue blanche”. Увлеченные идеями Гогена о “синтетическом” искусстве, “набиды” стремились к созданию религиозно-символистской живописи. Их отличает тяготение к декоративности и “гобеленному” началу; огромное влияние на них (как впоследствии на Волошина) оказала японская графика. Своими отдельными чертами (мечтательность, музыкальность) живопись некоторых из “набидов” соприкасается с творчеством В.Э. Борисова-Мусатова и художников “Голубой розы”⁵². Однако к 1903 г. группа “набидов”, собственно, уже распалась⁵³. Не случайно в письмах к Брюсову, как и в статьях 1904–1905 гг., разбирая творчество Дени, Серюзье, Боннара, Вюйара и других, Волошин нигде не употребляет названия “набиды”, а говорит лишь о “группе десяти” (см. п. 11, прим. 5).

С представителями этой группы Волошин познакомился в начале 1904 г. через Редона⁵⁴. Однако привлечь этих художников к активному участию в “Весак” Волошину не удалось; лишь младший из “группы десяти” Шарль Лакост в какой-то мере откликнулся на приглашение Во-

РЕНЕ ГИЛЬ

Рисунок М.А. Волошина. 1910-е годы. Карандаш
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

лошина (его рисунки неоднократно воспроизводились в “Весях”). Весьма скромным было участие в “Весях” Дени и Боннара: виньетки для одного из номеров (1907, № 1). Другие “набиды” для “Весов” не работали вовсе. Зато приезжавший позднее в Москву Морис Дени стал одним из сотрудников “Золотого руна”: его участие в этом органе русских символистов было весьма заметным.

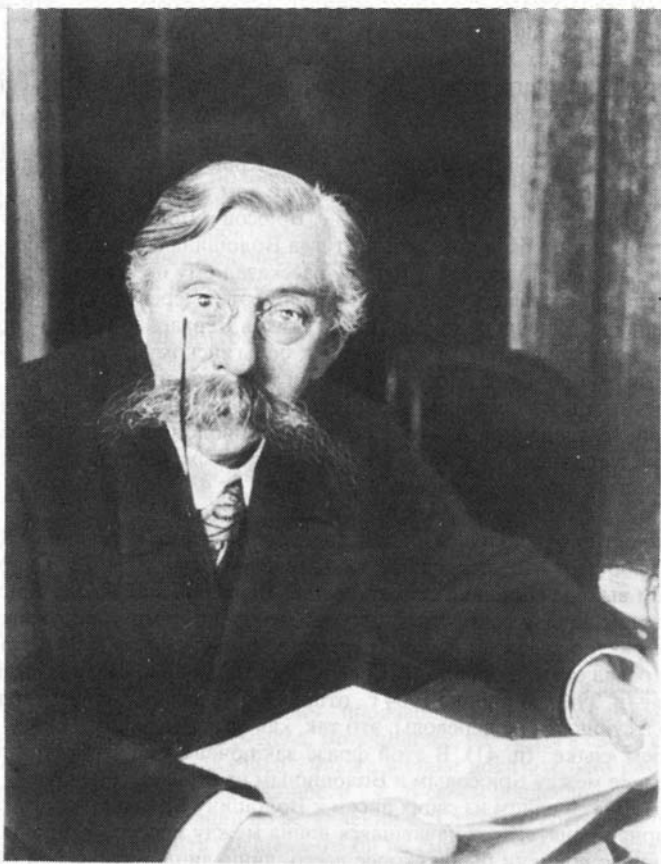
Таким образом, на страницах “Весов” были представлены прежде всего французская литература и живопись, связанные с символизмом и стилем “модерн”. Стремясь пропагандировать новые имена, “Весы” – и в этом немалая заслуга Волошина! – действительно знакомили читающую русскую публику со многими замечательными явлениями современной художественной жизни Франции. Однако, если говорить о французской культуре в целом, нельзя не признать, что в ее освещении со стороны “Весов” наблюдался известный перекося (то же самое происходило и при оценке английской, немецкой или скандинавской культур). Декларируя широту охвата и “внепартийность”, “Весы” и в этом аспекте своей деятельности были весьма тенденциозным и пристрастным органом, отличавшимся в ряде вопросов и субъективизмом суждений, и ограниченностью в выборе имен, оповещавшим, в сущности, лишь о созвучных и близких им явлениях литературы и искусства. Не случайно, что многие выдающиеся художники и произведения, не соприкасавшиеся с “новым искусством”, так и не попали в поле зрения “Весов”. Фиксируя подчас даже мелкие события, связанные с историей символизма, “Весы” почти не уделяли внимания иным явлениям французской литературы конца XIX – начала XX в. То же можно сказать и о французской живописи: Редон и “набиды” заслоняли в 1904–1906 гг. и художников-импрессионистов, и постимпрессионистов, и Матисса, и “фовистов” и др.

Постоянный эпистолярный диалог, который вели между собой Брюсов и Волошин в первые месяцы издания “Весов”, дает материал и для иных заключений, существенных для понимания программы журнала и механизма ее практического воплощения. Важно прежде всего подчеркнуть, что Брюсов – несмотря на то, что он еще не обладал большим опытом руководства журналом – вел себя как дальновидный и искусственный редактор, и эта особенность его деятельности весьма рельефно проступает в общении с Волошиным. Последний со свойственными ему энтузиазмом и самозабвенной увлеченностью готов был едва ли не целиком заполнить “Весы” французскими материалами. Брюсов же – хотя и он тянулся прежде всего к новейшей французской культуре – не соблазнялся самой возможностью публиковать произведения ведущих французских литераторов и сенсационностью имен, а взвешивал каждое волошинское предложение, принимал или не принимал его и вносил свои коррективы в зависимости от установленных тематических пропорций, определявших облик издания, учитывал прежде всего степень согласованности тех или иных материалов с программой и общим кругозором журнала, направленностью его интересов, с потребностями читателей “Весов”, как он их понимал. Безусловная новизна, сочетание информативной, содержательной стороны с “боевой”, полемической, пропагандистской направленностью, свежестью восприятия, свободой от шаблонов и предвзятых суждений – таковы были принципиальные требования Брюсова к критико-библиографическим материалам, и Волошин своими “письмами из Парижа”, печатавшимися в 1904 г. в “Весях” из номера в номер, им вполне удовлетворял. Те же требования, хотя и с известными оговорками, предъявлялись и к корреспонденциям французских авторов. Стоит отметить также, что Брюсов стремился канонизировать в журнале строгий, деловой стиль и не поддавался соблазну привлечь к “Весам” дополнительное внимание за счет легковесных развлекательных материалов. Характерно в этом отношении, что он отказался от предложения Волошина опубликовать сведения из “анекдотической истории французского символизма” и отрицательно отзывался об элементе “анекдотичности” в литературных мемуарах Адольфа Ретте (п. 26); по всей вероятности, это пристрастие к “анекдотичности” и вообще ко всякого рода курьезам, парадоксам, эффектным ассоциациям было для Брюсова одной из наименее привлекательных черт также и в натуре, и в творческих установках Волошина-критика.

При всем том Брюсов весьма дорожил сотрудничеством Волошина в “Весях” и в целом высоко ценил его критическое дарование. Об этом свидетельствует и отзыв Брюсова о творчестве Волошина, высказанный при их встрече в Москве 24 декабря 1904 г.; Волошин зафиксировал брюсовские слова в своем дневнике: “Я нахожу, что вы все-таки, может, совсем не поэт, а эссеист. Блестящий, может даже размеров Оскара Уайльда. Все, о чем Вы пишете, блестяще интересно и слишком закончено. Вы берете за горло прямо, а не вводите постепенно, как Верлен, Верхарн”⁵⁵.

Переписка между Брюсовым и Волошиным “весовского” периода дает возможность проследить и другую, весьма существенную линию их взаимоотношений, связанную с их многолетней работой по переводу произведений Верхарна на русский язык.

Первое упоминание о Верхарне содержится в волошинском письме от 13/26 января 1904 г.

Э. ВЕРХАРН

Фотография К. Буллы. Петербург, 1913
 Архив кинофонофото документов, Ленинград

(п. 11), в котором создается – при помощи лишь нескольких выразительных штрихов – литературный портрет бельгийского поэта; эта характеристика Верхарна углубляется затем в статье “Вернисаж Салона Независимых” (см. п. 11, прим. 13). Образ Верхарна, намеченный в письме от 13/26 января, сопровождает Волошина в течение многих лет. Наиболее развернутое и живописное изображение Верхарна дается в статье Волошина 1907 г., посвященной разбору брюсовских переводов. В ней подчеркнуты и обогащены именно те детали, которые поразили Волошина еще в 1904 г.:

“Верхарн... Когда его видишь в первый раз, то прежде всего бросается в глаза глубокая морщина, рассекающая его лоб, подобно двум широко распростертым крылам летящей птицы. Эта морщина – он сам. В ней его скорбь, его полет.

После замечаешь его глаза – голубые, бледные, иногда стеклянные, прозрачные, как талая вода.

Тонкий, пронизательный нос. Он очень длинен. Но это не придает несоразмерности лицу, только оттенок меланхолии.

Длинный белокурый, висящий ус. Длинные женские руки. Они нежны, сухи и всегда горячи.

В застенчивых и несмелых движениях чувствуется уединенность мечты и нежность сердца.

Портрет Риссельберга, приложенный к книге В. Брюсова, не похож. В нем нет самого характерного: глубокой морщины, подобной распростертым крылам летящей птицы” и т.д.⁵⁶

Наконец, спустя более чем десятилетие, вспоминая о своей последней встрече с Верхарном в марте 1916 г., Волошин вновь выделяет в облике бельгийского поэта “его висячие с сильной проседью усы, его старческой синевой голубые глаза <...> его лоб с трагической морщиной –

широкой и резкой, как два крыла птицы, собирающейся лететь {...}⁵⁷. Эта же характеристика перешла в предисловие к книге 1919 г., озаглавленное “Судьба Верхарна”⁵⁸. В январе 1904 г. Верхарн впервые узнает от Волошина о русском поэте Брюсове, страстном почитателе его творчества и переводчике его стихов. Впоследствии у Верхарна, как известно, установятся с Брюсовым тесные дружественные отношения: с 1906 по 1914 г. между ними продолжается оживленная переписка; они неоднократно встречаются друг с другом – и в Бельгии, и в России, куда Верхарн приезжал в ноябре-декабре 1913 г.⁵⁹ Кроме того, фраза в письме Волошина от 13/26 января 1904 г. (“Между прочим, говорил ему о том, что Вы собираетесь издать книгу его переводов...”) указывает на то, что уже в 1903 г. Брюсов и Волошин вели разговор о Верхарне, о его поэзии. Вероятно, Брюсов познакомил тогда Волошина со своими переводами из Верхарна, которыми он занимался начиная с 1896 г., рассказал ему о своих творческих планах, в том числе о своем желании составить отдельный сборник этих переводов. В начале 1904 г. выходит в свет переизданная в “Mercure de France” книга стихов Верхарна “Города-спруты”, которая, по словам Брюсова, возвращает ему “всю любовь к бельгийскому поэту” (п. 26). Брюсов переводит несколько стихотворений из этого сборника и тогда же, в марте 1904 г., обращается к Волошину с конкретным предложением – выпустить в издательстве “Скорпион” стихи Верхарна отдельной книгой, составленной из его собственных и волошинских переводов. Видимо, количество переводов, выполненных к тому времени Брюсовым, было недостаточным для издания их в виде отдельного сборника (в письме к Волошину от 4/17 марта Брюсов перечисляет лишь девять переведенных им стихотворений Верхарна).

Волошин радостно откликнулся на предложение Брюсова. В течение 1904–1905 гг. оба поэта интенсивно работают над переводами; в объявлениях издательства “Скорпион” оповещается о предстоящем выходе сборника стихотворений Верхарна в переводе Брюсова и Волошина. Однако уже в самом начале совместной работы между поэтами обнаруживается расхождение во взглядах на характер художественного перевода. В конце марта 1904 г. Волошин признается Брюсову, что перевел стихотворение “К Северу”, поскольку оно ему представилось “в ином виде”, чем Брюсову (п. 29)⁶⁰. А в июле 1904 г., отправляя Брюсову свои переводы, Волошин уточняет, что “...это в сущности не переводы, это так, как если бы, закрыв книгу, *вспомнить* стихотворение на своем языке” (п. 41). В этой фразе заключено уже зерно той полемики, которая развернется позднее между Брюсовым и Волошиным на страницах печати.

В сентябре 1904 г. в одном из своих писем к Волошину Брюсов говорит о том, что изданию сборника Верхарна препятствует начавшаяся война между Россией и Японией. Однако ссылка на события военного времени была, скорее всего, лишь дипломатической отговоркой. Можно предположить, что знакомство с волошинскими переводами сразу же вызвало у Брюсова ряд резких и принципиальных возражений. Во всяком случае упоминания о совместном издании полностью исчезают из его писем. От прямой критики волошинских переводов Брюсов некоторое время воздерживается, не желая, видимо, обострять отношения с парижским корреспондентом “Весов”. Лишь после того, как Волошин публикует два своих перевода – “Казнь” (у Верхарна – “Голова”) и “Человечество” с подзаголовком “Воспоминание из Верхарна”⁶¹, – Брюсов открывает полемику. В анонимной заметке “О Максе Волошине и древнем змее”⁶² он подвергает критическому анализу волошинский перевод стихотворения “Казнь”, упрекает переводчика в непонимании смысла французских слов и незнании грамматических форм, а также иронизирует по поводу волошинского метода стихотворного перевода. Одновременно, явно желая противопоставить волошинскому подходу к поэзии Верхарна свой собственный, Брюсов переводит то же самое стихотворение (“Голова”) и печатает его среди других своих переводов из Верхарна⁶³. Инициативу в этом начинании проявил редактор “Журнала для всех” В. С. Мировлюбов, писавший Брюсову 14 августа 1905 г.: «А я все жду от Вас Верхарна. Не забудьте. Прочитал сейчас в “Руси” перевод Волошина и подумал, как бы хорошо, если бы перевел это Брюсов!»⁶⁴ 19 августа Брюсов отвечал: «Предлагаю Вам два стихотворения, из которых одно было переведено (в “Руси”) М. Волошиным и, Вы правы, действительно из рук вон плохо»⁶⁵. Сопоставление двух переводов одного стихотворения выявляет принципиальное различие двух методов поэтического перевода⁶⁶, о чем вскоре и завязывается теоретический спор между Брюсовым и Волошиным. Существо полемики изложено в двух статьях: предисловии Брюсова к его книге переводов из Верхарна⁶⁷ и рецензии Волошина на эту книгу⁶⁸.

Разделяя все переведенные им стихотворения Верхарна на две группы (ранние, переведенные до 1904 г. и более удаленные от подлинника, с одной стороны, и новые, в которых “каждый русский стих соответствует французскому, почти каждому образу в подлиннике – образ в переводе” – с другой), Брюсов подчеркивает, что он в обоих случаях стремился “давать именно переводы, а не пересказы пьес Верхарна”. Далее, перечисляя особенности своей переводческой манеры, Брюсов сообщает читателям, что “нигде дух подлинника не принесен в жертву бук-

вальности" и что "всегда сохранен основной замысел автора"⁶⁹. Таким образом, Брюсов выступает как сторонник строгого и точного ("академического") перевода, но притом решительно отказывается от буквальности в пользу художественности⁷⁰.

На противоположных позициях находился Волошин, рассматривавший перевод как сугубо оригинальное творчество или по меньшей мере сотворчество. Цитируя в своей статье-рецензии приведенную выше декларацию Брюсова, Волошин восклицает: "Я протестую против каждого слова, сказанного здесь". Далее Волошин разъясняет, что хороший стихотворный перевод – "чудо, неизъяснимое для самого переводчика (...) Стихотворный перевод не есть точное изложение и передача художественного произведения на другом языке, а приобщение самому творческому акту, создавшему это произведение. Если есть это приобщение, то чудо совершается. Ни одного стихотворения нельзя перевести, но многое можно создать еще раз на своем языке. Приобщение творческому акту дает великие и безусловные права над переводимым стихотворением, так как поэт, сотворяющий другому поэту и располагающий сокровищами другого языка, находит в них далеко не тождественные, но равносильные, равноценные образы и слова. (...) Тут раскрывается область безграничного произвола, находящего оправдание только в сопричастии творчества"⁷¹. Эту точку зрения на перевод Волошин продолжал отстаивать и в последующие годы. Так, зимой 1912/1913 г. в письме к М.В. Сабашникову Волошин подчеркивал, что его задача как переводчика заключается в том, "чтобы настолько усвоить себе стиль и манеру автора, чтобы не переводить, а писать так, как должен был бы писать он сам, если бы писал по-русски". Протестуя против "буквализма", Волошин пояснял далее, что всегда старается "найти не точное, а равносильное"⁷². Наконец, в "Предварении о переводах", написанном в 1917 г., Волошин вновь категорически заявляет: "Стихотворный перевод не может быть точным"⁷³.

Следует заметить, что провозглашаемые Брюсовым и Волошиным принципы поэтического перевода далеко не всегда подтверждались их собственной переводческой практикой. На примере стихотворения "Казнь" Брюсов в заметке "О Максе Волошине и древнем змее" убедительно показал, что склонность к творческому "произволу" может обернуться при переводе стихов элементарным пренебрежением смысла. Волошин же, разбирая в своей статье-рецензии брюсовский перевод стихотворения "Кузнец", также вполне доказательно демонстрирует его погрешности и отступления от принципа "точности". «...В своем предисловии, – замечает Волошин, имея в виду брюсовские декларации во вступлении к "Стихам о современности", – Брюсов обещал слишком много, и выполнить обещанного он не смог»⁷⁴. Это расхождение с собственными теоретическими установками представляется вполне естественным: оно было вызвано и у Брюсова, и у Волошина прежде всего особенностями переводческой работы, заложенными в ней самой противоречивостью и двойственностью. Показательно, что Брюсов в "постскриптуме" к статье Волошина, защищая свои принципиальные позиции, в то же время признал обоснованными многие частные упреки, сделанные в адрес его переводов, и пришел к выводу: «Мне даже кажется, что я, скорее, вправе гордиться критикой г. Волошина, который среди моих переводов насчитал семь стихотворений, в которых совершилось "чудо причащения творчества иного поэта". В одной книге совершить семь чудес, – это, право, не так мало!»⁷⁵

"Теоретически спор Брюсова и Волошина неразрешим", – заявляет современный исследователь⁷⁶. Однако, оценивая полемику Брюсова с Волошиным в более широкой исторической перспективе, следует признать, что последующее развитие русского стихотворного перевода пошло, скорее, по брюсовскому пути, тогда как волошинский романтический подход к переводу как к "чуду", т.е. интуитивному постижению подлинного "лика" переводимого автора, не нашел большого числа приверженцев. Достижения советской школы художественного перевода связаны именно с умением преодолевать материал, бороться с трудностями, соблюдать принцип эквивалентности, добиваться "точности", т.е. со всем тем, к чему призывал Брюсов еще в 1905–1906 гг. Характерно, что и в 1906 г. большинство рецензентов, в отличие от Волошина, расценивали "Стихи о современности" как значительную творческую победу Брюсова-переводчика⁷⁷. В то же время и многие стихотворные переводы Волошина воспринимались как удачные и даже образцовые⁷⁸.

Полемика Брюсова и Волошина со временем затихает, хотя и не прекращается полностью. Продолжая выступать в печати со статьями о Верхарне и переводить его произведения на русский язык, ни тот, ни другой не обсуждают в последующие годы проблемы перевода. Так, в 1915 г., выпуская в свет новое издание стихотворений Верхарна в своем переводе⁷⁹, Брюсов существенно перерабатывает стихотворные тексты, расширяет и уточняет предисловие к книге. Особенно сильно изменен заключительный раздел предисловия, который в книге "Стихи о современности" был почти целиком посвящен принципам перевода. Однако в издании 1915 г. о технике и сути переводческого дела не упоминается вообще. То же можно сказать и о послед-

нем, четвертом издании брюсовских переводов из Верхарна⁸⁰. В завершающем книгу “Примечании переводчика” Брюсов ничего не говорит о своем методе. Более того, упомянув несколько стихотворений, где он “не был вполне удовлетворен переводом с точки зрения точной передачи всех оттенков мысли и всех особенностей формы”⁸¹, Брюсов называет и поэму “Кузнец”, подвергнушую в свое время суровой критике со стороны Волошина. Носивший в 1906–1908 гг. сугубо принципиальный и теоретический характер, спор о переводе постепенно сужается до более частного вопроса – переводить ли Верхарна рифмованным или свободным стихом. Но и в этом вопросе и Брюсов, и Волошин занимают теперь менее жесткие позиции. 7 сентября 1917 г. Волошин спрашивает Брюсова, действительно ли он изменил свой взгляд “на необходимость исключительно рифмованных переводов Верхарна” (п. 78). Волошин также допускает отступления от своего правила переводить Верхарна вольно (свободным стихом, без рифм и т.д.). В “Предварении о переводах” (1919) он упоминает о трех вошедших в книгу стихотворениях Верхарна, перевод которых он ранее выполнил “по поручению”, соблюдая “и рифму, и размер, и точность содержания”. В этом случае, объясняет Волошин, ему пришлось пойти на то, что он теоретически отрицает, “но что требуется современным вкусом от переводчика”⁸².

Ослабление взаимной критики создавало для обоих поэтов предпосылки их нового сотрудничества, о чем и писал Волошин Брюсову 7 сентября 1917 г. Не исключено, что свидетельством наметившегося сближения была также маленькая книжка Верхарна, изданная в Москве в 1917 г.; в нее вошли четыре стихотворения бельгийского поэта: два в переводе Волошина (“Горрод-спрут” и “Ноябрь”) и два – в брюсовском (“Восстание” и “Мятеж”). Предисловие было написано Волошиным⁸³. Однако дальнейшая совместная работа над собранием сочинений Верхарна не осуществилась (см. п. 78, прим. 2).

Следы многолетней дискуссии вновь проступают в рецензии Брюсова на изданную Волошиным в 1919 г. книгу переводов Верхарна. Анализируя некоторые издания Верхарна и о Верхарне, появившиеся на русском языке в 1918–1919 гг., Брюсов высказывает Волошину-переводчику прежние упреки: “...иные переводы М. Волошина не более как вольный пересказ. Ряд стихотворений переведен без рифм, что изменяет, даже искажает самую форму оригинала. К сожалению, переводчик, пожертвовав рифмой, не заменил этого недостатка точностью передачи. Целый ряд мест в нерифмованных переводах остается вольным и не всегда верным пересказом французского текста”⁸⁴.

Диалог Брюсова и Волошина о Верхарне касался не только способов переложения его стихов на русский язык. Другой, и притом не менее важный аспект полемики, был связан с осмыслением творчества Верхарна, с интерпретацией его поэзии. Для Брюсова бельгийский поэт всегда оставался “Дантом современности”⁸⁵, выразителем “современной мировой жизни”⁸⁶. Брюсов настойчиво стремился открыть русскому читателю злободневность поэзии Верхарна, соотнести ее с событиями в России, особенно в 1904–1906 гг. (стихотворения “Голова”, “Мятеж”, “Восстание”, “Кузнец” и др.). В работах Брюсова о Верхарне, относящихся к последним годам его жизни, встречаются чрезвычайно точные обобщающие характеристики бельгийского поэта. “...Поэзия Верхарна, – пишет Брюсов в 1920 г., – была истинной предтечей великих переворотов, переживаемых нами в наши дни. Только теперь после опыта Великой войны и последовавших социальных революций стало вполне понятно значение этой поэзии (...) то был беспощадный анализ европейской буржуазной культуры накануне ее падения”⁸⁷. Величие Верхарна Брюсов видел в том, что поэт “возвышался до подлинной любви к человечеству (...) был поэтом Человека вообще”⁸⁸.

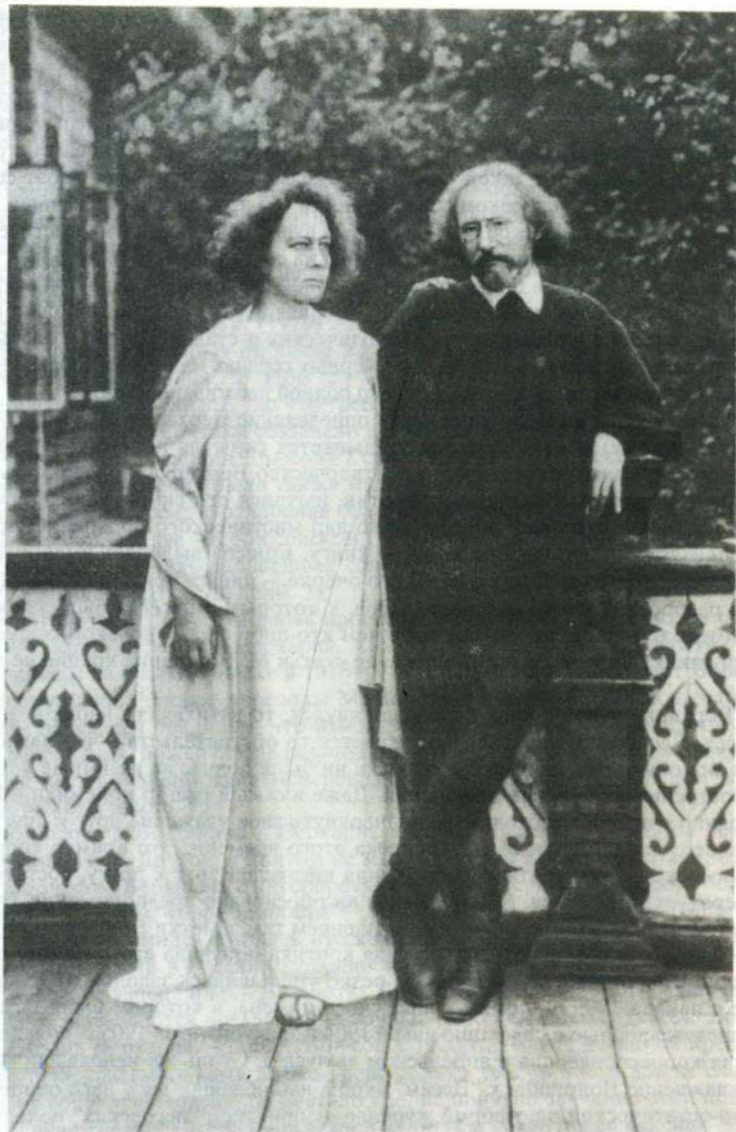
Иной была точка зрения Волошина – хотя и он признавался, что, переводя верхарновские стихотворения “Человечество” и “Казнь”, “думал об России и об Революции (...) это должно было сказаться”, и что переводом “Казни” стремился выразить “сознание священной неизбежности казни царя”⁸⁹. Брюсовское восприятие Верхарна преимущественно как поэта современности казалось ему недостаточным или просто неверным. Возражая против названия книги “Стихи о современности”, Волошин писал: «Заглавие это выражает ту черту, которая пленила Брюсова в Верхарне, но совершенно не самого Верхарна, который именно настоящего, современного совершенно не чувствует. Он исходит из видимого и текущего, но всем своим духом живет только в прошлом и в будущем. Настоящее для него только символ, прообраз, что и служит истоком его грандиозных метафор. (...) Окружающая его действительность походит на алфавит каких-то чудовищных гиероглифов, скрытых в каждой вещи. Это пророчесственное состояние духа никак нельзя назвать современным, а истолкованные пророчествования, в которых Верхарн старается прочесть тайны этих гиероглифов, – “стихами о современности”. У нас Верхарна слишком много и упорно рекламировали как поэта социального, с добрым желанием, конечно, сделать ему хорошую репутацию в русской публике. И уже по одному этому заглавие переводов “Стихи о современности” неприемлемо»⁹⁰.

Впоследствии – в связи с разразившейся мировой войной – Волошин углубляет и уточняет свое истолкование Верхарна. Теперь он отказывается от попытки поставить Верхарна вне современной жизни. Напротив, Верхарн для него – “первый из европейских поэтов, подошедший в упор к современности. (...) Как и в своем творчестве, так и в своей судьбе он явился всеевропейским поэтом, в наибольшей полноте отразившим свою эпоху”⁹¹. Однако испытания современностью Верхарн, по мнению Волошина, не выдержал. “Современность раздавила и растерзала его на части”. Чем же объясняется такой парадокс? Оказывается, что «этот “поэт современности” меньше, чем кто-либо, был человеком современности (...) этот свободомыслящий и научный ум, каким он сам хотел быть, нес в себе средневековую душу, благочестивую, мистическую, смиренную и буйную. (...) Никто из европейцев не смотрел на современность оком более пророчесственным, и никто не бывал поражен более пророчесственной слепотой»⁹². В другой статье, посвященной книге Верхарна “Окровавленная Бельгия”, уточняя эту же мысль, Волошин называет Верхарна “апокалиптическим провидцем тех диаволических и стихийных сил, которые скрывались за формами европейской жизни и клокотали в черных сердцах машин”, и добавляет, что мировая война, предсказанная поэтом, оказалась для него полной неожиданностью⁹³.

В настойчивом желании Волошина найти определение Верхарну как “современному” (вернее, антисовременному) поэту без труда угадывается скрытая полемика с Брюсовым. Если Брюсов всячески стремится актуализировать творчество Верхарна, подчеркнуть его действенный жизненный смысл, то Волошин, напротив, пытался его спиритуализировать. Говоря о бельгийском поэте, он отмечает прежде всего дар мистического прозрения, провидения. Не случайно, рецензируя изданную Волошиным книгу, Брюсов выделяет именно этот момент в волошинской интерпретации Верхарна. «В его очерке, – пишет Брюсов по поводу предисловия Волошина, – разбросано несколько парадоксов, к которым он всегда был склонен, напр., что Верхарн, “этот поэт современности, меньше чем кто-либо был человеком современности” (...) За пределами таких парадоксов все содержание статьи М. Волошина крайне не ново и не оригинально»⁹⁴.

Спор о Верхарне и принципах перевода тянулся, то затихая, то вновь возгораясь, около пятнадцати лет. Весьма примечательным является то обстоятельство, что разногласия между Брюсовым и Волошиным – какими бы резкими ни были подчас их взаимные упреки – никогда не вели к обострению их личных отношений. Даже в самый разгар полемики и Брюсов, и Волошин постоянно считали необходимым подчеркнуть свое уважение друг к другу, чему убедительным подтверждением служит их переписка этого времени. Это пример корректного, внимательного, высокоинтеллектуального отношения писателей друг к другу, достаточно редкий в истории литературной критики. Поэтому едва ли обосновано предположение, будто Волошин стал меньше писать для “Весов” в связи с появлением там заметки Брюсова о его переводах из Верхарна⁹⁵. Маловероятно, чтобы брюсовская критика побудила его к такому решению; ведь степень участия Волошина в делах журнала резко уменьшилась задолго до появления этой заметки – еще с начала 1905 г. (помимо январского номера, в котором были помещены статьи Волошина, представленные в редакцию еще в 1904 г., в журнале за 1905 г. появилась всего одна его парижская корреспонденция в апрельском выпуске). Столь же неправдоподобны попытки объяснить охлаждение Волошина к “Весам” якобы наблюдавшимся у него общим разочарованием в идейно-эстетической платформе журнала, неприятием “весовских” политических позиций в дни революции 1905 г., стремлением к сотрудничеству в периодике демократического направления и т.п.⁹⁶ – на деле мы не располагаем никакими весомыми фактами и аргументами, на основании которых правомерно было бы делать столь ответственные выводы.

Причин отхода Волошина от деятельного сотрудничества в “Весак” было несколько. Первая и наиболее “внешняя” из них – активное участие Волошина в петербургской газете “Русь”, где его парижские фельетоны были встречены сочувственно и охотно печатались (а постоянные публикации в газете были для Волошина, вынужденного все время заботиться о заработке, гораздо более весомым финансовым подспорьем, чем эфемерные гонорары, которые могли выплачивать малотиражные “Весы”). Согласившись в ноябре 1904 г. стать штатным парижским корреспондентом “Руси”, Волошин фактически всю свою журналистскую энергию употребил на эту работу. Не способствовали продолжению деятельного сотрудничества в “Весак” и обстоятельства личной жизни Волошина. В 1905 г. Волошина захватила любовь к М.В. Сабашниковой, и напряженная духовная жизнь, во многом обусловленная этим чувством, поглощала буквально все его существо, почти не оставляя внутренних сил для исполнения принятых им на себя корреспондентских обязательств. Наконец, в 1906 г. определилась и еще одна немаловажная причина, объяснявшая отдаление Волошина от брюсовского журнала, – сближение его с возглавлявшимся Вячеславом Ивановым кругом петербургских модернистов, который в общей системе “нового искусства” в России постепенно оформлялся в отдельную фракцию.

В.И. ИВАНОВ И Л.Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ

Фотография. 1907

Литературный музей, Москва

Познакомившись с Вяч. Ивановым в Женеве в августе 1904 г., Волошин был всецело покорен его умом, талантом, образованностью и, главное, совпадением многих собственных размышлений и духовных интуиций с философско-эстетическими концепциями Иванова, сложившимися в стройную и в то же время не догматическую систему. Волошина сильно волновала тогда религиозно-мистическая, оккультная, теософская проблематика, и в этой сфере он обрел в лице Иванова заинтересованного собеседника. Когда Волошин после женитьбы в апреле 1906 г. на М. Сабашниковой решил обосноваться на постоянное жительство в России, то местом обитания – после того как в сентябре-октябре 1906 г. провел несколько недель в Москве – он решил избрать Петербург, и прежде всего потому, что там жил Вяч. Иванов. Сравнивая творческую атмосферу, царившую на “башне” Вяч. Иванова в Петербурге, с той, которую он ощутил на этот раз в “Скорпионе” и “Весакх”, Волошин сделал вывод отнюдь не в пользу последней. В сентябрьских письмах 1906 г. он настойчиво склонял жену к принятию решения поселиться в Петербурге, рядом с Ивановым и близким ему кругом поэтов и литераторов: “...самое

сильное из всех впечатлений – это стихи молодых поэтов: Городецкого и Кузмина. У меня нет возможности описать их. Но я почувствовал, что это целое художественное событие в моей жизни. Я так почувствовал затхлость и ложность Москвы и моск(овских) поэтов. Надо жить в Петербурге. (...) Я через неделю вернусь в Москву, и мы поедем вместе в Петербург. Только здесь можно работать”. В другом письме он утверждал с еще большей определенностью: “Духовно же: здесь В. Иванов. Я тебе не могу сказать, как меня поразила и потрясла вся художественная атмосфера и какое впечатление на меня произвели стихи Городецкого и Кузмина. После того мертвого впечатления, которое производит Брюсов и Скорпион, – это как ключ живой воды, это новый родник поэзии – самобытный, простой, лишенный всяких вычур...”⁹⁷. “Я чувствую, что здесь в Петербурге начнется совсем новый период жизни и творчества для меня”, – писал Волошин⁹⁸; и Вяч. Иванов укреплял его в этом убеждении, обрисовывая перспективы, которых, по его мнению, уже не могла открыть “скорпионовская” поэтическая школа⁹⁹.

Несколько месяцев спустя, уже весной 1907 г., Волошину суждено будет пережить глубокое разочарование в своих надеждах, осложнение отношений с Ивановым, а затем и постепенный отход от его петербургского окружения. Однако эта новая перемена не повлекла за собой вторичного сближения Волошина с Брюсовым и “Весами”. Общение поэтов стало эпизодическим и малосодержательным. “Приезжал (...) Макс, но я видел его лишь мельком”, – писал Брюсов 8 марта 1907 г. К.И. Чуковскому¹⁰⁰; столь же скупы и отзывы Волошина о новых и чаще всего случайных встречах с Брюсовым. В то время, когда происходила поляризация внутрисимволистских сил вокруг двух центров, “московского” и “петербургского”, – “Весов” во главе с Брюсовым, с одной стороны, и издательство “Оры” во главе с Вяч. Ивановым – с другой, – и между этими центрами разгорялась ожесточенная полемика по поводу “мистического анархизма” и идеи преодоления старого, “индивидуалистического” символизма, Волошин воспринимал в орбите влияния петербургской фракции. И хотя Волошин никакого участия в полемической кампании не принимал, хотя к содержанию и самому ходу ее относился резко отрицательно (“В литературе отравленная атмосфера воспаленных самолюбий”¹⁰¹) и по сути своей литературской психологии не был склонен к “боевым действиям” подобного рода (“Всякое соперничество мне глубоко противно, и если оно возникает, то я спешу уступить место и удалиться совсем”, – писал он позднее С.К. Маковскому¹⁰²), самая близость его к “Орам” не способствовала возобновлению прежнего деятельного сотрудничества в “Весках”. В разгар полемики, весной 1907 г., Волошин уехал в Крым, где прожил более полугода в уединении Коктебеля¹⁰³.

Резкие переходы от одной формы творческой деятельности к другой были в целом весьма характерны для Волошина, который сам сознавал, что живет “периодами”, наступающими спонтанно и зачастую связанными с кардинальной переменой круга интересов, сферы общения, места жительства и т.д. Ближайшее сотрудничество в “Весках” также оказалось для Волошина лишь определенным периодом его внутренней жизни, в которой вскоре возобладали иные устремления. Проявлявший искренний и горячий интерес к самым различным областям культурной деятельности, Волошин в среде русских последователей “нового искусства” был фигурой по-своему уникальной: он объединял в себе безусловное принятие символизма как суверенного литературно-эстетического направления, адептом которого был Брюсов, с символизмом “теургического”, универсалистского склада, который отстаивал Вяч. Иванов. Так, в начальный период своего общения с Брюсовым, в 1903–1904 гг., Волошин бесспорно находился под сильным влиянием личности Брюсова и его поэзии и всецело разделял те общие положения и принципы, которые культивировались в кругу “Скорпиона”: индивидуалистическое мироощущение, ориентация прежде всего на французские образцы символизма, пафос творчества для немногих “посвященных” и т.д. Вполне естественно поэтому, что в первый год существования “Весов” он выполнял свою роль парижского корреспондента журнала. Однако революционные события 1905 г., способствовавшие выявлению двух противоборствующих тенденций внутри русского символизма, произвели также существенный сдвиг во внутреннем мире Волошина. Подпав под влияние Иванова, выдвигавшего концепцию преодоления индивидуализма на путях религиозной “соборности” и видевшего именно в России возможности для осуществления своих мифотворческих идей, Волошин начинает пристальнее вглядываться в события, происходящие в общественной и культурной жизни России, писать о них. И несмотря на то, что в личных отношениях Волошина с Ивановым в 1907 г. наметился кризис, система ценностей, которую отстаивал вождь “петербуржцев”, оказывалась для Волошина более близкой и притягательной, чем позиция московских символистов, группировавшихся вокруг “Скорпиона”. Этот новый уклон Волошина проявился в ряде его стихотворений и статей – например, “Индивидуализм в искусстве”¹⁰⁴ и “Золотой век”¹⁰⁵, – которые по своим идейным установкам уже никак не отвечали духу “Весов”.

Отчуждение от “Весов” не отразилось, впрочем, на общей оценке Волошиным творчества Брюсова, которого он продолжал считать одним из самых значительных писателей своего вре-

мени. Среди набросков Волошина о современной русской поэзии имеется недатированная запись: «1900 годы. Брюсов. Бальм(онт). В. Иванов. – Воля, чувство, мысль»¹⁰⁶. Брюсов, таким образом, выделяется как один из трех авторов, определяющих поэтическую эпоху; «воля», по убеждению Волошина, – характернейшая черта его творческого облика. В заметках о литературных достижениях 1907 г. Волошин записывает: «Брюсов пришелся в уровень века. Толпа подошла к нему. Он уже авторитет и неприкосновенен. Это не уменьшает его достоинств. Он достиг высшего предела совершенства и отчетливости в стихе и в прозе. (Огненн(ый) Ангел. Город.). Он подводит итоги своей молодости и своим исканиям. Он в той прекрасной поре сил, когда друзья могут без страха наносить ему удары, и он будет крепнуть»¹⁰⁷. Чрезвычайно высоко ценил Волошин печатавшийся тогда в «Весах» роман Брюсова «Огненный Ангел»¹⁰⁸. Много позднее, в 1932 г., он отметит: «"Огненного Ангела" считаю самым удачным произв(едением) Брюсова»¹⁰⁹. Еще в конце 1906 г. Волошин задумал написать о Брюсове обобщающую статью и ожидал как повода для этого только выхода в свет какой-либо его новой книги. Такой повод представился, когда в конце 1907 г. увидел свет 1-й том собрания стихотворений Брюсова «Пути и перепутья».

Статья Волошина «Валерий Брюсов. "Пути и перепутья", том 1 собрания стихов», опубликованная в газете «Русь» 29 декабря 1907 г., дает чрезвычайно высокую оценку художественным достижениям поэта, подчеркивает непреходящее историческое значение его в деле канонизации новых эстетических принципов. Но эта статья – отнюдь не панегирик: Волошин предлагает свою концепцию творческой деятельности Брюсова, концепцию, что могла показаться, в особенности при учете обстоятельств внутрисимволистской полемики, рискованной и даже двусмысленной. Не случайно основная идея этой статьи определилась у Волошина под впечатлением от тех известий об участии Брюсова в «литературных ненавистях» текущего дня, которые привезла в Коктебель А.Р. Минцлова. Занос 20 сентября 1907 г. в дневник сведения о ходе полемики между «Москвой» и «Петербургом» и об участии Брюсова в ней, Волошин замечает: «Мне хотелось бы написать о Брюсове маккиавелическую книгу: «"Поэт". Апофеоз воли и честолюбия. Это характер и фигура, вылитые из бронзы Итальянского ренессанса. Я ему удивляюсь и не возмущаюсь. Я люблю гибким совершенством и уверенностью его тигриных ударов и выпадов»¹¹⁰.

«Брюсов не поэт-мечтатель, – в сходном духе утверждает Волошин в печатном тексте своей статьи, – от которого мир заслонен скользящими очертаниями его грезы, как Блок; не поэт-чародей, который прикосновением золотого жезла преображает и заставляет звучать окружающие вещи, как Бальмонт; не поэт-иерофант, ведающий тайны и откровения древние и новые, и лишь немногих допускающий в святилище свое, как Вячеслав Иванов; Брюсов поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов, основатель самодержавий». Менее всего критик стремится скомпрометировать этой характеристикой Брюсова как художника. В осуществлении заданного призыва, в «римских», имперских, волевых мотивах и творческих устремлениях Волошин обнаруживает всю полноту и цельность его поэтической индивидуальности: «Знаменательна эта привязанность Брюсова к Риму. В ней находим мы ключи к силам и уклонам его творчества. Ему чужды изысканный эстетизм и утонченные вкусы культур изнеженных и слабеющих. В этом отношении никто дальше, чем он, не стоит от идеи «декадана» в том смысле, как его понимали и признавали себя «декадентами» Маллармэ и его группа. Брюсов всегда предпочтет бой гладиаторов в Колизее зрелищу трагедии Софокла в театре Диониса. Ему не выгнуть в стихе овала хрупкой глиняной вазы, тонкою кистью не расписать ему черным по красному легких танцующих фигур. Но он может высокой дугой вознести свой стих – вечный, как римский свод. Он строит широко и крепко. Строфы его поэм, как аркады акведуков, однообразные и стройные, тянутся до далеких горизонтов, и стрелы его военных дорог, мощными широкими мраморными плитами, лучатся по всем покоренным странам и временам».

Стремление к власти, к волевою утверждению собственной личности Волошин пытается распознать во всех аспектах творческой деятельности Брюсова – и в дерзновенных ранних поэтических опытах, когда он должен был давать отпор «яростным свисткам», «ненависти в публике» и выносить на своих плечах «всю несправедливость и тяжесть борьбы»; и в трактовке любовной темы («Он не перейдет на высшую ступень по отношению к женщине и любви. Женщина останется для него навсегда протитуткой (Священной жрицей), а любовь судорогой сладострастия (Ложем пытки). Но, не подымаясь вверх, он бесконечно углубит эти явления жизни и свяжет их с биением мировой жизни»); и в зрелом творчестве, в котором он, предчувствуя «свою грядущую победу над современностью», вызывает тени Ассаргадона, Александра Македонского и Наполеона, проходит «школу римского легионера, ландскнехта и конкистадора»; и в самом движении «от грубых стихотворных опытов юности к нынешнему совершенству форм»; и в литературной политике текущего дня. В характере руководства «Весами» также, по

мнению Волошина, с наглядной отчетливостью сказывается эта определяющая черта личности Брюсова:

«Свою империю, которую он волен сделать всемирной, он строит в области Слова и Мечты. Но это не меняет римских приемов его завоевательной политики. В покоренных областях он вводит гражданственный строй, и на страже его законов стоит беспощадно карающий ликтор ("Весы").

Но в императоре, грядущем свои законы на бронзовых таблицах, живет грубый солдат-легионер. Отсюда, даже в самых совершенных произведениях его, то особое отсутствие художественного вкуса, то особое римское безвкушие, свойственное эпохам Цезарей и Наполеонов.

Отсюда и то замечательное явление, что в понимании любви он не может стать выше центуриона, приехавшего в Рим из далекого лагеря, ландскнехта, вступившего в покоренный город, или моряка, на короткие часы сошедшего на землю в большом средиземном морском порту. Именно за этими лицами любит он прятать свое лицо, повествуя о любви.

Тот же римский дух сказывается в его литературных отношениях, в его борьбе за первенство в русской поэзии. Он составляет "триумvirаты" (Бальмонт, В. Иванов, Брюсов), между которыми делит мировое владычество (см. все посвящения и послания к этим поэтам), он же начинает гражданские войны и ведет борьбу против других триумвиров. В "Urbi et Orbi" и в "Stephanos" в целых отделах сказывается эта борьба за первенство сперва с Бальмонтом, потом с Вячеславом Ивановым»¹¹¹.

Как и в других своих очерках, печатавшихся под рубрикой "Лики творчества", Волошин и в статье о Брюсове касался не только литературных произведений анализируемого автора, но и стремился передать свои впечатления от внешнего облика поэта, а также сообщал сведения, почерпнутые из личных разговоров с ним. В своих критических этюдах Волошин, кроме того, пытался воссоздать синтетический образ писателя и для этого считал необходимым иметь непосредственные, в том числе визуальные, представления о нем (ранее Волошин уже воспроизвел своеобразный портрет Брюсова в статье о книге А. Блока "Нечаянная Радость"¹¹²). Однако именно этот аспект волошинской статьи послужил Брюсову поводом для протеста в связи с ее публикацией, который он, стараясь не обидеть Волошина, направил непосредственно ему же для последующего помещения в "Руси" (см. п. 70). Брюсов заявил, что считает недопустимым излагать в печати обстоятельства его жизни и воспроизводить частные беседы с ним. Особенно Брюсова задело, что Волошин допустил грубую ошибку, вложив в его уста совершенно невозможную фразу: "Поэты Антонинов – Рутилий и Авзоний мне ближе всего" – разумеется, Брюсов, искушенный знаток Рима эпохи упадка, не мог соединить в разговоре имена поэтов IV – начала V в. с императорской династией, правившей во второй половине I–II в.¹¹³ Хотя Волошин в ответном "письме в редакцию" и разъяснял свой критический метод, отстаивая право на импрессионистическую вольность и субъективизм оценок и характеристик (см. п. 71), общая реакция на эту полемику в литературной среде сложилась не в его пользу: протест Брюсова против сообщения в печати "небылиц" о нем был сочтен вполне обоснованным, а статья Волошина расценена как "трафаретное оригинальничанье без оригинальности"¹¹⁴.

В. Я. БРЮСОВ

Рисунок М.А. Волошина. 1900-е годы. Карандаш
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Есть основания предположить, что не одни только сообщения фактов из биографии Брюсова и неточные пересказы бесед явились причиной для возбуждения этой полемики: ведь не протестовал Брюсов тогда же, в январе 1908 г., против публикации посвященной ему статьи Андрея Белого, его товарища по “Весам”, в которой, в частности, рассказывалось о том, как они вдвоем в деревне “бегали вперегонки”, “состязались в прыганьи и лазаньи по деревьям”¹¹⁵. Видимо, сама волошинская концепция, эффектная и талантливо изложенная, но, безусловно, далеко не исчерпывающая всего богатства творческой личности поэта и дающая ей весьма специфическое освещение, не удовлетворила Брюсова своей тенденцией и выводами, которые по отношению к нему как лидеру “весовской” группы символистов могли быть на любой лад перетолкованы в обстоятельствах междоусобной полемики; поэтому он и поспешил высказать в печати свое мнение на этот счет. Показательно, что и Волошин улавливал определенный подтекст за строками брюсовского письма и признавался Эллису, что предчувствует в этом инциденте “начало большой борьбы” (см. п. 71, прим. 1). Борьба, впрочем, не имела продолжения; между Брюсовым и Волошиным установились отношения, которые последний иронически охарактеризовал как “вооруженную дружбу” (см. п. 74, прим. 1), но творческий союз в последние два года издания “Весов” восстановлен так и не был. Волошин стал интенсивно печататься в московском символистском журнале “Золотое руно”, конкурировавшем с “Весами”¹¹⁶, а в 1909 г. активно участвовал в подготовке и издании первых номеров нового петербургского журнала “Аполлон”.

Месяц спустя после статьи о “Путях и перепутьях” в газете “Русь” был опубликован другой очерк Волошина – “Город в поэзии Валерия Брюсова”¹¹⁷. По своей внутренней логике эта статья явилась продолжением предшествовавшей; в ней получила дополнительное развитие прежняя концепция, характеризующая Брюсова как певца борьбы, силы, волевого дерзания. Верный своему обычному стремлению опровергать установившиеся мнения и представлять то или иное явление в неожиданном освещении, Волошин на этот раз подверг переоценке репутацию Брюсова как поэта города. Признавая, что “город, действительно, неотвязно занимает мысли Брюсова, и половина всего, что он написал, так или иначе касается города”, Волошин, однако, утверждает, что Брюсов на самом деле далек от понимания и притягия Города в его подлинном смысле – “настоящего”, Старого Города, сформированного средневековьем и уничтожаемого современностью. На материале поэзии Брюсова Волошин развивает одну из своих основополагающих идей – о враждебной противоположности между подлинной культурой и современной цивилизацией. Последняя, по мысли Волошина, знаменовала собой победу механического, бездушного начала над органическим бытием, и в частности победу стихии улицы, “рабства путей, рабства скорости” над гармонически целостным (каким он представлялся в его романтически-пассеистских фантазиях) миром Старого Города. Под этим углом зрения Брюсов преобразается из поэта города в поэта улицы, скорости, циркуляции современной жизни: “Дитя нового варварства, скрытого в неудержимом потоке дорог, он начинает сознавать себя лишь при победоносном вступлении улицы в город, и потому совсем не различает, где кончается город и где начинается улица”; “Истинным мощным поэтом – собою становится он лишь тогда, когда призывает варваров к разрушению Города”. В статье говорится немало меткого и пронзительного о поэзии Брюсова и в особенности о его драме “Земля”. Но при всей своей оригинальности и талантливости волошинские размышления на темы города позволяют составить гораздо более отчетливое представление о его собственных концепциях, нежели о брюсовском творчестве, которое послужило лишь удобным иллюстративным материалом для их изложения.

Брюсову, в свою очередь, представлялась возможность высказаться о поэзии Волошина, когда в 1910 г. в издательстве “Гриф” вышел в свет его первый сборник¹¹⁸. Рецензию Брюсова¹¹⁹ Волошин позднее назвал “единств(енным) положительным отзывом” критики о себе – наряду с книгой В. Львова-Рогачевского “Новейшая русская литература” (М., 1922)¹²⁰. В столь категорическом заявлении Волошин, разумеется, был далек от истины: тот же сборник “Стихотворения. 1900–1910” был встречен рядом сочувственных и даже весьма хвалебных отзывов¹²¹. Но неудивительно, что Волошину запомнилась прежде всего краткая рецензия Брюсова. В ней в нескольких десятках строк дан общий обзор поэтического пути Волошина – от “импрессионизма ранних декадентов” через школу парнасцев, давших ему “чеканность стиха, строгую обдуманность (...) эпитета, отчетливость и законченность образов”, к глубоким философским темам зрелого творчества. Брюсов лаконично и отчетливо обрисовывает черты поэтической индивидуальности Волошина, отличающие его от других художников слова: “Стихи М. Волошина не столько признания души, сколько создания искусства; это – литература, но хорошая литература. У М. Волошина вовсе нет непосредственности Верлена или Бальмонта; он не затем слагает свои строфы, чтобы выразить то или иное, пережитое им чувство, но его переживания дают ему материал, чтобы сделать в стихах тот или иной опыт художника (...) В каждом его стихотворении есть что-нибудь останавливающее внимание: своеобразие выраженного

в нем чувства, или смелость положенной в основание мысли (большею частью крайне парадоксальной), или оригинальность размера стиха, или просто новое сочетание слов, новые эпитеты, новые рифмы” (VI, 341). Последний перечень достоинств поэзии Волошина имеет для Брюсова отнюдь не второстепенное значение. Будучи сам безукоризненным мастером стиха, он умел ценить “формальные” достижения и у других авторов; филигранная поэтическая техника, которой овладел Волошин, могла бы, по убеждению Брюсова, пойти на пользу начинающим поэтам, поскольку стихи его “сделаны рукой настоящего мастера, любящего стих и слово, иногда их безжалостно ломающего, но именно так, как не знает к алмазу жалости гранивший его ювелир” (Там же. 342)¹²².

Убеждение в том, что важнейшее достоинство поэзии Волошина заключается в ее “парнализме”, в формальном совершенстве стиха и пластической определенности образной ткани, Брюсов развивает и в последующих отзывах о его произведениях. Рецензируя “Антологию” издательства “Мусагет”, Брюсов замечает по поводу опубликованного в ней цикла стихотворений Волошина “Киммерийская весна”: “... по обыкновению, в строфах М. Волошина есть напряженная краснота и исхищенная торжественность” (Там же. 370). Когда возникает потребность в предисловии к французской “Антологии русских поэтов” (1911) охарактеризовать поэзию Волошина одной фразой, Брюсов пишет в том же ключе: “М. Волошин, отправляющийся преимущественно от поэзии парнасцев, любит создания строгие, законченные, несколько холодные, но часто похожие на обдуманые комбинации драгоценных камней”¹²³. К сходным сопоставлениям прибегает он и в рецензии на вторую книгу стихов Волошина “Anno mundi ardentis. 1915”, представляющую собою отклик поэта на мировую войну: “... стихи М. Волошина похожи на иератические сосуды литого серебра, которые искусный резчик затейливо украсил хитрыми заплетенными узорами, требующими пристального внимания и подготовленного к такой красоте глаза”¹²⁴.

Сосредоточенность внимания на особенностях стиха как такового отнюдь не означает, что Брюсов был равнодушен к темам и идеям, которые затрагивает и выражает волошинская поэзия; но в этом отношении достоинства Волошина оказываются для него уже не столь безусловными. Так, сборник “Anno mundi ardentis”, в котором поэт в апокалиптической тональности передал трагизм происходящих событий, вызвал у Брюсова двойственное впечатление: “Обилие прописных букв, наприм., для таких слов, как Земля, Потоп, Бездна, Сеятель, Ложь, и цитат из Библии обличают намерение автора сказать нечто важное, но настойчивая забота говорить непременно умно, непременно красиво, непременно оригинально, не так, как другие, — лишает книгу светлости, прозрачности и легкости, составляющих высшее очарование поэзии. Спасают автора воспитанный вкус и своеобразная эрудиция, но прежде всего значительность тем, воспринятых серьезно. Своими несколько тяжелыми ритмами, своими слишком исхищенными рифмами, своими словно поставленными на котурны образами М. Волошин не в силах выразить вполне то большое, что смутно прозревает; но это большое за его стихами все же чувствуется, и потому они не производят впечатления несоответствия с огромными событиями “года воспламененного”»¹²⁵.

Показательно в этом отзыве, что Брюсова уже не удовлетворяет высокая символистская риторика в стихах Волошина, которой он сам некогда принес щедрую дань. Стремясь в 1910-е годы в собственных исканиях к простоте и прозаизации фактуры стиха, Брюсов, видимо, вообще стал воспринимать условную образность и торжественно-декламативные интонации как несозвучные поэтической современности (хотя далеко не во всем сумел изжить их в своей поэтической практике этого времени). Общая же позиция, утверждавшаяся Волошиным в сборнике “Anno mundi ardentis”, его отчетливо антивоенный пафос вызвали у Брюсова сочувственный отклик: «Книга М. Волошина — одна из немногих книг о войне, особенно в стихах, которые читаешь без досады, без чувства оскорбления, но с волнением, хотя его источник — не в поэте, а в величии переживаемого нами. Среди тягостного убожества и вопиющей пошлости современных “военных стихов” стихи М. Волошина, при всей надуманности их стиля, при всех их внутренних и внешних недостатках, — благородное исключение»¹²⁶. Необходимо подчеркнуть, что позднее Брюсов достаточно высоко (хотя и очень суммарно) отзывался также о послереволюционных стихах Волошина: в статье “Вчера, сегодня и завтра русской поэзии” (1922) он мимоходом отметил, что “ничуть не ниже прежних поэм новые стихи М. Волошина (<...>), и они имеют еще то достоинство, что часто касаются тем современности” (VI, 508), — немаловажная характеристика, в особенности если учесть, что Брюсов весьма сурово расценивал тогда новейшие поэтические опыты других своих прежних товарищей по символистскому движению.

После прекращения “Весов” в 1909 г. личные отношения Брюсова с Волошиным — как, впрочем, и со многими другими близкими сотрудниками журнала — на протяжении более чем десятилетия представляют собой серию разрозненных эпизодов. Волошин подолгу жил в

1910-е годы в Москве, но это не способствовало новому сближению с Брюсовым – встречи их происходили от случая к случаю, в основном по сугубо деловым поводам. Будучи в 1910–1912 гг. заведующим литературно-критическим отделом “Русской мысли”, Брюсов способствовал помещению там статей Волошина (хотя они далеко не во всем соответствовали критическому стилю, принятому в этом традиционном “толстом” журнале¹²⁷). Поэты встречались на заседаниях Московского Литературно-художественного кружка; в частности, 30 ноября 1911 г. Брюсов выступал с рефератом “Влияние романтизма на жизнь и нравы” (по поводу книги французского исследователя Луи Мэгрона “Романтизм и нравы”), а Волошин ему оппонировал¹²⁸. Переписка между Брюсовым и Волошиным в эти годы замирает. Отдельные эпизоды их отношений известны из сохранившихся двух писем И.М. Брюсовой к Волошину (7 ноября 1910 г. она обращается к нему с предложением участвовать в “Толстовском вечере” в “Обществе свободной эстетики”, 5 марта 1912 г. приглашает на следующий день в гости, говоря о Брюсове: “Он давно хотел вас видеть”¹²⁹) и из дарственных надписей на книгах¹³⁰, но все это лишь отголоски прежнего деятельного сотрудничества. Распад символизма как цельной и сплоченной литературной школы в 1910-е годы неизбежно повлек за собой и оскудение взаимоотношений Брюсова и Волошина, которые уже не были объединены общим делом. Это хорошо понимал Волошин. “Брюсов теперь как-то оказался вне всего литературн(ого) движения, – писал он 9 ноября 1910 г. А.М. Петровой. – Он по горло занят какими-то делами. Всегда торопится, даже утерял свое спокойствие. В нем явилась растерянность. Я вижу его все урывками и не могу еще понять, что с ним и куда он теперь идет”¹³¹. Безусловно, говоря о “литературном движении”, Волошин имел в виду “новое искусство”, рамки которого в это время стали для Брюсова слишком стеснительными.

И все же духовная связь между Брюсовым и Волошиным не прервалась, но, наоборот, завершилась ярким, выразительным эпизодом. 28 марта 1924 г. Волошин навестил Брюсова в его квартире в Москве¹³² и пригласил летом приехать на отдых в Коктебель. Брюсов откликнулся на приглашение и провел август 1924 г. в гостях у Волошина. Несколько недель každодневного общения, происходившего за месяц с небольшим до смерти Брюсова, показали, что ни годы, ни грандиозные исторические события не развели в разные стороны бывших соратников по “Весам”: Брюсов, один из крупнейших деятелей новой культуры, и Волошин, по-своему постигавший глубинный исторический смысл свершившегося социального переворота, вновь нашли общий язык, поняли и приняли друг друга.

Пребывание Брюсова в Коктебеле описано со множеством колоритных подробностей разными авторами – самим Волошиным в мемуарных набросках о Брюсове, А.П. Остроумовой-Лебедевой, Андреем Белым; Л.П. Гроссман посвятил этой теме мемуарный очерк “Последний отдых Брюсова”¹³³. В письме к К.И. Чуковскому от 15 ноября 1924 г. Волошин вспоминал о Брюсове в дни его пребывания в Коктебеле: “Он был какой-то умудренный и просветленный, очень простой и общительный, каким никогда раньше не знал его. Он устраивал конкурсы стихов, литературные игры, обнаружил драматический талант в импровизации кинематографической фильмы. Все, кто видели его эти недели, были им пленены, и сам он как-то расцвел и помолодел в очевидно приятном ему обществе”¹³⁴. В день именин Волошина (17 августа) Брюсов написал стихотворение “Максимилиану Волошину”, воспевающее в одической тональности поэта как хозяина и подлинного творца Коктебеля:

Наш Агамемнон, наш Амфитрион
И наш Орфей, царь области рубежной,
Где Киммерии знойный Орион
Чуть бросит взгляд и гаснет неизбежно!
Ты, ты изваял этих гор хребет,
Им оградил себя от горьких лавров,
И в тверди глыб, для казни и побед,
Свой лабиринт сокрыл для минотавров.
(.)
И тщетна баснь, что древний Карадаг
Изверженец давно былого мира:
Тобой творен он, и ты рад, о маг,
Скрыть божество в безликий столп кумира.

(III, 433–434)¹³⁵

Уезжая из Коктебеля, Брюсов оставил в книге дома поэта благодарственную запись: “Коктебелю и его радушным хозяевам, Марии Степановне и Максимилиану Александровичу, я навсегда признателен за то, что после Тавриды узнал Киммерию, край суровый и прекрасный, край многотысячелетней древности и край, где заглядываешь в будущие века, пустыню, где та-

ится жизнь, разгадать которую – великое счастье. Без дружеского призыва М.А. Волошина я не попал бы в эту землю, без его проникновенных стихов и спокойно вдохновенных объяснений не понял бы ее, без особого уюта, созданного М.А. и М.С., не сумел бы жить в ней столько, чтобы угадать, – скорее предчувствием, чем уже знанием, – ее мировое величие. Дни, проведенные мною впервые в Коктебеле, проводят новую четкую черту в моей жизни”¹³⁶.

Сходным образом переживал свою последнюю встречу с Брюсовым и Волошин. “На его пребывание в Коктебеле смотрю как на особый дар судьбы (...), – писал он 16 ноября 1924 г. А.П. Остроумовой-Лебедевой. – Пред самой смертью мы встретились с ним сердечно и дружески, так, как встречались когда-то в дни юности. Попрошались горячо, как люди, которым предстоит еще много лет новых более близких отношений”¹³⁷. 23 октября 1924 г. Волошин направил письмо соболезнования И.М. Брюсовой, в котором также говорил о вновь обретенном чувстве духовной связи с покойным поэтом: “Мне дана грустная радость в сознании того, что последние дни своего ясного общения с природой Валерий Яковлевич провел под моим кровом в Коктебеле этим летом. Здесь нам было дано снова встретиться интимно, дружески, как мы уже много лет не встречались во время моих проездов через Москву. Я давно не видал его таким ясным, просветленным, умудренным. И все, кто ни были эти недели вместе с ним, вынесли то же впечатление и нежную симпатию к нему”¹³⁸.

Дорогому Валерию Яковлевичу
нашир. Совершеннолетие нашего
знакомства (1903 – 1924 = 21)
МАКСИМИЛИАНЪ ВОЛОШИНЪ

Максимилианъ Волошинъ

ИВЕРНИ

(ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНИЯ).

1924/VI 24

С.И. Соболев

Книгоизд. Творчество, Москва 1918.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. ИВЕРНИ.
М., 1918

Титульный лист с царственной надписью:

“Дорогому Валерию Яковлевичу память совершеннолетия
нашего знакомства (1903–1924 = 21)

Максимилиан Волошин 19 28/III 24 Москва”

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Письма Брюсова к Волошину печатаются по автографам, хранящимся в архиве М.А. Волошина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 289).

Основная часть писем Волошина к Брюсову печатается по автографам, хранящимся в архиве В.Я. Брюсова в ОР Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ. Ф. 386, 80, 33–34).

Письмо Волошина к Брюсову от 30 июня/13 июля 1905 г. (п. 53) печатается по автографу, хранящемуся в архиве Брюсова в Рукописном отделе Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 80), письмо Волошина к Брюсову, приблизительно датированное январем 1906 г. (п. 55), – по автографу, хранящемуся в архиве Брюсова в Центральном гос. архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 89).

Автографы двух писем, включенных в публикацию, – Брюсова к Волошину от 12 ноября 1903 г. (п. 7) и Волошина к Брюсову от 25 февраля/9 марта 1904 г. (п. 24) – не обнаружены; тексты их воспроизводятся по машинописным копиям, сохранившимся в Доме-музее М.А. Волошина (Коктебель).

В публикацию не включены два кратких письма, незначительных по содержанию (письмо Волошина от 17/30 сентября 1904 г. – ГБЛ. Ф. 386, 80.33 – и письмо Брюсова от 1/14 октября 1908 г. – ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 283. Л. 44), а также письмо Волошина от 6/19 апреля 1905 г., посвященное изложению “исследований о способах добывания гашиша”.

Тексты писем публикуются с сохранением характерных орфографических и пунктуацион-

ных особенностей автографов, в том числе с сохранением не употребляемых ныне транскрипций иностранных имен и названий. Без дополнительных оговорок исправлены описки и ошибки в воспроизведении иноязычных имен и названий на языке оригинала (особенно часто встречающиеся в автографах Волошина), за исключением некоторых характерных или специально оговоренных случаев.

Выражаем глубокую благодарность Владимиру Петровичу Купченко, принявшему участие в подготовке текста на начальном этапе работы и сообщившему о местонахождении некоторых использованных в ней материалов.

¹ См.: *Мамонтов В.А.* М.А. Волошин и В.Я. Брюсов // Учен. зап. Кавказ. ун-та. Т. 31. Сер. лит. и соц. науки. 2010. № 1. С. 100–101; *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // *Чтения 1971; Куприянов И.* История одной дружбы // Радуга. 1977. № 6.

² В частности, в указ. статье В.А. Мануйлова приведены полностью (или с небольшими купюрами) письма Волошина к Брюсову от 19 апреля 1903 г. (п. 2), 24 октября 1905 г. (п. 54), 7 сентября 1917 г. (п. 78) и письма Брюсова к Волошину от 9 марта 1906 г. (п. 56), 1 января 1908 г. (п. 70) – *Чтения 1971*. С. 446–447, 450–453, 457–458; в указ. статье И.Т. Куприянова – письма Брюсова к Волошину от 12/25 апреля 1903 г. (п. 1), первой половины октября 1903 г. (п. 3), сентября 1904 г. (п. 43), 11 октября 1908 г. (п. 73) и письмо Волошина к Брюсову от 10 октября 1908 г. (п. 72) – Радуга. 1977. № 6. С. 150, 151, 155; письмо Волошина к Брюсову от 7 декабря 1907 г. (п. 68) – в его же заметке: Дарчи написи В. Брюсова на книжках // *Радуга*. 1977. № 2. С. 84.

³ *Андрей Белый.* Валерий Брюсов // *Россия*. 1925. № 4 (13). С. 272.

⁴ Подробнее см.: Из студенческих лет М.А. Волошина / Публ. Р.П. Хрулевой // *Ежегодник 1973; Куприянов И.Т.* Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина. Киев, 1978; *Купченко В.* Вольнолюбивая юность поэта: М.А. Волошин в студенческом движении // *Новый мир*. 1980. № 12.

⁵ См. наст. публ., прилож. № 1.

⁶ См.: *Русские советские писатели: Поэты.* Библиогр. указатель. М.: Книга, 1982. Т. 5. С. 246.

⁷ Перечень рецензий см.: *Библиография* / II, №№ 49, 50, 52–54, 58, 60.

⁸ См. автобиографию Волошина: Книга о русских поэтах последнего десятилетия: Очерки. Стихотворения. Автографы / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1909. С. 365.

⁹ Цит. по: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Максимилиан Волошин и Андрей Белый // *Волошинские чтения*. Сб.: науч. тр. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1981. С. 80.

¹⁰ *ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 29.

¹¹ Письмо от 27 августа 1901 г. Там же. Ед. хр. 99.

¹² См. наст. публ., прилож. 2.

¹³ 29 января 1902 г. Волошин писал Е.С. Ляминой об этой лекции: “Я выставлял Некрасова как истинного художника – предтечу всех новейших течений русской поэзии, а Алексея Толстого как вечный тормоз искусства – олицетворение академизма. Все это с точки зрения последних выводов французской эстетики. Успех был полный: т.е. вся русская колония только и делает, что ругательски ругает меня” (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 73). Об этой лекции Волошин вспоминает также в записях “О Некрасове”, сделанных в “Чукоккале” в 1924 г., попутно отмечая: “Мне кажется, что со стороны поэтов моего поколения (т.е. символистов) моя манифестация в честь Некрасова была хронологически первой” (см.: “Чукоккала”. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 313–316). Отметим, однако, что Брюсов ранее Волошин писал о Некрасове и об историческом значении его поэзии (Некрасов и Тютчев // *РА*. 1900. № 2). См.: *Гиндин С.* Брюсов о поэтике Некрасова // *Н.А. Некрасов и русская литература*. Кострома, 1971. С. 128–129; *Тиханчева Е.* Поэзия Некрасова в оценке русских символистов // *Некрасов и литература народов Советского Союза*. Ереван, 1972. С. 331–334.

¹⁴ См.: *Андреевский С.* Вырождение рифмы: Заметки о современной поэзии // *Мир искусства*. 1901. № 5; *Брюсов В.* Ответ г. Андреевскому // Там же.

¹⁵ Там же. С. 239, 244.

¹⁶ *ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 2–4.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 16.

¹⁹ См. наст. публ., прилож. 2.

²⁰ Книга о русских поэтах последнего десятилетия. С. 365.

²¹ *Бальмонт Е.А.* Воспоминания о Волошине (1933) // *ЦГАЛИ.* Ф. 57. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 2.

²² См. наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 88.

²³ 8 мая 1903 г. Брюсов писал из Парижа Г.И. Чулкову о Яценко: “Он полюбил мне еще больше с тех пор, как я узнал его здесь больше” (*Чулков Г.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930. С. 318).

²⁴ Письмо от 5 января 1903 г. // *ГБЛ.* Ф. 386, 110.37.

²⁵ Там же.

²⁶ В архиве Волошина сохранился приглашенный билет на это “закрытое заседание в аудитории Географического общества (у Чернышева моста, 6-ая гимназия)” (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 35. Л. 1–2).

²⁷ *Русь*. 1907. № 348. 29 дек.; *Волошин М.* *Лирика творчества*. С. 407–408; почти дословное воспроизведение этого фрагмента см.: наст. публ., прилож. 2. 2 февраля 1903 г.; в день отъезда из Петербурга в Москву Волошин писал матери: “Мои литературные знакомства: Мережковские, Минский, Розанов, Венгерова, Allegro, Брюсов” (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60).

²⁸ *НП*. 1903. № 8. 1 апреля 1924 г. Л.В. Горнунг записал в дневнике воспоминания Волошина о его первой встрече с Брюсовым: «По просьбе Брюсова Волошин начал читать "В вагоне" – последнее из написанного, но был прерван, так как Брюсова отозвали по какому-то делу. Он извинился, а вернувшись, прочел сам наизусть прочитанное Волошиным начало и просил его продолжать дальше. По окончании сказал: "Когда Вы пришли, мне показалось, что у меня мало для Вас времени, теперь я чувствую, что могу остаться с Вами дольше", – и просил читать еще. Затем прочел сам из "Urbi et orbi" несколько стихотворений, которые страшно понравились Волошину» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 498–499).

²⁹ *ГБЛ*. Ф. 386, 69.4. К.Д. Бальмонт приехал из Парижа в Москву в середине января 1903 г. С.Л. Поляков (Литовцев) писал Волошину из Парижа 12 января: "Бальмонт неожиданно принял решение ехать в Москву и в четверг (15.I) выезжает" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 991). Ср. наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 89, прим. 2.

³⁰ *Дневники*. С. 130.

³¹ См.: *Андрей Белый*. Начало века. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. С. 227–230.

³² *СЦ* 1903. После выхода альманаха Брюсов в письме к П.П. Перцову (август 1903 г.), касаясь его содержания, отмечал: "Стихи М. Волошина мне не слишком нравятся: в его чтении было лучше" (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 23).

³³ Подробнее см. наст. публ., прилож. 2.

³⁴ *Дневники*. С. 135.

³⁵ *НП*. 1904. № 5.

³⁶ *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93.

³⁷ *Дневники*. С. 135.

³⁸ *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4.

³⁹ *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 5. 1 февраля (н.ст.) 1904 г. Волошин писал из Парижа А.М. Петровой: «Теперь я пишу в "Весы" об искусстве (редактор отдела изящных искусств-с!)» (Там же. Оп. 3. Ед. хр. 93). Ср. также письмо художника Б.Н. Матвеева к матери (Париж, 6 марта 1904 г.): «Макс Волошин, который был в Крыму в таком чудном костюме, здесь совсем изменился, он стал очень корректным и вращается в кругу передовых литераторов французских. Он состоит, между прочим, одним из редакторов декадентского журнала "Весы"» (*ЦГАЛИ*. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4об.).

⁴⁰ Эта статья еще до публикации (видимо, тогда же, в ноябре 1903 г.) обсуждалась с Брюсовым и Бальмонтом, о чем Волошин сообщал А.М. Петровой 10 марта 1904 г.: «Итог трехлетней работы над живописью я сконцентрировал на 11 страницах. То, из чего можно было бы сделать целый том, я кратко и ясно изложил на нескольких страницах. (...) Упрек, который мне ставился Брюсовым и Бальмонтом, – это чересчур большая расточительность мысли, щедрость. "Пиша так сжато, Вы испишетесь в нескольких статьях", – говорил мне Брюсов» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

⁴¹ *Мамонтов В.А.* М.А. Волошин и журнал "Весы" // Вторая науч. конф. (Южно-Сахалинский гос. пед. ин-т): Тез. докл. по итогам научно-исслед. работы за 1966 г. Южно-Сахалинск, 1967. С. 201.

⁴² *ГБЛ*. Ф. 386, 70.37. Л. 46.

⁴³ *Весы*. 1904. № 10. С. 77. Без подписи (раздел "В журналах").

⁴⁴ См. письмо М.Н. Семенова к С.А. Полякову от 4 января 1905 г. // *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 45об.

⁴⁵ *Весы*. 1904. № 10. С. 77.

⁴⁶ *Волошин М.* Письмо из Парижа. Литературные банкеты "La Plume" // *Русь*. 1905. № 187. 13/26 авг. С. 3.

⁴⁷ Письма Р. Гиль и Алисы Гиль к Волошину опубликованы П.Р. Заборовым (*Ежегодник* 1979). Сохранился также черновой набросок письма Волошина к Р. Гилью, относящийся, судя по содержанию, к 1913 г. Рекомендую Гилью стихи молодой поэтессы Майи Кювилье (в первом браке Кудашева, впоследствии – жена Р. Роллана), Волошин восклицает: "О как я иногда сожалею, что не могу зайти к Вам во второй раз на улицу Ланюб..."» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 17).

⁴⁸ Об этом инциденте подробно рассказывает письмо М.Н. Семенова к С.А. Полякову, написанное в Париже 24 ноября 1904 г. «Вчера, – пишет Семенов, – у меня был довольно крупный разговор (...) с Волошиным. Он пришел и заявил, что Рене Гиль очень обижен тем, что "Весы" напечатали отзыв Иванова на книгу французского поэта Visan. Волошин находит тоже, что это бестактно со стороны "Весов", так как на этот отдел был приглашен Рене Гиль. Я старался Волошину втолковать (думаю, что и вы все разделяете мою точку зрения), что редакция "Весов" не может стеснять себя таким образом и даже не может никому поручать постоянное писание рецензий по какому-либо отделу, тем закрывая себе возможность печатать рецензии других своих сотрудников. (...) Несмотря на долгое убеждение, Волошин мне не внял и сказал, что, может быть, Гиль даже выйдет из-за этого из "Весов". Я думаю, что Гиль этого не сделает, а если бы даже и сделал, убытка от этого "Весам" не будет никакого» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 39об.–40).

Упоминается рецензия на книгу: *Tancrède de Visan. Paysages introspectifs* (Paris. 1904), опубликованная в № 10 "Весов" за 1904 г.

⁴⁹ *Весы*. 1904. № 4, 5.

⁵⁰ См. об этом подробнее: *Волошин М. Лики творчества*. С. 657–658.

⁵¹ Ср. статью Волошина "Театр L'Oeuvre" (*Русь*. 1905. № 31. 7 февр. С. 3).

⁵² См. подробнее: *Сарабьянов Д. В.Э.* Борисов-Мусатов и художники группы "Наби" // *Сарабьянов Д.В.* Русская живопись XIX в. среди европейских школ. М. 1980. С. 222–237.

⁵³ См.: *Канглиаски Я.Ю.* Группа художников "Les Nabis" и их роль в истории французской живописи конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. (...) канд. искусствоведения. Тарту, 1969.

⁵⁴ Сохранились рекомендательные письма Редона к Боннару, Дени и Вюйару, которые художник дал Волошину. В письме к Вюйару сказано: "...рекомендую Вам г-на Макса Волошина. Он хочет Вам кое-что предложить" (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1421. Л. 4. Текст написан на визитной карточке).

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 441. Л. 33.

⁵⁶ Волошин Максимилиан. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов // Весы. 1907. № 2. С. 74; Волошин М. Лики творчества. С. 427.

⁵⁷ Волошин М. Эмиль Верхарн // Биржевые ведомости. 1917. № 16022. 6/19 янв., утр. вып. С. 7.

⁵⁸ Волошин Максимилиан. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. М.: Творчество, 1919. С. 7.

⁵⁹ О личных и литературных связях Верхарна и Брюсова см. подробнее во вступительной статье Т.Г. Динесман к публикации переписки поэтов (ЛН. Т. 85. С. 546–559). Этой же теме посвящена статья: Дронов В.С. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // Чтения 1962. С. 216–231. См. также: Поступальский И. Верхарн и Брюсов // Лит. газ. 1934. № 136. 10 окт. С. 2.

⁶⁰ Перевод стихотворения Верхарна "К северу" ("Два моряка возвращались на север...") был опубликован в TV.

⁶¹ Русь. 1905. № 188. 14 авг.

⁶² Весы. 1905. № 8.

⁶³ Ежемесячный журнал для всех. 1905. № 11.

⁶⁴ ГБЛ. Ф. 386, 95.10.

⁶⁵ Лит. архив. С. 178. Второе из присланных стихотворений – "Кузнец" – опубл.: Журнал для всех. 1905. № 12.

⁶⁶ Сопоставительный анализ этих двух переводов дается в диссертации Клаудии Вальрафен "Максимилиан Волошин – художник и критик" (Wallrafen C. Maksimilian Wološin als Künstler und Kritiker // Slavische Beiträge. München, 1982. Bd. 153. S. 248–253).

⁶⁷ Верхарн Э. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906.

⁶⁸ Волошин М. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов // Весы. 1907. № 2; Волошин М. Лики творчества. С. 427–433.

⁶⁹ Верхарн Э. Стихи о современности. С. 28, 29.

⁷⁰ Тема "Брюсов-переводчик ставилась и исследовалась многократно. См., например, Чтения 1966, почти целиком посвященные этой проблеме. Об эволюции переводческих принципов Брюсова см.: Гаспаров М. Брюсов и буквализм: По неизданным материалам к переводу "Энеиды" // Мастерство перевода. М., 1971. Сб. 8.

⁷¹ Весы. 1907. № 2. С. 77; Волошин М. Лики творчества. С. 429.

⁷² Цит. по статье: Панина А.Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых // Записки отдела рукописей (ГБЛ). М., 1972. Вып. 33. С. 95. Ср. также: Перельмутер В. Третий собеседник: О переводах М. Волошина // Мастерство перевода. М., 1979. Сб. 12. С. 421.

⁷³ Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 29.

⁷⁴ Весы. 1907. № 2. С. 80; Волошин М. Лики творчества. С. 432.

⁷⁵ Весы. 1907. № 2. С. 82; Волошин М. Лики творчества. С. 729.

⁷⁶ Перельмутер В. Третий собеседник // Мастерство перевода. Сб. 12. С. 423.

⁷⁷ В частности, Ф.Д. Батюшков в рецензии на "Стихи о современности" писал: «Большой иностранный поэт встретил выдающегося русского поэта, родственного ему по настроениям и отчасти – пройденной эволюции творчества, и русский поэт сумел не только воздать должное своему иностранному собрату, но и сделать его в некотором смысле "нашим", представив несколько образцов его поэзии в превосходном переводе" (Мир божий. 1906. № 7. Отд. 2. С. 88–89); в еще более приподнятом духе был выдержан отзыв Аделаиды Герцык: "Совершилось редкое чудо перевоплощения (...) В своем воссоздании (не хочется говорить: переводе) Брюсов достигает порой той степени совершенства, которая лишь грезится нам, когда мы мечтаем о возможности услышать любимого поэта на родном языке" (Весы. 1906. № 8. С. 66–67; ср. анонимную рецензию: РМ. 1906. № 7. Отд. 2. С. 174). К.И. Чуковский писал Брюсову по выходе "Стихов о современности": "Ваш Верхарн – подвиг, равного которому нет. У других это годы и годы, а у Вас – легко, неожиданно, мимоходом" (ГБЛ. Ф. 386, 107.42). Любопытно, что еще в 1902 г. С.Л. Рафалович отмечал созвучие ранних брюсовских переводов из Верхарна, помещенных в "Tertia vigilia", оригиналу: "Только что просматривал Ваши переводы из Верхарна (...) и не могу не высказать, насколько они мне кажутся удачными, близкими и по смыслу, и по настроению, и по форме (...) я бы посоветовал Вам дать русскому читателю как можно больше Верхарна" (письмо к Брюсову от 7 декабря 1902 г. – ГБЛ. Ф. 386, 100.8).

⁷⁸ В частности, в рецензии на антологию переводов Брюсова "Французские лирики XIX века" (СПб.: Пантеон, 1909) В.Л. Львов-Рогачевский, сопоставляя брюсовский перевод сонета Малларме "Лебедь" с волошинским, ранее опубликованным, заключал: «Волошин с гораздо большей легкостью, грацией и ясностью переделал это нежно музыкальное стихотворение "короля поэтов"» (Современный мир. 1909. № 9. Отд. 2. С. 103. Подпись: В. Львов). В новейшее время И.С. Поступальский расценивает волошинские переводы сонетов Эредиа как "блестательные", несмотря на допущенную переводчиком вольность в рифмовке (Поступальский И.С. Жозе-Мариа де Эредиа – поэт знаменитый и неведомый // Жозе-Мариа де Эредиа. Трофеи. М.: Наука, 1973. С. 206–207, 247).

⁷⁹ Верхарн Э. Собрание стихов, 1883–1915. М.: Универсальная библиотека, 1915.

⁸⁰ Верхарн Э. Поэмы / Пер., предисл. и прим. В. Брюсова. Изд. 4-е, переработ. и доп. Пг.; М.: ГИЗ, 1923.

⁸¹ Там же. С. 120.

⁸² Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 30.

⁸³ Эмиль Верхарн. [Стихотворения. М., 1917].

⁸⁴ Брюсов В. Книги о Верхарне // Художественное слово. Временник лит. отдела Наркомпроса. М., 1920. Кн. 1. С. 56.

⁸⁵ "Данте современности" – название статьи Брюсова о Верхарне, впервые напечатанной в литературном приложении к газете "День" (1913. № 319. 25 нояб. С. 2–3).

⁸⁶ Слова из рецензии Брюсова на сборник Верхарна "Города-спруты" (Весы. 1904. № 3. С. 55).

⁸⁷ Художественное слово. Кн. 1. С. 55.

⁸⁸ Верхарн Э. Поэмы. С. 10.

⁸⁹ Письма к М.В. Сабашниковой от июня и 4 июля 1905 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 107).

⁹⁰ Весы. 1907. № 2. С. 76; Волошин М. Лики творчества. С. 428.

⁹¹ Волошин М. Эмиль Верхарн // Биржевые ведомости. 1917. № 16022. 6/19 янв., утр. вып. С. 7. То же (в отредактированном виде) в кн.: Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 15, 22.

⁹² Там же. С. 16–17.

⁹³ Волошин М. Париж и война: Верхарн. "La Belgique sanglante" // Биржевые ведомости. 1915. № 15031. 17 авг., утр. вып. С. 2. То же (в отредактированном виде) в кн.: Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 18.

⁹⁴ Художественное слово. Кн. 1. С. 55.

⁹⁵ Мамонтов В.А. М.А. Волошин и В.Я. Брюсов. С. 57.

⁹⁶ См.: Куприянов И.Т. История одной дружбы. С. 155–156; Куприянов И.Т. Судьба поэта. С. 108–110.

⁹⁷ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 111.

⁹⁸ Письмо к М.В. Сабашниковой-Волошиной (сентябрь 1906 г.). – Там же.

⁹⁹ В частности, в том же сентябрьском письме к жене Волошин приводит слова Иванова, к нему обращенные, касающиеся этого вопроса: "Вам надо теперь же собрать две книги: стихов и теоретических статей. Вашей книги ждут. Есть необходимость увидеть Вас в книге. Теперь как-то русские поэты московской школы разошлись. Брюсов погрузился в холодный парнасизм и магизм, далекий от жизни. Бугаев собирается писать некролог Андрею Белому, которому больше некуда идти. Надо оставить этот истрепавшийся литературный псевдоним. Бальмонт, со своей чуткостью, что-то почуял и бросился на народную русскую поэзию... И еще остаются два уединенных поэта – Балтрушайтис и Вы. Я не знаю, что сделал Балт(рушайтис) за эти годы. Но он крупный одинокий поэт. А Вы... в форме вы достигли полной мэтриз... Но все за стеклом. Вам надо живого прикосновения к жизни".

¹⁰⁰ Чуковский К. Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 446.

¹⁰¹ Дневниковая запись Волошина от 20 сентября 1907 г. // Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 28.

¹⁰² ГРМ. Ф. 97. Ед.хр. 49.

¹⁰³ В сонете, написанном в Коктебеле 15 апреля 1907 г., Волошин говорит о своей одинаковой отдаленности и от петербургского, "ивановского", и от московского, "брюсовского", литературного мира. Сонет был отправлен Вяч. Иванову 16 апреля 1907 г.:

Я здесь расту один, как пыльная Агава
На голых берегах среди сожженных гор.
Здесь моря вещего немолкнущий простор
И одиночества змеинная отрава...

А там – на севере крылами плещет Слава,
Там древний бог взмог на жертвенный костер,
Там в дар ему несут кошицы легких Ор,
Там льды Валерия, там солнце Вячеслава.

Там снежный хмель взрастил и разлил Александр,
Там брызнул Константин струями саламандр,
Там Лидии "Осел" мечтою осиян

И лаврами увит, там нежные хариты
Сплетают верески свирельной Маргариты...
О мудрый Вячеслав, χαῖρη! – Максимилян.

(ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 49; опубли. Вл. Купченко: Новый журнал. Кн. 168–169. Нью-Йорк, 1987. С. 63); Александр – А.А. Блок; Константин – К.Д. Бальмонт; "Осел" – пьеса Л.Д. Зиновьевой-Аннибал "Певучий осел", первая часть которой была опубликована в альманахе "Цветник Ор. Кошица первая" (СПб.: Оры, 1907); Маргарита – М.В. Сабашникова-Волошина).

¹⁰⁴ ЗР. 1906. № 10.

¹⁰⁵ Русь. 1908. 24 февр.

¹⁰⁶ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 204. Л. 2. Аналогичные параллели между творческими индивидуальностями поэтов Волошин прослеживает в одной из своих записных книжек:

"Бальмонт – Брюсов – Вячесл(ав) = чувство – воля – мысль.

Б(альмонт) – чувство, окрыленное порывами воли.

Брюс(ов) – воля, окрыленная мыслью.

Вяч(еслав) – мысль, окрыленная и чувст(вом) и волей"

(Там же. Ед.хр. 463. Кн. 2. Л. 2).

¹⁰⁷ Там же. Ед.хр. 204. Л. 7.

¹⁰⁸ Вesy. 1907. № 1–3, 5–12; 1908, № 2–8.

¹⁰⁹ “Вопросы о любви к поэтам. Максимилиан Волошин. Ответы, записанные в Коктебеле Вс. А. Рождественским. Вопросы Евгения Архиппова. Коктебель. 1932. 30 VI” (ЦГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед.хр. 46. Л. 130б–14); 3 апреля 1901 г. Волошин сообщил С.К. Маковскому о своем намерении написать для журнала “Аполлон” статью “об историчес(ком) романе (Брюс(ов), Мережж(овский) и Кузмин)”. (ГПБ. Ф. 124. Ед.хр. 975; этот замысел не был осуществлен).

¹¹⁰ Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 28. В этой же дневниковой записи Волошин подробнее касается роли Брюсова в развернувшейся полемической кампании и характеризует его тактические приемы: “Он не выступает сам борцом. Он хранит дружбу. Но в его руках его приверженцы – теперь Белый и Эллис, которых он расстреляет, поджигает и спускает с цепи. Потом он говорит: “Я даю в своем журнале полную свободу высказывать свои мнения молодым безумцам”. Эллис-Кобылинский (...) искренен и страстен до конца. У него талантливый темперамент, но сам он в поэзии бездарен. Он бескорыстно(е) и поэтому страшное — слепое честное — орудие в руках Брюсова” (Там же. С. 27–28).

¹¹¹ Русь. 1907. № 348. 29 дек., *Волошин М. Лики творчества*. С. 408, 415–416. Ср. дневниковую запись Волошина от 20 сентября 1907 г.: “Сила, давшая такой могучий упор таланту Брюсова, – его честолюбие. Его мучит желание быть признанным первым из русских поэтов. В этом его роман любви и зависти к Бальмонту. Теперь он считает Бальмонта побежденным, но чувствует еще более опасного противника в Вячеславе” (Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 27).

¹¹² Впечатления от внешнего облика Брюсова зафиксированы в этой статье наряду с аналогичными впечатлениями от Бальмонта, Вяч. Иванова, Андрея Белого и Блока – других крупнейших поэтов современности: “У Валерия Брюсова лицо звериное – маска дикой рыси, с кисточками шерсти на ушах: хищный, кошачий лоб, убегающий назад, прямой затылок на одной линии с шеей, глаза расколника, как углем обведенные черными ресницами; злобный оскал зубов, который придает его смеху оттенок ярости. Сдержанность его движений и черный шортук, плотно стягивающий его худую фигуру, придают ему характер спеленутой и мумифицированной египетской кошки” (Русь. 1907. № 101, 11 апр.; *Волошин М. Лики творчества* С. 485).

¹¹³ Эта волошинская оплошность прочно запомнилась Брюсову. Обнаружив промах в корректуре своего предисловия к “Франческо да Римини” Габриэле Д’Аннунцио, переведенной им совместно с Вяч. Ивановым (СПб.: Пантеон, 1908), Брюсов писал Иванову 3/16 августа 1908 г.: “...боюсь, что исправлять мое предисловие уже поздно. Тогда пусть идет в свет, как оно есть, со всеми ошибками: пусть торжествует Макс Волошин!” (ЛН. Т. 85. С. 511).

¹¹⁴ Так охарактеризовал статью Волошина А.В. Амфитеатров в своем фельетоне “Vies imaginaires”*, посвященном этой полемике (Речь. 1908. № 17. 20 янв.). Особенно возмутили Амфитеатрова и других критиков слова Волошина о том, что детство Брюсова прошло “у дверей публичного дома” и что эти впечатления предопределили трактовку женского образа в его поэзии. Волошин, по мнению Амфитеатрова, “бессознательно наговорил (...) о г. Валерии Брюсове небывалих и несправедливостей”, а Брюсов “серьезно обиделся – да и прав! – легендами г. Максимилиана Волошина и отчитал своего неудачливого воспитателя жестоко. Слабые возражения г. Максимилиана Волошина, что он, дескать, пишет не критику, но vies imaginaires, и потому волен изображать каждого писателя таким, как тот ему “субъективно” представляется, – или уж очень наивны, или уж очень увертливы” (см.: *Амфитеатров А. Против течения*. СПб.: Прометей, 1908. С. 157–158). В аналогичном ключе отозвался о полемике и В.П. Крикхфельд, отметивший как парадокс то обстоятельство, что Волошин “сочинил этот занимательный некролог Брюсова от избытка самых благородных чувств, потому что он – поклонник поэта” (Симптомы современных переживаний и настроения // Современный мир. 1908. № 2. Отд. 2. С. 41). Д.В. Философов утверждал, что Волошин “нарушил дозволенные приличия” (Дневник журналиста. V. Опаснее врага // Столичная почта. 1908. № 248. 27 февр.), а фельетонист журнала “Театр и искусство” (1908, № 2, 13 янв., с. 38. Подпись: Арс.) в заметке “Лирические факты”, охарактеризовав полемiku, высказал предположение, что вообще волошинские «“лики творчества” могут в известной степени оказаться “небывалицами в лицах”». Вяч. Иванов писал Брюсову 8 января 1908 г.: «В конфликте с Максом я, конечно, во всем на твоей стороне, т.е. на стороне также и здравого смысла. Только и характеристика как *поэта* почти вся неудовлетворительна» (ЛН. Т. 85. С. 508).

¹¹⁵ См.: *Андрей Белый*. Валерий Брюсов. Силуэт // Свободная молва. 1908. № 1. 21 янв.

¹¹⁶ См. письма к Волошину секретаря “Золотого руна” Г.Э. Тастевена за 1908–1909 гг. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1178). Библиографию публикаций Волошина в этом журнале см.: Русские советские писатели: Поэты. М., 1982. Т. 5. С. 247–249.

¹¹⁷ Русь. 1908. № 21. 22 янв.; *Волошин М. Лики творчества*. С. 416–426.

¹¹⁸ *Волошин М.* Стихотворения, 1900–1910. М.: Гриф, 1910. Книга была подарена Брюсову с надписью: «Валерию Брюсову Максимилиан Волошин. “Явь наших снов земля не истребит”. 15 III 1910. Коктебель» (в надписи цитируется 3-й стих сонета-магистрала из венка сонетов “Corona astralis”, напечатанного в сборнике. Книга хранится в настоящее время в коллекции Анатолия Маркова. Надпись была впервые опубликована в статье К. Пуришевой “Библиотека Валерия Брюсова” (ЛН. М., 1937. Т. 27–28. С. 670); также воспроизведена: *Куприянов И.Т.* Дарчи написи В. Брюсова на книжках. С. 84; *Марков А.* ...Мой дом раскрит навстречу всех дорог // Дружба народов. 1977. № 5. С. 285.

¹¹⁹ *Брюсов В. М.* Волошин: Стихотворения. М., 1910 // *РМ*. 1910. № 5.

* Букв. Вымышленные жизни (франц.). Здесь — Лики творчества.

¹²⁰ Письмо к Ю.А. Галабутскому от 30 апреля 1925 г. // *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 30.

¹²¹ Библиографию рецензий на книгу Волошина см.: Русские советские писатели: Поэты. Т. 5. С. 281–282. Укажем также на рецензию, пропущенную в этом издании. Рецензент пишет о Волошине: «Какой это тонкий, красиво чувствующий человек. Именно – человек. И человеческое “интимное” переживание – лучшее, что дает Волошин (<...>) Может быть, лучшее, что пока сделал “Гриф”, – это издание Волошина» (Московская газета. 1910. № 5. 1 марта. С. 6. Подпись: Б.).

¹²² О высокой оценке Брюсовым формальных достижений Волошина-поэта можно судить также по воспоминаниям В.И. Язвицкого, который приводит брюсовскую фразу: “...пожалуй, кроме меня и Макса Волошина, ни у кого нет правильного сонета” (Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н. Ашукин. М., 1929. С. 347). В связи с этим признанием версификационного дара Волошина укажем на один любопытный эпизод, имеющий непосредственное отношение к теме творческого взаимодействия двух поэтов. Летом 1905 г. в Париже Волошин написал стихотворение “Зеркало”:

Я – глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
 Чтоб этот мир дробить и отражать...
 И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
 Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
 Над синим городом, а в воздухе гроза –
 В меня глядят бессонные глаза
 И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
 И тени движутся, отходят, вырастая.
 И тикают часы, и капает вода,
 Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
 В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
 И я молю его: “Останься, будь во мне, –
 Не прерывай рождающейся муки”...

И вновь приходит день с обычной суетой,
 И бледное лицо лежит на дне – глубоко...
 Но время, наконец, застынет надо мной,
 И тусклою плевою мое затянет око!

(Волошин М. Стихотворения, 1900–1910. С. 59–60)

Стихотворение это появилось во французском переводе (*Ecrits pour l'art*. 1905. Nr. 8. Oct. P. 492; перевод этого, как и двух других стихотворений Волошина, помещенных там же, был подписан А.В-т, то есть Bauler – девичья фамилия А.В. Гольштейн). Позднее оно было опубликовано по-русски (*РМ*. 1907. № 12. Отд. 1. С. 129). Своей темой и ее образной трактовкой оно не могло не заинтересовать Брюсова, которому также были близки “зеркальные” мотивы (см., например, его рассказ “В зеркале” (1902), вошедший в книгу “Земная ось”). Не зная стихотворения в оригинале, он предпринял попытку воссоздать волошинский текст по французскому переводу. В архиве Брюсова в папке, озаглавленной им “Шутки” и объединяющей шуточные посвящения, эпиграммы, буримэ, пародии, сохранилось стихотворение, родившееся из этого эксперимента:

Перевод стихов М. Волошина с французского перевода.

Перевод из Макса Волошина

Как око без ресниц, я брошено на землю,
 Чтоб раздроблять весь мир, чтоб мир весь отражать.
 Скользят видения... Я чувствую, я внемлю
 Но не могу их удержать!

О сколько раз, во мгле, когда дымятся трубы
 Над синим городом, и воздух полн грозой,
 Бессонные глаза в меня глядят, и губы,
 Иссохшие в агонии глухой.

Во мне есть комната – едва журчит вода
 И тени движутся, уходят, вырастая,
 Часы стучат тик-так, едва журчит вода,
 Вопрос вопросами сменяя.

И чувство смутное трепещет в глубине,
 То нежная тоска, немое опасенье,
 И я его молю: “О будь! о будь во мне,
 Не прерывай идущего мученья!”

Приходит снова день, с ненужной суетой.
И бледное лицо лежит во мне глубоко.
Но время наконец застынет надо мной
И тусклой пеленой мое покроет око.

26 марта 1906.

Валерий Брюсов.

(ГБЛ. Ф. 386, 15.1. Л. 4)

Как убедительно показывает сопоставление текстов стихотворений, Брюсов не подвели его поэтическая интуиция и мастерское владение стихотворной техникой: некоторые волошинские строфы оказались "угаданными" почти дословно, в большинстве случаев распознана и воспроизведена рифмовка оригинала (в трех строфах из пяти в брюсовском переводе рифмующиеся слова и их положение те же, что и у Волошина).

¹²³ ЛН. Т. 85. С. 203.

¹²⁴ РМ. 1916. № 6. Отд. 4. С. 2. Впечатления Брюсова от "холодных" и "искусных" стихов Волошина имели, впрочем, и свою негативную сторону; не делая соответствующих акцентов в печатных отзывах, Брюсов, однако, мимоходом отметил в записной книжке (1911 г.): "М. Волошин. *Фальшивость* его стихов, их чув(ст)в" (ГБЛ. Ф. 386, 4.35. Л. 53об.).

¹²⁵ РМ. 1916. № 6. Отд. 4. С. 1–2.

¹²⁶ Там же. С. 2. Высылая рецензию на эту книгу Волошина для "Русской мысли", Брюсов сделал оговорку в письме от 26 марта 1916 г. к секретарю редакции А.П. Татариновой: "Моя точка зрения на его стихи не бесспорна (...)" (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 46).

¹²⁷ В частности, определенные колебания Брюсов испытывал в решении вопроса о публикации статьи Волошина "Судьба Льва Толстого" (РМ. 1910. № 12), который он обсуждал с редактором журнала П.Б. Струве. 13 ноября 1910 г. Брюсов писал ему о статье Волошина: "Эта последняя крайне парадоксальна, и я колеблюсь, печатать ли ее, хотя во всяком случае она интересна и не банальна. Ее идея: что Толстой всю жизнь искал и не мог найти несчастья и что в неумолимом житейском благополучии – его трагедия" (Лит. архив. С. 301); на следующий день, 14 ноября, Брюсов вновь в письме к Струве возвращался к этому вопросу: "Статью Макса Волошина о Толстом я сказал набрать (...) я бы эту статью при других напечатал. Но вполне понимаю, что найдете очень много доводов против помещения этой статьи, даже при согласии Волошина (которое он мне дал) на различные редакционные в ней смягчения" (ИРЛИ. Ф. 444. Ед.хр. 43).

Ознакомившись с "Судьбой Льва Толстого" в корректуре, Струве в письме к Брюсову от 19 ноября 1910 г. сообщал о своем решении: "Я согласен на напечатание (...) статьи – она действительно не банальна и хорошо написана – с обязательным исключением отмененных мною мест в конце" (Там же. Ед.хр. 61). Какие именно фрагменты текста Струве изъясил из статьи Волошина, не установлено.

¹²⁸ См.: Реферат В.Я. Брюсова о романтизме // РВ. 1910. № 279. 3 дек.; Волошин М. Литературная жизнь // Рус. худож. летопись. 1911. № 1.

¹²⁹ См.: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 291.

¹³⁰ Дарственные надписи Брюсова Волошину: на книге "Все напевы (1906–1909 гг.)" – "Максимилиану Александровичу Волошину дружески Валерий Брюсов. 1909, Пб." (Дом-музей М.А. Волошина, Коктебель); на книге "Зеркало теней. Стихи 1909–1912 гг." – "Дорогому Максимилиану Александровичу Волошину в знак неизменной дружбы Валерий Брюсов. 1912. В день выхода книги и моих именин 9 марта" (Радянське літературознавство. 1974. № 2. С. 83).

Дарственная надпись Волошина на его книге "О Репине" (М.: Оле-Лукойе, 1913) не только характеризует отношение автора к критической кампании по поводу его выступления о картине Репина "Иван Грозный и сын его Иван", но и сообщает дополнительные сведения о его общении с Брюсовым, занявшим в этом инциденте, как видно из приведенных Волошиным слов, осторожную позицию: «Валерию Брюсову Максимилиан Волошин. "Я принужден был подчиниться мнению большинства" (В.Б.). Разговор 19 фев(раля) 1913. "Вечер памяти Комиссаржевской)"» (Купченко В., Марков А. Как знак... в дар... на память...": Дарственные надписи М.А. Волошина на книгах // Дружба народов. 1984. № 7. С. 233). Надпись на книге статей Волошина "Лики творчества" (М., 1914) содержит намек на их бывшее тесное общение: "Валерию прежних дней с любовью. Максимил(иан) Волошин. 7.И. 1914 г. Коктебель" (Там же).

¹³¹ Письмо хранится в фондах Феодосийской картинной галереи.

¹³² Этим днем датирована надпись Волошина на его книге Иверни. (Избранные стихотворения). М.: Творчество, 1918: "Дорогому Валерию Яковлевичу память совершеннолетия нашего знакомства (1903–1924 = 21). Максимилиан Волошин. 28.ИИ.1924. Москва" (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1004). Рассказ Волошина об этой встрече с Брюсовым сохранился в дневниковой записи М.С. Альтмана от 9 августа 1929 г. (см.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 585–586).

¹³³ См. наст. публ., прилож. № 2; Гроссман Л. Борьба за стиль: Очерки по критике и поэтике. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 281–297; Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. Т. 3. М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 57–58, 66–70; Андрей Белый. Начало века. С. 476–479. См. также: Опалов В.Г. В.Я. Брюсов в Крыму // Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии (бывш. Таврической ученой архивной комиссии). Симферополь, 1929. Т. 3 (60-й). С. 163–164; Мануйлов В.А. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // Чтения 1971. С. 458–474; Купченко Вл. Лето 1924 года в Коктебеле // Новый журнал. Кн. 168–169. Нью-Йорк, 1987. С. 239–259.

¹³⁴ ГБЛ. Ф. 620. Архив К.И. Чуковского.

¹³⁵ Стихотворение впервые опубликовано Э.Ф. Голлербахом с предисловием, поясняющим обстоятельства его написания (Красная газета. 1926. № 238. 9 окт.); вошло в кн.: Брюсов В. Неизданные стихотворения. М.,

1935. С. 246–247. В архиве Волошина сохранились автограф этого стихотворения Брюсова, а также автографы его же стихотворений “Портрет женщины” (“Он в старой раме, с блеклыми тонами...” – III, 434–435) и “Соломон” (“Что было? Вихрь тысячелетий...” – Там же, 435–436), написанных в Коктебеле соответственно 23 и 26 августа на поэтических конкурсах, проводившихся среди гостей дома Волошина; кроме того, у Волошина сохранился более ранний автограф Брюсова – “Баллада” (“Приходи путем знакомым...”). См.: *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 6. Ед.хр. 111.

¹³⁶ Запись Брюсова впервые опубликована в статье: *Мамонтов В.А.* М.А. Волошин и В.Я. Брюсов. С. 64.

¹³⁷ *ГПБ*. Ф. 1015. Ед.хр. 517. В том же письме Волошин затрагивает обстоятельства болезни и смерти Брюсова: “Смерть Вал(ерия) Як(овлевича) очень потрясла. Но мы к ней уже были заранее подготовлены, т(ак) к(ак) из письма Габричевских знали, что он по приезде в Москву заболел крупозным воспалением легких – эту болезнь благополучно выносят только в детском возрасте. Умер ли он преждевременно? Эмоциональное чувство говорит: да. Но вот Серг(ей) Вас(ильевич) Ш(ервинский), бывший все время болезни при В.Я., писал мне со слов своего отца, пользовавшего В.Я. во время его последней болезни, что организм В.Я. был истрепан и истощен вконец. Сыграли роль и наркотики, которыми он злоупотреблял в различные эпохи жизни и от которых с трудом отошел лишь последнее время, и запущенный туберкулез, и запущенный плеврит. (...) Если все это так, то жалеть о преждевременности не приходится. Напротив, в смерти казалось то, что было в лучших стихах В.Я.: умение круто и сразу оборвать. Нет: смерть В.Я. хоршая смерть, потому что в жизни его не осталось ни недоговоренности, ни лишних слов”.

¹³⁸ Письмо в полном объеме опубликовано в статье В.А. Мануйлова “Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин” (см. прим. 1, с. 473–474). Ср. письмо Волошина к Андрею Белому от 15 ноября 1924 г.: “Глубоко потрясла смерть Валерия Яковлевича. И в то же время чувство глубокой благодарности судьбе, что она дала так хорошо и дружески с ним проститься и на прощанье увидеть его таким умиротворенным и простым, каким он был здесь. Было бы очень тяжело проститься с ним с тем равнодушным недружелюбием, которое установилось к нему последние годы” (*ГБЛ*. Ф. 25, 13.12).

1. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Paris. Rue et hôtel Port Mahon*

7 Floréal, an 111¹ (12/25 апреля 1903 г.)

Дорогой Макс Александрович.

Вместо Крыма мы оказались в Париже². Но я не теряю надежды быть и в Крыму. Сообщите точно и крайне, до какого дня пробудете Вы³. Отвечу определенно.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Открытка с репродукцией: “Paris. Gare de l’Est” (Париж. Восточный вокзал). Почт. шт.: Paris. 25.4.03; Феодосия. 18.4.1903.

¹ Дата по французскому республиканскому календарю: 7 флореаля 111-го года Свободы – проставлена неточно. В действительности 25 апреля – 6 флореаля (согласно Календарю французской революции 1789 г., флореаль, т.е. месяц цветения, длился с 20 апреля по 19 мая).

* Улица и гостиница Пор-Маон (франц.).

М.А. ВОЛОШИН

Фотография Д. Антонопуло. Феодосия, 1903

Литературный музей, Москва

² О шестнадцатидневном пребывании Брюсова в Париже в апреле 1903 г. см.: *Дневники*. С. 131–132.

³ По всей вероятности, после регулярного общения с Брюсовым в Москве в феврале-марте 1903 г. Волошин, уезжавший 21 марта в Крым, пригласил его к себе в Коктебель.

2. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

19 avril (2 мая) 1903.
Феодосия. Коктебель.

Валерию Брюсову – Макс Волошин.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Приветствую Вас в Париже!

Вот Вам мои заветы:

- 1) Пойдите в *Ecole de Pharmacie* посмотреть фрески Бэнара¹.
- 2) Пойдите в *Hôtel de Ville* посмотреть фрески Пювис де Шаваня².
- 3) Пойдите в большой Амфитеатр Сорбонны посмотреть его же фреску.
- 4) Поднимитесь перед сумерками в купол *Sacré Coeur*³ посмотреть меркнущий Париж и побудьте некоторое время в странном замкнутом пространстве внутри купола.
- 5) Поезжайте по Сене до *Bellevue*⁴. Подымитесь по фуникулеру и пройдите налево по аллее на Медонскую террасу.

6) Затем я хочу, чтобы Вы видели вещи Одилона Редона⁵.

Вот письмо к моей очень хорошей знакомой Александре Васильевне фон-Гольштейн. Она Вам покажет его “Искушение Св. Антония” и, если хотите, познакомит Вас с ним. Я, кажется, говорил с Вами об Редоне.

Его вещей нет в музеях. Есть только в Галерее Эстампов (в Национальной библиотеке) его альбом. Непременно взгляните. *M-me Holstein* – в высшей степени интересный человек. Она 30 лет живет в Париже и притом исключительно в литературно-художественном мире Парижа. Она может быть очень интересна для Вас. Ее адрес: *Passy. 75. Rue de la Tour*. Ее можно застать в субботу от 4 до 6 1/2⁶.

7) Другое письмо к Кругликовой – художнице. Там Вы увидите всю богему и молодых поэтов⁷.

8) В 2 часа ночи пойдите на *Rue des Innocents* около *Halles* в *Caveau des Innocents*⁸ (Парижская резиденция Бальмонта).

Я пробуду до самого конца июня в Крыму. Точно день моего отъезда не назначен.

Я его назначу в связи со сроком Вашего приезда.

Отъезд всегда можно отложить на несколько дней.

Жду с яростью и энергией⁹.

Поклоны.

Ответ на п. 1.

¹ Поль Бенар (Besnard; 1849–1934) – французский живописец. К числу его ранних работ принадлежит серия декоративных панно для Фармацевтической школы (*Ecole de Pharmacie*) в Париже, выполненных в манере, близкой к импрессионизму (1883).

² Пьер Пюви (Пювис) де Шаванн (Puvis de Chavanne; 1824–1898) – французский художник, один из родоначальников символизма в живописи. В зрелые годы им был выполнен ряд заказов по украшению общественных зданий, в том числе Пантеона (1875–1877, затем 1897–1898), Сорбонны (1887–1889), Городской ратуши (*Hôtel de Ville*, 1891–1893).

³ *Sacré Coeur* (“Святое Сердце”) – известный парижский собор, воздвигнутый на Монмартрском холме по проекту архитектора П. Абади. Строительство начато в 1875, закончено в 1914 г. Высота колокольни 100 м, основного купола – 83 м. Перед собором находится терраса, с которой открывается панорама Парижа.

⁴ *Bellevue* – пригород Парижа, административно подчиненный г. Медону (департамент Сена-и-Уаза).

⁵ Одилон Редон (Redon; 1840–1916) – французский художник, один из крупнейших представителей символизма в живописи; в 1880–1890-е годы был тесно связан с Малларме и его кругом.

Волошин познакомился с Редоном в начале 1904 г.: история его взаимоотношений с художником прослеживается, в частности, по его письмам к Брюсову. Увлечение искусством Редона было у Волошина чрезвычайно глубоким и длительным: он неоднократно писал о творчестве французского художника (пос-

ледний раз в 1917 г., сразу же после смерти Редона), посвятил ему несколько своих стихотворений. В сущности, Волошин был первым в России поклонником и пропагандистом искусства Редона. Подробнее о взаимоотношениях Волошина и Редона см. в комментариях К.М. Азадовского к статье Волошина “Одилон Редон” (*Волошин М. Лики творчества*. С. 653–655). Два письма Редона к Волошину включены в публикацию П.Р. Заборова “Из писем деятелей французского искусства к М.А. Волошину” (см.: *Русская литература и зарубежное искусство: Сборник исследований и материалов*. Л., 1986. С. 349–351).

⁶ Александра Васильевна *Гольштейн* (в литературе выступала под своей девичьей фамилией А. Баулер; 1849–1937) – русская писательница, переводчица, критик; постоянно проживала в Париже. Волошин познакомился с нею в мае 1901 г., впоследствии постоянно посещал ее парижскую квартиру. А.В. Гольштейн оказала определенное воздействие на становление литературных и художественных вкусов Волошина, познакомила его с рядом французских литераторов и художников, а также с многими представителями “русской колонии” в Париже. Волошин посвятил А.В. Гольштейн раздел “Алтари в пустыне” своей книги “Стихотворения, 1900–1910”. “Она — одна из самых близких друзей моих (...)”, – писал Волошин об А.В. Гольштейн в 1909 г. С.К. Маковскому. – Она очень близка с Одилоном Редоном и с Гилем, она живет уже около 30 лет в Париже и все это время была непосредственно близка к движению символистов. Она может достать Вам в Париже письма и рекомендации решительно к кому угодно” (ГПБ. Ф. 124. Ед. хр. 975).

Текст письма Волошина к А.В. Гольштейн, приложенного к настоящему письму, неизвестен. Брюсов воспользовался рекомендацией Волошина; ср. его запись: “Были еще у Гольштейн (старуха, живущая в Париже). Показывали мне Редона. Я не очарован” (*Дневники*. С. 132). Достаточно скептическим было и мнение А.В. Гольштейн о Брюсове, сложившееся в результате личного знакомства и затем его лекции “Задачи искусства” 21 апреля/3 мая в кружке русских студентов (*Association des étudiants russes*). 7 мая 1903 г. она писала Волошину: «Познакомилась здесь с Брюсовым. Очень симпатичный и славный, и жена его очень славная, но умом он меня не удивил. Он здесь читал реферат о задачах искусства (кажется, так), и я нашла, что его эстетика недопеченая. Отчего это так мало знают и так неясно думают русские люди, даже умные, как Брюсов? Между нами говоря, я не думаю, что из этого “пророка” (как он зовет себя в приведенном Вами стихотворении) выйдет что-нибудь, кроме обстоятельного литератора. (...) Читал он нам свои неизданные стихотворения – очень недурно, но без всякого размаха. Но я рада, что познакомилась с ним – он очень, очень славный. Знаете, кто мне в нем чувствуется? Добролюбов. – На его реферате были большие скандалы, крики, вои, ругань. Он реферат читал, Вяч. Иванов свои стихи, а Ваш шустро-глупый Поляков председательствовал, дразнил публику своим воем, криками и стуками кулаком по столу...» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438; упоминаются: Н.А. Добролюбов; беллетрист и журналист Соломон Львович Поляков (псевдоним С. Литовцев; 1875–1945), парижский знакомый Волошина).

⁷ Елизавета Сергеевна *Кругликова* (1865–1944) – художник-график, мастер офорта, монотипии и силуэта. В ее парижской мастерской на улице Буассонад, 17 собиралась в начале века литературно-художественная молодежь (французы и русские), среди которых было немало видных впоследствии деятелей искусства. “В жизни русской художественной колонии последних пятнадцати лет наиболее видная роль, вне всякого сомнения, принадлежит художнице Е.С. Кругликовой”, – писал в 1916 г. известный живописец и искусствовед С.П. Яремич. – Едва кто-либо из людей, причастных с какой-либо стороны к художественному миру, посещавший Париж в период времени между Всемирной выставкой 1900 года и кончая первым полугодием 1914 г., не побывал хоть мельком на пестрых собраниях в ателье художницы на rue Boissonnade (...) Здесь же нередко читал свои стихи Бальмонт, а иногда поэт давал предпочтение беседе о дорогих его сердцу предметах. Муза М. Волошина нашла своих первых ценителей и поклонников на собраниях Кругликовой. Тут же очень часто слышались в спорах проникнутые тонкой иронией замечания Н.М. Минского. Русский язык постоянно сменяется журчанием французской речи, так как здесь довольно часто появлялись в разное время наряду с русскими знаменитостями Ромен Роллан, Поль Фор, Рене Гиль, Дени Рош, Шарль Герен и многие другие писатели и художники” (*Яремич С. Париж в отражении русской художницы // Биржевые ведомости*. 1916. № 15448. 18 марта. Утр. выпуск). Е.С. Кругликова оставила интересные воспоминания о Волошине (1933), опубликованные в кн.: *Максимилиан Волошин – художник: Сб. материалов*. М., 1976. С. 98–103. См. также отзывы ее воспоминаний о совместных с Волошиным путешествиях в Андорру (1901) и Италию (1902) в кн.: *Елизавета Сергеевна Кругликова: Жизнь и творчество*. Сб. Л., 1969. С. 46–49.

О посещении мастерской Кругликовой Брюсов записал: “Был у Кругликовой на субботу. Была суббота неудачная. Французов-поэтов не было (самый известный Lacuzon). Были какие-то русские, с которыми говорили мы о домашних делах...” (*Дневники*. С. 132).

⁸ Rue des Innocents – улица Невинных; Halles, точнее, Halles Centrales – Центральный рынок; Caveau des Innocents – Погребок Невинных. Е.С. Кругликова вспоминает: «Макс очень быстро изучил Париж до мельчайших подробностей и придумал интересные прогулки. Я нередко бранила его за выбор “кратчайших путей”, оказавшихся самыми длинными. Иногда прибежит ночью, перелезет через ограду и неистово стучит в дверь. Заставит подняться и тащит нас в Halles Centrales, то на Монмартр, то еще куда-нибудь, к восходу солнца» (*Максимилиан Волошин – художник*. С. 98–99).

⁹ В 1903 г. Брюсов в Коктебель не приехал. Волошин прожил в Крыму до ноября 1903 г.

3. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 1903 (около 10-го октября)

Дорогой Макс Александрович!

Слышал от Елиз(аветы) Серг(еевны)!¹, что Вы в Японию не уехали². Так ли? Откликнитесь. Я перед Вами виноват молчанием. Но не решился писать, думая, что Вас давно нет в Европе.

Ваш Валерий Брюсов.

Датируется по связи с п. 4.

¹ Е.С. Кругликова в октябре 1903 г. была в Москве, где встречалась с Брюсовым. 25 октября 1903 г. она писала ему: "Сегодня еду в Птб. на несколько дней, а вернувшись оттуда – сейчас же в Париж" (ГБЛ. Ф. 386, 90.54).

² О намерении Волошина посетить Японию сообщал Брюсову из Парижа еще в январе 1903 г. А.С. Яценко, характеризуя молодого поэта в своих двух рекомендательных письмах: "Теперь он уезжает на несколько лет в Японию и Индию и уезжает туда с единственной целью, с которой следует ездить, с целью узнать, что эти люди других рас, культур и историй мыслят о жизни, о Боге, о духе и как они смотрят на поэтическое творчество" (5 января 1903 г.); "Он (...) теперь направляется на четыре года в Японию, Индию и Южную Америку изучать искусство и восточные религии" (10 января 1903 г.) (ГБЛ. Ф. 386, 110.37).

Идея совершить длительное путешествие на Восток была у Волошина давней и очень устойчивой. Еще в 1901 г., находясь в Ташкенте, он задумал "после окончания курсов в Париже, т.е. через 4–5 лет, изучивши какое-нибудь ремесло, отправиться странствовать пешком, по Индии, Китаю и Японии, чтобы познакомиться с этими культурами не с европейской точки зрения, которая всегда будет высокомерно-презрительной, а с вполне объективной" (письмо к А.М. Пешковскому от 11/24 января 1901 г. – ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 99). Стремление на Восток особенно усилилось у Волошина в конце 1902 г. в Париже, после знакомства с тибетским хабу-ламой Агваном Доржиевым, которое стимулировало его интерес к буддизму. Собираясь из Парижа на родину, Волошин писал 1 января 1903 г. А.М. Петровой: "Мне хочется сделать хороший глоток русского воздуха и тогда на восток опять на несколько лет до нового перевоплощения и до новой трансформации" (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). В тот же день Волошин сообщал Я.А. Гловову, что он намерен "побывать в Петербурге и в Москве и завести литературные знакомства" – в частности, и для того, чтобы затем публиковать "иллюстрированные записки с Востока" (Там же. Ед. хр. 29). Наиболее подробно и отчетливо Волошин изложил свои планы в письме к А.М. Пешковскому от 15 декабря 1902 г.: "Я уеду в начале мая в Крым, а осенью через Сибирь проеду в Японию (...) В Японии я проведу следующую зиму. Это будет началом моего кругосветного путешествия, на которое я решил истратить половину своих денег. (...) Россия была для меня тезой, Париж антитезой, а восток будет окончательным синтезом для моих взглядов. Я еду искать вне-европейской точки опоры, чтобы иметь право и возможность судить Европу. Япония мне даст вне-европейскую точку для искусства, Китай – для государства, Индия – для философии. Оттуда я вернусь через Полинезию и Южную Америку. Южную Америку потому, что там должна сохраниться свежее, чем где-нибудь, старая средневековая оригинальная и здоровая Европа. Когда я это сделаю, я себя сочту вправе вернуться в Россию, писать, критиковать и оценивать" (Там же. Ед. хр. 99).

Сохранились рекомендательные письма из Парижа, которыми Волошин мог воспользоваться на пути в Японию: три письма А.В. Гольштейн – на станцию Кайдалово Забайкальского округа Будде Рабдановичу Рабданову (6 января 1903), в Иркутск Т.М. Фарафоновой (5 января 1903), в Селенгинск хамбо-ламе Бандидо Ирелтуеву (6 января 1903), а также письмо А.С. Яценко в Иркутск А.М. Образцовой (7 января 1903) (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 4).

В краткой автобиографической канве, составленной в 1925 г. для Ю.А. Галабутского, Волошин зафиксировал среди важнейших для себя событий 1903 г.: "Сборы в Японию: несостоявшееся путешествие(ие) благодаря войне" (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 14). Данное здесь объяснение не вполне достоверно: русско-японская война началась 27 января 1904 г., когда Волошин, уже отказавшись от поездки в Японию, поселился в Париже.

Колоритно, и притом весьма едко, отобразил "ориенталистские" и "декадентские" увлечения Волошина его знакомый Е.В. Деген в своем письме к А.В. Гольштейн от 18 апреля/1 мая 1903 г. "В Москве, – рассказывал Деген, – куда я проехал из Петерб(урга), я застал еще Макса. Вы ведь знаете, что он собирается на Восток на 5 лет? Там он намерен учиться рисовать в Японии, изучать госуд(арственное) устройство в Китае и вырабатывать философское мирозерцание в Индии. Несмотря на эти широкие намерения, я все-таки нахожу, что у него нет серьезного стремления к знанию. Я нахожу даже, что в области красоты у него нет примитивного верного чутья, к(ото)рое бы заставило идти в каком-нибудь определенном направлении. В погоне за необычными сенсациями (derniers frissons) он папилюирует* по верхушкам сезонных цветов, и больше ничего. Он говорит, что это-то и значит "жить", а я думаю, что это значит даром хлеб есть. Его эстет(ические) ощущения ни для кого не принесут радости, и придет момент, когда он сам ими обьестся. Ис-

* от франц. papillonner – порхаться.

куство, поэзия, красота – это не конфеты, к(ото)рые за грош можно достать во всяких столичных кондитерских, а хлеб насущный, к(ото)рый добывается мозольным трудом и жертвами; только тогда эти вещи могут доставить и прочное наслаждение... Теперь Макс предался *corps et âme** Бальмонту, Валерию Брюсову и тому подобным головоногим, говорит о них с благоговением, выступает вместе на эстраде со своими стихами. Им шикают и свистят, и Макс в восторге: он говорит, что в Париже это называется успехом” (оригинал письма хранится в библиотеке Колумбийского университета (США); с его текстом любезно ознакомил нас американский славист М. Вахтель. Об Евгении Викторовиче Дегене, отце поэта и критика Ю.Е. Дегена, см. в статье о последнем Т.Л. Никольской и Н.А. Богомолова в кн.: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92).

4. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

Villa Peleata. Коктебель. Феодосия. Крым.
(14 октября 1903)

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я не только еще в России, но даже еду скоро в Париж¹.

По многим соображениям и обстоятельствам я отложил Восток. Может, года на два.

В Москве весной я был настолько “человеком, едущим в Японию”, что мне теперь по дороге в Париж стыдно туда показаться.

Мне бы хотелось знать адрес Бальмонта. И Екатерины Алексеевны², если они не вместе.

Потом я хочу сказать об моих стихотворениях в “Новом Пути”³. Они подверглись таким искажениям, что я их не могу считать своими. Почти все эпитеты изменены и совершенно нелепо⁴.

Вот образцы:

Стихотворение “Париж” (Ш)

У меня:

...*Мир* *стряхнул* покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Уже вспыхнул яркий лист
Небо целый день *моргает*
Прыснет дождик, *брызнет* луч,
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч...

...*Утро пасмурно*... Париж,
Очертанья *сизых* крыш
Скрылись в *дымчатой* вуали
Расплылись в жемчужной дали
...Ночью грустно. *От огней*
Иглы тянутся лучами
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листьями.

Напечатано:

Отлетел покров туманов

Небо целый день *играет* (?)
Брызнет дождик, *брызнет* (bis) луч

Покрывало сизых туч.

Утро. Пасмурный Париж,
Очертанья синих крыш
Скрылись в *траурной* (?) вуали

вкруг огней
Тени борются с тенями
От покинутых (?) аллей
Пахнет мокрыми листьями.

Другие стихотворения сокращены так, что совершенно нарушен их музыкальный смысл.

Напр(имер), в стихотворении “Охота” (VI) пропущена первая строфа:

Небо запуталось звездными крыльями
В чаще ветвей. Как колонны стволы.
Падают, выются, ложатся с усилиями
По лесу полосы света и мглы...

* душой и телом (франц.).

Есть и такие вещи: при описании Парижа (стих. “Пустыня” I) с высоты:

Уступы каменистых крыш
Слились в равнины темных линий.

Напечат(ано): Уступы *черепичных* (!? в Париже!!) крыш.

И еще много подобного⁵. Конечно, эти стихотворения не могу считать своими так же, как не считал бы своей картину, в которой кто-нибудь изменил бы все соотношения тонов.

Сперва я хотел требовать объяснений. Но увидел на обложке правила (к сожалению, поздно): Редакция имеет право *исправлять* рукописи и ни в какие объяснения по поводу стихов не вступает⁶.

Только статья Антона Крайнего (в сентябрьской книжке) со строками, посвященными мне, несколько утешила меня.

Какое добросовестное самобичевание!

С известными натяжками я его согласен принять за редакционное извинение⁷.

Что же касается “поэзии комми-вояжеров”⁸, то я натолкнулся на очень интересную цитату в октябрьской книж(к)е “Mercure de France”.

George Eekhoud в письмах из Брюсселя цитирует фразу одного учебника французской литературы о Бальзаке:

Au tempérament d’un artiste, il joignit l’esprit d’un commis-voyageur* (Me(r)cu(re) d(e) F(r)ance) 1903. Octobre, p. 259⁹.

Мне жаль, что я позволил напечатать свои стихи.

Не примите это за упрек. Я пишу Вам это только для того, чтобы оправдаться в шаблонных эпитетах и выражениях.

Не знаю, но, верно, я больше не буду печатать своих стихов. Книга стихов – это такая нелепость. Разве можно читать тетради с нотами? Книги со стихами или должны приобрести вполне характер нот, или исчезнуть. Тогда они заменятся устной передачей – нормальной и естественной жизнью стихов. Книга убивает стихотворную речь. Надо отказаться от нее и снова придать поэзии характер трувёрства. Стихи должны жить в человеческом голосе. Иначе они погибнут.

У меня долго была инстинктивная боязнь к печатанью и записыванью стихов¹⁰. Я жалею, что соблазнился.

Для стихов надо создать свой более полный звуковой алфавит, знаки для темпа и интонации – тогда они будут иметь смысл для немногих исполнителей.

До свиданья. Привет Вашим дамам.

P.S. Сообщите, пожалуйста, также адрес Балтрушайтиса¹¹.

Я пробуду в Коктебеле еще месяц.

Занят с утра до ночи живописью.

Ответ на п. 3 Почт. шт.: Феодосия. 14.X.1903; Москва. 17.X.1903.

Сохранился также черновой незавершенный вариант этого письма, в котором идет речь только о публикации стихотворений в “Новом пути” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 12); видимо, он был написан до получения п. 3.

¹ Волошин выехал из Москвы в Париж 27 ноября 1903 г.

² Екатерина Алексеевна *Бальмонт* (рожд. Андреева, 1887–1950) – переводчица, жена К.Д. Бальмонта, тетка М.В. Сабашниковой (впоследствии жены Волошина). Ей принадлежат воспоминания о Волошине, сохранившиеся в различных копиях (см.: ГБЛ. Ф. 374. Карт. 2. Ед. хр. 1; ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 131. Оп. 2. Ед. хр. 11; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 78).

³ Подборка из девяти стихотворений Волошина в журнале “Новый путь” (см. вступ. ст., прим. 28) – первое выступление поэта в символистском издании, осуществившееся при посредничестве Брюсова. 15 марта 1903 г. Волошин писал официальному редактору “Нового пути” П.П. Перцову: “Мои стихотворения были переданы Вал.Як. Брюсовым в Новый Путь. Мне необходимо знать, приняты ли они все целиком и когда они появятся (в июне или в июле?). Я наверное не знаю, какие именно стихотворения были отданы в Редакцию, и если Вы мне сможете это сообщить, я буду глубоко Вам благодарен. Мой адрес: Крым. Фео-

* По своему художественному темпераменту он обнаруживал духовное родство с коммивояжером (франц.).

дося. Коктебель. Из Москвы я уезжаю через 4 дня. Мне бы лично хотелось увидеть свои стихотворения в июне, т(ак) к(ак) в конце июня я оставляю Россию и Европу на несколько лет, так что позже не смогу их увидеть" (ИМЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 15). 19 марта Перцов отвечал Волошину: «Нами приняты следующие Ваши стихотворения: 1) Пустыня ("Монмартр... Внизу ревет Париж..."). 2) Via mala. 3) Париж ("Как мне близок и приятен..."). 4) "Я – вечный жид..." 5) Охота. 6) Valdemosa. 7) Венеция ("Венеция – сказка..."). 8) "Спустилась ночь... Погасли краски..." 9) Тангейзер. Часть этих стихотворений, вероятно, будет помещена в июньской книжке (...) Стихотворение "Она", также нам переданное, при сем возвращается» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 943). Все стихотворения, перечисленные Перцовым как принятые, были опубликованы в "Новом пути".

⁴ Ср. в неотправленном варианте письма: "Почти все более оригинальные и верные сравнения и эпитеты заменены банальными и ничего не значащими". Исправления были сделаны П.П. Перцовым. Последний в письме к Брюсову от 13 марта 1904 г. упоминал о волошинских «несчастных "комми-вояжерских" куплетах», которые он сам "так неудачно штопал" (ГБЛ. Ф. 386, 98. 12).

⁵ См.: НП. 1903. № 8. С. 43–44, 48, 39. В неотправленном варианте письма Волошин дополнительно указывал: "Пропущена тоже заключительная строфа стихотворения VII". См. стихотворение "Спустилась ночь. Погасли краски..." (Там же. С. 40). В сборнике "Стихотворения, 1900–1910" во всех случаях восстановлены авторские варианты текста.

⁶ Ср. неотправленный вариант письма:

"Посоветуйте, что мне теперь делать.

Я только теперь прочел на обложке, что Редакция по своему усмотрению сокращает и исправляет рукописи и по поводу стихотворений ни в какие объяснения не вступает. Так что письменно обращаться в редакцию мне бесполезно.

Но самое явление мне кажется настолько возмутительным, что оставить его без последствий я не могу.

Что же делать? Требовать, чтобы Новый Путь напечатал мое заявление о том, что я не могу себя признать автором стихотворений, подписанных моим именем? Начинать литературный процесс по вопросу о собственности эпитета и сравнения?

Я совершенно не знаю и мне не с кем посоветоваться".

⁷ Ирония Волошина объясняется тем, что в статье Антона Крайнего (псевдоним З.Н. Гиппиус) "Нужны ли стихи?" (НП. 1903. № 9. С. 246–254) была дана в пренебрежительно-снохобительном тоне мимолетная характеристика его поэтического облика – на основании стихотворений, помещенных в предыдущем номере "Нового пути". Ср. иронический отклик А.М. Петровой в недатированном письме к Волошину: «Милейший "комми-вояжер", объясните мне, пожалуйста, каким образом сотрудники "Нового Пути" до сих [пор] не передрались сами и не поколотили г. Перцова? (...) В августе г. Перцов любезно представил нам поэта Макса Волошина; в сентябре тот же г. Перцов спустил Антона Крайнего (поразительная предугадывательность!), уверяющего тех же читателей, что Макс Волошин – "поэт-комми-вояжер"» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 950).

⁸ В стихах Волошина З.Н. Гиппиус усмотрела образчик заемного, эклектичного и неглубокого творчества, свойственного, по ее определению, "поэтам-комми-вояжерам": «Душа комми имеет способность наряжаться во всякие одежды, извне, издали, очень современные, – и с первым прыжком их сбрасывает, запылив. Такие души встречаются и у стихосложителей, – у поэтов. Да, все-таки у поэтов, потому что ведь и комми-вояжер – молится. Только у него свои, комми-вояжерские молитвы (...) Укажу из множества таких поэтов на одного, очень мало известного, – но он сейчас под руками. Это – Макс Волошин. Его "молитвы" были напечатаны в августовской книжке "Нового Пути". Так как комми-вояжерские души не редки и у читателей, то молитвы эти, конечно, нашли отклик в соответственных местах, несмотря на всю их "последнюю модность", которая хотя еще притвориться "современностью" и запугать" (НП. 1903. № 9. С. 250–251). При всей своей предвзятости и памфлетной окраске определение "комми-вояжера" в известной степени закрепило за Волошиным, хотя и утратило ту оценочность, которая была в приговоре З. Гиппиус. В частности, Андрей Белый характеризует в мемуарах Волошина как культурного "коммивояжера" (Андрей Белый. Начало века. С. 227).

⁹ Жорж Экауд (Экаут; Eekhoud, 1854–1927) – бельгийский писатель, поэт и романист, член объединения "Молодая Бельгия". Автор известных в свое время романов "Новый Карфаген" (1888), "Эскаль Вигор" (1899) и др. В начале века Экауд вел в журнале "Mercure de France" постоянный раздел под названием "Брюссельская хроника" (Chronique de Bruxelles). В корреспонденции, помещенной в октябрьской книжке журнала (1903, vol. 48, № 166, p. 259), Экауд приводит "некоторые наиболее яркие перлы" из "Истории французской литературы", изданной в Брюсселе в 1903 г., в том числе и процитированные Волошиным слова о Бальзаке. Имя автора книги у Экауда не названо.

В № 11 "Весов" за 1904 г. в перечне книг, поступивших в редакцию журнала (с. 77), был упомянут новый сборник Экауда "L'autre vue" ("Иной взгляд").

¹⁰ Несколько месяцев спустя убежденность в том, что поэзия реализуется только "в человеческом голосе", претворится у Волошина в апологию анонимного творчества, которое так же, как и "травёрство", было отличительным признаком средневековой культуры. Анонимным мыслит Волошин и свой первый стихотворный сборник, который предполагал снабдить собственными иллюстрациями. «Я решил издать книгу своих стихов, – писал он в августе 1904 г. М.В. Сабашниковой. – Она будет называться "Годы странствий" (...) Имени на книге не будет. Только в конце книги, внизу на предпоследней странице надпись, как на плите готического собора: "Эта книга сложена тем-то, издана тем-то, окончена печатанием тогда-то". И больше ничего» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107).

¹¹ С Ю.К. Балтрушайтисом Волошин познакомился в Москве в феврале 1903 г. См.: Купченко В. Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин. // Дружба народов. 1978. № 1. С. 283–284. Дарственные надписи на книгах Волошина Балтрушайтису приведены в статье В. Купченко и А. Маркова “Как знак... в дар... на память...” (с. 234).

5. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.
Между 26 и 31 октября 1903 г.)

Дорогой Мак(с) Александрович!

Я напечатал свою книгу¹. Но не решаюсь послать ее Вам по Вашему слишком приблизительному адресу. Сообщите, можно ли? Но Е.С.² говорила мне, что Вы все-таки будете в Москве. Конечно, приезжайте. Это будет доказательством, что Вы переменили свое решение свободно. Это будет – свободой. А избегать Москвы – рабствование. Тогда книгу передам лично.

За письмо спасибо. Жалобы Ваши повторил Мережковским, которые здесь³.

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 4. Датируется по упоминанию о пребывании Мережковских в Москве (см. прим. 3).

¹ Книга Брюсова «“Urbi et orbi”. Стихи 1900–1903 гг.», вышедшая в свет в середине октября 1903 г.

² Е.С. Кругликова.

³ Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус были в Москве с 26 по 31 октября 1903 г. (см.: Дневники. С. 134).

6. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

1 ноября 1903.
Коктебель. “Пелеата”.

Валерию Брюсову – Макс. Волошин:

Cher Maître!

Позвольте мне в память наших весенних разговоров посвятить Вам это стихотворение, первые строфы которого я читал Вам еще в Москве:

КОГДА ВРЕМЯ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ.

По ночам, когда в тумане
звезды в небе время ткут,
я ловлю разрывы ткани
в вечном кружеве минут...
Я ловлю в мгновенья эти
как свивается покров
со всего, что в формах, в цвете,
со всего, что в звуке слов...
Да! я помню мир иной
Полустертый... непохожий...
В вашей жизни – я прохожий,
близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
мировых путей и сил,
в этот мир замкнутых граней
влил меня и воплотил.
Как ядро прикован к телу
шар земной. Сверхая путь,
вниз на звезды заглянуть
я решаюсь лишь несмело.
Мир отрывочен и пуст...
Необычно мне сознанье

знать весь мир как сочетание
лишь пяти отдельных чувств.
Что одни зовут звериным...
что одни зовут людским...
Мне, который был единым,
стать отдельным и мужским!
Вечность с жгучей пустотою
неразгаданных чудес
скрыта близкой синевою
примирающих небес...
Мне так радостно и ново
все обычное для вас...
Я люблю обманность слова
и прозрачность ваших глаз;
ваши детские понятия:
смерти, зла, любви, грехов –
мир души, одетый в платье
из священных лживых слов:
гармонично и поблекло
в них мерцает мир вещей,
как узорчатые стекла
в мгле готических церквей.

1

ноября

1903.

Коктебель.

„Федосия“

Василию Брюсову — Макс Волошин:

Cher maître!

Позвольте мне в память нашей вечерней
разговоры посвятить Вам это стихотворение,
первые строфы которого я пишу Вам же
в прозе:

.... Когда время останавливается.

Но когда, когда в тумане
звезда в редьт время тучит,
я люблю разрыви ткань
в втерит кружево мнуже ...
Я люблю в мнуже, эти
как свисает покров
свое, что в формах, в убит,
свое, что в звук слов ...

ПИСЬМО М.А. ВОЛОШИНА БРЮСОВУ

Автограф. Коктебель, 1 ноября 1903 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

В вечных поисках истоков
я люблю в себе следить
жутких мыслей и пороков
нас связующую нить . —

Когда ж уйду я в вечность снова,
и мне раскроется она,
так ослепительно ясна,
так беспощадна, так сурова...
и звездным ужасом полна!¹

Через несколько дней я буду у Вас.

Макс. В о л о ш и н.

Почт. шт.: Феодосия. 4.XI.03; Москва. 6.XI.1903.

¹ Первоначальная редакция стихотворения “Когда время останавливается”, впервые опубл.: *СЦ* 1905 (имеются варианты по отношению к публикуемому тексту). Ср. отклик на эту публикацию А.М. Петровой (в письме к Волошину от 12 мая 1905 г.): «... кто Вас просил так безжалостно “обработать” — “Когда время

остан(авливается)”?» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 950). В сборнике Волошина «Стихотворения, 1900–1910» стихотворение «По ночам, когда в тумане...» напечатано с посвящением Валерию Брюсову и пометой под текстом «Коктебель. 1903» (с. 39–40) как четвертое и заключительное в цикле под общим заглавием «Когда время останавливается»; здесь также имеются варианты по отношению к публикуемому тексту.

В письме к А.М. Петровой от 24 октября 1905 г. Волошин охарактеризовал «Когда время останавливается» следующим образом: «Я его считаю стихотворением не цельным – это энциклопедия целого периода и нуждается во многих комментариях. Но отдельные строфы очень ценны» (прим. Л.А. Евстигнеевой в кн.: Волошин М. Стихотворения. Л., 1977. С. 390 (Б-ка поэта. Малая серия)).

7. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 12 ноября 1903 г.)

Дорогой Макс!

Случилось неожиданно, что в четверг рано утром мне делают операцию. «Среды» у меня не будет¹. Хотел сообщить Вам это в «Скорпионе», Вас не было. *Непременно* жду Вас к себе после четверга².

1903.

Ваш В а л е р и й Б.

Местонахождение автографа неизвестно. Текст воспроизводится по копии, снятой М.С. Волошиной и любезно предоставленной нам В.П. Купченко. М.С. Волошиной дано описание оригинала:

Открытка. Адрес: «Здесь. Макс Волошину. Рахмановский пер., дом Грачева, кв. 15 (Пешковского)». Александр Матвеевич *Пешковский* (1878–1933) – близкий друг юности Волошина, впоследствии – видный ученый-лингвист, представитель русской формально-грамматической школы.

Датировано М.С. Волошиной по почт. шт.

¹ Традиционное поэтическое собрание на квартире Брюсова должно было состояться в среду 12 ноября. (Во второй половине 1903 г. Брюсов распространил типографски отпечатанное извещение, в котором объявлял о приемах у себя по средам: октября 1, 15, 29, ноября 12, 26, декабря 10). Операция (гайморит) была назначена на четверг 13 ноября. См.: *Дневники*. С. 134–135; *ЛН*. Т. 85. С. 370–371.

² После операции Брюсов записал: «Меня навещали: Макс Волошин, С.А. Поляков, Белый, Юргис, Бальмонт...» (*Дневники*. С. 135).

8. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 21 декабря 1903/3 января 1904 г.)

Дорогой Макс!

С.А.¹ – болен и потому подробный ответ наш замедлился. Мы согласны на предложенные Вами условия для Рэдона (300 fr.) и Моклэра² (15 fr. за страницу).

Прилагаемые воззвания³ просим *распространить* по маленьким редакциям (*большим*, «*Plume*»⁴, «*Mercure*»⁵ etc., мы сами послали).

Ваш В.Б.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 21.XII.1903; Paris. 6.I.1904.

Письмо, по всей вероятности, представляет собой ответ на неизвестное нам письмо Волошина из Парижа (где он жил вновь с начала декабря 1903 г.), обращенное к Брюсову или С.А. Полякову, в котором оговаривались условия сотрудничества в «Весах» французских литераторов и художников.

¹ Об С.А. Полякове см. наст. кн. Переписка с Поляковым, вступ. ст. Н.В. Котрелева.

² Камилль Моклер (Maclair; 1872–1945) – французский поэт, романист, художественный критик и историк искусства. В начале своего пути Моклер испытал сильное влияние Малларме, Метерлинка и других символистов. После смерти писателя А. Орье (1892) Моклер вел отдел художественной критики в журнале «*Mercure de France*». Автор эссе о Малларме (1894), Ж. Лафоре (1896), сборника стихотворений «Осенние сонаты» (1894), романа «Солнце мертвых» (1898). Книга Моклера «*L'impressionisme. Son histoire, son esthétique, ses maîtres*» (Paris, 1904) была издана в русском переводе (Импрессионизм, его история, его эстетика, его учителя. М., 1909). Рецензия Волошина на эту книгу была напечатана в «Весах» (1904, № 12, с. 66–67). Участие Моклера в «Весах» не состоялось.

³ В конце 1903 г., готовясь к выпуску первого номера «Весов», редакция распространяла в России и за границей рекламный проспект журнала, где были изложены как идейная позиция, так и основные направления будущего издания. Несколько таких проспектов («воззваний») Брюсов отправил Волошину в Париж вместе с данным письмом.

⁴ «*La Plume*» («Перо») – парижский литературно-критический и художественный журнал, основанный в 1889 г. Леоном Дешаном. Журнал издавался до 1905 г. (впоследствии издание возобновлялось с 1911 по 1914 г. и в 1946 г.). Вокруг журнала группировались и в нем сотрудничали многие видные представители «нового искусства» и авангарда. Молодой Волошин, как видно, в частности, из его писем к Брюсову (см. п. 11), был тесно связан с редакцией «*La Plume*», посещал систематически организуемые при ней «банкеты», о чем и стремился рассказать русским читателям. В августе 1905 г. Волошин посвятил «*La Plume*» отдельное «париж-

“ВЕСЫ”, 1904, № 3

Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко

“ВЕСЫ”, 1904, № 9

Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко

ское письмо”, в котором дается общая характеристика журнала: «“La Plume” было всегда знаменем, в складках которого трепетали все ветры и порывы дня... Наряду с эстетическими и философскими движениями там процветал социализм и анархизм, который всегда шел об руку с символизмом. Во времена Дешана “La Plume” было, скорее, не журналом, а полем для литературных турниров... В то время как другие журналы становились степеннее, росли, изменялись, “La Plume” как-то всегда оставалось в руках молодежи» (Волошин М. Письмо из Парижа: Литературные банкеты “La Plume” // Русь. 1905. № 187. 13/26 авг. С. 3).

⁵ Т.е. “Mercure de France”.

9. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3. Rue du Bac. Paris. (4/17 janvier 1904.

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Прежде всего дела “Весов”:

С Моклэром мне еще не удалось увидеться. Но зато я виделся с Рэнэ Гилем (Ghile) – (“глава инструменталистов” – помните?), и он обещал писать для “Весов”¹. Он очень близко стоял к движению как близкий друг Маллармэ, а после работал над своим многотомным “Oeuvre”² совсем в стороне от периодической журналистики, и поэтому его мнения очень интересны. Он обещал первую статью кончить к концу здешнего января, но с тем, чтобы она была переведена мною здесь же³. Это только для первой статьи. После он будет отправлять непосредственно. Он хочет написать общий обзор французской поэзии настоящего дня.

Вообще я с ним условливался только о статьях о поэзии. Вообще же я ему предлагал говорить о настоящем с постоянными экскурсиями в историю символизма. Он очень заинтересовался идеей и программой журнала. Но лучше всего будет, если Вы сами напишете ему теперь после того, как первые шаги уже сделаны. Его адрес: Rene Ghile. Rue Lauriston 16 bis.

Я тоже просил его при случае изложить свою теорию стиха, которая по-французски была 2 раза издана небольшой брошюрой⁴, но теперь сделалась библиографической редкостью. Условия с Гилем обычные: 50 р., т.е. 130–140 fr. с листа. Спишитесь с ним и об этом.

Редон делает обложку⁵. Но что он сделал, пока я не видал.

Из художников я видел Вюиллара⁶ и Серюзе⁷. Они обещали виньетки и заставки. Может, каждый из них возьмется даже за исполнение целого номера⁸. Только все они просят прежде всего увидеть журнал, т(ак) что, пожалуйста, вышлите мне несколько экземпляров первого номера.

Кроме того, я прошу “Скорпион” от имени Русского кружка художников об экземпляре “Весов” и каких возможно изданий “Скорпиона”. Адрес: 49, Boulevard Montparnasse. Union des artistes russes⁹. Или на мое имя. Вы ведь даже, кажется, обещали это Кругликовой.

Одновременно с письмом высылаю Вам ряд заставок, сделанных для “Весов” художником Якимченкой¹⁰.

Напишите мне, пожалуйста, как Вы их находите и принимаете ли? И на каких условиях? Если они приняты, то, пожалуйста, вышлите ему плату за них скорее – он очень нуждается.

Что касается меня: я весь с головой в живописи. Чувствую хронический недостаток в том, чего в Париже ужасно мало: во времени.

Разрываюсь между Академией и Национальной библиотекой и ничего не успеваю сделать¹¹.

Приедете ли Вы в Париж и когда?

Что литературно нового в Москве?

Вышел ли январский номер?

До свидания.

P.S. Рисунки я отправляю в “Скорпион” на имя Сергея Александровича. Они в синей бумаге в виде большого конверта.

Почт. шт. получения: Москва. 20.1.04.

¹ См. публикацию писем Рене Гиль и его жены Алисы Гиль к Волошину, подготовленную и прокомментированную П.Р. Заборовым (*Ежегодник 1979*). Знакомство Волошина с Гилем состоялось в первой половине января (н.ст.) 1904 г. благодаря А.В. Гольштейн, давней приятельнице французского поэта. Приводим ее недатированное письмо к Волошину (помета: “вторник”):

«Мой милый Волошин!

Я вчера была у Ghil'я. В восторге от него, от его беспристрастного отношения к вопросам “литературных колоколен”, от его *вдумчивости*. В таком восторге, что спросила его, не согласится ли он писать изредка корр(еспонденции) для “Весов”. Он выразил *восхищение*, притом безусловно бескорыстное – какое чудо для среднего француза! – совсем не обратил внимание на мои слова о том, что плата не велика, объяснил, что писать о том, что любишь, – уже плата.

Тогда я назначила ему свидание с Вами у меня в субботу à 3 1/2. Забегите ко мне до этого срока, я ужасно хочу Вам рассказать мое свидание с ним, и ужасно хочу Вас втиснуть в французский мир, и оторвать от “общества”, его новогодних декораций и всего прочего случайного, не плодотворного, давящего, принижающего...

Ваша А.Г.

P.S. Конечно, я не пригласила Ghil'я писать, а предложила познакомиться с Вами, чтобы поговорить об этом.

15 ян(варя) выходит 1-ый № журнала под редак(цией) R. de Gourm(ont)» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438).

В ходе встречи Волошин и Гиль нашли общий язык. В письме к А.В. Гольштейн от 27 января 1904 г. Гиль назвал Волошина “человеком (...) симпатичного нрава и дарования” (*Ежегодник 1979*. С. 239); письмом от 4 февраля он пригласил Волошина к себе на следующий день, “дабы провести время в дружеском кругу” (Там же. С. 238). Ср. письмо Волошина к А.М. Петровой от 19 января/1 февраля 1904 г.: “Проникаю теперь в самые избранные круги символистов – к Одилону Рэдону, к Ренэ Гиллю” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). Ср. также письма Р. Гиль к А.В. Гольштейн, хранящиеся в библиотеке Колумбийского университета (США).

² Эпопея Р. Гиль “Поэма” (или “Творение” – “Oeuvre”), которая создавалась как образец “научной поэзии” и ставила целью, по словам Брюсова, “обозреть все судьбы нашей планеты, начиная с первых космических процессов до всей сложности современной социальной жизни” (Научная поэзия (1909). *Избр.* 1955. Т. 2. С. 205). В 1887–1897 гг. был издан первый раздел эпопеи “Сказание о лучшем” (“Dire du mieux”) в пяти книгах, в 1898–1926 гг. – второй раздел, “Сказание о крови” (“Dire des sangs”), в четырех книгах.

³ 27 января Гиль сообщил А.В. Гольштейн, что предполагает “завтра вечером окончить статью, которую (...) склонен переводить лично Макс Волошин” (*Ежегодник 1979*. С. 239).

⁴ Имеется в виду эстетический манифест Р. Гиля "Трактат о Слове" ("Le Traité du Verbe", 1887).

⁵ С обложкой, оформленной по рисунку Одилона Редона, вышли три номера "Весов" (1904, № 4-6). С.А. Поляков в недатированном письме к Волошину высказывал желание о том, чтобы в рисунке в символической форме были запечатлены зодиакальные образы Скорпиона и Весов: «Пока сообщаю Вам одну мысль для обложки "Весов", которую намеревается делать Редон. Исходит эта мысль из следующего стиха Зигмунта Красинского: "Мысль, как скорпион, мятется в огне". Так вот можно воспользоваться образом мятущейся мысли (скорпиона), приходящей к равновесию (Весам). Это, конечно, лишь в самом общем виде и по возможности без реальных изображений скорпиона и весов» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 990).

⁶ Эдуард Вюйяр (точнее, Вюйар, Vuillard; 1863-1940) – известный французский художник, автор интерьеров в "интимном" стиле и многочисленных работ для театра (декорации, афиши, программы). В 90-е годы Вюйяр принадлежал к группе "Наби" и активно сотрудничал в журнале "La Revue Blanche".

О творчестве Вюйяра Волошин рассказал в статье, посвященной выставке группы "интимистов" в 1904 г. (среди ее участников были Вюйяр, Боннар, Лапрад и др.). В трактовке этого художника сказалось волошинское понимание современной живописи как искусства, оторванного от первоисточников духовной жизни, обезличенного и во многом искаженного в условиях массового ("фабричного") производства предметов эстетического наслаждения. "...Вюйяр, – пишет Волошин, – делает героические попытки полюбить симметрические узоры дешевенных обоев, закрывающих стены современной парижской комнаты, красные ковры, которые кричащими пятнами лежат на полу гостиных, украшенных искусственными пальмами, он с японской четкостью глаза отмечает все близкое и знакомое в обстановке квартиры, но новые и пестрые лоскутья фабричной роскоши, которые приближают современную комнату к ее образцу – к номеру европейской гостиницы, так безвкусны, так бессмысленны, там мало связаны с душой и с привычками ее обитателей, так ярко выражают в себе идеал демократического равенства духа, в сущности уже давно нашедшего свое практическое осуществление в жизни европейского мецанства, что Вюйяр со всей изысканностью своей формы только сильнее заставляет кричать современную комнату, что интимного искусства в такой обстановке не может быть и никогда не будет. Он – обличитель европейской комнаты, а не ее поэт» (Волошин М. Серпантин Парижа: Выставка интимистов // Русь. 1905. № 41. 17 февр./2 марта. С. 2).

⁷ Поль Серюзье (Sérusier, 1864-1927) – французский художник и теоретик символизма; инициатор создания группы "Наби". После встреч и общения с Гогеном в Бретани (1888-1889) Серюзье становится страстным поклонником и пропагандистом его "синтетического" искусства. В 1890-е годы Серюзье, подобно некоторым другим "набидам", склоняется к мистике и католицизму. Его перу принадлежит книга "Азбука живописи" ("L'ABC de la peinture". Paris, 1921).

⁸ Ни Вюйяр, ни Серюзье в "Весак" не участвовали.

⁹ Русский кружок художников (иначе – Русский артистический кружок) был создан в Париже в 1903 г. при непосредственном участии М. Волошина (см.: Кругликова Е.С. Из воспоминаний о Максе Волошине // Максимилиан Волошин – художник. С. 99). Одно из первых документальных свидетельств о его деятельности – письмо А.В. Гольштейн к Волошину от 22 января 1903 г.: "Заседания общества худож(ников) продолжаются. Они ведутся у Мечниковой, и теперь уже обсуждается устав. Ваш приятель Яценко очень полезен и даже драгоценен. Он умный и славный". В другом, недатированном письме к Волошину (относящемся, по-видимому, к январю-началу февраля 1903 г.) А.В. Гольштейн сообщала: «Организация "Кружка", так решили его назвать, подвигается. Устав готов. Набираем первое ядро членов. Потом устроим общее собрание 1-х 20(ти) членов, конференцию И.И. Мечникова в пользу Кружка, и, думаю, в апреле общество может созвать свое первое, большое общее собрание (надеем(ся) к тому времени иметь человек(ек) 100 и, может быть, помещение) для заслушивания отчета первого совета. Напечатаем на днях un appel*, который разошлем в большом числе экземпляров в России и художникам за границей» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438). 6 января 1904 г. (в автографе описка: 1903) Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: «Я пока работаю в нашем русском "Кружке" художников, которого я был одним из организаторов. У нас есть ателье, где всегда позирует модель. А по вечерам мы рисуем друг с друга "croquis"**. Причем каждый позирует по очереди по полчаса. Это самое полезное и интересное» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). В мае-июле 1904 г. в помещении кружка на бульваре Монпарнас состоялась выставка русской вышивки; этому событию Волошин посвятил одну из своих статей в "Руси". Рассказывая о "первой активной манифестации молодого кружка русских художников в Париже", Волошин сообщил русским читателям, что русский артистический кружок "образовался органически из суббот на улице Буассонад в мастерской художниц Давиденко и Кругликовой, последние годы бывших одним из художественных центров квартала Монпарнас. Переход от этих частных вечеров к организованному кружку сложился естественно, что, конечно, обуславливает его жизнеспособность". Волошин далее добавляет, что "одной из целей кружка являлось устройство выставок в Париже для ознакомления французов с русским искусством" (Волошин М. Union des Artistes Russes. Русская кустарная выставка в Париже // Русь. 1904. № 178. 11/24 июня; статья датирована 5 июня 1904 г.).

Во второй половине 1904 г. деятельность кружка стала затухать (об этом сообщала Волошину 24 октября 1904 г. Е.С. Кругликова со слов А.В. Гольштейн: "Мы ведь думали, создавая Общество, что оно необходимо, а если годичный опыт показал обратное, то, значит, мы ошибались и вместо плодов получился пустоцвет" – ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 716); однако этот кризис оказался временным. Впоследствии в деятельности кружка в разное время принимали участие А.Н. Бенуа, А.К. Шервашидзе, коллекционер и зна-

* воззвание (франц.).

** эскизы (франц.).

ток восточного искусства В.В. Голубев и другие деятели русской культуры. Это объединение стало крупным центром русской художественной жизни в Париже перед первой мировой войной.

¹⁰ Александр Георгиевич Якимченко (1887–1928) – русский художник-график, приятель Волошина. В начале 1900-х годов постоянно жил в Париже (одно время, в 1902 г., вместе с Волошиным в мастерской Е.С. Кругликовой на ул. Буассонад, 17; см. письмо Волошина к Е.О. Кириенко-Волошиной от 12 марта 1902 г. – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60; *Чихачова-Россинская Е.Д.* В Москве и Париже // Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 72). По всей вероятности, Якимченко виделся с Брюсовым во время пребывания последнего в Париже в апреле 1903 г. (“Был и уехал Брюсов”, – сообщал Якимченко Волошину из Парижа в Коктебель. – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1359). Благодаря рекомендациям Волошина, Якимченко принял участие в художественном оформлении “Весов” (виньетки: 1904, № 1, с. 58; № 2, с. 24, 80; № 3, с. 48; № 6, с. 64; № 8, с. 1, 66 – все за подписью: А.Я-ко; обложка: 1904, № 12). В письме к С.А. Полякову от 3 июля 1904 г. Волошин также рекомендует своего друга А.Г. Якимченко – «чи рисунки я присылал в “Весы”»: «Он теперь поселяется в Москве, и я думаю, что он очень сможет быть Вам полезен как рисовальщик» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 50). № 7 “Весов” за 1905 г. был целиком оформлен работами Якимченко.

¹¹ Ср. письмо Волошина к А.М. Петровой от 19 января/1 февраля 1904 г.: «Я теперь действительно много занят и писанием (см. журнал “Весы”) и рисованием. (...) Моя жизнь теперь делится между академией и библиотекой. Я еще ни разу не был в театре! Еще не посетил всех своих старых знакомых» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

10. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва) 11/24 января 1904.

Дорогой Макс Александрович!

Простите наше долгое молчание и нашу “безответность”: и хворали и очень были заняты. Спасибо за извещения.

С.А. Поляков посылает Вам некоторый перевод: часть идет в счет гонорара за Вашу статью и за Ваш рисунок¹, остальное да будет тем “фондом”, о котором вы пишете.

Я очень смущен теми поправками, которые – с Вашего, помните, разрешения – сделал в Вашей статье². Поправки были необходимы для архитектурности статьи. Беглость Вашей работы слишком выступала в повторениях, возвращениях к сказанному раньше и т.д. Но Вы знаете, что другому человеку почти невозможно продолжить чужую работу. Все мы слишком единичны, слишком различны. Будь, конечно, время и досуг, следовало бы списаться с Вами. Но верьте, что это было совершенно немыслимо. А отложить статью слишком уж не хотелось, ради ее законоположительности. Перед Вами у меня только те оправдания, что я старался сделать, как умел лучше, и именно так, как сделали бы Вы сами, будь корректура в Ваших руках. Я старался войти в Вашу душу, говорить Вашими словами, мыслить Вашими мыслями (Все это, однако, пусть Вас не слишком пугает: поправки почти исключительно состояли в перестановках, прибавлена мною – для связи – кажется, одна фраза).

Известие Ваше о Гиле нас очень радует. Пожалуйста, настойте, чтобы его статья была у нас до 1-го февраля ст. ст. – нам она необходима для № 2. *И пришлите сами корреспонденцию о парижских выставках.* Что же обещанная Вами корр(еспонденция) о Гогене? После Вашего отъезда появилось о нем так много нового, что мы не решились печатать Вашей заметки, а поговорить о Гогене “Весам” следовало бы³.

Умоляем, ищите нам рисовальщиков. 1 № слаб иллюстрациями, а для 2 № и ничего нет!

А затем моя личная просьба. Не оставляйте меня без писем. Как только выйдет 1 №, буду писать Вам много и часто. Пока изнемогаю в работе.

Очень Ваш Валерий Брюсов

P.S. Пишите, пишите нам обо всем парижском, что только может войти в хронику*. Разрешите еще делать извлечения из Ваших писем. Помните нас. Привет.

1 № Весов получите после 20 ст. ст. Увы! раньше не успели!⁴

* о театрах, о кабаре, о афишах, о эталажах в магазинах, о дамских платьях, о жизни г.г. писателей и художников, их друзей и любовниц etc. etc. (*прим. Брюсова*).

На бланке "Весов".

Ответ на п. 9, а также на неизвестное нам письмо Волошина (в котором, в частности, поднимался вопрос о денежном "фонде", как следует из настоящего письма Брюсова).

¹ Статья Волошина "Скелет живописи", опубликованная в 1-м номере "Весов" за 1904 г., и его рисунок, помещенный там же (с. 40).

² Статья "Скелет живописи".

³ Упомянутая Брюсовым "заметка" Волошина о Гогене не сохранилась. Очерк о Гогене, предназначенный для "Весов", Волошин в 1904 г. стремился написать неоднократно (см. далее п. 12, 18), однако реализовать свой замысел ему удалось лишь в 1908 г. в статье "Устремления новой французской живописи" (ЗР. 1908. № 7–9, с. 5–12). Желание Брюсова осветить в "Весках" творчество Гогена было вызвано в первую очередь недавней смертью художника (в мае 1903 г.), на которую последовал ряд откликов во французской прессе; в "Mercure de France" о Гогене писал в 1903 г. его друг и сподвижник Шарль Морис (см. о нем п. 74, прим. 2).

⁴ Дата цензурного разрешения 1-го номера "Весов" – 16 января 1904 г.

11. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3. Rue du Bac, Paris. (13/26 января 1904)

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам отчет о выставке Стейнлена и нескольких маленьких выставках¹. Они пока все еще не интересны (не сезон), но я думаю, что надо дать хоть по две строчки о каждой, это дает справочную полноту.

Вашу телеграмму я получил², но с Моклэром еще никаких сношений у меня не вышло, потому что он живет теперь вне Парижа на юге Франции. Может, Вы найдете удобным сами ему написать? Его адрес: Villa Vian. A Grasse (Alpes Maritimes). Camille Mauclair.

Вышел ли первый номер "Весов"? Мне крайне необходимо иметь minimum 3 экземпляра, чтобы показать кому следует, т.е. Рэдону и др.

И(з) моего предыдущего письма Вы уже знаете, что к концу января у меня будет статья René Ghil'я, который может писать каждый месяц о поэзии.

Получили ли Вы рисунки и виньетки Якимченки?

Относительно рисунков:

Рэдон все сомневается – каково должно быть символическое значение знака Весов³. Если у Вас есть какие-нибудь сведения и планы, то пришлите, пожалуйста. М-ме Рэдон, между прочим, мне говорила, что у него был рисунок, называющийся "La pensée humaine"* – человеческая голова на чашке Весов. Я просил непременно отыскать этот рисунок. Может, это подойдет как идея⁴.

Я Вам уже писал, что я переговорил с некоторыми из группы "Les dix", именно с Вюилларом, Серюзье и Лакостом, они уже переговаривают с остальными⁵.

В принципе они согласны взять на себя украшение "Весов" виньетками и "Culs de lampe"^{2*}.

Это очень важно потому, что они представляют теперь группу "Elites" во французской живописи. И конечно, их согласие вызвано только тем, что Рэдон, который является для этой группы maîtr'ом взялся сделать обложку, тем более, что все это уже agités^{3*}, т.е. люди, заваленные работой и заказами. Рэдон для художников теперь ведь немного занимает то же место, что занимал Mallarmé для поэтов.

Для них имели значение тоже и слова самого Рэдона.

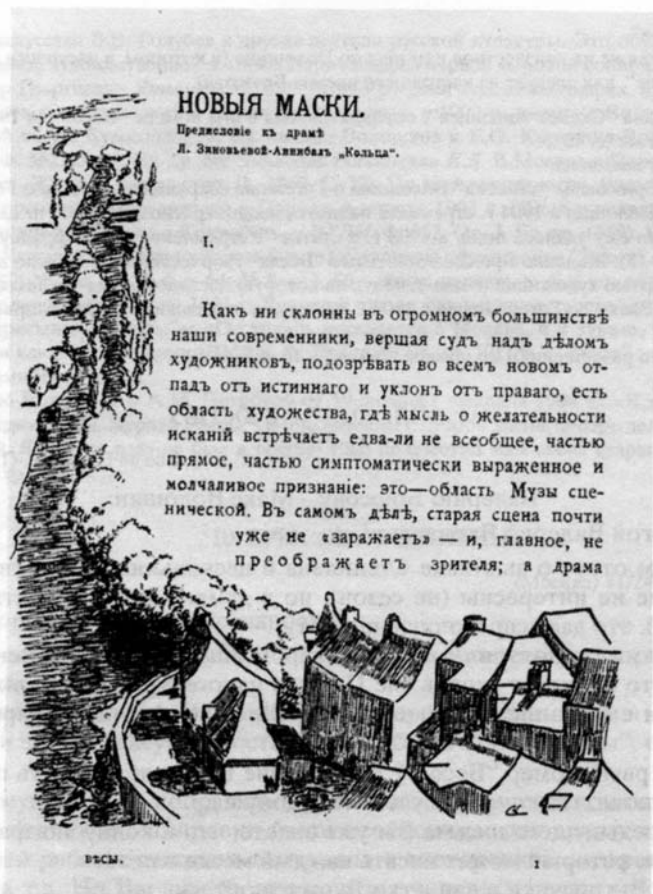
Лакост – младший из них – берется сделать сейчас же виньетки и украшения для целого номера, т.е. виньеток 20, не считая разных мелких рамок для заглавных букв (т.е. таких, в которые можно вставить какие угодно русские буквы)⁶.

Его условие 25 francs. за виньетку. Т.е. украшение для целого номера будет стоить 500 fr.

* Человеческая мысль (франц.).

^{2*} Концовки (франц.).

^{3*} Преуспевающие (франц.).

“ВЕСЫ”, 1904, № 7

Заставка по рисунку Ш. Лакоста

Если Вы мне сейчас же ответите, то к мартовской книжке ornaments уже будут им приготовлены. Очевидно, эта цена, 25 fr. виньетка, останется и для всей группы. И тогда “Весы” обеспечены на долгое время.

Сам Рэдон обещал тоже дать несколько Culs de lampe. Так что ответьте, пожалуйста, относительно цены виньеток немедленно. Лучше даже телеграммой.

Как условие виньеткам я ставил, конечно, воспроизводимость в цинкографии.

Так как клише для Рэдона предполагалось сделать в Париже (не так ли?), я узнавал о ценах типографий. С. Janin — редактор “Affiches et Estampes”⁷ — рекомендовал мне одну типографию, на которой он остановился после долгих исканий и клише в которой стоит 15 сант(имов) за кв. сантиметр.

Относительно рисунков Якимченки — назначение цены — Ваше дело, потому что он не назначал. Я думаю, что от 10 до 15 fr. будет вполне достаточно. Это всецело Ваше дело.

Но вот вопрос очень важный: пока я вел только предварительные переговоры, но теперь скоро придется иметь разные другие сношения — хотя бы с типографией о клише и др. Мне необходимо будет иметь известные суммы, чтобы не происходили очень неприятные задержки, т(ак) к(ак), напр(имер), заказывая клише хотя бы от имени “Весов”, я же буду ответственным лицом перед типографией.

Конечно, об этом не могло бы быть и речи, если б я располагал всегда свободными деньгами, но т(ак) к(ак) я получаю из России ежемесячно 100 fr., то Вы представляете себе, насколько мой бюджет ограничен.

Я бы вот теперь очень бы хотел послать Вам книгу "Soliloques du Pauvre"⁸ с иллюстрациями Стейнлена, о которой я говорю в своей заметке, и еще купить несколько фотографий со Стейнлена, но не могу это сделать, потому что у меня сейчас нет денег.

Поэтому я предлагаю Вам так: перевести известное количество денег, какое Вы найдете нужным, хотя бы в Cr dit Lyonnais⁹, чтобы я мог иметь возможность пользоваться тогда, когда представятся более крупные затраты, конечно с полной отчетностью. А кроме того, на мои личные расходы по делам "Весов", т.е. на покупку известных книг, журналов, пересылку рукописей, рисунков положить уже безотчетно хотя бы фран(ков) 25–30 в месяц, т(ак) к(ак) я сам для себя покупаю только очень немногие журналы и поэтому не могу следить за всем текущим в искусстве.

Что касается первого – крупных затрат, то возможна другая комбинация, для меня, в сущности, более удобная – я буду Вам сообщать адреса, а Вы сами уже письменно будете улаживать. Я тогда буду вполне неответствен и в стороне.

Я пишу все это Вам, Валер(ий) Яков(левич), т(ак) к(ак) Вы писали, что Сер(гей) Алек(сандрович) болен. Это вопросы, которые для меня очень важны.

Ну довольно.

На днях я познакомился с Верхарном, на банкете, который был устроен в честь него "La Plume"¹⁰. Между прочим, говорил ему о том, что Вы собираетесь издать книгу его переводов, и он просил, чтобы Вы ему прислали ее, когда она выйдет¹¹.

Он мало похож на маску Валлотона¹². Черты все верны, но там слишком много суровости, а в нем масса пережитого и бледной старческой доброты в глазах, хотя он не стар.

У него вид пожилого родственника¹³.

Странны были три лица рядом: Род н с закручивающимся могучим лбом и типом Моисея¹⁴.

Карьер с красным лицом старого вояки и старой бабы, с галстуком, повязанным, как будто у него болит горло¹⁵. И посредине маленькое лицо с большим птичьим носом и длинными висючими усами – Верхарн. Дальше злое, черной тушью набросанное лицо Рони¹⁶ и серый, тяжелый Мирбо, от которого веет мужчиной, сигарами и силой воли¹⁷.

Макс В о л о ш и н

Почт. шт.: Paris, 26.1.04; Москва. 16.1.04.

¹ Теофиль Стейнлен (Steinlen; 1859–1923) – выдающийся французский художник, график-иллюстратор, мастер плаката; испытал сильное влияние символизма и "стиля модерн". Выставка работ Стейнлена, о которой упоминает Волошин, состоялась в Париже в конце 1903 г. "Отчет" Волошина напечатан в "Весах" под заглавием "Письмо из Парижа. Выставки художников" (1904, № 2); основное внимание в нем было уделено творчеству Стейнлена. Впечатлениями от выставки Волошин делился также в недатированном письме к М.В. Сабашниковой (конец декабря 1903 – начало января 1904 г.): "Я был на выставке Стейнлена (...) Это рисовальщик парижской улицы: улицы предместий. Он очень социалист. У него часто приходит в Париж Христос. У него паж, в виде паука, раскинувшего паутину. Это его слабости. Но его фигуры – это весь

"ВЕСЫ", 1907, № 1

Виньетка по рисунку Э. Каррьеря

Париж: уродливые грибы каменной мостовой, слизь сточных труб. Рабочие, *faubouriennes*^{*}, кошки, публичные балы, стычки... Он со страшной отчетливостью чувствует некоторые части фигуры: голову, выпяченные колени, спину, складки рабочих шаровар – остальное он наскоро соединяет, как попало, только чтобы заполнить. Он груб в красках» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106).

² Текст телеграммы нам неизвестен. Видимо, в ней шла речь о гонорарных ставках для французских сотрудников «Весов».

³ Ср. п. 9, прим. 5.

⁴ К этому сюжету (голова, лежащая на чаше) Редон обращался неоднократно. В литературе о Редоне упоминаются рисунки: «Голова мученика», «Отсеченная голова», «Голова на чаше». Предполагается, что Редон вдохновлялся весьма популярной среди символистов легендой о Саломее и Иоанне Крестителе (драма О. Уайльда «Саломея», поэма Ст. Малларме «Иродиада» и др.).

⁵ О Вюяре и Серюзе см. п. 9, прим. 6–8. Шарль *Лакост* (Lacoste; 1870–1959) – французский художник-пейзажист и график. В начале 1900-х годов тяготел к «набидам» и вошел в недолго существовавшую (1903–1904) группу «десяти» («*Les dix*»), названную так по их первой совместной выставке. К этой группе, помимо упомянутых Волошиным Серюзье, Вюяра и Лакоста, принадлежали также «набиды» Дени, Боннар, Валлотон, Руссель и несколько более молодых художников (П. Лапрад, А. Андре и др.). Об этой группе рассказывается в одном из волошинских «Писем из Парижа»: «Группа „десяти“, называемая также группой „идеалистов“, имеет дело, главным образом, не с впечатлением, а с воспоминанием. У них есть и линия и композиция, теряющаяся у неоимпрессионистов. Очищенные тона импрессионистической палитры они пытаются согласовать с гармонично серым цветом комнат, в котором кричат импрессионисты. Интерьеры Вюйлара, сероватые пастели Русселя, фигуры Боннара – это единственные вещи современных художников, которые можно повесить в комнате, не оскорбляя глаза дисгармонией. Гамма их впечатлений более разнообразна, индивидуальность их шире и глубже. Они не только смотрят, но и думают глазами. Они в третьем фазисе живописи – обобщения и стилизации. Находясь более в области воспоминания, они изображают обычное и мнимое глазу. Поэтому они задушевнее, чем неоимпрессионисты, которые изображают только поражающее глаз» (*Волошин М.* Письмо из Парижа. Салон Независимых // *Весы*. 1904. № 3. С. 45). В статье, посвященной «Осеннему Салону» 1904 г., где была представлена также и группа «десяти», Волошин уделяет этим художникам целый раздел и называет их «нео-идеалистами» и учениками Редона. О Ш. Лакосте в этой статье сказано: «Лакост, строгий в рисунке почти до геометрических построений, умеет находить только самые общие планы и освещать их с большим вкусом и наблюдательностью. В нем мало непосредственности, но много наблюдательности и красочной памяти» (*Русь*. 1904. № 335. 15/28 нояб. С. 2).

⁶ При содействии Волошина рисунки и украшения, выполненные Лакостом, появились впоследствии в «Весах» (1904, № 7 – обложка и все художественные украшения; 1904, № 8, 9 – обложка).

⁷ Клеман *Жанен* (Janin) – художественный критик и коллекционер, издатель ежемесячного художественного журнала «*L'Estampe et l’Affiche*» («Эстамп и афиша»). Редактором этого журнала был искусствовед Андре Меллеро (см. п. 18, прим. 22).

⁸ «*Les Soliloques du Pauvre*» («Монологи бедняка») – поэма французского писателя *Жеана Риктюса* (наст. имя – Габриэль Рандон; 1867–1933), впервые изданная в 1895 г. и иллюстрированная позднее *Стейнленом* (1903). В статье «Письмо из Парижа. Выставки художников» Волошин писал: «Теперь *Стейнлен* как иллюстратор ушел гораздо дальше. Последняя его вещь – серия рисунков, выставленных теперь на выставке *Place St.-George*, – иллюстрации к «*Les Soliloques du Pauvre*» *Jehan Rictus* (...) из «*Soliloques du Pauvre*» он создал громадную лирическую драму» (*Весы*. 1904. № 2. С. 43).

⁹ *Crédit Lyonnais* (Лионский кредит) – название международного французского банка, имевшего свой филиал в Москве.

¹⁰ О банкете, устроенном редакцией журнала «*La Plume*» в честь *Верхарна*, более подробно рассказывается в заметке, присланной Волошиным Брюсову в феврале 1904 г. (см. п. 18) и напечатанной в «Весах» анонимно в разделе «Хроника» (1904, № 2, с. 83): «23 января (н.с.) в Париже журналом «*La Plume*» был устроен банкет в честь *Эмиля Верхарна*. В банкете участвовало больше ста человек, среди них *Е. Каррьер*, *Ог. Роден*, *Ф. Фенеон*, *ван Риссельберг*, *Ж. Рони*, *С. Мерриль*, *О. Мирбо*... Среди ряда приветственных телеграмм и писем были от *Конст. Менье*, *М. Метерлинка*, *А. де Ренье*, *Вьеле-Гриффина*, *Поля Адана*. Все лучшие умы французской литературы присоединились к этому скромному чествованию великого бельгийца».

¹¹ Вероятно, именно тогда *Верхарн* впервые узнал от Волошина имя своего русского поклонника и переводчика. Переписка и личное общение между *Верхарном* и Брюсовым начались значительно позднее – с марта 1906 г., когда Брюсов обратился к бельгийскому поэту за разрешением на издание книги своих переводов его произведений (*Верхарн Э.* Стихи о современности в переводе *Валерия Брюсова*. М.: Скорпион, 1906). См.: *ЛН*. Т. 85. С. 559–566 (публ. *Т.Г. Динесман*).

¹² *Феликс Валлотон* (Vallotton; 1865–1925) – живописец и график, швейцарец по происхождению. Получил известность своими гравюрами по дереву, которыми начал заниматься с 1892 г. Принадлежал к группе «наби», сотрудничал в широко известных модернистских изданиях: «*La Revue Blanche*» (Париж), «*Pan*» (Берлин), «*Jugend*» (Мюнхен) и др. В 1896 г. выполнил серию портретов для «Книги масок» *Реми де Гурмона*, среди них портрет *Верхарна*. В 1913 г. Валлотон приезжал в Россию.

Оценивая произведения Валлотона, представленные в «Осеннем Салоне» 1904 г., Волошин писал, что

* жительницы предместьев (*франц.*). В оригинале – *fauxbourgiennes*

художник “хорошо умеет владеть черными пятнами. Но он сделал их чересчур декоративно абстрактными и в конце концов в своем яром реализме прошел сквозь действительность, не сумев поймать ее. Он сам обессилил свои вещи чересчур тщательной их переработкой” (Русь. 1904. № 335. 15/28 нояб., С. 2).

¹³ Ср. письмо Волошина к М.В. Сабашниковой от 15/28 января 1904 г.: «Недавно я познакомился с Верхарном на банкете, который устраивал в честь его “La Plume”. В нем ничего внешне великого. Среди обычных французских лиц с лоском на нем поражала печать чего-то интимного, принесенного из дому. Какая-то стариковская внимательность, хотя он не стар. И из всех присутствовавших это повторялось только в лице Карьера. Там я видел в первый раз Мирбо и Родена» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). Описывая через год с лишним посетителей Салона Независимых, Волошин развивает намеченную в этом письме и письме к Брюсову характеристику Верхарна: “...там (т.е. в Салоне Независимых) можно встретить и Верхарна, никогда и нигде не показывающегося в Париже. Он скромно и робко бродит между толпами, редко кем узнанный, в своем потертом длинном гороховом пальто, взглядываясь в картины голубыми, выпуклыми, старческими глазами. Его длинный нос, мягкий и длинный висячий ус, трагическая морщина на лбу, имеющая форму распростертых крыльев летящей чайки, его длинные, тонкие, сухие и очень белые руки производят впечатление чего-то очень интимного, совсем не парижского. Такие бываю в больших семьях старые родственники, одинокие и добрые, которые привозят детям много игрушек” (Волошин М. Вернисаж Салона Независимых – Русь. 1905. № 69. 18/31 марта).

¹⁴ Аналогичным образом Волошин описывает Родена и в статье “Вернисаж Салона Независимых”: “Приземистая мускулистая фигура Родена с белоснежной головой патриарха и упрямым закручивающимся лбом Моисея производит такое впечатление мощи и энергии, что кажется, что он сам себя высекает из камня” (Там же).

¹⁵ Эжен Каррьер (Carrière; 1849–1906) – известный французский художник-символист. Был дружен со многими писателями и поэтами, в том числе с Верленом, Малларме, А. Франсом. На смерть художника Волошин откликнулся статьей-некрологом “Каррьер”, помещенной в “Золотом руне” (1906, № 4); о творчестве Каррьера он также писал в статьях “Весенние салоны 1906 года” (Двадцатый век. 1906. № 67. 5 июня) и “Письмо из Парижа. Национальный салон 1906” (Весы. 1906. № 9).

¹⁶ Волошин описывает здесь, скорее всего, Рони-старшего.

¹⁷ Октав Мирбо (Mirbeau; 1848 или 1850–1917) – известный французский писатель демократического лагеря. Выступал также как художественный критик, с сочувствием относился к творчеству импрессионистов. Был дружен с К. Писсарро и другими художниками. Еще в 1901 г. Волошин написал статью о его романе “Двадцать один день из жизни неврастеника” и опубликовал свой перевод его рассказа “Вечером” (Курьер, 1901. № 248. 8/21 сент.). Несколько скупых штрихов, при помощи которых Волошин пытается в этом письме создать достоверный портрет Мирбо, обогащаются впоследствии (в статье “Вернисаж Салона Независимых”) иными выразительными подробностями: «Октав Мирбо со своим грубым и сильным лицом, точно вырезанным из корня старого дерева, со своим тяжелым и неприятным взглядом, – лицом, на котором написано усталое и презрительное знание всех позорных тайн жизни. От его фигуры веет силой, но в глазах написана поبلеклость старости. Его волосы редки и приглажены набок. Пальцы его мускулисты и грубы. Такими пальцами можно задушить человека, это пальцы “честного палача”. Насколько наружность Мирбо соответствует его литературному облику, настолько же лицо Метерлинка не похоже на его произведения» (Русь. 1905. № 69. 18/31 марта).

12. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3, rue du Bac. Paris. (16/29 janvier 1904)

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше письмо меня ужасно обрадовало. Вы так долго молчали, что я уже стал сомневаться – не случилось ли чего с “Весами”. Как раз сегодня вечером я должен увидеть Гиля для того, чтобы прочесть вместе его статью¹. Тогда через 3 дня она будет отправлена к Вам с моим переводом, согласно желания Гиля. Посылаю Вам несколько страниц об очень интересном итальянском скульпторе Россо². Об Стейнлэне и о маленьких выставках Вы уже получили. Может, если успею эти дни еще что-нибудь увидеть, пришлю еще таких же кратких заметок к февральскому номеру. Статью о Гогэне придется отложить до мартовской книжки, т(ак) к(ак) я еще не мог до сих пор увидеть всего, что мне необходимо, – именно, коллекции Мориса Фабра³. К марту я надеюсь тоже закончить большую статью об искусстве, которая будет продолжением январской: “Европеец и его раковина”⁴. Там я буду говорить о возможности европейского народного искусства как о заключительной ступени индивидуализма. А также о том значении, которое в этом искусстве должна играть комната.

Относительно поправок: мне ужасно стыдно, что Вы так извиняетесь. Есть тысячи вещей, которые можно исправить только в корректуре, и я даю Вам полную carte

blanche на это. Т.е. даже больше: я Вам ужасно благодарен за то, что Вы сделали, хотя и не видел этого.

Да! пожалуйста, вычеркните из моих маленьких корреспонденций о выставках две фразы: в заметке о Попеско – последнюю (“неужели Бретань похожа на Румынию”)⁵. И в заметке о Стейнлене фразу о передвижниках. Когда пишешь, нужно себе ясно представлять, как это будет выглядеть в печати, точно так же для живописца – как это будет в раме. Я слишком мало опытен и потому буду Вам очень благодарен за необходимую для картины *petite retouche**, которую делают в корректурах.

Только что видел René Ghil'я и выслушал его статью. Она по-моему очень хороша, т(ак) к(ак) сразу и широко вводит в различные течения символизма, так мало известные у нас, где всё движение представляется цельным, и так бурно дебатлируемые теперь во Франции. Ghil производит впечатление очень сильного характера, сдержанного и замкнутого.

Его слова еще очень интересны тем, что он в первый раз дает публично свою оценку движения и определяет свою роль в нем, которая, как Вы знаете, была очень значительна.

С эпохи великой кампании 86–94 года он не выступал ни разу в текущей журналистике, работая исключительно над своей громадной поэмой “Oeuvre”. Так что тот ряд статей, который он хочет теперь дать “Весам”, представляет большую Rareté².*

Один вопрос – довольно важный – о транскрипции его имени по-русски; я с ним об этом вчера говорил. Написать “Гиль” невозможно. *Ces imbéciles*³* – русские критики, конечно, начнут каламбурить. Нужно или дать точную транскрипцию: “Гхиль” или написать так: “Гиль”. Как Вы думаете лучше? Только “Гиль” просто невозможно. Сегодня вечером он мне передаст маленький план дальнейших статей – для редакции только, но не для печати.

Вы упоминаете о дамских модах. Хотите специального корреспондента? Это одна очень важная английская дама, m-me Фион⁶, которая пишет в английских газетах не о настоящих, а о *будущих* модах Парижа. Она в связи со всеми портнихами и мастерами Парижа и поэтому безошибочна.

Она хорошая знакомая m-me Holstein, и это можно будет устроить. Маленькие корреспонденции раза 4 в год? Хотите? *C'est chic ça*⁴.*

Очень важный вопрос: кто будет писать о романах и о театре? Моклэр болен и живет теперь постоянно на юге Франции, так что тут надежды нет. Для театра мне предлагают Ferdinand Herold'a (“Mercure”)⁷ и обещали с ним переговорить. Вот роман... мы с Гилем перебирали вчера все возможности и остановились на Mokhel'c⁸. Но его надо раньше найти и переговорить, что я постараюсь сделать.

Вот пока все. Сажусь за перевод статьи Ghil'я.

М.В.

Ответ на п. 10.

¹ Речь идет о первой статье, подготовленной Рене Гилем для “Весов”, – “Письма о французской поэзии. Вступительные страницы” (№ 2; в содержании указано: “Пер. с рукописи”). Ср. комментарии П.Р. Заборова в кн.: *Ежегодник 1979*. С. 239.

² Медардо Россо (Rosso; 1858–1928) – итальянский скульптор. В 1885–1890 гг. жил во Франции; общался с Роденом. Статья Волошина “Письмо из Парижа. Россо” напечатана в № 1 “Весов” за 1905 г. (с. 47–49; подпись: Эмилиян Кириенко). О своем личном знакомстве с Россо Волошин сообщил М.В. Сабашниковой в письме от 15/28 января 1904 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106).

³ Морис Фабр (Fabre) – богатый французский предприниматель и коллекционер живописи. Один из первых ценителей искусства Одилона Редона, Фабр дружил с художником и покупал его произведения (в 1923 г. были опубликованы письма Редона к Фабру). Значительная часть коллекции Фабра, в которой на-

* небольшая правка (франц.).

²* Редкость (франц.).

³* Эти идиоты (франц.).

⁴* Это великолепно (франц., разг.).

ходились также полотна Гогена, Ван Гога и других современных мастеров, была распродана на аукционе в парижском отеле Друо 1 марта 1902 г. Об интересе Фабра к живописи Гогена см. письма к художнику от его ближайшего друга Жоржа Даниэля де Монфрейда, написанные 10 апреля и 11 декабря 1902 г. (в кн.: Paul Gauguin. Briefe. В., 1970. S. 221, 227–228).

⁴ Под “январской” статьей подразумевается “Скелет живописи”. Замысел статьи “Европеец и его раковина” остался незавершенным; подготовительные материалы к ней неизвестны. Над статьей Волошин работал в январе–марте 1904 г. В письме к А.М. Петровой от 26 февраля/10 марта 1904 г. он сообщал: «Я в настоящее время как раз заканчиваю продолжение “Скелета” – “Европеец и его раковина”, где буду говорить о том, куда идет европейское искусство. Там я как раз подробно касаюсь вопроса об именах. Я считаю имя одним из самых тяжелых камней, висящих на шее художника, и проповедую исключительно анонимное искусство» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). Более обстоятельно идею своей статьи Волошин излагает в письме к М.В. Сабашниковой от 15/28 января 1904 г.; судя по этому изложению, воззрения Волошина имели немало разительных совпадений с философско-эстетическими взглядами Вяч. Иванова (чьи программные статьи тогда еще не были опубликованы, и Волошин с ними не мог быть знаком): «...мне кажется, что... что я держу разгадку, ключ к будущему в руках. Индивидуализм в своем высшем пределе создает единое всенародное искусство. Это совершается так же, как личность, достигшая предельной высоты, сливается с миром – входит в Нирвану. Индивидуальность художника в своей высшей точке сливается с душой народа. Индивидуализм нашего времени далеко еще не совершенный индивидуализм. Он слишком большое значение придает внешним страстям и имени. Он недостаток личности хочет заменить цельностью имени. Имя и связанная с ним головокружильная “Gloire” выставляются как значок фирмы на каждом художественном произведении. Это только признак того, что индивидуальность еще недостаточно развилась внутрь. (...) Девизом будущего искусства будет: “Долой имена”. Довольно этих игрушек самолюбия, теперь можно наконец стать истинными, великими и безымянными мастерами. (...) Я пишу для них (“Весов”. – *Ред.*) теперь статью об Европеце и об его раковине. Я хочу там сказать и об народном искусстве – то, что я писал в начале письма» (Там же. Ед. хр. 106). Некоторые идеи, которые предполагалось отразить в статье “Европеец и его раковина”, и прежде всего мысль о “безымянности” народного искусства как о залого его величия, будут позднее развиты Волошиным в статье “Индивидуализм в искусстве” (ЗР. 1906. № 10. С. 66–72; Волошин М. *Лики творчества*. С. 258–266).

⁵ Стефан Попеско, точнее, Попеску (Popescu; 1872–1948) – румынский художник и график; учился в Мюнхене и Париже. До 1914 г. постоянно жил в Париже, затем в Бухаресте. Краткая заметка Волошина о выставке Попеску напечатана в “Весак” (1904, № 2, с. 44) в составе его корреспонденции “Письмо из Парижа. Выставки художников”.

⁶ К. Фионо, или Фионо-Йепп (Filloneau-Yapp) – см. о ней п. 15, 27 и 47, прим. 2.

⁷ Андре-Фердинан Герольд, точнее, Эрольд (Hérolt; 1865–1940) – французский драматург и поэт, сотрудник многих парижских журналов. В начале 1900-х годов вел в журнале “Mercure de France” раздел “Театральное обозрение”. В “Весак” участия не принимал (см. п. 24).

⁸ Альбер Мокель (Mockel; 1866–1944) – бельгийский поэт и эссеист, ученик и поклонник Малларме, автор первой монографии о нем (1889). В 1895 г. издал эссе о Верхарне (“Emile Verhaeren”); это издание названо в списке книг из библиотеки Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681). Об этой книге Мокеля упоминалось и в “Весак” (1904, № 3, с. 69–70; раздел “В журналах и газетах”). В 1904 г. Мокель издал книгу о Ш. ван Лерберге. Мокель известен как основатель (в 1886 г.) брюссельского журнала “La Wallonie” (“Валлония”) – главного печатного органа бельгийских символистов. После 1889 г. жил в Париже. В начале 1900-х годов – активный сотрудник редакции “Mercure de France”. В “Весак” участия не принимал (см. п. 24).

13. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

18/31 января 1904. Москва.

Дорогой Макс Александрович!

Это – деловой ответ.

Итак.

150 р. (Вы их уже получили?) идут в счет Ваш и А. Якимченки. За Вашу статью вам приходится около 35 р. Цену за виньетку назначьте сами (мы ее взяли, не спросив у Вас, но не было времени, а положение исключительно)¹. А. Якимченке мы предлагаем по 10 fr. за рисунок, но берем их *все* (их 10? или немножко больше), причем некоторыми, вероятно, не воспользуемся. Остальные деньги храните у себя и употребляйте их на те нужды “Весов”, о которых пишете.

Напишите, если что в этом расчете надо изменить.

Затем Вы дарите нам сокровище, которым воспользоваться мы не в силах, не можем. Говорю о французских художниках. 25 fr. за рисунок очень недорого, Вы знаете это лучше меня, но 500 fr. за № – дорого, очень дорого! Это едва ли не треть всей

* Слава (франц.).

суммы, какую мы можем отпустить на №, считая в том числе на бумагу, на типографию, на гонорар. Кроме того, – рядом с французскими, существуют еще художники русские, немецкие, польские, скандинавские, которых нам тоже хочется включить в число сотрудников “Весов”. К дорогим рисункам истинных мастеров (но отнюдь не исключительно) французским мы *принуждены* присоединять рисунки дешевые и совсем бесплатные... Дело, следовательно, вот в чем. Согласится ли Лакост или кто другой сделать для нас всего 5–8 рисунков (пока) по той же цене 25 fr. за рисунок, но получая в общем весьма скромную сумму 100–200 fr.?

Вы понимаете, что это ограничение вынужденное. Конечно, С.А. Поляков *может* заплатить 500 fr. и за 3-ий № и за 4... Но скоро при этом “Весы” ему надоедят и он бросит такое разорительное дело, как тяжкую обузу. А мы должны всячески беречь *свой* журнал.

Подписчиков у “Весов” по сегодня – 1972.

Все сказанное не относится к Рэдону. Он выше всяких условий. Мы у него возьмем все, что он согласится, что он пожелает дать нам, по той цене, какую он сам назначит.

Клише для Рэдона в *крайнем* случае мы согласны делать в Париже. Все другие клише обязательно мы будем делать у себя. Не понимаем и причины, зачем надо “клишировать” Рэдона у Вас. В смысле искусства воспроизведения наш Вельман³ поспорничает с любым ателье Парижа; ему удаются такие вещи, которые никогда не удаются ни в “Studio”⁴, ни в ином “зарубежном” журнале. Наконец, мы можем *попробовать* и послать воспроизведение в Париж. Если Рэдон его забракует, мы вернем рисунок для клиширования в Париже.

Статья Ваша о Стейнлейне сдана в набор. Пойдет все без перемены единой буквы: только прошу Вашего позволения выкинуть без остатка три строки о русских передвижниках, не идущие к делу⁵, а самая мысль уже была Вами высказана в “Скелете”.

Заметками о выставках воспользуемся только как материалом для хроники⁶.

Получим ли мы статью Гиля? и когда? и какова будет ее величина? Если она придет до 1 февраля ст. ст. и будет не больше 1/2 печ. листа, она пойдет во 2 №. Иначе в 3-ий. Самое сотрудничество Гиля нам очень, очень желательно. Просите его писать, если понемногу – то каждый месяц, если обширными статьями, то через месяц. Не забудьте, что кроме Франции, перед нами вся Европа, не говоря о России и не мечтая об Азии!

Очень Ваш Валерий Брюсов.

Сообщите, прошу, Ваши впечатления от 1 № Весов – и содержания и внешности. № Вам послан в нескольких экземплярах. V.

Ответ на п. 11.

¹ Речь идет о гонораре за “Скелет живописи” и рисунок Волошина, помещенные в 1-м номере “Весов”.

² К концу 1904 г. у “Весов” было 670 подписчиков, в последующие годы количество подписчиков постепенно возрастало, достигнув максимальной цифры в 1908 г. (1691). См.: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и “Весы”: (К истории издания) // ЛН. Т. 85. С. 273, 299–300.

³ Ю.К. Вельман, московский цинкограф, готовил клише обложек и художественных украшений для “Весов” в 1904–1905 гг. В содержании № 4 и 5 “Весов” за 1904 г., вышедших в оформлении Одилона Редона, указано: “Клише исполнены К. Вельманом в Москве”.

⁴ Английский художественный журнал “The Studio”, издававшийся в Лондоне с 1893 г., – широко известный орган “нового искусства”.

⁵ Ко времени написания этого письма Брюсов еще не получил письма Волошина (п. 12) с просьбой сделать ту же самую купюру.

⁶ Если это намерение и было выполнено, то не полностью: три “заметки о выставках” напечатаны в составе статьи Волошина “Письмо из Парижа. Выставки художников” (Весы. 1904. № 2. С. 44); кроме того, в отделе “Хроника” того же номера появилась краткая корреспонденция из Парижа о предполагаемых выставках у Дюран-Рюэля (с. 84).

"ВЕСЫ", 1904, № 2

Виньетка по рисунку М.А. Волошина

"ВЕСЫ", 1904, № 3

Виньетка по рисунку М.А. Волошина

14. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac. (Paris.) (18/31 janvier (1904)

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Благодаря разным делам, скопившимся у меня за последнее время, я не успею исполнить желание Рене Гхили: перевести его статью. Поэтому высылаю Вам сейчас же (одновременно с письмом) его статью и те страницы перевода, что я успел сделать. Он очень просит обратить особенное внимание на тщательность перевода особенно этой первой статьи, которая носит более общий характер.

Статья эта довольно сложна для передачи, особенно благодаря его стилю, в котором чувствуется плавное движение широких крыльев. Мне кажется, что это очень важно сохранить. Кто будет переводить ее?¹

Прилагаю ту общую программу, которую он намерен выполнить в будущих письмах. Это грандиозно! Это целая книга! "Весы" будут иметь первую полную историю символизма, раньше Франции. Эта программа предназначена только для сведения редакции, но не для печати.

Я нашел для Вас корреспондента для Голландии. Это молодой голландский поэт Carel Charten – Карель Шартэн, который в настоящее время живет в Париже. Гхиль говорит, что он очень талантлив. Он пишет в наиболее крайних* органах Голландии. Я нахожу его очень интересным и тонким в разговоре. Он почти согласен. Он может писать как по-голландски, так и по-французски². Как Вы предпочитаете?

Если успею, то пришлю до 1-го февраля еще дополнение об маленьких выставках.

Непременно вышлите мне несколько экземпляров первого номера. – Все хотят раньше видеть журнал.

Жду ответа об Лакосте.

¹ Перевод статьи Рене Гили "Письма о французской поэзии. Вступительные страницы" (Весы. 1904. № 2. С. 25–38) закончил сам Брюсов (см. п. 16). 26 февраля/10 марта 1904 г. Волошин писал А.М. Петровой: «Только что получил второй номер "Весов". Обратите внимание на статью Гили. Жаль, перевод тяжеловесен. Сравните первые три страницы, переведенные мною, с остальным, переведенным в Москве» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

* Было: моло(дых).

² Карел Теодорус *Шартен*, точнее, Схартен (Scharten; 1878–1950) – нидерландский писатель и критик; с 1902 по 1925 г. в качестве корреспондента жил за границей. Ряд произведений Схартена (романы, повести, рассказы) написан им совместно с женой, М.З.Э. Схартен-Антинк. В “Весах” не участвовал.

15. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨21 января / 3 février 1904. Moscou.

Дорогой Макс!

Я получил Ваше письмо 29 j<anvier>, статью о Россо и рисунки. Не лучше ли Ваши характеристики “Художники и мастерские (Парижа)” соединить по две – по три? Для мелкого шрифта они в отдельности слишком громоздки, важны, значительны; для крупного – слишком малы. Рисунками воспользуемся непременно¹. Ждем с величайшим напряжением статью Ghil’я. Чем скорее, тем лучше. Важны даже часы. Она идет крупным шрифтом во второй лист №. Высылайте же!! Имя Ghil’я просто оставил *везде* французскими буквами. Получили ли Вы №№ “Весов”? М-me Фионо *попросите* написать о модах, пока *раз* для марта (срок 1 марта ст. ст.) и – увы! – не свыше 1½–2 стр. (это объясните ей со всей сверхъевропейской вежливостью)².

Сердечно Ваш В а л е р и й Б.

Ответ на п. 12.

Открытка. Почт. шт. отправления: М. 21.1.04. Адрес: “Франция. Париж. France. Paris. 3 Rue du Bac. Monsieur Max Wolochine”.

¹ В февральском и мартовском выпусках “Весов” были помещены четыре рисунка Волошина (№ 2, с. 38; № 3, с. 9, 16, 32).

² Корреспонденция К.Ф. Фионо “Одежды и мода” появилась лишь во 2-м номере “Весов” за 1905 г. (с. 22–26). См. п. 47.

16. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.

Около 22 января / 4 февраля 1904 г.)

Дорогой Макс!

Вот в чем дело.

Мы все, конечно, довольны очень, и просто рады, и Вам благодарны за статьи Гиля, которого все чтим. Но.

Вы видели “Весы” (кстати, Вам послано еще 5 экз.) и знаете их размер. Эти пять листов должны быть посвящены всей европейской и частью внеевропейской литературе, прежде же всего, конечно, русской. Сосчитайте, сколько страниц достается на долю “французских стихов”.

По-видимому, Гиль предлагает ежемесячно статью и ежемесячно письмо о современности. Это прекрасно, но для нас немыслимо.

Теперь, как объяснить это Гилю. Бесспорно, уступая нам свою работу, он до некоторой степени “снисходит” к нам: по крайней мере такова должна быть психология французского писателя, отдающего статью в еще даже несуществующий русский журнал. Не хотелось бы ни в каком случае обидеть его.

Нельзя ли предложить Гилю, что мы издадим его “Письма” отдельной книгой по-русски, одновременно с их появлением по-французски (разумеется, за известный авторский гонорар). Или даже – если он не имеет в виду французского издателя – мы можем издать его книгу и по-французски, хотя до сих пор еще не делали таких опытов и не знаем их “практики”¹.

В “Весах” же мы с радостью напечатаем три-четыре – максимум пять статей Гиля, даже лучше не больше четырех, потому что хотелось бы дать хоть одну статью де Гурмона². Что до писем о современной, текущей литературе, то и их помещать каждый месяц, особенно если Гиль будет говорить *только* о стихах, для нас затрудни-

тельно*. Притом размер этих писем должен быть ограничен: не больше 4 страниц нашего мелкого шрифта. Не забывайте, что мы ждем еще писем из Германии, из Англии, из Италии, из Норвегии, из Дании, из Чехии, из Голландии, из Калькутты...

Вполне понимаю Ваше неприятное положение. Если Вам неудобно лично изложить все это Гилю, – сообщите, и я сам напишу ему письмо от имени редакции, где просто, словно в первый раз, только упомянув о Вас, изложу наши просьбы и предложения.

Скажите, улавливались ли Вы с Гилем о гонораре. 15 fr., предназначавшиеся за страницу для Моклэра, были рассчитаны на *мелкий* шрифт и на короткие письма. Статью же Гиля приходится печатать крупным шрифтом, и займет она не менее листа... Но, конечно, если Вы уже условились, переменять этого решения невозможно.

Письма о голландской литературе нам очень желательны, но не более двух в год и размером не свыше 4 стр. нашего мелкого текста.

Статью Гиля перевожу я; сознаюсь, дело не легкое, и часто я погрешаю тем, что придаю фразам ясность, которой нет во французском тексте.

“Весов” Вам выслали сначала лишь 2 экз. только потому, что не было готовых: довольно большой спрос в розницу, при довольно скудной подписке.

Напишите Ваше впечатление от “Весов”.

Ваш Валерий Брюсов.

На бланке “Весов”.

Ответ на п. 14.

¹ Этот замысел не был реализован. “Письма о французской поэзии” Гиля, а также его заметки и рецензии регулярно печатались в “Весках” на протяжении всех лет издания журнала.

² Реми де Гурмон (Goupmont) был одним из инициаторов и редактором журнала “Mercure de France”. Автор “Книги масок” (серия критических эссе о современных поэтах, 1896–1898), многосерийных “Эпилогов” (1895–1912), книг “Проблема стиля” (1902), “Литературные прогулки” (1904–1913), “Философские прогулки” (1905–1909) и др.

Имя Реми де Гурмона упоминалось в “Весках” сравнительно часто. В 1904 г. была помещена (в связи с выходом второго тома “Эпилогов”) статья Брюсова “Реми де Гурмон” (№ 8; подпись: Ch.), а также рецензия Волошина на книгу Гурмона “Литературные прогулки” (№ 11). М.Н. Семенов сообщал Брюсову 15/28 ноября 1904 г. из Парижа: «От Реми де Гурмона ответ получен: он соглашается сотрудничать в “Весках”, но просит меня зайти к нему для переговоров. Пойду на днях» (ГБЛ. ф. 386, 102. 31). Впоследствии статьи и корреспонденции Реми де Гурмона стали систематически появляться в “Весках”. В библиотеке Брюсова сохранилась книга Гурмона “Литературные прогулки” (“Promenades littéraires”, 1904) с пометами и подчеркиваниями владельца (ГБЛ. ф. 386. Книги. № 489). Сохранились также принадлежавшие Брюсову книги Гурмона: “Юдифь Готье” (1904); “Культура идей” (1900); “Проблема стиля” (1907); “Пилигрим молчания”, “Люксембургская ночь” и др. (см.: ГЛБЛ. ф. 386. Книги. № 1681). Сохранилась также книга о Гурмоне, написанная Пьером Керлоном (см. п. 27, прим. 11).

17. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3. Rue du Bac (Paris. 24 января / 6 февраля 1904)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вы идеальный редактор – в то время, когда я пишу Вам: “вычеркните те-то три строчки”, Вы, еще не получив письма, пишете, что Вы их вычер(к)нули¹.

Письмо Ваше я получил третьего дня, но ни книг, ни денег до сих пор не получил. Это меня смущает и беспокоит.

Относительно денег: предвидите ли Вы падение русского курса при объявлении войны и все следующие последствия?² Посоветуйте Сергею Александровичу заранее запастись иностранными деньгами. Впрочем, верно, он уже принял меры.

Падение курса, говорят, будет огромное.

Теперь парижские дела: вчера я был у Рэдона. Рисунок для обложки выбран. Великолепная вещь. Один из лучших Рэдонов. Он сам же сделает надпись. Это большой рисунок углем. Описывать я его не буду – Вы сами увидите. Рэдон ничего не имеет

* Ведь мы должны давать отзывы и о романах, и о театрах etc. (прим. Брюсова).

против воспроизведения его в Москве³. Я писал и узнавал относительно парижских клише на основании слов Сер(гея) Алекс(андровича).

Я имел представление, что в Москве, кроме простейшего вида цинкографических воспроизведений, ничего невозможно сделать.

Воспроизведение обложки Рэдона представляет еще особенные трудности благодаря тонкости его “черных” пятен, из-под которых всегда шевелится целый мир разных образов.

Кроме того, Рэдон согласен дать 12 виньеток за 200 fr. для целого номера. Но ставит условием, чтобы в этом номере не было ни одного чужого рисунка. Чтобы номер был исключительно его. Это страшная роскошь, но, к сожалению, ее оценят только в Париже. Ни один французский журнал не позволял себе такой роскоши: дать целый номер, украшенный одним Рэдоном. Обыкновенно одна-две виньетки – это было самое большее. И, кроме того, Рэдон щедрой рукой раскрыл все свои картоны и предоставил мне полную свободу выбора. Так что эти 12 рисунков будут наиболее типичны и характерны. Через неделю, верно, обложка будет закончена. Это зависит от того, когда я получу первый номер.

Рисунок для обложки поступает в полную собственность редакции. Виньетки должны быть возвращены по воспроизведении.

Когда я Вам вышлю рисунок, Вы мне, пожалуйста, напишите, на какой месяц Вы назначите рэдоновский номер. Тогда для него необходимо будет приготовить статью об Рэдоне.

Что касается Лакоста и др. – я еще никого не успел увидеть. Я предложу им такие условия: цена 150 fr. не меньше 6–7 рисунков. Больше – сколько угодно. Так посоветовал Рэдон (это между нами).

Всей любезности Рэдона, конечно, мы обязаны больше всего m-me Holstein, которая меня познакомилась с ним.

На днях я Вам выслал 8 букв Якимченки. Он назначил за них по 5 francs. Там же один мой рисунок.

Да! по поводу моих рисунков. Я Вам выслал их только в виду того, что Вы писали о неимении рисунков на февраль.

Так что Вы, пожалуйста, не стесняйтесь с ними. Если Вы ими не воспользуетесь для “Весов”, то оставьте их у себя⁴.

Да! Еще просьба: когда Вы пишете о моих заметках – я чувствую в Вашем тоне боязнь обидеть. Я слишком доверяю Вашему вкусу и поэтому прошу Вас, не делайте себе с этим никаких стеснений: расп(о)ряжайтесь этим, как простым материалом.

Вышлите мне, пожалуйста, еще объявлений о “Весах” (об обмене) на французско-ком) яз(ыке).

Напишите мне: какие французские журналы Вы получаете. Это очень важно.

Значит, я, как предлагал, могу ежемесячно бесконтрольно тратить 25 fr. на журналы и почтовые расходы, а в других тратах буду Вам представлять отчет? Вы на это не ответили. До свиданья.

Макс В о л о ш и н.

Датируется по почт. шт.: Paris. 6.2.04; Москва. 27.1.04.

Ответ на п. 13.

¹ См. п. 12 и п. 13, прим. 5.

² Имеется в виду обострение отношений между Россией и Японией, повлекшее за собой разрыв дипломатических отношений 24 января / 6 февраля 1904 г.; русско-японская война началась 27 января / 9 февраля 1904 г.

³ См. п. 13, прим. 3.

⁴ См. п. 15, прим. 1.

18. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac (Paris. 5/18 февраля 1904)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сперва денежные дела: Я получил от Вас 397 fr.

Из них Якимченке –	100 fr.
Мне (статья 35 р.) следоват(ельно)	93 fr.
Рэдону (в качестве задатка)	100 fr.
	293 fr.

Кроме того, я должен на свои расходы удержать еще 50 fr. (январь и февраль). Но не знаю, имею ли я на это право. Вы мне еще не ответили. Тогда у меня остается 54 fr. редакционных денег.

Теперь. Рэдон вышлет Вам на этих днях несколько рисунков для виньеток.

Обложка почти готова и будет выслана немедленно.

Обложка стоит 300 fr. и поступает как рисунок в полную собственность редакции. Это рисунок углем, так что его я анкадрирую в стекло и вышлю посылкой. Иначе нельзя. Виньетки* стоят 200 fr., их будет 13–14. Так что Вы должны Рэдону, не считая уплаченных мною 100 fr., еще 400 fr. Вышлите их, пожалуйста, немедленно или мне, или Рэдону. (Odilon Redon. 32. Avenue Wagrame). Это очень важно для Рэдона и для установления репутации “Весов”.

Лакост делает виньетки за 150 francs.

С Рэнэ Гилем условлена относительно цены обычная русская плата 50 р., т.е. 130–140 fr. с листа, или 25 сант. со строчки (в мелком шрифте).

Это я уже писал Вам. Хотя тут нужно было бы, я думаю, Вам установить для Франции строго определенную плату прямо во франках без расчета на русские деньги, положим в 150 или даже в 160 fr. Эта последняя цифра уже вполне возможна, т(ак) к(ак) это 10 fr. за страницу.

Но норму во франках необходимо определить точно.

Относительно Гиля это не так страшно, как Вам показалось. Свою программу, которую я Вам выслал, он думает осуществлять постепенно и говоря о современности.

Это метод, который мы выработали с ним вместе: говорить о современном и текущем, делая экскурсии в прошлое. Так что это не будут отдельные статьи и, кроме того, письма из Парижа.

Что касается длины, я просто попрошу его давать статью через месяц и делать ее короче ввиду размера журнала. В этом не будет ничего неловкого. Он ведь свою программу надеется осуществить только в несколько лет.

Но если Вы и сами об этом ему напишете, это будет очень хорошо. Мне кажется, это даже необходимо, со стороны редакции, как внимание. Его адрес 16 bis. Rue Lauriston. René Ghil.

Я Вам высылаю отчет “La Plume” об банкете Верхарна, который Вам может пригодиться¹. Не высылаю всего номера, т(ак) к(ак) “Plume” запрещена в России.

Высылаю Вам манифест “интегралистов”, написанный Лакюзеном². Гиль об нем будет говорить³. Но т(ак) к(ак) он будет, вероятно, против, то Вы, может, кроме того воспользуетесь самым текстом.

Вы хотите статью Гурмона? Это теперь почти невозможно. Ведь он начал свой собственный журнал “La Revue des idées”⁴ и страшно занят.

Что Вы мне скажете относительно Herold’a (о театре) и Альб(ера) Мокеля (о романе?)⁵. Могу я начинать с ними переговоры? И в каких размерах?

* Они должны вернуться. Это только право воспроизведения. (Вписано Волошиным между строками письма).

ПРОЕКТ ОБЛОЖКИ ДЛЯ ЖУРНАЛА "ВЕСЫ"

Рисунок Н.П. Феофилактова

"Весы", 1905, № 5

Шартэна еще не видел, поэтому окончательного ответа не могу сообщить⁶.

Статью о Гогэне, я думаю, лучше отложить. Теперь все говорят об общей выставке Гогэна, и тогда будет значительно уместнее заговорить об нем. Необходимо увидеть целиком весь его "Oeuvre". Статью "Европеец и его раковина" я постараюсь прислать в конце месяца. Но она не будет под этим заглавием⁷.

В конце недели открывает(ся) Salon Indépendants. Я об нем буду писать⁸.

Итак, вот дела:

1) *Выслать 400 fr. Рэдону* (как можно скорее).

Ответить:

2) Разрешается ли мне 25 fr. в месяц на почтов(ые) и кр(едитные) расх(оды).

3) Можно ли начать переговоры с Herold'ом и Мокел(ем)?

4) Определить цену для Франции во франках.

5) Сделать ли попытку относительно Гурмона?

6) Вернуть рукопись Гилю после перевода.

7) Гонорар Гилю.

Это все о непосредственных делах.

Это не все. См. последнюю станиц(у)^{2*}.

Война... Как это отзывается в России? Здесь впечатление полного разгрома России. Флот, в сущности, уничтожен.

Ожидания с минуты на минуту вступления Англии в борьбу.

Неужели мы будем так счастливы, что доживем до момента, когда культурный Восток обновит Европу?

Общее ожидание всеразрушающего всеевропейского взрыва. Первые признаки смерча⁹.

Последние дни в телеграммах такая путаница, что трудно разобраться. Почти достоверно, что японцами взорваны три броненосца из четырех, составляющих Владивостокскую эскадру¹⁰.

В вечернем "Нью Йорк геральд" известие, что Россия послала ультиматум Китаю¹¹.

Мне давно хотелось послать Вам несколько моих новых стихотворений. Вот они.

* Творчество (франц.).

^{2*} Строка вписана позднее.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

В душе моей мрак грозовой и пахучий.
Там выются зарницы, как синие птицы.
Горят освещенные окна.
И тянутся длинные, протяжно-певучи
Во мраке волокна.
О запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучьи...
И сразу все стало светло и велико...

Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучьи.
Из недра сознания, со dna лабиринта
Теснятся* виденья толпой оробелой
И стих расцветает цветком гиацинта –
Холодный, душистый и белый¹².

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О если б нам пройти чрез мир одной дорогой.
Всё видеть, всё прочесть, всё знать, всё пережить.
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Ощупать шар земной горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить!¹³

Город умственных похмелей,
Город призраков и снов.
Мир гудит на дне ущелий.
Между глыбами домов,
Там проходят миллиарды...
Смутный гул шагов людских
К нам доносится в мансарды,
Будит эхо в мастерских.
В мир глядим с высоких гор мы.
И, волнуясь и спеша,
Шевелясь, рождаются формы
Под концом карандаша.
Льется огненный поток
Со сверкающей палитры.
Солнца больше чтить не мог
Жрец Ормузда или Митры.

Днем я нити солнца тку,
Стих певучий тку ночами.
Серый город я затку
Разноцветными лучами.
По ночам спускаюсь вниз
В человеческую муть я.
Вижу черных крыш карниз,
Неба мокрого лоскутья.
Как большие пауки,
Ветви тянутся из мрака.
Камни жутко-глубоки
От дождливых бликов лака.
Серый город все растет.
Стены тянутся все выше.
Будет день, и в темный свод
Навсегда замкнутся крыши...¹⁴

ДЕТСТВО

О как странно, о как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад.
Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья

Нити темного познания
Привели меня назад.
Время медленней и шире,
Всюду отсветы огней...
О, как странно в этом мире
Быстро шепчущих теней!¹⁵

М. Волошин

Впечатления от “Весов” я напишу после. Все номера получил. Гонорар за мои рисунки назначьте сами в минимальной степени. Не стесняйтесь их отвергать. Пока я только пробую; после будет лучше. Не печатайте того пейзажа, что нарисован на кальке с большим черным обводом (послан в числе первых). Его надо выбросить.

Вскрываю опять письмо.

Только что получил от Гиля открытку. Он Вам высылает свою вторую статью¹⁶. Я еще с ним не успел переговорить. Увижу его завтра и тогда переговорю.

Впечатления от “Весов”. Внешность очень хороша. Обложка менее¹⁷. Пятно ри-

* Было: Толпятся.

сунка не красиво. Задний план не вполне отделяется от первого. Но это придирки. Они возможны в Париже, но не в России.

Воспроизведение рисунков мне очень нравится. В содержании везде выдержаны два главных элемента – краткость и обстоятельность. Это мне очень нравится. Хотелось бы более четкого типографического и топографического разделения разных отделов.

Их необходимо отделять рисунками.

Очень хороши широкие поля.

В “Хронике” как-то мало полноты.

Отдел “о книгах” очень хорош.

Каталог... Мне жаль, что Вы отступили от обычая печатать *все* отзывы, и дурные и хорошие. Каталог много потерял от этого.

Досадно виде(ть) фотографии там, где могли бы быть рисунки. Тем более, что фотографии выходят так слабо¹⁸. Это ведь так легко было бы заменить. Портреты можно было бы сделать хотя бы по фотографиям.

Если бы Вы сделали несколько любительских фотографий с себя, с Бальмонта, с Белого. В нескольких поворотах, под резким боковым освещением и без ретуши, то я бы Вам сделал по ним портреты-маски. Хотите?

Мою большую статью я не успею прислать. Но пришлю “письмо из Парижа” об “Indépendants”¹⁹. Они открываются 20 февраля, и об выставке Louis Legrand, так, чтобы это поспело к мартовской книжке²⁰. Вы получите это к 1 марта ново(го) стиля.

Вот еще вопросы, на которые мне нужен ответ.

8) Пожертвуете ли Вы издания “Скорпиона” и “Весы” для русск(ого) художеств(енного) клуба (49. Boulevard Montparnasse. Union des Artistes Russes)? Первый номер “Весов” я туда передал.

9) Нужны ли рисунки для “Северн(ых) цветов”?²¹

10) Пробный оттиск обложки Рэдона непременно вышлите.

11) Для номера Рэдона я напишу статью об нем. Можно ли мне обратиться еще к некоторым лицам с просьбой написать несколько строк или страниц об Рэдоне для этого номера? Это будет очень интересно.

Я тогда обращусь к Mellerio, который пишет книгу о Рэдоне²², и соберу некоторые из старых статей Гюисманса²³, Жофруа²⁴ и Мишеля²⁵.

Почт. шт.: Paris. 18.2.04; Москва. 9.2.04.

¹ См. п. 11, прим. 10.

² Адольф Лакюзон (Lacuzon; 1870–?) – французский поэт, теоретик “интегрализма”. Манифест “интегралистов” был написан Лакюзоном при участии других поэтов (Кюбелье де Бейнак, Адольф Бошо, Леон Ванно, Себастьян-Шарль Леконт), чьи подписи также стоят под “манифестом”, и впервые напечатан в “Голубом журнале” (“La Revue Bleue”) 15 января 1904 г.

Видимо, на основании этих сведений, полученных от Волошина, Брюсов составил сообщение для раздела “В журналах и газетах”: «В La Revue Bleue появился манифест новой поэтической школы, которую ее основатели называют L'Intégralisme. Манифест подписан Адольфом Лакюзоном, считающимся главарем этой группы, и четырьмя его сторонниками. Одно из положений манифеста сформулировано так: “Истинная поэзия есть трансцендентная форма познания”» (“Весы”. 1904. № 2. С. 78).

³ Критическому разбору манифеста “интегралистов” Гиль посвятил статью «Письма о французской поэзии. Письмо 3-е. Конец “французской школы”» (Весы. 1904. № 6. С. 16–29), в которой отметил полную зависимость “интегрализма” от своей теории “словесной инструментовки”.

⁴ “Revue des idées” (“Обозрение идей”) – французский ежемесячный критический журнал, основанный в 1904 г. писателем Эдуардом Дюжарденом (Dujardin; 1861–1949). Первый номер “Обозрения” вышел 15 января 1904 г.; издание продолжалось до 1910 г. Редактором журнала был Реми де Гурмон. «“Remy de Goumont”, этот тонкий мыслитель, блестящий критик и интересный поэт, принял на себя редактирование нового журнала “Revue des idées”. В № 1 помещена статья самого Гурмона о Фр. Бэконе и Жозефе де Мэстре. В ближайшем будущем обещана статья Жюль де Готье о Шопенгауэре и Ницше», – оповещал Брюсов в “Весах” (1904. № 2, с. 79; раздел “В журналах и газетах”). В статье Брюсова о Р. де Гурмоне сообщалось, что журнал “Revue des idées” печатает “исключительно статьи научного и общелитературного содержания” (Там же. № 8. С. 32). В действительности этот журнал открывал свои страницы для самых различных по содержанию материалов. «Программа “Обозрения идей” охватывает все-области человеческого знания: фи-

лософия, психология, математика, физика, биология, этнография, история, религия, военное дело, социология, филология, история литературы», отмечалось в рекламных объявлениях, помещенных в других французских периодических изданиях (в частности, в "Mercure de France").

⁵ См. п. 12, прим. 7 и 8.

⁶ См. п. 14, прим. 2.

⁷ См. п. 12, прим. 4.

⁸ Статья Волошина "Письмо из Парижа. Салон Независимых" появилась в 3-м номере "Весов" за 1904 г.

⁹ Еще более отчетливо Волошин выражал свои утопические надежды, вызванные началом русско-японской войны, в письме к А.М. Петровой от 26 февраля / 10 марта 1904 г.: "Я всей душой на стороне японцев и жду от этой войны начала общего обновления Европы" (*ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93*).

¹⁰ В ночь на 27 января / 9 февраля 1904 г., т.е. за сутки до официального объявления войны, японские эсминцы внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер.

¹¹ Сообщение в американской газете было недостоверным: никакого ультиматума Китаю Россия в те дни не предъявляла (см.: Русско-японская война: Япония, Корея, Маньчжурия. События, предшествовавшие объявлению войны: Начало военных действий / Сост. Н.Т. М., 1904).

¹² Опубл.: *СЦ 1905* (с незначит. разночтениями); *Волошин М.* Стихотворения, 1901–1910 (с посвящением Бальмонту).

¹³ Опубл. с другими вариантами стихов 5 и 7: *ЗР. 1906. № 10; Волошин М.* Стихотворения, 1900–1910.

¹⁴ Опубл.: *ЗР. 1906. № 11–12*; без последних четырех стихов, с делением на четверостишия и незначительными вариантами.

¹⁵ Опубл.: Там же; с новыми вариантами стихов 10 и 11.

¹⁶ Письмо Гиля к Волошину от 17 февраля 1904 г. Гиль сообщает: "Завтра я отправлю прямо г-ну Брюсову, в адрес журнала, 2-ю статью" (*Ежегодник 1979. С. 240*). Речь идет о втором из "Писем о французской поэзии" (Весы. 1904. № 3).

¹⁷ Обложка с рисунком работы Л. Бакста. В этом оформлении (в различных цветовых тональностях) были изданы первые три номера "Весов" за 1904 г.

¹⁸ Речь идет о рекламном «Каталоге книгоиздательства "Скорпион" к началу 1904 года» (16 с.), приложенном к 1-му номеру "Весов". В нем перечислялись книги, изданные "Скорпионом"; некоторые аннотации сопровождалась цитатами из рецензий и портретами авторов.

¹⁹ См. прим. 8 к наст. письму.

²⁰ Луи Легран (Legrand; 1863–1951) – французский живописец и гравер. Статья Волошина о выставке работ Леграна в "Весках" не появилась.

²¹ Имеется в виду готовившийся тогда 4-й альманах изд-ва "Скорпион" "Северные цветы", вышедший в свет в 1905 г. ("Северные цветы ассирийские"). См. п. 19, прим. 9.

²² Андре Меллерьо (Mellerio; 1862–?) – французский литератор и искусствовед; друг Редона и автор работ об его творчестве. Ни его статья, ни статьи названных Волошиным далее лиц (кроме Жеффруа) в редакционном № "Весов" помещены не были. См. п. 19, прим. 10.

²³ Жорис Карл Гюисманс (Huysmans) – французский писатель, голландец по происхождению. В ранних произведениях пытался следовать принципам натурализма; позднее стал одним из родоначальников "декаданса" (романы "Наоборот", 1884; "Там внизу", 1891). Гюисманс выступал также как художественный критик, поддерживая в своих статьях искания импрессионистов. Автор книги "Современное искусство" ("L'art moderne". Paris, 1883), Гюисманс неоднократно с восхищением писал об искусстве Редона.

²⁴ Гюстав Жеффруа, точнее, Жеффруа (Geffroy; 1855–1926) – французский писатель, искусствовед, историк искусства, автор первой "Истории импрессионизма" (1894) и обзорной монографии "Французская живопись с 1850 по 1900 г." С 1892 по 1903 гг. Жеффруа выпустил 8 томов "Художественной жизни" ("La vie artistique"), где собраны его работы по вопросам искусства. Возглавлял также многотомный труд "Музеи Европы" ("Les Musées d'Europe", 1902–1913).

²⁵ Андре Мишель (Michel; 1853–1925) – французский историк искусства, автор работ о Пюви де Шаванне и других художниках второй половины XIX в. Его перу принадлежит монография "Французская школа от Давида до Делакруа" ("L'école française de David à Delacroix". Paris, 1891).

19. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. Около 10/23 февраля 1904 г.)

Дорогой Макс.

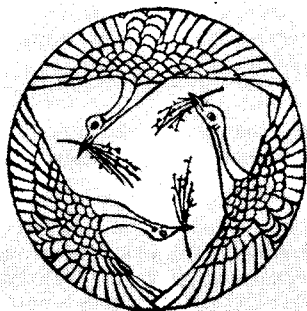
О войне.

Ваши слова изумили меня. Я читал во французских газетах разные нелепицы, но не воображал, что им можно верить, хотя бы в Париже. Вы себе представляете дело трагически: ничуть не бывало.

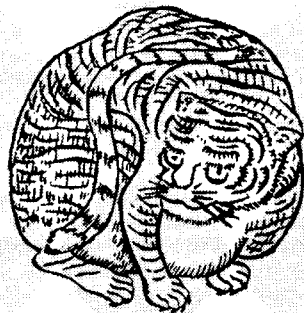
Во-первых – с точки зрения истории – это вовсе не война Азии с Европой, Востока с Западом, а только что война японского "императорского" правительства с русским "императорским" правительством. То и другое воплощает идеи "европеизма", в

сущности глубоко чуждые истинной России и истинной Японии. Нелепы японские “маркизы”, но не менее нелепы и русские “графы”.

Во-вторых – с московской точки зрения – войны вовсе нет. Мы ее не ощущаем, как не ощущает левая рука нашего тела, если мы уколем большой палец правой ноги. Россия истинно “велика”. Два газеты расходились у нас побойчее, чем обычно, но и это кончилось. Слухам о “грандиозных манифестациях” не верьте. Сот пять полупьяных мальчишек, пользуясь “позволением” манифестировать, ходили по улицам и забавлялись тем, что сшибали шапки с проезжающих. На третий день посланы были казаки с нагайками, и их разогнали¹.

餌食
に
な
る
鳥

虎

“ВЕСЫ”, 1904, № 10

Виньетки по рисункам японских художников

Что до исхода войны – он несомненен. Япония будет раздавлена страшной тяжестью России, которая катится к Великому Океану по столь же непобедимым космическим законам, как лавина катится вниз, в долину². И эту “всемирную судьбу России не запрудят”³ даже такие тупоумцы, как Алексеев-Наместник⁴.

Вот что о войне.

Теперь о “Весах”.

Разделимте сношения так. Пишите мне о литературных делах, которые в моем ведении. О художественных и особенно *денежных* пишите прямо С.А., который, конечно, давно выздоровел. Пока, разумеется, я передам С.А. все, что в Вашем письме, и буду настаивать, чтобы он скорее исполнил его пункты, т.е. послал бы деньги кому следует, ответил, решил etc.

Мы получили: статью Гиля (с письмом ко мне), рисунки Редона, рисунки Ваши и Якимченко. Гилю я пишу лично, но то именно, что писал Вам: печатать его ежемесячно ей-ей нам невысказано – Вы и сами видите. Редон мне лично – если говорить напрямки – не очень нравится (как не нравились и его офорты (?), которые показывала мне г-жа Гольштейн)⁵. Редон хотел бы, чтобы из пятен действительности и бреда у него выступали бы причудливые лица, а у него только из-за несмело-спутанных линий выглядывают гримасничающие маски; это не то же самое. Да и то, что вы, художники, называете “рисунком”, кажется мне у него далеко не совершенным.

Впрочем, это мое узко-личное мнение. С(ергею) А(лександровичу) рисунки, кажется, нравятся. (О том, что мы их берем, поместим и т.д. и т.д., конечно, и речи не может быть: Редон для нас – большая ценность.) Мы думаем поместить эти рисунки в 4 № “Весов”, если к тому времени будет готова его обложка. Не напишете ли Вы к тому же № и статью о Редоне? Она должна быть у нас тотчас после 15 марта, п(отому) ч(то) ее надо будет поместить во главе №, на первом месте. А раньше 15 марта еще лучше.

Ваши рисунки используем постепенно, вероятно, все. А что до рисунков Якимченки, то из них сделаем выбор. Совершенно непригодны нам присланные им однажды буквы. Вернуть ли ему те рисунки, которые мы не берем?

Для точности вот ответы по Вашим пунктам:

- 1) 400 fr. Редону. Потороплю С.А.
- 2) Ваши 25 fr. в месяц приняты “Скорпионом”.
- 3) Просите Негольд’а или Mockel’я о статье о франц(узских) романах, но лишь в том случае, если с ними можно условиться о 1–2 статьях в год, не более⁶.
- 4) Цена листа в франках. Еще не решено. (140–160).
- 5) Гурмона просите, но ведь безнадежно!⁷
- 6) Рукопись Гилю верну.
- 7) Гонорар Гилю вышлем, как только выйдет № 2.
- 8) Экз(емпляр) “Весов” Клубу⁸ назначен со 2 №.
- 9) Для “Сев(ерных) Цв(етов)” рисунков не нужно. Иной план⁹.
- 10) Оттиски обложки Редона вышлем.
- 11) Статья о Редоне. См. выше. Интер(в)ью о Редоне – устройте. Из статей о нем – выберите. Все это идет¹⁰.

Из Ваших стихов мне всего больше по сердцу – первые, “Рождение Стиха”, особенно после первых пяти стихов с их неоправданно-неизбежной рифмой “окна” – “волокну” и кроме слова “излучье”, все-таки сомнительного. Третье – “Город умственных похмелей” – очень “Волошинское”, но иные рифмы бесстыдно придуманны (особенно “палитры – Митры”), конец очень “из меня”.

Я написал кое-что “нового”, но нет времени переписать: длинно очень и очень.

Получили ли Коневского? и Гриф?¹¹ Впечатления?

Очень Ваш Валерий Брюсов.

904.

Весной – после нашей Пасхи – думаю-таки приехать к Вам¹².

На бланке “Весов”.

Ответ на пп. 17 и 18.

¹ В связи с началом русско-японской войны в различных городах России проводились в конце января – начале февраля 1904 г. “народные манифестации”, которые официальная пресса пыталась представить как “патриотический взрыв народного чувства” (Знаменский Н.А. Чем вызван наш энтузиазм // Московские ведомости. 1904. № 35. 4 февр. С. 4). Тенденциозность сообщений такого рода и подчеркивает Брюсов.

² Сходными настроениями “географического патриотизма”, по определению самого Брюсова, проникнуто его стихотворение “К Тихому океану”, написанное 27 января 1904 г.; включая это стихотворение в книгу “Στέφανος”, Брюсов сопроводил его примечанием: “... должен сознаться, что, подобно многим, ошибался, ожидая конечного торжества России в начинавшейся войне” (I, 423, 631). Мысли о желаемом владычестве России над Тихим океаном Брюсов развивал и в “Весах” – в частности, в рецензии на книгу Рене Пинона “Борьба за Великий океан” (М., 1904): “Берега Атлантического океана размежеваны. История ближайших веков будет решаться на берегах Великого; идущая теперь война открывает новую эру (...) главная размежевка должна произойти по окончании русско-японской войны” (1904, № 6, с. 63–64). Известия о поражении русской армии и флота в ходе войны Брюсов переживал крайне тяжело. Так, в августе 1904 г. И.М. Брюсова сообщала его сестре, Н.Я. Брюсовой: “Очень плохо на войне, это главная причина грусти. Узнав вчера о нашей сдаче Ляояна, Валя чай не допил, другие телеграммы не стал слушать, и потом весь день было ему не по себе, не ел почти за обедом” (ГБЛ. Ф. 386. 145. 33). Ср. строки о русско-японской войне в незаконченной поэме “Агасфер в 1905 году”:

Свершилась праведная кара
За тяжкий грех, столетний грех.
Под гулы битв, в дыму пожара
Наш враг прославил свой успех.

(ЛН. Т. 27–28. С. 245)

³ Парафраз из стихотворения Тютчева “Нет! карлик мой! трус беспримерный!..” (1850):

Всемирную судьбу России –
Нет! вам ее не запрудить!..

⁴ Евгений Иванович Алексеев (1843–1909) – генерал-адмирал русского флота, внебрачный сын Александра II; в 1903 г. назначен наместником царя на Дальнем Востоке. С 28 января по 12 октября 1904 г. – главнокомандующий вооруженными силами в русско-японской войне.

⁵ См. п. 2, прим. 6.⁶ См. п. 12, прим. 7–8.⁷ См. п. 16, прим. 2.⁸ Имеется в виду “Общество русских художников” в Париже. См. п. 9, прим. 9.⁹ Видимо, к тому времени уже определился замысел оформления альманаха “по образцам ассирийского искусства”, как указывалось на титульном листе. Оформление “Северных цветов ассирийских” осуществил Н. Феофилакт (обложка, пять рисунков в полный лист, заставки и концовки).¹⁰ В № 4 “Весов”, изданном в оформлении Одилона Редона, были помещены статья Волошина “Оди-лон Рэдон” (с. 1–4), а также подготовленные им разделы: “Рэдон о себе” (с. 5–9; автобиография Редона в переводе Волошина) и “Современники о Рэдоне” (с. 10–16; переведенные Волошиным фрагменты статей и высказываний Эмиля Эннекена, Гюстава Жеффруа, Жана Лоррена, Франсиса Журдена, Поля Гогена).¹¹ Имеются в виду издания: *Коневской Ив.* Стихи и проза: Посмертное собрание сочинений. М.: Скорпион, 1904; Альманах Гриф. 1904. М.: Гриф, 1904.¹² 18 марта 1904 г. Волошин писал матери: “По-прежнему мое время все еще проходит в работе – только периодами то живописью, то литературой. Но, верно, скоро, вероятно*, наступит большой перерыв, т(ак) к(ак) должны приехать Брюсов, Бальмонт и еще масса лиц из Москвы, т(ак) что, верно, начнется беготня” (*ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60*). В 1904 г. Брюсову приехать в Париж не удалось.

20. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва)

14 февраля ст. ст. (27 февраля н. ст.) 1904.

Дорогой Мах!

400 fr. Redon’у посланы или будут *сегодня* посланы переводом: чек перешлем Вам (если это Вас не затрудняет). Гилю пишу *сегодня заказным*. Это заказное письмо, по условиям нашей почты, он получит дня на 2 позже, чем Вы это. Если можно, узнайте его впечатление от этого письма, т.е. от наших отказов. Его статья “всем” нравится¹. Все же мы не можем взять на себя *обязательства* печатать его ежемесячно, хотя и готовы печатать через месяц или даже *и чаще*.

Ваш В а л е р и й Б.

P.S. В 3-м №, вероятно, его 2 письмо *не* пойдет².¹ Речь идет о статье Рене Гиля “Письма о французской поэзии. Вступительные страницы” (Весы. 1904. № 2).² Вопреки этому сообщению, второе “Письмо о французской поэзии” Гиля (“Конгресс поэтов 1901 года. (Из современных ретроградных теорий)”) было напечатано в 3-м номере “Весов”.

21. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. Около 16/29 февраля 1904 г.)

Дорогой Мах!

“Перевод” для Редона оказался все еще в кармане С.А. Достал его оттуда и посылаю Вам.

Получил Вашу статью о Салоне Независимых – идет на март¹.Получил 2-ую статью Гиля (кажется, писал?). Не знаю еще, идет ли она на март или апрель. Зависит от того, готова ли статья Бальмонта².

Гонорар Гилю будет выслан, как только выйдет № 2 (завтра, послезавтра, махит через 4 дня).

У Гиля две досадные ошибки: не говорите ему о них – Гексли вместо Геккеля, это раз³; пропущена фраза в абзаце о Маллармэ – два⁴. Он не заметит.

Четыре строки в конце статьи я пропустил намеренно и писал ему об этом.

Пишите мне, если есть у Вас время. Очень жду Ваших писем.

Сегодня должен приехать в Москву Вяч. Иванов⁵.

Ваш В а л е р и й.

* Так в тексте.

Можно ли поставить Лакоста в число сотрудников и как его имя пишется по-французски?

1904.

На бланке "Весов".

Датировано по связи с пп. 20 и 22.

¹ См. п. 18, прим. 8.

² В № 3 "Весов" за 1904 г., наряду со вторым из "Писем о французской поэзии" Гиля, была напечатана статья К. Бальмонта "Символизм народных поверий".

³ Имеется в виду первая фраза в опубликованном тексте статьи Гиля "Письма о французской поэзии. Вступительные страницы": "Когда, согласно гипотезам и истинам, принесенным Лапласом, Ламарком, Дарвином и Гекксли" и т.д. (1904, № 2, с. 25; пер. Волошина). Немецкий ученый-естествоиспытатель, последователь Дарвина Эрнст Генрих Геккель (Haeckel; 1834–1919), подразумевавшийся Гилем, был ошибочно отождествлен с английским естествоиспытателем-дарвинистом Томасом Генри Гексли (Huxley; 1825–1895).

⁴ Этот пропуск восстановлению не поддается. См. анализ творчества Малларме в статье Гиля (Там же. С. 34–36).

⁵ Вопреки своим первоначальным намерениям Вяч. Иванов приехал в Москву из Швейцарии лишь 16/29 марта 1904 г. См. письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 17/(30) марта 1904 г.: "Вчера приехали в 4 часа пополудни (...) Заехали (...) к Брюсову. Его не застали. Сказали: в Скорпионе. Поехали туда. Там собрание" (ГБЛ. Ф. 109, 23.12). См. также п. 30, Postscriptum. В Москве весной 1904 г. Иванов познакомился и дружески сблизился с писателями-символистами из окружения Брюсова – К. Бальмонтом, Ю. Балтрушайтисом, Андреем Белым и др. (см.: ЛН. Т. 85. С. 429, 448–450). Ивановы пробыли в Москве до конца июня ст. ст. 1904 г.

РЕНЕ ГИЛЬ В 1887 ГОДУ

Иллюстрация к статье Брюсова "Рене Гиль".

Рисунок

"Весы", 1904, № 12

22. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 18 февр(аля / 2 марта) 1904.

Дорогой Мах.

2 № "Весов" вышел. Получите скоро. Удачнее 1-го. Напишите Ваше мнение.

Статья Гиля идет в 3 №¹. Если увидите его, сообщите.

Гонорары будем рассылать после субботы: день подведения счетов. Но получили ли Вы чек на 400 фр. для Рэдона?

Если бы нашелся *интересный* портрет Гиля, мы бы его напечатали в ближайшем №².

Газеты в общем *хвалят* "Весы". Уж не знаю, хорошо это или дурно. Подписчиков пока (но этого не разглашайте) меньше 400.

Ваш Valéry ou Valère B.

Открытка. Почт. шт. отправления: М. 19.2.04.

¹ См. п. 20, прим. 2.

² Два портрета Рене Гиля (один, выполненный по фотографии, и другой – рисунок "Рене Гиль в 1887 г.") были помещены в "Весах" в качестве иллюстраций к статье Брюсова "Рене Гиль" (1904, № 12, с. 12, 17).

23. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 19 февр(аля) ст. ст./ 3 марта н.ст. (1)904.

Дорогой Мах!

Еще о портрете Гиля. *Желательно*, чтобы он был продолговатый, в той форме, как во 2 № портрет Н. Федорова¹. Если нет ничего кроме фотографий, что делать, но, конечно, интересных. Лучше же фотографии *с рисунка*, чем с лица. Все это в том случае, если есть *интересные* портреты. Просто банальную фотографию или даже обыкновенную масляную краску, конечно, воспроизводить не стоит.

Повторяю просьбу о рецензии на роман S.G. Bouhéliér "Julia". Вам легко это сделать, а в России цензура книгу, пожалуй, не пропустит. Но если не напишете – вышлите книгу заказной бандеролью².

Ваш В а л е р и й.

¹ В № 2 "Весов" за 1904 г. был помещен портрет Н.Ф. Федорова работы Л.О. Пастернака в качестве иллюстрации к статье покойного философа "Астрономия и архитектура" (с. 20).

² Эдуард Сен-Жорж Буэлье (Bouhéliér; наст. имя – Стефан Жорж Лепетелье де Буалье, 1876–1947) – французский писатель, поэт, эссеист, драматург. На грани веков считался вождем "натюристов" – поэтической школы, противопоставлявшей себя, с одной стороны, натурализму, с другой – символизму. Роман "Юлия, или Любовные связи" ("Julia ou Les relations amoureuses") был издан в 1904 г. Рецензия на эту книгу – несмотря на все усилия Брюсова – так и не появилась в "Весах".

В личной библиотеке Брюсова находилась другая книга Буэлье "Старое и новое, избранные страницы" ("Choix de pages, anciennes et nouvelles"), изданная в Брюгге в 1907 г. (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681).

24. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 25 февраля / 9 марта 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за молчание. Я в полосе красок и потерял вкус к слову¹.

Я нашел и заручился согласием корреспондента для романа и театра.

Это не Мокель и не Герол(ь)д, Ван-Беве². Он секретарь редакции "Mercure de France", и Вы знаете его по книге о современной поэзии, которую я Вам оставил³.

Для романа он самый удобный человек, потому что через его руки проходит решительно все, что выходит нового.

Это громадный знаток литературы. Такой же труд, какой он сделал для символистов, он в настоящее время делает для всей французской поэзии начиная с XIV века!!

Я ему предложил работу в таком виде: дать статью в год об романе и театре (театре написанном, но не играемом), в виде ретроспективного обозрения полугодия. Их размеры должны определить Вы. И я буду ждать Ваших инструкций: сколько страниц? К какому номеру? Обозрение какого количества времени?

(Находясь в живописно-красочной полосе, я в настоящую минуту никак не могу взяться за рецензию о Буэлье⁴. Вышлю Вам книгу. Или хотите поручить это Ван-Беве⁵?)

Рисовальная полоса прошла. Книгу Буэлье я купил и буду писать рецензию⁵.

Меня смущает то, что я до сих пор не получил ни книги Коневского, ни Грифа⁶. Боюсь, что они пропали. Вы так давно писали мне, что они высланы, и ждал их с таким нетерпением. Елиз(авета) Серг(еевна) Кругл(икова) уже давно получила Коневского.

К какому номеру Вам нужна следующая статья Гиля?

Деньги Рэдону передал. Послезавтра обложка и еще ряд виньеток будут готовы и высланы.

Лакост передал мне свои виньетки⁷. Я их вышлю вместе с Рэдоном. Ему Скорпион должен 150 fr., как условлено. Такую же серию и за такую же сумму делает Рансон⁸.

Портрет Гиля? Я не знаю хорошего, хотя видел много. Валлотоновский плох и сделан с фотографии.

Я два раза его рисовал, но не удачно. Хочу сделать вот что: попрошу его попозировать час в русском клубе художников и объявлю конкурс. Может, удастся.

О Рэдоне статью – пишу.

Не забудьте его условия – чтобы в номере были только его рисунки. Этот номер будет тогда представлять интерес и в Париже, и его не мешало бы дать на продажу кое-кому из парижских книготорговцев. Есть коллекционеры, которые собирают всего Рэдона и обязательно купят.

В Париже этот номер будет представлять большой интерес, т(ак) к(ак) еще не было номера, всецело посвященного Рэдону, ни в одном из парижских изданий.

На Гиля Ваше письмо произвело очень хорошее впечатление. А отказ — никакого. Он мне сам показывал письмо. Несколько раз справлялся, когда вы приедете, т(ак) к(ак) ему очень интересно с Вами познакомиться.

Вообще Ваш приезд будет очень полезен и многое определит.

В первый раз я жалею, что Ваши длинные,* т(ак) к(ак) это причина, по которой Вы их не можете прислать⁹. Впрочем, Ваш приезд не так уже далек.

Вот еще мои стихи.

ДОЖДЬ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза,
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.
И по окнам танцует
Все быстрее и быстрее
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи.
Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пальцев
Торопливо иголка.

На синеем лаке
Разбегаются блики.
В проносащемся мраке
Мне смеются их лики.
Сколько глазок не схожих!
И несутся в смятении
И целуют прохожих
И ласкают растенья...
И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre Dame...¹⁰

Тесен мой мир... Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами...
Пройдемте по миру как дети.
Полюбим шуршанье осок
И терпкость прошедших столетий
И едкого знания сок.

* Так в тексте. Возможно, пропущено слово: "стихи".

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней –
Ребенок непризнанный гений
Средь буднично взрослых людей¹¹.

Я люблю осенний шелест
Старых писем, дальних слов.
В них есть запах, в них есть прелесть
Увядающих листов!
Я люблю узорный почерк –
В нем есть шорох трав сухих.

Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.
Мне так близко обаянье
Их усталой красоты.
Это деревья познания
Облетевшие цветы¹².

Да! я еще позабыл написать Вам: все исправления в “Скелете” я принял с радостью и очень за них благодарен¹³.

До свидания.

Макс Волошин.

P.S. Ах, еще одна большая просьба:

Не может ли “Скорпион” в счет имеющихся моих рисунков и рукописей дать мне авансом 200 fr. Буду очень благодарен.

Конечно, можно ставить Лакоста в сотрудники. Вот его имя и адрес: Charles Lacoste. 25. Rue Rousselet.

Адрес Van-Bever: 68. Rue de Babylone.

Автограф в архиве Брюсова не сохранился. Текст воспроизводится по машинописной копии, ранее сделанной с оригинала (видимо, М.С. Волошиной) и хранящейся в архиве Волошина (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 15–20). Над текстом проставлена дата почтового штемпеля: 9.3.04.

Ответ на пп. 19–23.

¹ На следующий день, 26 февраля / 10 марта Волошин писал А.М. Петровой: “Последние недели я по уши уходил в живопись и потому ничего не писал и не читал. Теперь снова возвращаюсь к жизни” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

² Адольф Ван Беве́р (Van Bever; 1871–1925) – французский литератор, историк культуры, библиограф и переводчик, тесно связанный в начале века с журналом и издательством “Mercure de France”. Автор биографии Метерлинка (1904), библиографических эссе, посвященных Агриппе д’Обинье (1905), Верлену (1926), составитель альбома “Бретань глазами писателей и художников” (1913) и такого же альбома о Ту-рени. В 1908 г. выпустил книгу об Анри де Ренье; издавал Бодлера и других французских классиков.

Благодаря Волошину Брюсов в 1904 г. вступил с Ван Беве́ром в переписку, позднее присылал ему свои переводы из французских поэтов. Так, в июле 1909 г. Ван Беве́р благодарит Брюсова за полученную им “Антологию французской поэзии XIX века”: “Я счастлив видеть интерес, который Вы проявляете к нашим современным поэтам”. А 16 апреля 1911 г. (в оригинале год не указан, датируется по содержанию) Ван Беве́р пишет Брюсову в связи с получением книги переводов из Верлена: “Вы совершили истинное чудо, передав творчество нашего великого поэта XIX века соответственно ритму, колориту, чувству. Вы, конечно, поняли, что Верлен, наряду с Вийоном, – самый человечный из наших французских писателей. Ваше имя связано теперь с этим замечательным трудом: Вас не забудут” (ГБЛ. Ф. 386, 77. 1).

О сотрудничестве Ван Беве́ра в “Весах” см.: Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина / Публ. П.Р. Заборова // *Ежегодник* 1979. С. 234–235, 246–250.

³ Имеется в виду антология “Современные поэты” (“Poètes d’aujourd’hui”), составленная Ван Беве́ром совместно с критиком и эссеистом Полем Леото́м (1872–1956) и представлявшая поэзию французского символизма в самом широком охвате. Изданная впервые в 1900 г., антология последовательно дополнялась и перерабатывалась авторами и выдержала к 1917 г. 28 переизданий. Сохранилось издание, выпущенное в 1908 г. в двух томах и подаренное Брюсову Ван Беве́ром. Текст дарственной надписи: “A Monsieur Brussov cordial souvenir. Ad. van Bever” (“Господину Брюсову на память сердечно. Ад. Ван Беве́р” – ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1565).

⁴ См. п. 23, прим. 2.

⁵ Видимо, этот абзац был написан Волошиным некоторое время спустя после предыдущего. Это предположение невозможно подкрепить анализом графических особенностей автографа, ввиду его отсутствия в архиве Брюсова.

⁶ См. п. 19, прим. 11.

⁷ В оформлении Шарля Лакоста вышел № 7 “Весов” за 1904 г. Рисунок Лакоста, выполненный для обложки этого номера, был воспроизведен также на обложках № 8 и 9 за 1904 г.

⁸ Поль Рансон (Ranson; 1864–1909) – французский художник, один из “набидов”, которые начиная с 1899 г. регулярно собирались по субботам в его парижской мастерской (в “храме”). В его произведениях отчетливо проявляется влияние японской графики. В 1908 г. Рансон основал Школу рисунка (“Академия Ран-

сона”), где преподавали Боннар, Дени, Валлотон, близкий к “набидам” скульптор А. Майоль и другие. Его рисунки не удовлетворили Волошина (см. п. 25) и не были переданы в редакцию “Весов”.

⁹ См. п. 19.

¹⁰ Опубликовано без названия и с незначительными вариантами (“Замутились их лики...” вместо “Мне смеются их лики”) как первое из трех стихотворений под общим заглавием “Париж” в цикле Волошина “Минуты прозрений” (“Северные цветы ассирийские”, с. 51). Под заглавием “Дождь” и с делением на четверостишия напечатано в составе цикла “Париж” в разделе “Годы странствий” книги Волошина “Стихотворения. 1900–1910” (с. 16–17).

¹¹ Первые четыре стиха опубликованы как первое четверостишие стихотворения “Тесен мой мир” (СЦ 1905), позднее вошедшего в цикл “Когда время останавливается” (“Стихотворения, 1900–1910”); остальные строки составили отдельное стихотворение “Пройдемте по миру, как дети...” (1903), при публикации разделенное на два четверостишия (Там же; последний стих: “Средь буднично серых людей”).

¹² Опубл.: РМ. 1907. № 12. Отд. I. С. 130. Под заглавием “Старые письма”, с посвящением А.В. Гольштейн, делением на четверостишия и исправлениями в тексте (ст. 1: “Я люблю усталый шестест”; ст. 4: “Умирующих цветов”) вошло в раздел “Amorі amara sacrum” книги Волошина “Стихотворения, 1900–1910” (с. 56). Заглавие было снято при повторной публикации в книге Волошина “Иверни” (1918).

¹³ Речь идет о редакторской правке Брюсова в статье Волошина “Скелет живописи”. См. п. 10.

25. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac

(Париж. 27 февраля / 11 марта (?) 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера я получил второй номер “Весов” (“Гриф” и “Коневский” так и не получили)¹. Вот мои впечатления:

Все, что касается крупного шрифта, – безупречно, вполне соответствует ожиданиям.

Мелкий шрифт оставляет желать многого. Вот что мне показалось слабым: рецензии о книгах (только не все) слишком мало дают представления об книгах. Из них нельзя составить себе представления о книге. Оценка очень часто заменена полемикой. Это же касается хроники и других отделов. Все это хочется сжать, укоротить. Я вижу слишком много слов.

Полемический тон неприятно приравнивает “Весы” к другим журналам, даже газетам. Мне кажется, что “Весы” призваны судить, но не бороться.

В Ваших заметках о французских книгах меня укололи несколько неточностей.

В статье об книге Реттэ: *вторники* Маллармэ названы четвергами. Сказано, что Реттэ бывал на средах Эрмитажа, когда он был душою их. Вообще я не согласен с тем, что Реттэ только “часто встречался со всеми выдающимися поэтами новой школы”², он сыграл гораздо большую роль в символизме благодаря своей живости, практичности, предприимчивости и умению соединять людей. И потом ведь, несмотря на свою видимую легкость, книга Реттэ дает ведь все-таки гораздо больше для истории символизма, чем заносчивая и часто лживая книга Кана³.

Вот между прочим: хотите, я сделаю статью об анекдотической истории “Символизма” по воспоминаниям Моклэра, Мерилля⁴, Кана, Реттэ и устным рассказам Иван-гоэ Рамбоссона⁵, Гиля, Ван Бевера и др.?

Я выберу разные характерные факты об лицах и нравах. Это будет живописной иллюстрацией к теоретическим статьям Гиля и будет уместно, потому что ежедневно появляется что-нибудь новое об этом.

Статья Гиля. Я не вполне доволен переводом. Слишком близко сквозит французский текст и поэтому утеряно то, что есть самого драгоценного в статье Гиля: великолепный стиль, дающий впечатление полета⁶.

Из подробностей: мне кажется, что нельзя перевести *volonté* – воля. На языке символистов это слово имеет значение: порыва, стремления.

Французские периоды разного темпа, соединенные спаями маленьких слов, которых так много во французском языке, мне кажется, нельзя передавать точно и последовательно. Приходится делать многие перестановки и переложения, (что) часто даст больше, чем перевод.

Это все, конечно, между нами, и я ни слова не скажу Гилю.

Если я пишу Вам исключительно только одни неприятные вещи, то это только потому, что я думаю, что Вам гораздо интереснее узнать, что мне *не понравилось*.

Больше всего мне нравится статья Белого о Чехове⁷. Совсем не нравятся “Александр-ский” и “Рафалович”⁸.

Вы пишете, что журналы хвалят “Весы”? Мне вспоминается фраза из греческих *extemporale*:⁹ «Оратор Фокион, будучи однажды приветствуем рукоплесканиями после одной своей речи, обратившись к друзьям, спросил: “Разве я сказал сегодня какую-нибудь глупость?”».

Жаль, что Вы не применяете того метода в “Весах”, что применялся в первом каталоге “Скорпиона”, – печатать в приложении *все отзывы* и главным образом ругательные. Это было бы очень интересно и полезно.

Об делах. Прислал мне свои рисунки Рансон. Они так мало интересны, что я их сегодня верну ему обратно¹⁰. Вы мне позволяете взять это на себя? Рисунками Лако-ста, посланными Вам вчера, я не очень доволен. Он делает вещи несравненно более тонкие. Два там есть вполне хороших. Другие ниже его.

Мне кажется, что в этом случае необходимо показать, что мы не все принимаем, что нам дадут, и что нам нужны вещи действительно художественные и характерные.

Макс В о л о ш и н.

P.S. Пришлите мне все-таки, пожалуйста, “Гриф” и “Коневского”. Кажется, на днях едет m-me Бергенгрюн¹¹ в Париж? Мне бы очень хотелось видеть перевод Лук-реция¹² и обложки Мусатова для “Север(ных) Цветов”¹³.

Почт. шт.: 11.3(?). 04.

¹ См. п. 19, прим. 11.

² Волошин имеет в виду отзыв Брюсова о книге А. Ретте “Символизм. Анекдоты и воспоминания” (“Le symbolisme. Anecdotes et souvenirs”. Paris, 1903). Возражения Волошина вызвала брюсовская фраза: “Реттэ близко знал или по крайней мере часто встречался со всеми выдающимися поэтами новой школы, угощал Верлена, бывал на четвергах у Маллармэ, на средах Epitige, на вечерах Plume (...)” (Весы. 1904. № 2. С. 67).

Адольф *Pemme* (Retté; 1863–1930) – французский поэт, драматург и романист, один из активных деятелей символистской школы. Брюсов с живым интересом относился к его творчеству. Помимо упомянутой выше книги “Символизм”, в его библиотеке находился ряд поэтических сборников Ретте: “L’archipel en fleurs” (“Цветущий архипелаг”, 1895), “La forêt bruisante” (“Шелестящий лес”, 1896) и др. (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681). Брюсов перевел одно стихотворение Ретте (“Земля несчастная, бесплодная отныне...”), которое под названием “Отрывок” вошло в его антологию “Французские лирики XIX века” (1909); см. также: ПСС XXI. С. 195–196, 274.

³ Гюстав Кан (Kahn; 1859–1936) – видный французский поэт, романист и критик, историк символизма. В 1889–1899 гг. возглавлял символистский журнал “La Vogue”. Волошин упоминает о книге Кана “Символисты и декаденты” (“Symbolistes et Décadents”. Paris, 1902), краткую характеристику которой Брюсов дал в рецензии на “Символизм” Ретте – отметив, что книга Ретте “бесспорно гораздо менее серьезна, чем книга Кана” (Весы. 1904. № 2. С. 66). “Символисты и декаденты” значатся в перечне книг личной библиотеки Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681), наряду со стихотворным сборником Кана “Дождь и хорошая погода” (“La pluie et le beau temps”. Paris, 1896).

⁴ О Моклере см. п. 8, прим. 2; о Мерилле – наст. том, кн. 1. Переписка с Коневским, п. 1, прим. 12.

⁵ Иваное *Рамбоссон* (Rambosson; наст. имя – Гранден Феликс Шарпантье. 1872 – 1943) – французский поэт и художественный критик, активный сотрудник “Mercure de France”, где он систематически печатал обзоры новых изданий по искусству. “С ним и его женой Волошин познакомился вскоре после того, как обосновался в Париже, и, по всей вероятности, встречался в дальнейшем, но не слишком часто” (Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина) / Публ. П.Р. Заборова // *Ежегодник 1979*. С. 235. Письмо И. Рамбоссона к Волошину от 31 января 1904 г. опубликовано там же (с. 250–251).

⁶ См. п. 14, прим. 1.

⁷ Статья Андрея Белого “Вишневый сад”, в которой предпринята попытка вскрыть символическую природу чеховского реализма и взаимосвязь символистского и реалистического методов творчества. Ср. суждение Волошина в недатированном письме к А.М. Пешковскому: “Во II книжке “Весов” обрати внимание на статью Белого о “Вишневом саде”. Это лучшее, что там есть, по-моему” (ИМЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 26). См. также: *Купченко В.П.* “На портреты свои не похож...”: Чехов и Волошин // Чехов и его время. М.: Наука, 1977. С. 200–204.

⁸ Имеются в виду корреспонденция “Союз русских художников. Выставка картин в Московском Стро-

гановском училище" (подпись: "Александр -ский") и статья С. Рафаловича "Петербургские театры. Две постановки". "Александр -ский" – скорее всего, Александр Арнольдович Койранский (1884–1968), поэт, художник, художественный критик; в первой половине 1900-х годов был близок к московским символистам из круга "Скорпиона" и "Грифа". Сергей Львович Рафалович (1875–1943) – поэт, драматург, театральный критик, примыкавший к петербургским символистам.

⁹ Eхtemporalia (лат.) – гимнастические упражнения, состоящие в переводе заданного текста на латинский или греческий язык.

¹⁰ См. п. 24, прим. 8.

¹¹ Татьяна Алексеевна Бергенгрюн, точнее Бергенгрин (рожд. Андреева) – старшая сестра Е.А. Бальмонт. См. о ней в воспоминаниях Е.А. Бальмонт "Семья Андреевых" (ГБЛ, Ф. 374, 2.9–10). "Это очень добрая моя знакомая, с которой я связан узами дружбы," – писал о Т.А. Бергенгрин Бальмонт матери 9 июля 1895 г. (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 29об.). Сохранилось письмо Т.А. Бергенгрин к И.М. Брюсовой, написанное в Париже 4/22 апреля 1902 г. (ГБЛ. Ф. 386, 77. 15).

В сентябре 1985 г., в беседе с одним из авторов настоящей работы, К.М. Азадовским, Н.К. Бруни - Бальмонт сообщила, что Т.А. Бергенгрин вышла замуж приблизительно в 1876 г. ("когда Екатерине Алексеевне было девять лет"). Еще задолго до революции она уехала с мужем в Берлин и впоследствии жила за границей. Увлекалась антропософией. Умерла в возрасте 84 лет (около 1945 г.).

¹² Имеется в виду издание: Лукреций Кар. О природе вещей / Перевел с латинского размером подлинника И.И. Рачинский. М.: Скорпион, 1904.

¹³ Обложка В.Э. Борисова-Мусатова для объединенного издания трех альманахов "Северные цветы" (на 1901, 1902 и 1903 гг.) в одном переплете, с общим для всех трех книг алфавитным указателем авторов.

26. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Москва, 4/17 марта (1)904

Дорогой Мах!

Конечно, спасибо, и очень, за критику. Но "конечно" и то, что не согласен с Вами. Т.е. согласен в одном, очень незначительном (а для меня очень чувствительном): у Маллармэ были не четверги, а вторники. Оценка Реттэ у меня намеренная. Я знаю его* с 1892 г.) и считаю его личностью мелкой и "не настоящей". Его "Souvenirs" — книга очень плохая, книга личных счетов и болтовни за рюмками¹. Присоединяюсь к его критикам в последних №№ "Мерсиге"². – Мой перевод Гиля, может быть, не окончательно таков, как я желал бы (Вы не представляете, как мало у меня времени), но приемы его намеренны. В каждом языке есть свой склад мышления, и, передавая иностранную прозу (статей), я сохраняю этот иностранный строй языка (иное дело, конечно, в стихах, в творческих произведениях). Это звучит не совсем как русская речь, но при самом малом знакомстве с языком читатель, читая русские слова, получает то же впечатление, как если бы он читал оригинал. Таковы, напр(имер), переводы Фета из классиков; читая их, я слышу Вергилия, Тибулла, Овидия...³ Что до полемики, она нам необходима, и мы будем только развивать ее. Хорошо говорить Вам вдалеке от наших здешних дрызг, но, слушая гнусности и непристойности (которых, несмотря на "фокионовские" рукоплескания, еще достаточно), немисливо остаться равнодушным. Журнал – временник, это не книга, его жизнь – месяц, его душа – сегодняшний день; журнал пишется для того, что "теперь", и когда теперь, в эту минуту, кто-нибудь скажет Вам в лицо оскорбительные слова, Вы не станете ссылаться на "суд потомства". Вот мои ответы. Но Вы ничего не сказали о рисунках. Напишите, как нравятся Вам работы нашего Феофилактова⁴.

Лакост – между нами – плоховат; надеюсь, в уменьшении улучшится. Обложки Редона еще нет, и если мы не получим ее на днях, придется отложить ее до 6 №. Вы напрасно посылаете рисунки открытой бандеролью: они попадают в цензуру и приходят к нам с пометой Д.Ц.⁵ Могут там и совсем потеряться. Боюсь за Редона. Лучше – закрытым письмом.

Ответы: Коневской Вам послан вторично. "Гриф" – не наше издание, скажу Бальмонтуб⁶; Лукреций – распродан (да! – хотя было всего 400 экз.).

200 fr. Вам посланы или посылаются.

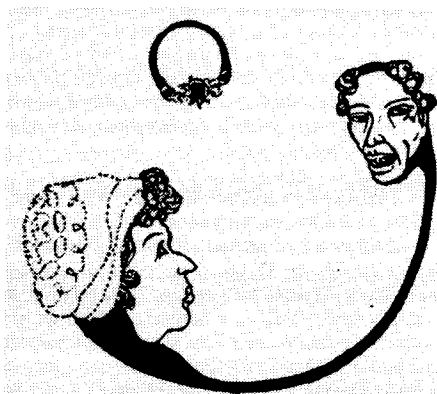
Анекдотической истории символизма – не нужно: и так у нас слишком много (т.е.

* В автографе описка: Я знаю я

“ВЕСЫ”, 1904, № 2

Виньетка по рисунку Н.П. Феофилактова

“ВЕСЫ”, 1904, № 2

Виньетка по рисунку Н.П. Феофилактова

несоразмерно много) о французской литературе. Выходит, что “Весы” журнал “франко-русс”, тогда как он “интернациональ”.

А следующую статью Гиля мы поместили бы в *апреле*, так что чем скорее доставил бы он рукопись, тем лучше, чтобы перевести не торопясь. Получил ли он 140 fr. (по 10 fr. за страницу)?

Изданные “Mercure” – “Villes Tentaculaires” вернули мне всю мою любовь к Верхарну⁷. Переводите ли его Вы? Не соединить ли нам наши переводы и не издать ли под одной обложкой? “Скорпион” готов. У меня переведено: “Londres” (Poèmes II, 45)⁸, “Départ” (II, 141), “Révolte” (II, 149), “Les Nombres” (II, 187), “La Mort” (II, 205 – не кончено), “Le Fléau” (“Villes Tentaculaires”, éd. “M(ercure) d(e) F(rance)”, 75), “Vers le futur” (id., 209)⁹ и те две пьесы (не столько переведены, сколько пересказаны), которые в “Tertia Vigilia”¹⁰. Что у Вас, кроме “Эй, луна, берегись!”?¹¹

Ваш сердечно Валерий Б р ю с о в.

На бланке “Весов”. На письме – карандашные пометы Волошина на французском языке.

Ответ на п. 25.

¹ См. п. 25, прим. 2. Брюсов писал в рецензии: “Адольф Реттэ – писатель, насчитывающий уже более 15 лет литературной деятельности; это недурной поэт, страстный журналист, защитник крайних мнений по социальным вопросам (...) Теперь, стоя до некоторой степени в стороне ото всех литературных партий, Реттэ попытался дать несколько портретов, начертить несколько картин из своего недавнего прошлого (...) Не случайно в подзаголовке сказано, что это не только воспоминания, но и анекдоты. В книге много легкомыслия, поверхностных суждений. Но она написана ярко, живо, увлекает любопытство, забавляет” (Весы. 1904. № 2. С. 66–67).

² В № 3 “Mercure de France” за 1904 г. (т. 49, № 171, р. 754–755) критик Жан де Гурмон (см. о нем прим. 3 к п. 53) в очередном обзоре новой литературы писал о последних книгах Реттэ “Анекдоты и воспоминания” и “В лесу” (“Dans la forêt”). Оценка этих произведений была сдержанной.

³ А.А. Фет осуществил стихотворные переводы на русский язык крупнейших латинских классиков: полное собрание од Горация (1856), сатиры Ювенала (1885), стихотворения Катулла (1886), элегии Тибулла (1886), “Метаморфозы” Овидия (1887), “Энеида” Вергилия (1888), элегии Проперция (1888), сатиры Персия (1889) и эпиграммы Марциала (1891). Дословная точность была его программной установкой.

⁴ В № 2 “Весов” были помещены три виньетки (с. 1. 13, 48) Николая Петровича Феофилактова (1875–1941), впоследствии основного художника-оформителя журнала.

⁵ То есть: дозволено цензурой.

⁶ К.Д. Балмонт со времени основания С.А. Соколовым в 1903 г. издательства “Гриф” поддерживал это литературное объединение и даже считался его “внутренним руководителем” (письмо С.А. Соколова к А.М. Ремизову от 5 ноября 1903 г. – ГПБ. Ф. 634. Ед. хр. 203).

⁷ В рецензии на новое издание книги стихов Верхарна “Города-спруты” (Les villes tentaculaires. P.: Mercure de France, 1904), объединившее ранее изданные сборники “Города-спруты” (1895) и “Обезумевшие деревни” (“Les campagnes hallucinées”, 1893), Брюсов писал: «Эмиль Верхарн, может быть, самый значительный художник изо всех тех, кто выдвинуты движением, известным под названием “символизма”. Вер-

харн – осуществление того, что грезилося Лафургу, Римбо, Маллармэ, и воплотить что было выше их сил (...) Его творчество в лучшем смысле современно. Он подступает к самым страшным загадкам человечества и хочет решить эти вековые и злободневные вопросы не методами науки, а силами и средствами искусства. Верхарн создал новые “роды” и “виды” в поэзии. Никто до него не подозревал, что роман можно сжать до лирического стихотворения (...) Верхарн поразительно владеет словом, он бесспорно величайший мастер “свободного стиха”. Он вознес этот прием стихотворчества до такой высоты, куда не в силах следовать за ним даже самые окрыленные из его современников» (Весы. 1904. № 3. С. 54–55).

⁸ Здесь и далее Брюсов ссылается на издание: *Verhaeren E. Poèmes. II série: Les Soirs. Les Débâcles. Les Flambeaux noirs. P.: Mercure de France, 1896.*

⁹ Из перечисленных стихотворений в книгу: *Верхарн Э. Стихи о современности* в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906 – вошли: “Лондон”, (“Londres”, с. 74), “Отплытие” (“Départ”, с. 91–92), “Мятеж” (“La Révolte”, с. 89–90), “Числа” (“Les Nombres”, с. 61–63), “Мор” (“Le Fléau”, с. 53–57), “Города и поле. К будущему” (“Vers le Future”, с. 58–60); некоторые из этих переводов предварительно появились в периодике (см. библиографический перечень, составленный Брюсовым: Там же. С. 128). Перевод стихотворения “Смерть” (“La Mort”) был опубликован лишь в кн.: *Верхарн Э. Поэмы / Пер., предисл. и прим. Валерия Брюсова. Изд. 4-е Пг.; М.: ГИЗ, 1923.*

¹⁰ В сборнике Брюсова “*Tertia Vigilia*” были помещены два перевода из Верхарна – “К северу” (“Au Nord”) и “Женщина на перекрестке” (у Верхарна “Женщина в черном” – “La Dame en noir”); в переработанном виде они вошли в “Стихи о современности”.

¹¹ Выполненный Волошиным перевод стихотворения Верхарна “Осенний вечер”, в котором рефреном повторяется стих “Эй, Луна, берегись!”:

В дикой скачке тучи скачут.
Тучи в пляске завились.
Эй, Луна, берегись!..

(*Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. М.: Творчество, 1919. С. 37.*) Перевод был напечатан также в книге Волошина “Стихотворения, 1900–1910” (с. 32–33).

27. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. Около 12/25 марта 1904 г.)
3 Rue de Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Обложку Рэдона Вы, верно, уже получили. Ее воспроизведение представит, верно, очень большие трудности. Ее необходимо воспроизвести на такой же желтоватой бумаге и надпись на одноцветной, т.е. такой <же?> желтова(той) бумаге. Она сделана на другой, потому что Рэдон почему-то не мог найти (?) другого листа этого тона.

Статью об Рэдоне, т.е. начало статьи, высылаю Вам вместе с письмом. У меня произошла задержка благодаря тому, что Национальная библиотека вдруг закрылась по поводу разных переделок. Статья будет состоять из моих вступительных страниц. Из автобиографии Рэдона (“Рэдон о себе”). Она в своей большей части представляет перевод одного его письма, которое было когда-то напечатано в Бельгии и теперь представляет библиографическую редкость, частью дополнено некоторыми фразами Рэдона о своем искусстве во время моих разговоров с ним.

Поэтому я назвал эту часть так неопределенно.

Затем должны следовать отзывы критики – род ретроспективной анкеты¹. И у меня уже собраны материалы, но вот закрытие библиотеки до 4 апреля оборвало работу. После 4 апреля я сейчас же смогу закончить.

Пока я прилагаю только отзыв Эннекэн, которому сам Рэдон придает очень большое значение². У меня намечены еще отзывы Гюисманса, Жоффруа, Жана Лоррэна, Natanson, Jules Destré³ и др.³ Они важны, т(ак) к(ак) там многие описания эстампов Рэдон(а).

Вы ничего не пишете, довольны ли Вы согласием Ван Бевера вступить в сотрудники “Весов”. Мне очень трудно улаживать с кем-нибудь и вести переговоры, не зная в точности, что именно Вам нужно.

Ван Бевер может быть весьма ценным приоб(р)етением для “Весов” благодаря его положению секретаря “Mercure de France”.

Я с ним условился так: две ретроспективные статьи в год об романе и театре: размер определите Вы. Это, конечно, все можно изменить.

Теперь (я с ним говорил вчера), он согласен еще писать рецензии о новых книгах – романы, история и литература для каждого месяца в том размере, как Вы сами определите (для мелкого шрифта). Я его просил написать теперь же для апрельского номера. Т.е. я Вам их пришлю до 1-го апреля стар(ого) стиля. Я думаю, что это Вам будет хорошо. Кроме того, он будет присылать библиографию для каждого месяца – это будет значительно полнее библиографии, составляемой в России⁴. Это он сам предложил. Словом, к апрелю я все это вышлю. А вы мне поскорей ответьте об том, что тут надо изменить.

Вот список книг, вышедших за последние месяцы, об которых Ван Бевеер даст прежде всего рецензии:

*Eugène Demolder. Le jardinier de la Pompadour*⁵.

*Francois Barbazange. La vie douloureuse*⁶.

*Henri Bremont. Le Bienheureux Thomas More*⁷.

*Rachilde. Le dessous*⁸.

*Louis Battifol. Au temps de Louis XIII*⁹.

*Pierre de Nolhac. Louis XV et M-me de Pompadour*¹⁰:

*Pierre de Querlon. La princesse à l'aventure*¹¹.

*Margueritte. La Commune*¹².

*Pierre de Segure. Les dernières années de Marechal de Luxembourg*¹³ и т.д.

Все это, конечно не сразу. Ему же я передал и рецензию об “Юлии” St. George Bouhélier. А об натюризме он напишет в ретроспективной статье¹⁴. Когда нужна будет эта статья, Вы мне напишите заранее. Он возьмется за нее только тогда, когда я ему скажу.

Я буду писать Вам о новой книге Сизеранна: “Les questions esthétiques contemporaines”¹⁵.

Я Вам, кажется, писал, что М-me Фионо согласилась на условия “Весов” и будет писать 3–4 раза в год перед началом сезона коротенькие заметки для “Весов” о модах¹⁶.

Что касается Лакоста – мы сделали ошибку. Нельзя заказывать виньетки, нужно прямо приходить и выбирать из имеющихся уже налицо рисунков. Тогда только будет гарантирована оригинальность и интересность. Я так и буду делать в будущем. Напишите только, к какому времени нужны Вам новые рисунки.

С Гилем о статье переговорю. За Коневского и аванс большое спасибо. Я их еще не получил – верно, завтра.

Рисунки Феофилактова слишком à la Somoff, а Сомов ведь и сам идет от Кондера, Бердслея и Дица¹⁷. Он еще не твердо произносит красивые слова этого языка. Но у него есть вкус.

Теперь самое важное: предложение соединить переводы Верхарна меня очень и очень захватило. Все это время я не переводил, но многое подготавливалось. Я принимаю с радостью этот проект и сейчас же принимаюсь за работу.

Главным образом я остановлюсь на III книге поэм¹⁸. У меня намечены “Novembre” (193 ст.), “Décembre” (197), “Les pêcheurs” (15), “Celui de la {fa}tigue” (99), “La Peur” (112).

Потом я думаю в безумной гордости посягнуть на “Дождь” и на “Ветер”¹⁹. Но это безнадежно.

Из “Villes tentaculaires” у меня еще ничего не намечено, но, конечно, будет. Из “Forces Tumulueuses”²⁰ едва ли. Когда последний срок? Что Вы возьмете из “Villes tentaculaires”? Эта работа исполнила меня рвения.

Макс В о л о ш и н.

Когда Вы приедете?

Датируется по почт. шт. получения: 16.3.04.
 Ответ на п. 26.

¹ См. п. 19, прим. 10.

² Эмиль Эннекен (Hennequin; 1858–1888) – известный французский критик, писавший, в частности, о русской литературе. Одним из первых обратил внимание на живопись Редона (после выставок художника в 1881 и 1882 гг.). Отзыв Эннекена вошел в подборку Волошина “Современники о Редоне” (Весы. 1904. № 4. С. 10–12).

³ Из перечисленных авторов в разделе “Современники о Редоне” представлены только Г. Жеффруа и Ж. Лоррен (Там же. С. 12–15). О Гюисмансе и Жеффруа см. п. 18, прим. 23 и 24. Жан Лоррен (Lograin; 1855–1906) – французский писатель, автор повестей и романов в вульгарно-символистском духе. Пропагандировал символистскую живопись (Моро, Энсора и др.). Таде Натансон (Nathanson; 1868–1951) – французский писатель (по профессии адвокат). Совместно с братьями Александром и Альфредом издавал журнал “La Revue Blanche”; дружил со многими известными художниками, в том числе с Вуйаром и Валлотом. Автор воспоминаний (Peints à leur tour. P., 1948) и книги о П. Боннаре (1951). Жюль Дестре (Destre; 1863–1936) – бельгийский политический и государственный деятель. В 1890-е годы примкнул к социалистическому движению, вступив в Бельгийскую рабочую партию. С октября 1917 по февраль 1918 г. был посланником Бельгии в России. Получил известность своей борьбой за национальную самобытность бельгийской культуры. Автор работ о современном искусстве, в том числе книги “Литографии Одилона Редона” (L'oeuvre lithographique de Odilon Redon. Bruxelles, 1891), изданной у Э. Демана.

⁴ Имеются в виду библиографические перечни новейших книг, изданных во Франции. Раздел “Перечень новых книг”, как правило, завершал каждый выпуск “Весов”.

⁵ Эжен Демольдер (Demolder; 1862–1919) – бельгийский писатель, автор исторических романов, которые принесли ему известность. Роман “Садовник госпожи Помпадур” печатался в 1903–1904 гг. в журнале “Mercure de France”. Отзыв Бан Бевера на эту книгу появился в “Вессах” (1904, № 4, с. 52) в составе его обзорной статьи “Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа”.

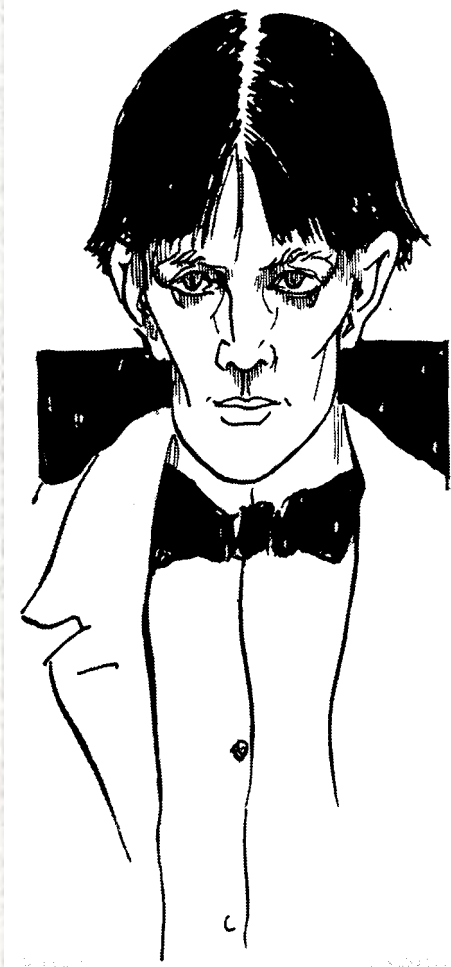
⁶ Ошибка Волошина. Имеется в виду роман “Любовная жизнь Франсуа Барбазанжа” (“La vie amoureuse de François Barbazanges”, 1904), автором которого была писательница Марсель Тинэр (Tinaute, урожд. Шасто; 1877–1948). Роман в “Вессах” не рецензировался.

⁷ Анри Бремонт (Brémont; 1865–1933) – французский писатель; его перу принадлежат биографии выдающихся гуманистов и церковных реформаторов, а также ряд работ по истории религии. Книга “Блаженный Томас Мор” вышла в Париже в 1904 г.; в “Вессах” не рецензировалась.

⁸ Рашильд (Rachilde; см. о ней наст. том, кн. 1. Переписка с Коневским. п. 36, прим. 21) – французская писательница, ученица натуралистов (Гюисманса и братьев Гонкуров); сотрудничала в журнале “Mercure de France”, в котором регулярно печатала обзоры современной прозы. Роман “Внизу”, упоминаемый Волошиным, был издан в 1904 г.; рецензия Ван Бевера на эту книгу была напечатана в “Вессах” (1904, № 4, с. 59–60). Брюсов писал о Рашильд еще в 1902 г. в статье “Француженка о русской интеллигенции” (РЛ. 1902. № 60. 3 марта. С. 3) – в связи с ее рецензией на французский перевод чеховской “Дуэли”.

⁹ Луи Баттифоль (Battifol; 1865–1946) – французский беллетрист, автор книг на исторические темы. Рецензия Ван Бевера на его книгу “В эпоху Людовика XIII” (1904) напечатана в “Вессах” (1904, № 4. с. 49–50) как часть обзорной статьи “Книги о прошлом Франции”.

¹⁰ Пьер Нольяк (Nolhas; 1859–1936) – французский писатель, автор историко-биографических книг (в частности, о знаменитых поэтах и художниках). Роман “Людовик XV и мадам Помпадур” вышел в свет в 1902 г.; Ван Бевер рецензировал его в “Вессах” наряду с другими книгами о прошлом Франции (1904, № 4, с.

О. БЕРДСЛЕЙ

Автопортрет, 1892

В книге: О. Бердслей. Избранные рисунки.
 М., “Венок”. 1917

51–52). В 1905 г. в “Весах” (№ 2, с. 45) была напечатана рецензия И. Щукина на роман Нольяка “Nattier, peintre de la cour de Louis XV” (“Наттье, придворный художник Людовика XV”).

¹¹ Пьер Керлон (Querlon, наст. имя Де Гашон; 1880–1904) – французский писатель, автор книги о Реми де Гурмоне (1903), изданной в серии “Célébrités d’aujourd’hui”^{*}; библиография, помещенная в книге, была составлена Ван Бевеком. Эта книга находилась в личной библиотеке Брюсова (ГБЛ, Ф. 386. Книги. № 1681); упоминание о ней см. также в “Весах” (1904, № 8, с. 30). Сказка Керлона и Верье “Приключения принцессы” (1904) на страницах “Весов” не упоминается. Однако Ван Бевек рецензировал в “Весах” другой “приключенческий” роман, выпущенный в 1904 г. издательством “Mercure de France”, – “Любовь Левкиппы и Клитфоннта”, переложение романа греческого писателя II в. Ахилла Татия; французское издание Керлона и Верье (Весы. 1904. № 4. С. 59). В “Весах” анонсировались также новые произведения Керлона “Дом маленькой Ливии” (1904. № 12. С. 80; отдел “Книги, доставленные в редакцию”), “Селина, дочь полей” (1905, № 5, с. 77; отдел “Перечень новых книг”). В “Весах” был помещен отклик на смерть Керлона (1904, № 7, с. 72; отдел “Хроника”).

¹² Роман французских писателей Поля и Виктор Маргерит (Marguerite Paul, 1860–1917; Victor, 1867–1942) “Коммуна” (1904) – заключительная часть тетралогии “Эпоха” (“Une Epoque. La Commune”), – посвященный Парижской Коммуне 1871 г. и трактующий ее с пацифистских позиций. Отзыв Ван Бевера об этой книге напечатан в “Весах” (1904, № 4, с. 53–54) в статье “Книги о прошлом Франции”. Роман “Коммуна” неоднократно издавался в русском переводе, впервые в 1904 г.

¹³ Пьер Сегюр (Ségur; 1853–1916) – французский писатель, маркиз. Писал романы, посвященные реальным историческим лицам (Мария Антуанетта, Жюли де Л’Эспинас и др.). Роман “Последние годы маршала Люксембургского” издан в 1904 г.; рецензия на эту книгу в “Весах” не появилась.

¹⁴ См. п. 23, прим. 2. Намерение Ван Бевера написать для “Весов” о натюрлизме не было реализовано.

¹⁵ Робер де Ла Сизеранн (La Sizeranne; 1866–1932) – французский историк и теоретик искусства, автор работ об итальянской культуре и современной английской живописи. Упомянутая Волошиным книга Сизеранна “Эстетические вопросы современности” вышла в Париже в 1904 г. Статья-рецензия Волошина появилась, однако, не в “Весах”, а в газете “Русь” (1904. № 182. 15/28 июня. С. 3). Позднее отзыв Волошина об этой книге был напечатан под заглавием “Сизеран об эстетике современности” в кн.: Волошин М. Лики творчества. СПб.: изд. “Аполлона”, 1914. Кн. I. С. 321–338.

¹⁶ О Фийоно-Йепп см. пп. 12, 15, 47.

¹⁷ Шарль Кондер (Conder; 1868–1909) – английский живописец, автор портретов и фантастических пейзажей; выполнял рисунки и декоративные акварели на шелке (веера, ширмы). Участвовал в нескольких парижских выставках (1902, 1906). Обри Винсент Бердслей (Beardsley; 1872–1898) – выдающийся английский художник-график и иллюстратор, оказавший огромное влияние на развитие стиля “модерн” в различных странах. Юлиус Дитц (Diez; 1870–1957) – немецкий график, рисовальщик и иллюстратор; делал также мозаики, витражи и фрески. Преподавал в Мюнхенской Академии художеств. Творчество Дитца пропагандировал в России журнал “Мир искусства” (см. № 7 и 8 за 1902 г.).

¹⁸ Имеется в виду книга: Verhaeren E. Poèmes. III-e série. P., 1897 (второе изд. – 1899). В 1904 г. в “Mercure de France” было выпущено третье издание этой книги, которым и пользовался Волошин (номера страниц, указанные им в скобках после заголовков стихотворений, соответствуют изданию 1904 г.).

¹⁹ Из перечисленных Волошиным стихотворений (“Ноябрь”, “Декабрь”, “Рыбаки”, “Усталый”, “Страх”, “Дождь” и “Ветер”) им были переведены лишь первые два (см.: Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 38–40.) Эти же стихотворения (а кроме того, “Рыбаки”, “Дождь”, “Ветер”) переведены Брюсовым.

²⁰ Названы сборники Верхарна “Города-спруты” и “Буйные силы”.

28. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. Середина марта ст. ст. 1904 г.)

Дорогой Мах!

У нас дома маленькое и обыденное, но для близких всегда трагическое событие. Мне, как “Валерию Брюсову”, вероятно, не идет быть отцом, и вторично у нас родился ребенок – мертвым¹. Это во многом меняет ближайшие планы моей жизни. Между прочим, я не еду в Париж весной.

Просьба к Вам. Если у Вас есть еще скорпионовские франки, купите две книжки, в которых мне отказала московская французская торговля: переводы Маллармэ поэм По до сих пор публикуются и наследниками Ванье² и Деманом³; “Traité du Verbe”⁴, конечно, был у меня, но по российскому обыкновению его “зачитали” (и знаю – кто), а теперь, при переводе Гиля – он прямо необходим^{2*}. Кстати, получили ли Вы 200 фр.? Я

* Современные знаменитости (франц.).

^{2*} Если купите, вышлите мне заказной бандеролью, по почте (приписано на полях).

за домашними хлопотами не знаю последних дел нашей конторы. Если *нет*, известите, вышлю по телеграфу.

Post Scr. Видели ли Вы в "Litterarisches Echo" (№ от 1 марта) статью обо мне и мой портрет?⁵ То и другое достаточно плохо, но характерно, когда в России "Вестн(ик) Евр(опы)" возобновил ругательную кампанию против меня, не стесняясь "площадно-стью" выражений⁶.

Жду от Вас рецензии на Буэлье и статью о Рэдоне.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

На бланке "Весов".

¹ В день, когда произошло это событие, Брюсов писал А.А. Шестеркиной: "9 марта 1904, день жаворонков, день моих именин. Опять ребенок мертвый" (ГБЛ. Ф. 218, 128. 12). После этого И.М. Брюсова была долгое время серьезно больна. "Я очень печально жил последние месяцы, — сообщал Брюсов 11 мая 1904 г. Г.Г. Бахману. — Была очень больна Иоанна Матвеевна, и доктора почти не выходили у нас из квартиры" (ГБЛ. Ф. 386, 70.6). Первый раз неудачные роды были у И.М. Брюсовой в июле 1901 г. 31 июля 1901 г. Брюсов писал П.И. Бартеневу: "Дела у нас дома шли очень плохо. Пришлось прибегать к помощи докторов, к операции... (...) Младенец (девочка) оказался мертвым. Иоанна Матв(еевна) теперь очень больна" (ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 116).

² Леон Ванье (Vanier; 1847–1896) — крупный парижский издатель, выпускавший сочинения французских символистов. Стихотворения Эдгара По в переводе Малларме были впервые изданы у Ванье в 1888 г.

³ Эдмон Деман (Deman; 1855–1918) — брюссельский издатель, тесно связанный с кругом бельгийских символистов. Известность получили осуществленные им издания Верхарна и особенно Малларме ("Полное собрание стихотворений" в 1899 г. и др.).

⁴ "Traité du Verbe" ("Трактат о Слове") — сочинение Р. Гиля, выпущенное отдельным изданием в январе 1886 г. (с предисловием Малларме) и содержащее основные положения созданной им "научной" теории "словесной инструментовки". Впоследствии эта работа, расширенная и усовершенствованная автором, переиздавалась в 1887, 1889 и 1891 гг.

⁵ "Das litterarische Echo" ("Литературное эхо") — берлинский журнал типа литературного обозрения, издававшийся два раза в месяц (с 1898 г.). В первом мартовском номере за 1904 г. была помещена статья о Брюсове, автором которой был Артур Лютер, московский корреспондент, немец по происхождению, впоследствии преподаватель западноевропейской литературы на Высших женских курсах в Москве, известный русист и переводчик (в частности, произведений Брюсова). Статья Лютера была приурочена к выходу в свет книги "Urbi et orbi", однако содержала в себе ряд общих оценок и характеристик. "Кто без всякого предрассудка приступит к чтению этой книги, — писал Лютер по поводу "Urbi et orbi", — тот не сможет не проникнуться ощущением огромной творческой силы. Достигнув зрелости, Брюсов совершил гораздо больше того, что обещал в юности" (Luther A. Valer Brjussow // Das litterarische Echo. Halbmonatsschrift für Litteraturfreunde. 1904. VI. Jg. № 11. 1. März. S. 761). Краткое сообщение о статье Лютера в "Das litterarische Echo" появилось также в "Весках" (1904, № 3, с. 71–72): "Автор сжато, в прозе, пересказывает ряд стихотворений В. Брюсова и берет на себя неблагодарную задачу защищать его от нападков некоторой части русской критики". Автором этой неподписанной заметки, как установила И.М. Брюсова, был сам Брюсов (см.: Библиография/1. № 253).

⁶ Имеется в виду крайне резкая по тону рецензия Е.А. Ляцкого на книгу Брюсова "Urbi et orbi". Критик усматривал в творчестве Брюсова "суррогат поэзии", "яд разложения и гнили", "декадентский бред" и т.п.; заключительный приговор гласил: «Гг. Брюсовы помогают, купно с г. Бальмонтом и прочими присными, предавать и насловать общественную мысль и совесть, уловляя в сети своего обаяния интеллигентствующее "мещанство", людей равнодушных к достоинству литературы, да умственно незрелых тупиц" (BE. 1904. № 3. С. 380; подписи: Евг. Л.). Бальмонт поместил в "Весках" протест по поводу рецензии Ляцкого (см. наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 101, прим. 2). Несколькими годами позже Ляцкий изменил свое отношение к творчеству Брюсова, о чем свидетельствуют его сочувственная рецензия на "Στέφανος" (BE. 1906. № 4) и обстоятельная статья "Пути и перепутья в поэзии Валерия Брюсова" (Современный мир. 1908. № 3). См. также письма Брюсова к Ляцкому за 1906–1909 гг. (Новый мир. 1932. № 2).

29. ВОЛОШИН — БРЮСОВУ

3 Rue du Bac. (Париж. 18/31 марта 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Весть о Вашем несчастье меня очень поразила. В этом рождении смерти есть что(то) более жуткое, чем в умирании жизни. Как здоровье Вашей жены?

То, что Вы не приедете, — это очень печально. Я много рассчитывал на устное выяснение разных редакционных вопросов. Теперь мне придется снова составить целый список вопросов под номерами и просить ответа.

Меня смущает то, что Вы не пишете, довольны ли Вы привлечением Ван Бевера к делу “Весов”. Я одновременно высылаю Вам ряд его рецензий о французских книгах, которые он мне вручил вчера. Мне необходим Ваш ответ; когда Вам нужна будет ретроспективная статья о романе. Вам нужно только написать время и размер.

Что касается рецензий, то Ван Беве́р просит сообщить ему все замечания, которые Вы найдете необходимыми. И кроме того, не стесняться их сокращать¹.

Я еще напоминаю Вам, что участие Ван Бевера может быть очень полезно для “Весов” тем, что это поставит их в интимные сношения с “Mercure de France”, в котором Ван Беве́р секретарь редакции.

Что касается рецензии о Буэлье, то я ее передал Ван Беве́ру и она будет готова к следующему номеру².

Статью о Рэдоне Вы, конечно, уже получили. Национ(альная) Библиот(ека) открывается 12 апр(еля), и я в три дня могу закончить работу, поэтому, если номер Рэдона все-таки назначен на апрель, то если можно, погодите и оставьте место – эти отзывы крайне необходимы.

Т(ак) к(ак) они все находятся в номерах старых газет, то я никак не могу тут обойтись без Нац(иональной) Библиотеки.

Мне очень интересно и важно Ваше мнение о статье об Рэдоне, т(ак) к(ак), когда я ее писал, то я представлял именно Вас своим читателем, стараясь Вас убедить в важности и глубине Рэдона.

Что Вы думаете сделать (с) моей статьей об “Россо”. Такие заметки я хочу делать с большим выбором и не знаю, когда представится снова знакомство этого же характера. Поэтому лучше поместите ее в качестве письма из Парижа или просто отдельной заметки³.

Переводами Верхарна я занимаюсь усиленно. Теперь, кроме “Осеннего вечера”, у меня пере(ве)дены “Novembre”, “La Peur” и... я не выдержал и вступил в соревнование с Вами – перевел “Au Nord”, который мне представился в ином виде, чем Ваш перевод.

Я Вам пришлю эти переводы через несколько дней. Мне еще кое-что надо там почистить⁴.

Что Вы думаете переводить из “Villes Tentaculaires”?

Вы мне ничего не написали о моих последних стихах, что я Вам посылал – “Дождь”, “Письма” и не помню еще что...⁵

Не хотел бы “Скорпион” издать по-русски “Moralité(s) légendair(es)” Лафорга. Я бы с громадной радостью принял(ся) за этот труд, если бы издание было обеспечено. Можно было бы присоединить сюда многое из посмертного тома. Стихи Лафорга... я их чувствую по-французски, но не вижу для них русских слов⁶.

Ни денег, ни Коневского я еще не получал. Знаете ли Вы наверно, что Коневский был мне действительно выслан оба раза? Книги, посланные мне, еще никогда не исчезали.

“Traité du Verbe” – найти нет возможности – оно совсем разошлось. Переиздать все собираются, да никак не соберутся. Поэмы По в пер(еводе) Маллармэ стоят 8 фр. Вы это знаете? Я их спрошу у Ванье⁷ и вышлю.

Ответ на п. 28.

¹Все присланные Ван Беве́ром рецензии (восемь крупных и одиннадцать мелких) сохранились в архиве Брюсова (ф. 386, 128.3). Большая часть этих рецензий была напечатана в № 4 “Весов” за 1904 г. (см. п. 33, прим. 2). В него не вошли лишь отзывы о книге Жюль Лафорга “Посмертное. Разные сочинения” (см. прим. 6 к данному письму) и “памятки” о книгах Коллет и О. Мирбо, о романе А. Бремона “Блаженный Томас Мор” (см. п. 27, прим. 7), о книге Ж. Дорни “Итальянский театр” и др.

²Ван Беве́р рецензии на книгу Буэлье не написал. Ср. п. 23, прим. 2.

³См. п. 12, прим. 2.

⁴Автографы переводов трех названных стихотворений Верхарна (“Ноябрь”, “Страх”, “На север”) сохранились среди писем Волошина к Брюсову, под общим обозначением “Переводы из Верхарна” (см. п. 41,

прим. 2). Все три перевода, а также “Осенний вечер” были включены в сборник Волошина “Стихотворения. 1900–1910”, позднее вошли в кн.: *Волошин М.* Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. (Стихотворения “La Peur” в этих изданиях озаглавлено “Ужас”.) Брюсовский перевод стихотворения “Au Nord” – “К северу” – ранее был опубликован в книге “Tertia vigilia”.

⁵См. п. 24.

⁶О Жюле Лафоре см. наст. том, кн. 1, Переписка с Коневским, п. 1, прим. 10. Сборник его рассказов “Les moralités légendaires” (“Легендарные добродетели”) был издан в 1887 г. посмертно. Упоминание Волошина о французском поэте было вызвано, скорее всего, появившейся в “Весах” рецензией Брюсова на книгу Лафорта, содержащей его заметки об искусстве, “Les mélanges posthumes” (“Посмертное. Разные сочинения”), изданной в Париже в 1903 г. (Весы. 1904. № 2; подпись: Аврелий). Волошину принадлежит четверостишие “На книге Лафорта”:

Эти страницы – павлинье перо, –
Трепет любви и печали.
Это больного Поэта-Пьеро
Жуткие salto-mortale.

(Волошин М. Стихотворения. 1900–1910. С. 27).

⁷См. п. 28, прим. 2.

30. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 18 (31) марта (1) 1904.

Дорогой Мах!

Начинаю входить в дела. К глубокому прискорбию, франки Вам еще не посланы. Пошлю *сегодня* (четверг, 18-го ст. ст.). То же и Коневского. – Рецензии Ван Бевера *могут* быть нам очень полезны. Но *во-первых*, мы не можем следить за французской литературой внимательней, чем за русской. Повторяю: мы не журнал франко-русс. Франция у нас должна стоять наряду с Германией (где современная литература куда интереснее!), с Англией, с Италией, со славянскими литературами. Таков идеал. А *во-вторых*, в библиографическом отделе высказываются идеи редакции. В отдельных статьях за мысли ответственен автор. В общих отделах – редакция. В библиографии мы не можем допустить что-либо такое, с чем не согласны. В конце концов уже не так важно, были ли у Маллармэ вторники или четверги, но что книга Реттэ – пустая книга: это важно; что “Эдип” Пеладана без конца выше, чем “Ифигения” Мореаса: это важно¹. Итак, мы очень рады рецензиям Ван Бевера, но мы оставляем за собой редакционное право взять из них те, которые нам нужны и подходят, и не можем принять их *заглазно*. В частности, о перечисленных Вами книгах: “Le jardin de la Pompadour” и “Le dessous” у нас *есть*². Rachilde умная писательница – не выше. Demolder – приличный романист и только, сколько бы ни пытались прославить его больше приятели. Других книг я не знаю, и трудно судить по одним заглавиям. Желание у нас – не столько говорить о новых книгах, сколько по поводу новых книг высказывать свои взгляды на искусство. Нам важна не полнота библиографического отдела, а его боевой характер. Нам интересны, наконец, книги, делающие шаги на какой-то новый путь (таков, например, тот же “Эдип” Пеладана), а не книги “ловко сделанные” хорошими закройщиками современной литературы (таков Demolder). Итак, вывод: предпочтительнее от Ван Бевера иметь его обзоры (за полгода или за треть года), а его рецензии – это нечто между прочим, в чем мы не очень нуждаемся, но *можем* взять. – (А вот в рецензии на “Юлию” Буэлье мы нуждаемся очень: еще раз умоляю – или напишите или пришлите роман). И еще более общий вывод: французами мы пока сыты, надо передохнуть от всего французского и парижского, – оставляя только необходимое.

Обложка Редона до сих пор *не* получена. Получено начало Вашей статьи³ и с его виньеточками среднего достоинства⁴. Лако́ст идет в следующий, 4-ый, №. Для Редона придется предоставить самый неприятный, мертвый 6-ой, июльский №⁵.

Очень, очень простите небрежность письма. Я две недели не мог никому писать и сегодня должен написать до 20 писем.

О Верхарне, значит, решено. Ставлю в объявления⁶.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. Здесь Вячеслав Иванов⁷.

На бланке "Весов".

Ответ на п. 27.

¹Жозефен Пеладан (Péladan; наст. имя Жозеф Эме Пеладан, 1859–1918) – французский писатель-символист и художественный критик; называл себя "сар" (т.е. духовный вождь). Проповедовал католицизм и эстетство; увлекался оккультизмом. В 1888 г., желая обновить современное искусство на путях религии, Пеладан возродил общество розенкрейцеров ("Орден Розы и Католического креста"). Трагедия Пеладана "Эдил и Сфинкс" ("Oedipe et le Sphinx", 1903) рецензировалась в "Весках" (1904, № 3); в похвалу автору было указано на "сжатый, кованный язык", удачно передающий "эсхилловский стиль". Рецензентом был Брюсов (Аврелий), относившийся с огромным интересом (как и некоторые другие "весовцы") к Пеладану и его деятельности. Отзывы о произведениях Пеладана систематически появлялись в "Весках". Так, в 1904 г. в № 7 была помещена еще одна рецензия Брюсова (Аврелия) на роман Пеладана "Чужестранница и чужестранник" ("Pérégrine et Pérégrin", 1904); в № 9 – рецензия В. Иванова на его трагедию "Семирамида" ("Sémiramis", 1904); в № 11 – рецензия Волошина на книгу Пеладана о Леонардо да Винчи ("La dernière leçon de Léonard de Vinci à son Académie de Milan", 1904). В библиотеке Брюсова хранились книги Пеладана: "Семирамида", "Чужестранница и чужестранник" и роман "Пизанские любовники" (1912) (БЭЛ. Ф. 386. Книги. № 1681).

Жан Мореас (см. о нем наст. том. Переписка с Коневским, п. 1, прим. 12) в 1890-е годы основал "романскую школу" – литературную группу, стремившуюся возродить классицистические традиции. Трагедия Мореаса "Ифигения" ("Iphigénie") впервые поставлена на сцене в 1903 г., напечатана в 1904 г. Рецензия Брюсова на эту пьесу напечатана в "Весках" (1904, № 3; подпись: Аврелий); в ней отмечено, что "Ифигения" представляет собой "почти точный перевод Еврипида, но характерные, хотя и чуть заметные изменения, какие допустил Мореас, особенно же его язык и рифмованный стих, – делают ее все же больше похожей на драму Расина, чем на античную".

Брюсов хорошо знал творчество Мореаса, переводил его на русский язык. Выполненный им перевод одного из стихотворений Мореаса был напечатан еще в 1899 г. (Южное обозрение. 1899. № 814. 20 мая). Брюсов перевел также прозаический этюд Мореаса "Дева Мария на турнире" (Весы, 1905. № 12/1906. № 1; подпись: Аврелий), впоследствии включенный в сборник "Разноцветные камни". Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под редакцией Валерия Брюсова (М.: Альциона, 1914). Три стихотворения Мореаса ("Ноктюрн", "К Эноне" и "Из "силвь"»), переведенные Брюсовым, вошли в первое издание антологии "Французские лирики XIX века" (1909 г.; в издании 1913 г., кроме этих трех, еще два перевода – "Инвеститура" и "Стансы", книга IV, 5"). Кроме того, Брюсову принадлежит некролог Мореаса (РМ. 1910. № 5).

²См. п. 27, прим. 5 и 8.

³Имеется в виду статья Волошина "Одилон Рэдон".

⁴См. п. 32, прим. 1.

⁵Противоречие в тексте Брюсова: должно быть либо "6-ой, июньский", либо "7-ой, июльский" номер. В действительности "редоновскими" номерами стали № 4 и 5 (см. пп. 31 и 35), а "лакостовским" – 7-й; обложка по рисунку Лакоста была повторена в №№ 8 и 9.

⁶В общем каталоге книг издательства "Скорпион" и журнала "Весы" на 1905 г. в перечне готовящихся к печати изданий было указано: "Эмиль Верхарн. Стихи о современности. Переводы Валерия Брюсова и Максимилиана Волошина" (с. 7).

⁷Ср. п. 21, прим. 5.

31. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 19 марта/1 апреля 1904 г.)

Дорогой Мах!

Вчера получили извещение от "Гердгард и Гей"¹, что на наше имя в таможене "ящик рисунков" из Парижа: вероятно, это – обложка Редона. Тогда Редоновским №-ом будет 4-ый. Но печатать его мы уже начали, и я тотчас сдам в набор Вашу статью о Редоне, его автобиографию и статейку Эннекена. Что до дальнейшей "анкеты"², то ее поместим лишь в том случае, если получим ее от Вас не позже 1-го апреля ст.ст. Иначе придется обойтись без нее.

№ будет весь иллюстрирован Редоном; рисунков других художников не будет. Воспроизводить будем типографским способом "с сеткой". Обложку, может быть, литографией.

Не помню, ясно ли я выразился вчера, что рецензий на Demolder и Rachilde нам не надо, – мы напишем сами³. А ретроспективный обзор романов нам очень пригоден и теперь. Если бы успел Ван Бевеер, – мы бы поместили его в № 4 (но получить надо до 1 апр(еля) ст. ст.), иначе в № 5 (тогда желательно к 25–28 апр(еля) ст. ст.). Размер: до 3 страниц нашего мелкого шрифта⁴.

На днях едет в Париж Бальмонт.

Ваш сердечно В а л е р и й.

“ВЕСЫ”. 1904, № 4

Виньетки по рисунку О. Редона

На бланке “Весов”.

¹Экспедиционная контора “Гергард и Гей”, находившаяся в Москве на Большой Лубянке.

²См. п. 19, прим. 10.

³См. п. 27, прим. 5 и 8.

⁴В соответствии с пожеланием Брюсова рецензии Ван Бевера были объединены в одну обзорную статью под заглавием “Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа” (1904, № 4).

32. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 24 марта/6 апреля 1904)

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Только что получил Ваши два письма одновременно.

Многим я очень смущен, т(ак) к(ак) рецензии Ван Бевера высланы и, верно, уже получены Вами.

Вот почему я так страстно желал Вашего приезда в Париж.

Я совсем не в курсе редакционных требований и планов, поэтому мне ужасно трудно быть активным в Париже.

Я, например, совершенно не предполагал о том значении, которое Вы придаете библиографическому отделу, значение полемики, а не полноты. В таком случае от рецензий Ван Бевера о романах придется отказаться. Я ему тогда предложу рецензии об исторических книгах – это его специальность – это вне полемики – и этого очень мало в “Весах”.

О ретроспективном обзоре романов я попрошу Ван Бевера.

В мою рукопись о Редоне были вложены рисунки не Редона, а Кругликовой¹. Рисунки Редона подписаны везде буквами “O.R.” Ради Бога, не перепутайте. Неужели я позабыл об этом написать.

В ящике с обложкой рисунки исключительно Редона.

Анкету о Редоне необходимо закончить хотя бы в другом номере, т(ак) к(ак) я в своей статье ни слова не говорил того, что говорится в тех статьях, которые я подготовил для перевода. А там есть очень важные места и описания. Все это будет иметь внутреннюю цельность. Из больших статей о Редоне, как статья Эннекэна, я выбираю только самые драгоценные фразы².

Теперь просьба моя и Гиля: пришлите мне, пожалуйста, несколько листов бумаги со штемпелем “Скорпиона” – такой, какую Вы употребляете в письмах. Тогда будет возможно потребова(ть) от многих мелких издательств *service de la presse**. Это очень важно. Кроме того, Гиль желал бы иметь корреспондентскую карточку от “Весов”.

Пожалуйста.

На днях я с двумя разными оказиями переслал Вам все книги Гиля (кроме “*Traité du Verbe*”, увы!) с его дедикасом^{2*} Вам и книгу Ван Бевера – тоже от него.

У нас Пасха. Книжные магазины закрыты. Поэтому только завтра смогу достать Маллармэ³.

До свиданья.

Как здоровье Вашей жены?

Макс В о л о ш и н.

Ответ на пп. 30 и 31.

¹Ср. п. 30, прим. 4. В 1904 г. в “Весках” была помещена лишь одна работа Е.С. Кругликовой – портрет Рене Гиля (№ 6 с. 16). Воспроизведение см.: ЛН. Т. 85. С. 271.

²См. п. 19, прим. 10. В № 5 дополнительно был помещен брюсовский перевод: “Одилон Редон. Цитаты из статьи Эмиля Бернара” (подпись: Аврелий).

³Речь идет о книге переводов Малларме из Э.По. См. п. 28, прим. 2.

33. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 29 марта/11 апреля 1904 г.

Дорогой Мах!

Для Вас пасхальные дни давно миновали; у нас – сегодня весь день гудит красный звон. Впрочем, я не в очень праздничном настроении, так как И.М. как раз в канун пасхи опять расхворалась, и довольно сильно¹.

Рецензии Ван Бевера, конечно, – раз они уже присланы – возьмем *все*, разве за выпуском двух-трех чисто библиографических заметок в конце. Но по причинам, какие я Вам излагал в предыдущем письме, мы не включим их в наш отдел “О книгах”, а поставим отдельно, за личной подписью Ad. van Bever².

Всех рисунков Редона, кроме обложки, у нас 14 (разумеется, присланные при статье об нем – не его). Для одного № это много, для двух мало. Не позволит ли Редон сделать так. Мы устроим *два* редоновских №№ – именно 4 и 5-ый. В 4-ый № пойдут: обложка и 8–9 виньеток. В 5-ый опять обложка, остающиеся 5–6 виньеток, 2–3 снимка из какого-нибудь альбома Редона (мы выписали те, что изданы Деманом) и – нам этого хотелось бы – что-нибудь редоновское в красках. Можно ли устроить это последнее? Т.е. нет ли у Редона какой-либо вещи в красках, пригодной для воспроизведения? желательные качества: *minimum* красок и несмешанность их. Если найдется что-либо такое печатное, экземпляр можно будет переслать сюда. Если *unicum* – клише можно будет сделать за границей. Не разузнаете ли Вы обо всем этом, и о ценах, разумеется (*за право* воспроизведения и *за клише*)? Конечно, если Редон предпочитает, чтобы все 14 виньеток были в одном №, мы спорить не будем.

* Букв.: услуги для прессы (*франц.*), т.е. рассылка книг с целью получения печатного отзыва.

² От французского слова *dédicace* – посвящение; дарственная надпись.

Затем предполагаем мы один № всецело предоставить Лакосту и один нашему Феофилактону³. Может быть, и Вы возьмете на себя такой целый №? Есть еще мечта о Гогоновском №⁴.

Еще и еще умоляю о рецензии на Буэлье. Последний срок ее помещения 4 № — иначе будет поздно. Пришлите или рецензию, или книгу. А Ван Беве может, независимо от нашей рецензии, дать *свое* суждение в своем письме и о книге и о натюрморте.

Сообщил бы Вам о нашей жизни, да мало веселого. У нас в доме все скорбные дни. У Юргиса едва не умер сын и была очень больна Марья Ивановна⁵. Бальмонт, который три месяца был образцом воздержанности — последние недели опять “предается оргазму”. В один из вечеров, промежуточных между двумя болезнями И.М., мы с ним и с Вяч. Ивановым даже совсем неприлично посетили в полночь Грифа, избивали его гостей etc⁶. Андрей Белый соблазнен Грифихой, т.е. Ниной Петровской, и услан матерью, спастись, в Нижний Новгород⁷.

У нас вышли четыре новых книги; из них Белого и Иванова⁸ вышлю Вам, как только минут праздники. Две другие — повторения⁹.

Ваш Валерий Брюсов.

На бланке “Весов”.

Ответ на п. 32.

¹Пасха в 1904 г. приходилась на 28 марта. 29 марта Брюсов писал также П.И. Бартеневу: “Вы, может быть, слышали о тех наших несчастьях, по причине которых эти последние недели я не мог навестить Вас. (...) Иоанна Матвеевна (...) в канун Пасхи вдруг разболелась очень неожиданно и очень сильно. У нее оказался сильнейший жар, свыше 40°, и полная потеря сил. На беду все знакомые доктора оказались в разъезде. Только к вечеру первого дня мне удалось разыскать одного, который нашел болезнь довольно опасной. За всеми хлопотами я теперь решительно не могу удалиться надолго из дому” (ЦГАЛИ. Ф. 46, Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 85).

²В № 4 “Весов” в общем отделе под заглавием “Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа” были напечатаны семь рецензий Ван Беве. В том же номере журнала в отделе “О книгах” были помещены две его рецензии на книги П. де Керлона и Ш. Верье и Рашильд.

³См. п. 26, прим. 4. Отдельного номера “Весов” в оформлении Н.П. Феофилактова в 1904 г. издано не было; рисунки и виньетки этого художника были воспроизведены в №№ 2 и 3.

⁴Это намерение не было осуществлено.

⁵Речь идет о Ю.К. и М.И. Балтрушайтисах. Их сын Юргис (впоследствии — искусствовед, профессор) родился 24 апреля/7 мая 1903 г. (см.: *Дайёмте В. Юргис Балтрушайтис*. Вильнюс, 1983. С. 31).

⁶Гриф — С.А. Соколов. О встречах Брюсова и Бальмонта с Вяч. Ивановым во время его пребывания в Москве весной 1904 г., когда “Ваху, конечно, воздавалось должное”, подробно рассказывает (со слов Вяч. Иванова) О. Дешарт в своем “Введении” к кн.: *Иванов В. Собр. соч.* Брюссель, 1971. Т. 1. С. 72–73.

⁷Близкие отношения между Н.И. Петровской и Андреем Белым установились в январе 1904 г. Белый, желавший видеть в отношениях с Петровской прообраз “небесной”, “мистериальной” любви, был крайне разочарован их превращением в обычный “роман”. В конце марта 1904 г. Белый уехал в Нижний Новгород к сво-

Н.П. ФЕОФИЛАКТОВ

Портрет работы В.Д. Милиоти. Карандаш.
1900-е годы

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ему другу Э.К. Метнеру. В предотъездном письме к матери, Александре Дмитриевне Бугаевой (1858–1922), Белый писал: «...мне лучше на недельку уехать к Метнеру. Там я и поговею, а то здесь мне будет трудно говей, потому что, говей, я должен буду подтвердить свои данные Богу обещания стоять на страже зарождающегося религиозного искания» (ЦГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). Ср. ироническую дневниковую запись Брюсова: «Нина Петровская предалась мистике... А Белого мать, спасая от “развратной женщины”, послала на страстную неделю в Нижн(ий) Новг(ород). Сам он исхудал и серьезно поговаривает, как хорошо бы поступить в монастырь» (ГБЛ. Ф. 386, 1. 16). Подробнее см.: ЛН. Т. 85. С. 334; Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова “Огненный Ангел” // Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 84–87.

⁸Имеются в виду одновременно вышедшие на пасхальной неделе книги: Андрей Белый. Золото в лагури. М.: Скорпион, 1904; Иванов В. Прозрачность: Вторая книга лирики. М.: Скорпион, 1904. Брюсов написал об этих изданиях общую рецензию, в которой дал сопоставительный анализ поэзии Белого и Иванова (Весы. 1904. № 4).

⁹Видимо, Брюсов имеет в виду следующие книги: Бальмонт К.Д. Полн. собр. стихов. М.: Скорпион, 1904. Т. 2: Горящие здания. Будем как солнце; Пишьяшевский С. Собр. соч. 2-е изд. М.: Скорпион, 1904. Кн. 1: Homo sapiens. Роман в трех ч. Пер. М.Н. Семенова. Эти издания, наряду со стихотворными сборниками Андрея Белого и Вяч. Иванова, были упомянуты в “Перечне новых книг” в № 5 “Весов”.

34. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. Начало апреля ст. ст. 1904 г.)

Дорогой Мах!

Очень просим Вас на прилагаемые 100 fr. купить и выслать нам два альбома Редона:

1) O. Redon. La Maison hantée. Ed. “Mercure de France”, 30 fr.

2) O. Redon. Les Fleurs du Mal. Ed. Deman, 40 fr.¹ (именно эти издания, в 30 fr. и 40 fr., а не удешевленные по 10 fr.) Во избежание русской цензуры рисунки из альбома “Fleurs du Mal” лучше выслать отдельно, а обложку **позже** (ее за заглавие могут задержать, т(ак) к(ак) “Fleurs du Mal” Бодлэра запрещены для ввоза в Р(оссию)). Посылать необходимо **заказной** бандеролью. Если среди рисунков есть явно сомнительные в том же цензурном смысле, их тоже лучше послать *отдельно*.

Заранее благодарим за хлопоты.

Ждем ответа на наше предложение о двух Редоновских №№.

Ваш В а л е р и й.

Датируется по связи с пп. 33 и 35.

¹Имеются в виду альбомы гравюр, выполненных Редоном в качестве иллюстраций к роману Э.Дж. Бульвера-Литтона “The Haunted House” (1896; “Дом с привидениями”) и к “Цветам зла” Бодлера (1890). Одна из опубликованных работ (“... des larves si hideuses...”) была помещена в “Весак” с подписью: «Воспроизведение литографии Одилона Редона из альбома “La Maison hantée” (изданного в 1896 г. в 60 экземплярах)» (1904. № 5. С. 40).

Об издателе Э. Демане см. прим. 3 к п. 28.

35. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 9/22 апреля 1904 г.)

3 Rue du Sac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, пожалуйста, что я так долго Вам не отвечал: я был все время болен и не в состоянии что-нибудь делать.

Ван Бевер. Свою статью он приготовит только к началу мая. Его рецензии я приостановил (об литературе). Хотите ли Вы иметь его рецензии об исторических книгах? Это важно знать. Получили ли Вы его книгу, посланную мной с M-lle Вестфален, и книги Гиля, посланные с Ю.Ф. Семеновым?¹

Редон. Конечно, разделить Редоновский номер на два вполне возможно, и он ничего не имеет против этого.

Воспроизвести его пастель или что-нибудь в краски – невозможно. Это немыслимо в техническом отношении².

Не хотите ли устроить номер Вюиллара? Я буду выбирать тогда из готовых уже рисунков, и это будет несравненно интереснее, чем Лакост. Если хотите – напишите³.

Мой номер... Я с удовольствием возьмусь за это – только летом⁴.

Простите меня за совершенно нелепую задержку с Буэлье. Теперь Вы книгу уже, наверное, давно получили. Писать об этом скучном авторе мне не улыбалось, поэтому я с наслаждением передал эту работу Ван Бевеу, не зная Ваших планов. Теперь книга уже выслана (назад тому около недели), и я умываю руки. Но мне ужасно совестно за задержку. Я не знал, что это так важно.

На днях я вышлю Вам статью об выставке французских примитивов и об Национальном салоне. Может, она еще поспеет к IV номеру⁵. Хотите ли Вы от меня рецензии?

Недавно мне Сансот Орлан прислал коллекцию "Célébrités d'aujourd'hui", о некоторых Вы уже говорили. Хотите, я напишу об остальных? По поводу этого можно сказать много интересно(го)⁶.

Переведенные уже вещи из Верхарна я пришлю Вам на днях.

Книги Белого и Иванова жажду иметь. "Гриф", наконец, видел. Стихотворение Дурнова великолепно⁷. Удивителен Блок⁸.

Его статья о выставке в "Весах" хороша там, где он не говорит об художниках. Там же, где он касается непосредственно живописи, он пишет мучительно смешные вещи⁹. Феофилактоу мне не нравится окончательно. Его рисунок слишком безграмотен, а идеи слишком заимствованы. Особенно то, что воспроизведено в красках¹⁰.

Да! Еще должен предупредить Вас. На днях я совершенно неожиданно получил от Суворина из "Руси" предложение сделать Салоны, на почетных и выгодных условиях, на что я и согласился.

Туда я послал уже всю описательную часть, но критическую оставляю для "Весов"¹¹.

Получили ли Вы Малларме?¹²

Мне бы хотелось очень узнать, в каком положении находятся в настоящую минуту мои расчеты с "Весами" после получения 200 fr.? Возмещены ли они уже напечатанным или нет?

Статью о Рэдоне будете ли Вы считать *всю* оригинальным произведением или переводом?

Деньги, мною ранее полученные от "Весов", кончились, т(ак) к(ак), если Вы помните (?), в феврале у меня оставалось 54 fr. Они ушли на март и апрель – 25 fr., выдаваемые мне на расходы. И кроме того, 8 fr. за книгу Маллармэ.

Так что теперь у меня больше нет редакционных денег.

До свиданья.

Поклон Иоанне Матвеевне. Как ее здоровье?

Макс Волошин.

"ВЕСЫ", 1904, № 9

Виньетка по рисунку М.А. Волошина

С. 212. При подготовке этой публикации конверт, относящийся к данному письму, не был принят во внимание, поэтому датировка оказалась приблизительной ("апрель, после 21" – ст. ст.), а обоснование – ошибочным ("Датируется по цензурному разрешению упомянутого в письме № 3 "Весов" – 21 апреля 1904 г." – Там же). В действительности же № 3 "Весов" вышел в конце марта, а 21 апреля 1904 г. – дата цензурного разрешения № 4 "Весов".

¹Эльза Христиановна *Вестфален* (1876–1942) – художница, занимавшаяся прикладным искусством и графикой; в 1900 г. получила заграничное пенсионерство. Юлий Федорович *Семенов* – муж Наталии Владимировны *Гольштейн* (дочери Владимира Августовича *Гольштейна*, мужа А.В. Гольштейн).

²Цветных воспроизведений работ Одилона Редона ни в 4, ни в 5 №№ "Весов" не было.

³См. п. 9, прим. 6 и 8.

⁴Этот замысел осуществлен не был (см. п. 37, прим. 7).

⁵Имеется в виду первая часть очередного "Письма из Парижа" Волошина ("Выставка примитивов. Национальный Салон"). Была опубликована вместе со второй частью ("Исидора Денкан. Bal des Quat'z-arts"): Весы. 1904. № 5.

⁶Имеется в виду серия "Les célébrités d'aujourd'hui" ("Современные знаменитости"), которую издавал французский писатель Эдмон *Сансот-Орлан* (Sansot-Orland; 1868–?). В этой серии были выпущены в частности, книга самого Сансот-Орлана о Ж. Леметре (1903), книга П. Керлона о Реми де Гурмоне, Ван Бевера о Метерлинке, П. Леото об Анри де Ренье, Ж. Берто (в "Весках" ошибочно – Ж. Бертрана) о М. Прево и др. "Весы" систематически рекламировали издания Сансот-Орлана (см.: 1904, № 7, с. 80; № 12, с. 80; разделы "Перечень новых книг" и "Книги, доставленные в редакцию"). Совместно с Ван Бевеком Э. Сансот-Орлан составил и издал в 1903 г. антологию "Галантные произведения итальянских писателей XIV, XV и XVI веков" (упоминание об этой книге см.: Весы. 1904. № 10. С. 84; раздел "Перечень новых книг"). Намерение Волошина писать о книгах серии осуществлено не было.

⁷В "Альманахе Гриф" на 1904 г. (М., 1904) было помещено стихотворение Дурнова "Слезы" ("Крупный ливень! – Соленая влага...").

⁸Имеются в виду шестнадцать стихотворений Блока, опубликованных в "Альманахе Гриф" (с. 19–27): "В полночь глухую рожденная...", "Ты отходишь в сумрак алый...", "Ночью сумрачной и дикой...", "Одиноким, к тебе прихожу...", "Сны раздумий небывалых...", "Я просыпался и восходил...", "Там – в улице стоял, какой-то дом...", "По городу бегал черный человек...", "Дома растут, как желанья...", "Сбежал с горы и замер в чаще...", "Свет в окошке шатался...", "Я был весь в пестрых лоскутках...", "Мне страшно с Тобой встречаться...", "День был нежно-серый, серый, как тоска...", "Вот они – белые звуки...", "Темная, бледно-зеленая...".

⁹Имеется в виду корреспонденция Блока "Новое общество художников. Петербург. Выставка картин в залах Академии наук" (Весы. 1904. № 3); *Блок А. Собр. соч.*: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 5. 673–674. Сходное с волошинским мнение художника К.Ф. Богаевского передава в письме к Волошину от 31 марта 1904 г. А.М. Петрова: "Конст(антин) Феод(орович) поражается невежеству Блока, толкующего о живописи вкривь и вкось" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 950).

¹⁰№ 3 "Весов" были помещены три рисунка Н.П. Феофилактова, в том числе рисунок в красках – обложка ко 2-му изданию романа Ст. Пишибыевского "Homo sapiens".

¹¹Алексей Алексеевич *Суворин* (1862–1937) – сын А.С. Суворина, журналист, публицист; с 1888 г. – фактический редактор "Нового времени". В декабре 1903 г. оставил "Новое время" и основал в Петербурге газету "Русь", которой стремился придать либеральное направление. Посредником между Сувориным и Волошиным явился прозаик, драматург и журналист Александр Иванович *Косоротов* (1868–1912); в Париже у Волошина установились с ним приятельские отношения. 14 марта 1904 г. Косоротов писал Волошину из Петербурга:

«Я прочел в "Весах" обе твои статьи. "Скелет живописи" мне понравился не целиком, зато "Письмо из Парижа", где ты пишешь о выставках, кажется мне сплошь хорошим.

Эта последняя статья внушила мне, как одному из ближайших участников "Руси", желание сделать тебе такое предложение:

Не напишешь ли ты нам о грядущих Салонах?

Я говорил сегодня об этом с А.А. Сувориным, и он этому, по моей рекомендации, сочувствует.

Но с другой стороны, мы еще не знаем, как отнесется к этому наш парижский корреспондент "Рич" (Дарий Викентьевич Багницкий). А(лексей) А(лексееви)ч спешится с ним об этом; но и ты, если тебе мое предложение нравится, в свою очередь, постарайся переговорить с Ричем лично, чтобы не вышло неприятного qui pro quo" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 694). *Д. Багницкий* (1853 – 1910) – журналист.

В ответ на это предложение Волошин написал для "Руси" статью "Парижские салоны. Société Nationale des Beaux-Arts", которая и была напечатана (1904, № 119, 12/25 апр.). В день выхода этого номера газеты А.А. Суворин написал Волошину: "Милостивый государь. Извините, не знаю отчества. Пишите по искусству, какие темы найдете, выставки, характеристики и пр. Попробуйте расширить сферу, захватив драму, литературу. С г. Ричем не встретитесь, он мало касается этой области. Ваш фельетон мне понравился тем, что в нем я встретил, правда, новшества, но новшества мною уважаемые – происходящие от стремления говорить короче и рельефно. Ручьи слов льются теперь из каждой головы, а спохватываются говорить свое только немногие" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1159). После этого Волошин стал постоянным сотрудником "Руси" – сначала как парижский корреспондент, а затем и как автор статей о новейшей русской литературе.

¹²См. п. 32, прим. 3.

36. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. Середина апреля ст. ст. 1904 г.)

Дорогой Мах!

Спасибо, и очень, за разные хлопоты – особенно за книгу Маллармэ. Книги Гиля получены по почте. От m-lle Вестфален ничего не получено. Буэлье тоже пока нет. Белый и Иванов Вам высланы. О состоянии Ваших денежных счетов с “Весами” извещу – надо справиться. Получили ли Вы 100 fr. и просьбу достать, если можно, альбомы Рэдона? Рисунков Вюиллара пока не нужно. №№ 4 и 5 – Рэдоновские, № 6-ой Лакоста, № 7-ой Феофилактова, № 8-ой сборный... № 9-ый, может быть, нарисуете Вы. Но в принципе Вюиллар, конечно, очень желателен для одного из осенних №№, 10, 11...¹ Письмо В(ан) Бевера пойдет в июнь, так как в мае будет письмо Гиля² и Ваше из Парижа о выставках: довольно Франции для мая! Относительно исторических рецензий В(ан) Бёвера страшно одно: очень он многословен и пустословен. Если б он писал покороче и только о самых важных книгах, не забывая, что пишет для России, а не для французов. Но удобно ли Вам будет сказать ему это?³ Вообще пока у нас Франции больше, чем надо, и мы хотим обратить большее внимание на Германию, которая и в литературном и в художественном отношении сейчас бесспорно первенствует: у нее Гофмансталь, Георге, Рильке, Клинггер...⁴ – ничего подобного у французов нет, у них либо старики, как Верхарн, либо очень сомнительные “надежды”, как Личфус (и что за фамилия, прости Господи!)⁵. – О “Célébrités” напишите, но одну рецензию о всех не свыше 40–50 наших строк, т.е. страницы с небольшим. Ваши статьи и рисунки у нас “живо” обсуждаются. “Скелетом Живописи” был особенно прельщен... Перцов, Ваш давний недруг. Он мне писал: “И откуда ему (Вам) сие...”⁷ Напротив, очень против Вас – Досекин, с которым Вы, быть может, встретитесь в Париже⁸. Он только и делает, что изошряет свое остроумие на Ваших суждениях и Ваших рисунках. А Ваши большие головы называет не рисунками, а “матерными словами”. Пишу Вам, сплетничая так непристойно, между прочим затем, чтобы Вы знали, как с ним держаться. Зато в отзывах печати Вас прославляют очень и очень, чуть ли не больше всех нас (когда прославляют). Вы как-то напоминали мне о Фокионе, спросившем, когда стали рукоплескать после его речи: “Разве я сказал какую глупость”. Чтобы унизить Вашу гордость, посылаю Вам вырезку из “Южного Обозрения”, где Вам рукоплещут⁹.

Жду переводов Верхарна.

Может быть, осенью приеду к Вам, если Вы не думаете покинуть Парижа. Без Вас не отважусь.

Ваш душою Валерий Брюсов.

1904.

На бланке “Весов”.

Ответ на п. 35.

Датируется на основании почт. шт. получения п. 35 (13.4.04).

¹Высказываемые здесь планы Брюсова относительно оформления журнала реализовались несколько иначе (см. п. 9, прим. 8; п. 30, прим. 5; п. 33, прим. 3; п. 37, прим. 7).

²Очередное, третье из “Писем о французской поэзии” Рене Гиля («Конец “Французской школы”»), появилось не в 5-м, а в 6-м выпуске “Весов”.

³Сдержанное отношение Брюсова к сотрудничеству в “Весах” Ван Бевера объяснялось в первую очередь его стремлением сохранить в журнале приоритет за русскими материалами. Так, отвечая на предложение М.Н. Семенова увеличить в “Весах” в 1905 г. число иностранных сотрудников и, в частности, поместить там статью Ван Бевера о Жюле Ренаре, Брюсов писал ему 19 ноября 1904 г.: «Имена Мэтерлинка, Рема де Гурмона, Гофманстала, разумеется, соблазнительны. Но не надо забывать, что “Весы” — русский журнал. Что хорошего будет, если большая половина наших статей будет переводами, хотя бы и с рукописей! И так мы уже отягчены Гилем (...) Не думаю также, чтобы кого-либо из подписчиков соблазнило упоминание в объявлении такой статьи “Ван Беве: Жюль Ренар”, что для русских читателей два совершенно пустых X-а» (ГБЛ. Ф. 386, 72. 32).

⁴Брюсов называет крупнейших немецкоязычных поэтов, связанных с символизмом: Гуго фон Гофманстала (1874–1929), Стефана Георге (1868–1933), Райнера Мариа Рильке (1875–1925) и художника

Макса Клингера (1857–1920), яркого представителя символизма и “стиля модерн” в германской живописи. “Весы” были в начале века единственным в России печатным органом, стремившимся привлечь внимание русской читающей публики к этим именам. Так, уже в первом номере “Весов” за 1904 г. были помещены краткие отзывы Балтрушайтиса о новых книгах Гофмансталя, Георге и Рильке, подписанные “М.Р.”

С творчеством Рильке и Георге Брюсова познакомил в 1903 г. Максимилиан Шик, и впоследствии Брюсов всячески способствовал популяризации этих авторов в России. См.: Азадовский К. М. Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907 гг.) // Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. Л., 1990. С. 119–120, 125–130.

Следует отметить, что сильнее всего – по сравнению с другими немецкими поэтами – Брюсов был увлечен в 1900-е годы личностью и творчеством Ст. Георге.

⁵Виктор Личфусс (Litschfousse; 1874 – ?) – французский писатель. В № 4 “Весов” за 1904 г. была напечатана рецензия Рене Гиля на его первый стихотворный сборник “Лоскутья и мотылек” (“Loques et Papillon”; 1904). “Заглавие книги (...), – писал рецензент, – ниже тех бесспорных обещаний, которые она дает, даже ниже того, что уже осуществлено ею. Достоинство книги в ее современности, в том, что в ней есть личные, но глубоко верные отзвучия современной жизни” (с. 58). Впоследствии Личфусс издал также несколько романов.

⁶См. п. 35, прим. 6.

⁷Называя П. П. Перцова “недругом” Волошина, Брюсов имеет в виду ту правку, которой подверг Перцов стихотворения Волошина при публикации их в “Новом пути” (см. п. 4, прим. 4). В письме к Брюсову от 13 марта 1904 г. Перцов так отозвался о “Скелете живописи”: “Очень хорош Макс Волошин. И откуда ему сие? (...) ведь это, местами (например), о рисунке к(ак) литерат(урной) стороне живописи), – прямо соломонова мудрость” (ГБЛ. Ф. 386, 98. 12).

⁸Николай Васильевич Досекин (1863–1935) – художник-пейзажист и художественный критик, участник “Московского товарищества художников”. Волошин познакомился с ним еще в 1893 г.: Досекин и его семья были дружны с матерью Волошина Еленой Оттобальдовной. Общение с Досекиным оказало определенное воздействие на формирование художественных интересов юного Волошина. См.: Куприянов И. Т. Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина. Киев, 1978. С. 19.

⁹По всей вероятности, речь идет о статье публициста А. С. Изгоева “Со стороны”, (Южное обозрение. 1904. № 2428. 4 марта). Давая обзор первых двух номеров “Весов” (в целом выдержанный в критической тональности), Изгоев замечает о “Скелете живописи” и корреспонденции Волошина “Письмо из Парижа. Выставки художников”: «Статья же М. Волошина “Скелет живописи” положительно интересна и умна»; “Хороши заметки (...) Волошина о парижских карикатуристах”.

37. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. Втор. пол. апреля¹ ст. ст. 1904 г.)
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за задержку с высылкой альбомов Рэдона¹. С Вашими последними письмами произошла невообразимая путаница. Были перепутаны конверты. И поэтому то письмо, что предназначалось Гилю, т.е. 100 fr. и коротенькая безымянная записка, попали ко мне, а русское письмо и другие 100 fr. — к нему. Я удивился, но не обеспокоился. Он меня увидал только через 10 дней, и тогда все выяснилось.

Теперь “Maison Hantée” от “Mercure de Fr(ance)” Вам выслан, а от Deman я получу только дней через пять, т(ак) к(ак) надо было выписать из Брюсселя. Я исполнил Ваше желание беспрекословно, но я бы не выслал Вам этих альбомов, если бы Вы предоставили решение мне: это слабые вещи.

Мне бы ужасно хотелось Вам выслать его “Дьявола” – лучшую вещь. Но ее нет в продаже. Я сегодня увижу Рэдона и спрошу его².

С Ван Бевеком – я пока все рецензии приостановил. Его статья будет написана в течение мая.

Я Вам выслал на днях письмо об Дёнкан и Bal de Quat’z-arts. Может, его можно пустить до статьи о выставках и примитивах? Или соединить вместе ... Мне бы очень хотелось, чтобы это 2-е письмо явилось скорее³.

Да! Вот что я хотел Вас давно спросить: дают ли “Весы” традиционные 20 оттисков авторам? Мне бы очень нужно было иметь оттиски “Скелета” и оттиски “Рэдона”. Если можно, то сделайте, пожалуйста, это.

Присланный Вами фельетон из “Южного обозрения” меня совсем раздавил и уни-

зил. Надеюсь, что статья об Рэдоне подымет мою репутацию. Единственная надежда – что меня хвалили, приняв меня за моего киевского однофамильца...⁴

За то, что Вы пишете о Досекине, я Вам очень благодарен. Но я его понимаю. Дело в том, что он меня знает с детства, а в этих случаях никакая самостоятельность позже не прощается. Впрочем, он мне и лично говорит приблизительно то же, и я с ним во многом согласен. От него всегда можно услышать очень едкую, но в глубине верную критику. Я с ним встречаюсь, но редко, и проверяю по нашим разговорам пройденный мною путь.

На дня(х) вышлю Вам портрет Гилы работы Кругликовой⁵ и несколько рисунков Якимченки⁶.

В переведенных уже вещах Верхару у меня все остается по несколько незаконченных строк, которые необходимо раньше отделать.

До свиданья.

№ 9 я беру⁷.

Осенью в Париже жду Вас.

Макс Волошин.

Ответ на п. 36.

¹См. п. 34.

²Репродукция с офорта Одилона Редона "Сатана" была воспроизведена в № 12 "Весов" за 1904 г. (с. 52).

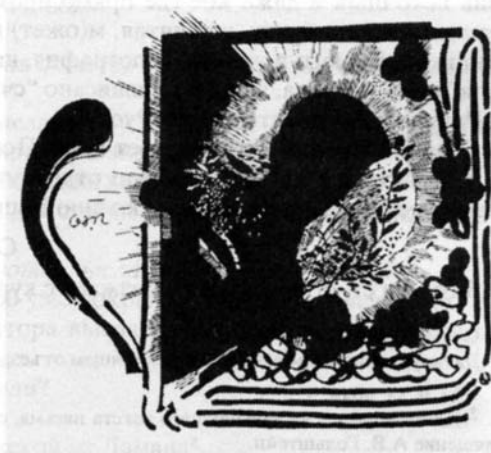
³См. п. 35, прим. 5.

⁴Имеется в виду киевский поэт и журналист Михаил Цуккерман (ум. в 1914 г.), печатавшийся под псевдонимом "М. Волошин". Михаила Волошина не раз смешивали с Максимилианом Волошиным. Так, в книге "Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907)" ("Библиотека поэта". Большая серия. Л., 1969) четыре стихотворения киевского поэта приписаны Максимилиану Волошину (с. 193–195, 627). См.: Купченко В. П. О некоторых проблемах изучения жизни и творчества М. Волошина // Волошинские чтения: Сб. науч. тр. М., 1981. С. 106.

⁵См. п. 32, прим. 1.

⁶См. п. 9, прим. 10.

⁷Т.е. Волошин принимает на себя обязательство подготовить художественное оформление для № 9 "Весов". Однако своего обязательства Волошин не выполнил; в № 9 была воспроизведена лишь одна из его живописных работ (с. 35).

"ВЕСЫ", 1904, № 4

Заставка по рисунку О. Редона к статье М.А. Волошина "Одилон Рэдон"

38. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. Конец апреля/начало мая ст.ст.) 1904.

Дорогой Мах!

Мы получили "La maison hantée" и Вашу статью о Дёнкан. Она идет вместе со статьей о примитивах, которая в апрель не успела¹. Повторяю, чтобы статья попала в данный №, надо, чтобы она была у нас в руках до 1-го числа *этого* месяца (до 1 мая, если в май, etc.). В статье Вашей о Рэдоне совершенно нечаянно выпало *посвящение*². Столько было трудностей поставить красиво заглавие в соответствии с виньеткой, столько раз эту страницу переверстывали, что как-то незаметно непарель выпала. Я очень извиняюсь и прошу Вас и m-me Holstein верить, что здесь не было мо(е)й воли: неприятная случайность, забывчивость, не более. Стихи Э. По, входящие

в Вашу статью, я перевел с английского: у Вас был перевод с французского перевода, очень неточный и даже кое-где прямо противоречащий подлиннику³. Все остальное осталось буква в букву, не считая, м(ожет) б(ыть), нескольких опечаток, отчасти зависящих от Вашего почерка. Типография, напр(имер), никак не могла прочесть “с антиков” и настаивала, что у Вас написано “счашников”.

Радуюсь Вашим статьям в “Русь”⁴.

Спасибо Вам и Е.С. за портрет Гиля. Поместим его в июне или июле.

Уезжаю дней на 10 в деревню отдохнуть⁵, но Вы пишите мне по-прежнему, ибо письмо идет до Парижа дней 5 и ко дню Вашего ответа я буду вновь в Москве.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в .

6-го мая ст. ст. Бальмонт выезжает с курьерским в Париж⁶.

Ответ на п. 37.

Датируется по упоминанию о предстоящем отъезде Бальмонта.

¹См. п. 35, прим. 5.

²Как выясняется из дальнейшего текста письма, статья Волошина “Одилон Редон” в рукописи имела посвящение А.В. Гольштейн.

³Имеется в виду строфа из стихотворения Эдгара По “Червь-победитель” (“The Conqueror Worm”, 1843), цитированная в статье Э. Эннекена о Редоне, переведенной в извлечениях Волошиным (раздел “Современники о Редоне”); Брюсов дал ее подстрочный перевод:

Актеры, созданные по образу Бога-Живого,
Говорят и шепчут что-то тихими голосами,
Бегают туда и сюда...
Простые марионетки – они приходят и уходят
По приказаниям огромных бесформенных существ,
Которые меняют декорации
И роняют со своих громадных крыльев кондора
Невидимую печаль...

(Весы. 1904. № 4. С. 11)

Позднейший стихотворный перевод Брюсова:

Акторов сонм, – подобье бога, –
Бормочет, говорит,
Туда, сюда летит с тревогой, –
Мир кукольный, спешит.
Безликий некто правит ими,
Меняет сцены вид,
И с кондоровых крыл, незримый,
Проклятие струит.

(По Э. Полн. собр. поэм и стихотворений. Пер. и предисловие Валерия Брюсова. М., Л., 1924. С. 52–53).

Перевод Волошина в архиве Брюсова не сохранился.

⁴Вслед за первой статьей Волошина о парижских салонах (см. п. 35, прим. 11) в газете “Русь” были опубликованы еще две его статьи: «Весенний праздник тела и пляски (“Bal des Quat’z-Arts”)» (№ 129, 22 апр./5 мая) и “Парижские салоны 1904 г. Salon des artistes français” (№№ 140 и 141, 3/16 и 4/17 мая). Редактор газеты А.А. Суворин был весьма доволен деятельностью нового парижского корреспондента. 21 апреля 1904 г. он писал Волошину: “Присылайте задуманные Вами вещи. Что находите интересным, о том и пишите. Если Вы журналист, то темы должны быть Ваши (...). Письмо Ваше о бале очень хорошо, ибо безукоризненно целомудренно” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1159).

⁵Летние месяцы 1904 г. Брюсов проводил на даче в селе Антоновка на Оке (близ Тарусы Калужской губ.), постоянно бывая в Москве более или менее продолжительными наездами.

⁶Бальмонт приехал в Париж не позднее 9/22 мая 1904 г. 18/31 мая он вместе с Волошиным был приглашен к Метерлинку. См. письмо Метерлинка к Волошину от 16/29 мая 1904 г. (Ежегодник 1979. С. 255–256).

39. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 21 мая)/ 3 июня 1904.
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за мое долгое молчание. Здесь Бальмонты, следовательно, все мое время было занято.

Впрочем, не было никаких особенных дел.

Бальмонт на редкость жизнерадостен и бодр.

Через два дня он уезжает в Испанию¹.

Что касается меня, то я до конца июня остаюсь в Париже, а там месяца на два переселюсь в Лондон для изучения языка².

Ван Бевер просит, чтобы "Весы" выслали ему несколько оттисков его рецензий (для рассылки авторам, как принято в Париже) и экземпляр для себя.

Он готовит новые рецензии об исторических книгах (исключительно)³.

Я бы то же самое попросил бы у Вас для статьи о Рэдоне и тех заметок, что будут в 5 №-е.

Кроме того, я очень прошу "Скорпиона" выслать мне авансом 300 fr.

Я думаю, что взятые мной раньше 200 уже покрыты статьями и рисунками.

Мне бы очень хотелось, чтобы контора выслала мне одновременно расчетный лист, чтобы знать свои счета с "Весами".

"Fleurs du Mal" Рэдона? Вы их получили?

Обложка пока у меня.

Задержка произошла с двойной выпиской от Дэмана⁴.

Гиль с Бальмонтом познакомились и друг другу очень понравились⁵.

Я очень надеюсь на Ваш осенний приезд в Париж. Это очень важно.

Мне хочется написать Вам одно мое маленькое стихотворение, посвященное Рэдону:

Я шел сквозь Ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа.
Лишь вечность зыбится ритмичными веками.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мироздания,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнания,
Живет меж складками морщинистой земли...⁶

Макс В о л о ш и н .

Как здоровье Иоанны Матвеевны?

Ответ на п. 38.

¹К.Д. Бальмонт с женой, Е.А. Бальмонт, уехал из Парижа только 21 июня/4 июля. Волошин общался с ними изо дня в день на протяжении почти полутора месяцев. 5 июля 1904 г. он сообщал М.В. Сабашниковой: "Бальмонты уехали вчера" (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). В письме к А.М. Петровой от 24 июня/7 июля 1904 г. Волошин рассказывал о своей жизни в последние недели: «... все перепуталось – начались события, люди, приезд Бальмонта, скоростное писание фельетонов для "Руси". Теперь Бальмонт уехал» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

²Это намерение не было реализовано.

³31 мая 1904 г. Ван Бевер писал Волошину: "... мне только хотелось бы получить один или два хороших оттиска моих библиографических заметок или же один или два экземпляра журнала. Дней через две-написать я постараюсь отослать вторую серию моих заметок о книгах по истории" (Ежегодник 1979. С. 246). Однако второй обзорной статьи "об исторических книгах" Ван Бевер в "Весы" не представил (см. п. 41).

⁴См. п. 34.

⁵Рене Гиль и А.В. Гольштейн стремились впоследствии популяризировать творчество Бальмонта во Франции. Так, 24 января 1908 г. Гольштейн писала Волошину: "Задумала много, и прежде всего, в сотрудничестве с Гилем, статью о Бальмонте для какой-нибудь большой *Revue* (или *des 2 Mondes*, или *de Paris*). В сотрудничестве с Гилем для скорости работы, чтобы француз (ский) язык не держал за хвост.(...) Я думаю, что работа о Бальмонте будет шикарная" (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438). Однако в то время работа Гольштейн и Гиль о Бальмонте, по всей видимости, не состоялась. В дальнейшем оба пытались издать стихотворения Бальмонта во французском переводе; такая возможность представилась лишь в конце 1915 – начале 1916 г. К этому времени относится недатированное письмо Гольштейн к Волошину, в котором рассказывается: "Вчера Ghill приходил, чтоб сообщить веселую новость: *en principe* Crès согласен издавать Бальмонта. В начале этой недели у Ghill'я будет свидание с Crès'ом для переговоров в подробностях, после чего Цейтлину останется только проверить договор Ghill'я и подписать контракт (...) Пишу Вам потому, что теперь надобно немедленно писать *предисловие*. Засаживайтесь за него теперь же, – книгу надобно вы-

пустить к марту, по мнению Ghil'я (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438; "Цейтлин" – Михаил Осипович Цетлин (1882–1945) – поэт, критик и издатель, друг Волошина; печатался под псевдонимом "Амари"). Результатом совместных усилий Гольштейн и Гиля была книга: *Balmont K. Quelques poèmes/Trad. du russe par A. de Holstein et René Ghil. P.; Zürich, 1916.* Волошин в этой книге не участвовал. Сохранился, однако, набросок его статьи о Бальмонте (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 304), относящийся к марту 1915 г.

⁶Стихотворение опубликовано (с незначительными вариантами) под заглавием "Одилон Рэдон" в цикле Волошина "Минуты прозрений" (СЦ 1905); без заглавия, но с посвящением "Одилону Рэдону" включено в сб. Волошина "Стихотворения, 1900–1910".

40. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Антоновка. Между 1/14 и 4/17 июня 1904 г.)

Дорогой Мах!

Я в деревне, вне дорог и почт¹. Если, что надо, адресуйтесь С.А.² О 300 fr., уезжая, я распорядился, чтобы Вам послали. Не знаю, исполнено ли. Пишите *мне* о своей парижской жизни, о Бальмонте, Гиле, Рэдоне, В(ан) Бевере etc. Пишите *нам*, т.е. "Весам", из Парижа и Лондона (обо всем, что в голову придется, но лучше бы *не о том же самом*, о чем Вы пишете в "Русь")³. Ваши счета с "Весами" у нас спутались. Пожалуйста, составьте расчет сами и сообщите нам, мы очень просим. Собираю ландыши и незабудки. Ничего не знаю о Порт-Артуре⁴.

Ваш Валерий Брюсов.

Антоновка, 1904, июнь.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 4.6.04; Paris, 20.6.04.

Ответ на п. 39.

¹Брюсов выехал из Москвы в Антоновку, судя по его письму к А.А. Шестеркиной, 30 мая (ГБЛ. Ф. 218, 128. 12)

²Т.е. С.А. Полякову.

³Темы последнего из опубликованных к тому времени в "Вессах" волошинских "Писем из Парижа" ("Национальный Салон. Исадора Денкан. Bal des Quat'z-Arts" – № 5) совпадали с темами его корреспонденций, опубликованных в "Руси" ("Парижские салоны. Société Nationale des Beaux-Arts" – 12/25 апреля; "Весенний праздник тела и пляски" ("Bal des Quat'z-Arts") – 22 апреля/5 мая; "Айседора Донкан" – 7/20 мая). Кроме того, в статьях Волошина для "Руси" дана более обстоятельная характеристика тех явлений художественно-артистической жизни столицы Франции, которые освещались и в "Письме из Парижа".

⁴Имеется в виду осада японскими войсками русской военно-морской базы Порт-Артур. В мае-июне 1904 г. там шли напряженные бои.

41. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac. Paris.

(4/17 июля 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите меня, пожалуйста, за такое продолжительное молчание. За все время пребывания Бальмонтов я был совсем выбит из колеи – ничего не делал и не писал. Только неделю, как сел за работу¹. Посылаю Вам несколько новых моих стихов и переводы Верхарна². Все это время я не переводил, и это те, которые я перевел еще тогда. Я все хотел их исправить, но окончательного исправления они так и не получили.

Местами они далеки от подлинника. Верхарн бывает так многословен, что я по возможности сжимал его.

Но это в сущности не переводы, это так, как если бы, закрыв книгу, *вспомнить* стихотворение на своем языке³.

Я еще не делал рисунков для "Весов", но моя мысль этим очень занята. Я хочу сделать целый номер, взяв мотивы из готических чудовищ и к этому статью об них. Весь номер с обложкой на мотивы готики⁴.

Ван Беве очень извиняется, что за массой работы он не успел еще прислать ретроспективную статью об романе, как обещал; он теперь заканчивает биографию Мэ-

М.А. ВОЛОШИН

Фотография. Париж, 1900-е годы.

С дарственной надписью: "Валерию Брюсову Макс Волошин"

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

терлинка⁵ и предлагает "Весам", не хотят ли они поместить самые важные ее страницы (около полулиста) до ее появления по-французски? Это может быть очень интересно... Ответьте об этом ему (ред(акция) "Merc(ure) de France")⁶. Тоже он просит экземпляра "Весов" для себя. Гиль уехал к морю, так что его не вижу.

Сам я пока в Париже и погружен теперь в работу и в писание писем. Через несколько дней выеду на некоторое время в Альпы, только очень не надолго⁷. На днях пришлю в "Весы" новые заметки.

Когда Вы приедете в Париж? Это мне очень важно знать заранее.

Был ли у Вас Якимченко, которому я дал Вам письмо?

Вы мне писали, что “Весы” согласны мне дать авансом 300 fr. и что Вы сделали соответствующее распоряжение. Это было месяц назад. Я ничего не получил. Пожалуйста, будьте добры, приведите это в исполнение. А то я теперь прикован бездельем к раскаленному Парижу.

До свиданья.

Поклон Иоанне Матвеевне.

Макс Волошин.

Почт. шт.: (Paris,) 17.7.04.

Ответ на п. 40.

¹24 июня/7 июля 1904 г., через два дня после отъезда Бальмонтов, Волошин писал А.М. Петровой: “Я заперся в своей комнате и навестываю ненаписанное” (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). В недатированном письме к М.В. Сабашниковой (с которой он общался в Париже с марта до начала июня 1904 г.) Волошин отмечал: “С отъездом Бальмонтов я заперся у себя. Никого не вижу, целыми днями пишу. Точно не вы, а я уехал в какой-то другой город” (Там же. Ед. хр. 106).

²К письму приложены рукописи стихотворений “Ноябрь” (“Большие дороги лучатся крестами...”), “На север” (“С сизыми бурями споря...”), “Страх” (“В равнинах Ужаса, на север обращенных...”) – под общим обозначением “Переводы из Верхарна”, а также оригинальное стихотворение “Отрывок о Париже (из большой вещи)” (“Леса готической скульптуры...”) – первоначальная редакция стихотворения “Письмо” (датированного: “Май 1904 г. Париж”), соответствующая строфам 12–13 и 15–18 его основного текста (Стихотворения. 1900–1910. С. 52–56).

³Автограф выполненного Волошиным перевода стихотворения Верхарна “Голова” (у Волошина – “Казнь” – “Ты сложишь голову на каменном помосте...”) имеет подзаголовок: “Воспоминание из Верхарна” (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 11); опубли. с тем же подзаголовком, вместе с переводом стихотворения “Человечество” (“О, вечера, распятые на сводах небосклона...”) – Русь. 1905. № 188. 14/27 авг. В позднейшем предисловии к сборнику переводов из Верхарна Волошин (отметив попутно, что в стихотворениях “Ноябрь”, “Осенний вечер”, “На север” он “старался передать только инструментовку Верхарнского стиха”) обосновал переводческие принципы, которыми он руководствовался: “... мои переводы отнюдь не документ: это мой Верхарн, переведенный на мой язык. Я давал только того Верхарна, которого люблю, и опускал то, что мне чуждо и враждебно. Приняв произведение в свою душу, снова родить его: иным творческий перевод не может быть” (*Волошин М. Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы*. С. 29–30).

⁴См. п. 37, прим. 7.

⁵Брошюра Ван Бевера “Maurice Maeterlinck” (Paris, 1904), изданная в серии “Les célébrités d’aujourd’hui”; имеется в библиотеке Дома-музея М.А. Волошина с дарственной надписью автора.

⁶Видимо, Брюсов написал непосредственно Ван Бевеу и запросил статью о Метерлинке для “Весов”. 10 августа (н.ст.) 1904 г. Ван Бевеу известил Волошина: “Статья о Метерлинке, о которой я вам говорил, находится в вашем распоряжении. Можете ли вы прийти за ней *завтра* (четверг) или *послезавтра* (пятница)” (*Ежегодник 1979*. С. 248). Не исключено, что Ван Бевеу самостоятельно отправил статью в Москву, поскольку Волошин в назначенные дни прийти к нему не мог (он находился в Швейцарии). Статья Ван Бевера “Морис Метерлинк” открывала 9-й номер “Весов” за 1904 г., перевод ее на русский язык выполнил Брюсов. Статья была перепечатана еще в двух “скорпионовских” изданиях: *Метерлинк М. Избиение младенцев: Рассказ/ Со статьей А. Ван-Бевера о жизни и творчестве М. Метерлинка*. М., 1904; *Метерлинк М. Пеллеас и Мелизанда и стихи в переводе Валерия Брюсова/ Как предисловие статья А. Ван-Бевера*. М., 1907 – в предисловии “От переводчика” Брюсов назвал статью “прекрасной” (с. IV).

⁷Волошин уехал в Швейцарию 9/22 июля. С дороги он писал М.В. Сабашниковой: “Я совершенно неожиданно сорвался из Парижа, никому не сказав, никого не предупредив, и еду в Швейцарию на несколько дней, спастись от жары (...) от опустевшего Парижа, от писания фельетонов, которые я писал последние дни по штуке в день” (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). Вопреки первоначальным предположениям, Волошин провел в Швейцарии целый месяц.

42. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Женева. Первая половина августа 1904 г.)

3 Rue du Bac. Paris.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я в настоящее время в Женеве. Вижу ежедневно с Вяч. Ивановым и Семеновым¹. Хочу здесь непременно дожидаться приезда Сергея Александровича².

Простите мое долгое молчание. Дней через 10 я вернусь в Париж³ и тогда вышлю Вам целый ряд статей и заметок.

Я теперь переменяю свое мнение о печатании своих стихов и решил этой зимой начать подготавливать свою книгу под именем “Годы странствий”. Хочу сделать для

нее рисунки. Чтобы художественная часть, выраженная в виньетках и заставках, была равноценна и параллельна стихотворной. Но это не будут иллюстрации.

Я хочу об этом поговорить с Сергеем Александровичем и спросить его, не возьмет ли “Скорпион” ее издание?⁴

Благословляете ли Вы мои планы?

Ввиду того, что я решаюсь нарушить зарок непечатания – не хотите моих стихов для “Северных Цветов”? Я Вам, кажется, присылал все, что у меня было, так что Вы сами можете сделать выбор.

Я бы выбрал “Когда время останавливается” (посвященное Вам), “Тесен мой мир – он замкнулся в кольцо”, “Дождь” (“В дождь Париж расцветает...”), “Одилону Рэдону” (“Я шел сквозь ночь...”) и “Я люблю осенний шелест старых писем...”⁵.

Впрочем, я на этом именно выборе нисколько не настаиваю. И предоставляю Вам это всецело.

Только, когда Вы мне напишете, я пришлю Вам окончательный текст тех стихотворений.

Кажется, я Вам не посылал еще этого стихотворения, которое я бы тоже предложил “Сев(ерным) Цветам”:

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло,
И кто(-то) горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линиями шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод.
Огни плясали меж волнами.
Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей⁶.

Получили ли Вы мое большое письмо с переводами из Верхарна и стихами?⁷
До свиданья.

Еще раз благодарю Вас за присылку денег.

Макс. В о л о ш и н .

Мой женевский адрес: 37 Rue de la Servette.

Я останусь здесь до приезда Сер(гея) Алек(сандровича). Приедете ли Вы осенью в Париж?

Датируется по упоминанию об ожидаемом приезде С.А. Полякова, который выехал из Москвы в Женеву 4/17 августа 1904 г. (см. прим. 2).

¹М.Н. Семенов был женат на сестре С.А. Полякова. Подолгу живя за границей (в частности, во Франции и Италии), Семенов содействовал привлечению в “Весы” иностранных сотрудников (Папини, Брунелески и др.).

В Женеве Волошин остановился в квартире своего двоюродного брата Я.А. Глотова (rue de la Servette, 37). В письме к Г.И. Чулкову от 7 августа (н.ст.) 1904 г. он сообщал: “В Женеве я на несколько дней” (ГБЛ. Ф. 371, 2. 76). О своем времяпрепровождении он рассказывал А.М. Петровой в недатированном письме: «... я сижу в пустой квартире Глотовых в Женеве. Пишу, читаю. По вечерам езжу к Вячеславу Иванову. Жду Вебера (мужа Якунчиковой) из Шамони, чтобы получить от него материалы для статьи об ней, которую я буду писать. Жду приезда Полякова – Скорпиона (главного), который должен явиться на днях в Женеву. Иногда встречаюсь с Семеновым – переводчиком Пшебышевского – в кафе Ландольта. Словом, в Женеве оказывается импровизированный съезд скорпионщиков. Интереснее всего для меня Вячеслав Иванов, с которым лично я не был знаком до сих пор, хотя знал его как поэта значительно раньше московского кружка и первый указал Брюсову на его “Кормчие звезды”. Человек это в высшей степени начитанный

и тонкий. Следили ли Вы за его “Эллинской религией страдающего бога” в “Новом Пути”? Я раньше был знаком с его дионисово-христианскими идеями и знал, что он рассматривает Христа как одно из воплощений Диониса и христианство как органическое продолжение религии Греции, но мне только теперь в этих статьях открылась вся глубина и широта его мысли. Это целое откровение и при том обставленное таким тяжеловесным боевым аппаратом филологии текстов, что от него никак не отделаешься одним словом “декадентство”, даже все митральезы факультетских познаний не сокрушат эту толщу цитат. В разговоре он далеко не так страшен, как в своих писаниях. Очень прост, изыщен и легок» (ИРЛИ. Ф. 562, Оп. 3. Ед. хр. 93). Попутно отметим, что на первую книгу стихов Иванова “Кормчие звезды” (СПб., 1903) внимание самого Волошина обратила А.В. Гольштейн, которая писала ему из Парижа в Петербург 22 января 1903 г.: «Вышел сборник В.Иванова “Кормчие звезды”. Имею 2 экз(емпляр) для передачи кому хочу. Я хочу выслать один для Вас и Косоротову с просьбой обоим написать отзывы где хотите и какой хотите. Этим очень обжете меня. Не прошу хвалить – говорите что хотите, но мне, знакомой со следующими произведениями Иванова, кажется, что критик не промахнется, сказав, что в нем есть все задатки большого писателя» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438). В другом недатированном письме Гольштейн просила Волошина зайти в Петербург к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (“жена моего друга Иванова”), взять у нее экземпляр “Кормчих звезд” и передать А.И. Косоротову с тем, чтобы тот позаботился о рецензировании книги. Она же рассказала Волошину о парижских лекциях Иванова, посвященных религии Диониса: «Теперь я страшно счастлива постоянным общением с Ивановым, кот(орый) читает в Русс(кой) Школе ряд прямо удивительных лекций о “страдающем боге”. Это его преподавание о религии Дионисия и происхождении греческой трагедии. Такого значительного курса, я думаю, в Школе еще никто не читал. Я хожу на все лекции» (письмо к Волошину от 7 мая 1903 г. – Там же).

Трудно судить, насколько прав и точен был Волошин, сообщая А.М. Петровой, что именно он “первый указал Брюсову” на “Кормчие звезды”; в январе 1903 г., когда Брюсов был в Петербурге, книга Иванова уже вышла к себе определенный интерес. В частности, 29 января/9 февраля 1903 г. М.М. Замятнина писала Иванову из Петербурга: «Была у Султановой, она вдруг говорит: “Куда ни пойдешь, всюду говорят о сборнике Иванова”; 4/17 февраля – ему же: “Еду к Мережковскому (...) я говорю о Вас. Он сейчас же говорит, что Вы талант (...)”. Очень преклоняется перед Вашей образованностью и затем просит официально через меня Вашего сотрудничества в их журнале “Новый Путь”» (ГБЛ. Ф. 109, 19.17).

²Брюсов писал А.А. Шестеркину 28 июля/10 августа 1904 г. о С.А. Полякове: “С.А. только что вернулся из Омска (как сообщает мне телеграммой) и едет в Женеву” (ГБЛ. Ф. 218, 128. 13); “Приезжал провожать С.А. в Женеву”, – сообщал Брюсов ей же 4/17 августа (Там же).

³Волошин выехал из Женевы в Париж 9/22 августа.

⁴Делясь с М.В. Сабашниковой своими планами об издании сборника стихов, Волошин сообщил ей в письме из Женевы: «Я хочу непременно дожидаться здесь Сер(гея) Ал(ександровича) Полякова, чтобы переговорить с ним об этом. Он должен приехать 18 авг(уста)”. Во втором женевском письме к Сабашниковой, также недатированном, Волошин упоминает: “... появление Сергея Ал(ександровича) Полякова со всей московской атмосферой Славянского базара, редакции “Весов” и т.д.» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп.3. Ед. хр. 107). После встречи в Женеве Волошин виделся с Поляковым также в Париже, куда тот съезжал на несколько дней, а затем, в сентябре, возвратился в Женеву. “Только что уехал Поляков (Скорпион – издатель), – сообщал Волошин матери в недатированном письме. – Я его дней пять водил по Парижу. Он в первый раз приезжал за границу. Зимой вообще тут и еще будут скорпионы” (Там же. Ед.хр. 60). Однако, по всей вероятности, твердой договоренности об издании “Скорпионом” сборника стихов Волошина тогда достигнуто не было; во всяком случае, эта тема на продолжительное время исчезает из волошинской переписки. В 1906 г. Волошин обратился с предложением к М. Горькому напечатать его книгу стихов “Годы странствий” в издании товарищества “Знание”, но и это намерение не осуществилось. См.: Купченко В.П. М. Горький и М. Волошин // Рус. лит. 1976. № 2. С. 145–147.

⁵За исключением стихотворения “Я люблю осенний шелест...” (при публикации в сб. “Стихотворения. 1900–1910” озаглавленного “Старые письма”), все перечисленные стихотворения были включены в цикл Волошина “Минуты прозрений” (стихотворение “Когда время останавливается” – без посвящения Брюсову). Кроме того, в публикацию вошли стихотворения “Закат сиял улыбкой алой...”, “Огненных лилий аккорд...” и “Рождение стиха” (“В душе моей мрак грозовой и пахучий...”). См.: СЦ 1905.

⁶См. прим. 5. В сб. Волошина “Стихотворения. 1900–1910” под текстом этого стихотворения помета: “На Сене близ Мэдона” (с.19).

⁷Речь идет о п. 41.

43. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 1904, сентябрь. (Начало.)

Дорогой Макс!

Не сердитесь, что я не пишу. Я завален, подавлен делами, ибо совершенно один в “Вессах”, которые летом должен был чуть не целиком“ сочинять”¹. Напишите мне о женевских беседах – я ничего не знаю: С.А. еще не возвращался, Вяч. не пишет². А особенно жду от Вас “Писем из Парижа”, в которых “Весы” очень нуждаются. Ваши письма ко мне все своевременно получал и благодарю за них. О переводах Вер-

харна напишу в свое время отдельно. Пока, в дни войны, нечего и думать об издании такой книги².

Ваш Валерий Брюсов.

На бланке "Весов".
Ответ на пп. 41 и 42.

¹Еще 9 июля 1904 г. Брюсов писал Г.И. Чулкову: "... я один в Весах. Ровно один (...) Ни сотрудников, ни помощников" (Чулков. *Годы странствий*. С. 320). Ср. его же письмо к А.А. Шестеркиной: «Теперь последние дни перед выходом запоздавшей сентябрьской книжки "Весов", и ни утром ни вечером буквально нет у меня получаса свободного» (ГБЛ. Ф. 218, 128. 13). Сходным образом Брюсов характеризовал положение дел в редакции летом 1904 г. в позднейшем письме к М.Н. Семенову (19 ноября 1904 г.): «... "Весы" (...) гнетет отсутствие работников, т.е. единомышленников. Вы взялись за работу в ноябре, Юргис от своей отказался в марте. Летние книжки целиком писались, редактировались и корректировались одним мною. Не желал бы я повторять этого опыта!» (ЛН. Т. 85. С. 273); ему же он вновь писал 15/28 декабря 1904 г.: «Недостаток работников – это первое, что угнетает "Весы". При основании их мы рассчитывали на силы шести человек: Бальмонта, Балтрушайтиса, Вас, Серг(ея) Алекс(андровича), Белого, меня. Но фактически все свелось к работе одного меня, которому немного помогли Серг(ей) Алекс(андрович) и неожиданно подошедший Вяч. Иванов. Больших статей, особенно на отвлеченные, философские темы, – сколько угодно, но делать именно журнальную работу, писать рецензии, "обозревать" журналы, выбирать материал для хроники – решительно некому» (ГБЛ. Ф. 386, 72. 32).

²Брюсов надеялся на то, что в Женеве, в ходе бесед Вяч. Иванова и С.А. Полякова, будет принято решение о совместном редактировании "Весов" на равных правах силами Брюсова, Иванова и Полякова (см. п. Брюсова к Иванову от 28 июля 1904 г. – ЛН. Т. 85. С. 455–457). Такого соглашения достигнуто не было.

³Подразумевается проект издания сборника стихотворений Верхарна в переводах Брюсова и Волошина (см. п. 30, прим. 6). Скорее всего, однако, ссылка на "дни войны" была лишь поводом для отказа от реализации этого замысла: Брюсов был неудовлетворен чрезмерно вольными переводами Волошина, исходя из принципиально иных творческих установок (см. вступ. ст. к наст. публикации).

44. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. Начало сентября ст.ст. 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Пожалуйста, исправьте как можно скорее оплошность "Весов". Лакосту до сих пор не заплачено 150 fr.¹ Я спрашивал у Серг(ея) Алекс(андровича). Он сказал, что не знает, что, верно, выслано по выходе номера. У Лакоста я до сих пор не мог узнать, получил ли он деньги: он был вне Парижа. Вчера он пришел ко мне спрашивать о деньгах. Мне было ужасно стыдно. Пожалуйста – сделайте распоряжение об этом немедленно.

Его адрес: 7, Rue Rousselet (а не 22, как было раньше).

Макс Волошин.

¹Речь идет о гонораре Ш. Лакосту за оформление № 7 "Весов" и за обложку к №№ 7–9. В письме от 28 июля 1904 г. к Вяч. Иванову Брюсов упоминал, что "Лакосту не заплачено за рисунки, присланные в апреле" (ЛН. Т. 85. С. 456).

45. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 11/24 сентября 1904 г.)

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше письмо пришло через 2 часа после того, как я отправил Вам мою статью "Макбет зарезал сон"¹ и открытку². Это письмо я отправлю одновременно с "Письмом из Парижа" об импрессионизме и об Англаде³.

Вы спрашиваете о женевских беседах. Я не знаю, что Вы уже знаете. Говорили, конечно, очень много о "Весах" и о разных проектах. Но т(ак) к(ак) при Вашем отсутствии решительно нельзя было говорить о чем-нибудь определенно, то это были все очень общие разговоры.

Говорили о том, что необходимо привлечь Мэтерлинка и Рэми де Гурмона, чтобы

L'INSAISSABLE

Офорт М.В. Якунчиковой

"Весы", 1905, № 1

иметь имена и, по крайней мере, изредка статью до ее напечатания по-французски. Демарши к этому я сделаю, как только парижане съедутся в Париж⁴. Пока ведь всё еще пусто. Все на берегу моря.

Из конкретных решений: Сер(гей) Алекс(андрович) решил издать номер, посвященный Якунчиковой⁵. Я познакомил его с Вебером – мужем Якунч(иковой) – и тот предоставил в распоряжение "Весов" ее не изданные еще рисунки. Я для этого номера приготовлю статью, для которой Вебер обещал дать мне материалы: выбор из ее дневников и писем⁶. Она очень тонко наблюдала и хорошо владела словом. Так что это может быть очень интересно. Но это может задержать статью, т(ак) к(ак) тут все зависит от Вебера, которому предстоит эта работа. Моя статья собственно уже вполне готова. Ее нужно только записать⁷.

Приедете ли Вы в Париж?

Сер(гей) Алекс(андрович) гово-

рил, что после его приезда Вы немедленно уезжаете за границу. Неужели Вы не попадете в Париж? Я на это страшно надеюсь. Не говоря о практической пользе для журнала, т(ак) к(ак) Вам необходимо познакомиться с Гилем и Ван Бевером, которые уже давно ждут Вашего приезда, но и с эгоистической – мне ужасно хочется побродить по Парижу вместе с Вами.

Если Вы приедете один и после 15 октября, то моя мастерская к Вашим услугам. Я меняю адрес и переселяюсь 15 окт(ября) в № 9 Rue Campagne Première⁸. Тогда в мастерской Вы отлично можете устроиться у меня: хотите?

К декабрю (к ноябрю едва ли) я приготовлю готический номер с обложкой. И постараюсь написать к нему же статью о чудовищах, т.е., скорее, о человеческом лице в готике⁹.

Напишите мне о планах для "Северных цветов". Хотите ли Вы взять для них что-нибудь из моих стихотворений?

Для меня Женева была наполнена, конечно, разговорами с Вячес(лавом) Ив(ановым). Ведь я только теперь лично с ним познакомился.

Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет¹⁰.

До свиданья. Надеюсь, что скоро увижу Вас.

Поклон Иоанне Матвеевне.

Макс В о л о ш и н.

Мне хочется знать Ваше мнение об этих двух переводах из Маллармэ, которые я сделал на днях.

ЛЕБЕДЬ

Могучий, девственный, в красе извивных линий
Безумием крыла ужель не разорвет
Он озеро мечты, где скрыл узорный иней
Полетов скованных прозрачно синий лед.

В ГОРАХ

Рисунок М.А. Волошина
 "Весы", 1904, № 8

И лебедь прежних дней в величьи гордой муки,
 Он знает, что ему не взвиться, не запеть,
 Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
 Когда придет зима в сияньи белой скуки.

Он шеей отряхнет смертельное бессилье,
 Которым вольного теперь неволит даль,
 Но не кошмар земли, что приморозил крылья.

Он скован белизной и блеской одеянья,
 И стынет в льдистых снах ненужного изгнания,
 Окутанный в надменную печаль...

* * *

О зеркало! Холодная вода,
 Кристалл уныния, застывший в льдистой раме!
 О, сколько раз в отчаяньи, часами,
 Усталая от снов, ища надежд былых,
 Опавших как листья в провалы вод твоих,
 Сквозила из тебя я тенью одинокой.
 Но, горе! В сумерки, в воде твоей глубокой
 Познала я тщету своей нагой мечты...

(Фронтиспис к "Иродиаде")¹¹

Как жаль, что мой рисунок в “Весях” помещен в таком большом виде¹². Я надеялся, что Вы его сильно уменьшите и поставите только как заставку. Так он страшно груб.

Не печатайте никаких других моих рисунков из присланных раньше: я Вам пришло новых очень скоро.

Боюсь, что мое “Письмо из Парижа” очень длинно, но сжать* его больше нет возможности. Может ли оно идти в сентябрьском номере?

Для октябрьского я пришло новое об Осеннем Салоне¹³.

Я дал письмо к Вам моему другу Матвееву¹⁴. Он художник, оккультист и врач. Я думаю, что он Вам будет интересен. Он очень в курсе парижского оккультизма и составляет гороскопы. Как художник он весьма интересен, но имел привычку уверять, что у него ничего нет. Но Вы его заставьте показать его вещи. Он в высшей степени обладает фантастическим даром. Вообще же он очень дик.

До свиданья.

Макс В о л о ш и н.

Почт. шт.: Paris, 24.9.04; Москва. 16.9.04.

Ответ на п. 43.

¹Парадоксальную историософскую идею, положенную в основу этой статьи (см. п. 49, прим. 1), Волошин подробно изложил в письме к М.В. Сабашниковой от 18 сентября 1904 г. В нем нашли отражение многие образы и сопоставления, использованные в статье, но более отчетливо проведена связь с трагическими событиями русско-японской войны:

“Война медленно захватывает душу, как колесо машины, в которую попал конец одежды. Я уже не могу удержаться, чтобы утром не прочесть газеты.

Толстовские описания войны... Все самые ужасные эпохи в жизни человечества – террор, инквизиция, коммуна, все это можно представить по-толстовски – в известном круге зрения, очень просто, несколько мелких почти обыденных деталей... Но тут происходит что-то гораздо ужаснее. “Этого” уже так по-толстовски никак нельзя представить.

Целая долина, взорванная вместе с войском... Эти руки, которые поднимаются из груды трупов в течение недели и наконец замирают. (...)”

Эпохи ужасов и зверств всегда следуют за эпохами упадка фантазии, бессилия мечты. Французская революция после XVIII века. Коммуна – после Флобера и Гонкуров. Наоборот – возможные ужасы 48 года были предотвращены романтизмом и политическими утопиями.

Теперь Россия расплавляется за целый век реализма.

Действительность мстит за себя, если ее считают слишком простой. Она принимает самые чудовищные и невероятные формы, чтобы заставить к себе относиться с мистическим трепетом. Сколько ужасов, предстоявших России, испустил Достоевский! Он ведь был единственным противовесом террору, разгоравшемуся с 78 года. (...)”

За насилie над мечтой дорого приходится расплачиваться» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107).

²Т.е. п. 44.

³Статья Волошина “Письмо из Парижа. I. Клод Монэ. Итоги импрессионизма. II. Англада” была напечатана в № 10 “Весов” за 1904 г. См. также: Волошин М. *Лики творчества*. С. 217–222. Эрменхильдо Англада-и-Камараза (Anglada y Camarasa, 1872–1959) – каталонский художник; его работы с 1901 г. неоднократно экспонировались в Национальном салоне в Париже.

⁴М.Метерлинка в “Весях” не участвовал. О сотрудничестве в журнале Реми де Гурмона см. п. 16, прим. 2. За привлечение в “Весы” самых знаменитых современных писателей Европы особенно ратовал М.Н. Семенов. См.: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и “Весы” (К истории издания) // ЛН. Т. 85. С. 274.

⁵Мария Васильевна Якупчикова (1870–1902) – художник-пейзажист, офортист, мастер прикладного искусства; участница “Мира искусства”. В последние годы жизни постоянно жила в Париже.

⁶С Львом Николаевичем Вебером (1869–1956) – врачом-невропатологом, мужем Якупчиковой и сыном А.В. Гольштейн от первого брака – Волошин совершал летом 1904 г. совместные экскурсии в Альпы. В конце августа 1904 г. Волошин писал М.В. Сабашниковой из Парижа: “Мои последние дни в Женеве: два дня с Вебером – вещи и рисунки Марии Васильевны. (...) В них такая прелесть и радость красок. Они так брызжут жизнью. Ее ранние вещи очень слабы по рисунку, но необычайно смелы по замыслу. В них, может, даже больше сказывается настоящая она” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107). В письме к Волошину от 23 августа 1904 г. Л.Н. Вебер обещал: “... примусь за дневники и переписку Мар(ии) Вас(ильевны) и извлеку

* В автографе: я сжать

из них интересные для Вашей статьи вещи" (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 326). Однако своего обещания Вебер, по всей вероятности, не выполнил: статья Волошина о Якунчиковой соответствующих цитат не содержит. Местонахождение дневников в настоящее время неизвестно.

⁷Статья Волошина "Творчество М.Якунчиковой" была опубликована в № 1 "Весов" за 1905 г. (с. 30–38); этот же номер был целиком оформлен работами Якунчиковой. В примечании к статье указывалось: «Все рисунки М. Якунчиковой, воспроизведенные в этом № "Весов", появляются в печати в первый раз и любезно предоставлены в распоряжение редакции г. Л. Вебером» (с. 30). 25 декабря 1904 г. Вебер сообщал Волошину: "... я был у Полякова, в Москве. Передал ему рисунки и картину М.В. Он рассчитывает на Вашу статью к февралю... (...) Не знаю, удастся ли Вам написать про М.В. Вы ее вещи видели – мимоходом, – но Вы страшно чутки и впечатлительны, т(ак) что я не сомневаюсь, что у Вас много осталось". По получении же номера "Весов" со статьей "Творчество М. Якунчиковой" Вебер писал о ней Волошину (1 февраля 1905 г.): «В ней чувствуется некоторая скоропалит(ель)ность, и она немного отрывочна, зато много хорошо и верно сказанного: самое верное, это что Вы пишете об отсутствии словесной литературности, измышленной символистики в работах М.В. и о "железной сети" ее рисунка. Как хорош и тонок конец Вашей статьи! Я думаю, что если Вы увидели бы выставку во всей ее полноте и хронологическом порядке, у Вас представился бы еще яснее характер творчества М.В. Я даже изумился, как Вы могли, увидав вещи еще не собранные в порядке, так верно себе оформить стадии развития М.В.» (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 326).

⁸«Я устраиваюсь на зиму в Париже и поэтому взял себе ателье», – сообщал Волошин матери в недатированном письме (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60). Волошин переехал по новому адресу несколько раньше того дня, который назвал Брюсову. 5/18 сентября 1904 г. он писал Сабашниковой: "Теперь мой адрес: 9 Rue Campragne Remière. Я туда уже через неделю переселяюсь" (Там же. Ед. хр. 107). Этот же адрес Волошин сообщил Брюсову в открытке, отправленной 17/30 сентября 1904 г.

⁹Ср. п. 37, прим. 7.

¹⁰Эту фразу Брюсов привел в письме к Вяч. Иванову от 17/30 сентября 1904 г., предварив ее словами: "Макс Волошин пишет мне о тебе (точно)" (*ЛН*, Т. 85. С. 461). Рассказывая в письме к М.В. Сабашниковой о своем пребывании в Женеве, Волошин отмечал: "Бесконечные разговоры с В. Ивановым: весь трепет разговора. Религия Диониса, танцы, ритм, оргазм, маски... (...) Разговоры с Ивановым – это целый океан новых мыслей, столкновения и подтверждения старых. Мы так во многом сошлись, и сошлись так неожиданно, идя такими разными путями. (...) Мы говорили о золотом веке, когда вся земля опоясается хороводами пляшущих людей, как млечными путями. Все сольется в одной звездной пляске" (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107). В другом письме к Сабашниковой Волошин подробно пересказал содержание своих бесед с Ивановым; такого же рода рассказ о разговорах с Ивановым – в женевском письме Волошина к А.М. Петровой (Там же. Ед. хр. 93).

¹¹Оба перевода из Малларме вошли в сб. Волошина "Стихотворения. 1900–1910" – с вариантами строк по отношению к данному тексту. Брюсов также перевел сонет Малларме "Лебедь" ("Бессмертный, девственный, властитель красоты..."). Перевод впервые опубликован в кн.: Хризопрас. Художественно-литературный сборник изд-ва "Самоцвет". М., 1906–1907; вошел затем в антологию Брюсова "Французские лирики XIX века" (1909).

¹²Рисунок Волошина "В горах", занимающий в № 8 "Весов" отдельную страницу (с. 29).

¹³См. прим. 3. Статья Волошина "Письмо из Парижа. Осенний салон. Слевинский. Морис Дени" была помещена в № 12 "Весов" за 1904 г. См. также: *Волошин М. Лики творчества*. С. 228–232.

¹⁴С художником Борисом Николаевичем Матвеевым (1873–1919), членом Русского кружка художников в Париже, Волошин познакомился в Париже в конце 1901 г. О встречах с Матвеевым упоминает Кругликова в своих записях 1933 г. "Из воспоминаний о Максе Волошине" ("Максимilian Волошин – художник", с. 98–99). В архиве Волошина сохранились два письма Матвеева к нему, написанные в Париже (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 828).

Волошин упорно старался привлечь Матвеева к оформлению "Весов". "Предлагал мне делать там буквы и заставки, – писал Матвеев о Волошине матери, Л.П. Матвеевой, из Парижа 6 марта 1904 г. – Не знаю, буду ли я это делать". 10 апреля 1905 г. Матвеев сообщал ей же: «Макс все предлагает сделать номер "Весов", говорит, что хорошо заплатят. Начал делать. Еще он предлагает мне работать в иллюстр(ированном) приложении к "Руси". Он теперь много зарабатывает журнализмом» (*ЦГАЛИ*, Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4–4об., 38–38об.).

46. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 18 или 19 сентября/1 или 2 октября 1904 г.)

Дорогой Макс!

Занят я так мучительно, что могу лишь сухо ответить "о делах". Ваше "письмо"¹, конечно, не может идти в сентябре: он уже готов. Чтобы статья была помещена в данном месяце, она должна быть у меня не позже 5–7 числа ст. ст. этого месяца. Итак, письмо идет в октябре, а это жаль, ибо сведения, хотя бы о К. Монэ, будут очень запоздалыми². "Макбет" – хорош, но как нам его напечатать? По программе "Весов"

мы имеем право печатать только литературные и художественные статьи, отнюдь не политические. Нельзя ли “Макбету” дать другое заглавие, лицемерное, на(пример): “О натурализме в русской литературе XIX в.” или что-либо подобное, тягучее и отвлекающее внимание цензора?³ Рисунков Ваших, по Вашему слову, печатать больше не будем, в ожидании новых, но один из старых (кафе) уже напечатан в начале сентябрьского №4. Изменить поздно. Простите эти бессвязные строки. Сейчас получил известие от Вяч. Иванова, что умер старик Зиновьев, отец его жены⁵. С.А. здесь, в Москве⁶.

Ваш В а л е р и й.

1904.

Р.С. Деньги Лакосту посланы.

На бланке “Весов”.

Ответ на п. 45.

Датируется по сообщению о смерти Д.В. Зиновьева (см. прим. 5). Письмо Брюсова к Иванову с соболезнованием по поводу этой смерти датировано 20 сентября ст. ст. (см.: ЛН. Т. 85. С. 461).

¹ См. п. 45, прим. 3.

² В статье Волошина шла речь о парижской выставке работ Клода Моне (39 новых картин, озаглавленных “Виды Темзы в Лондоне”). “Весы” дали информацию об открытии выставки еще в № 5 (с. 74: “Картины принадлежат к числу замечательнейших созданий великого импрессиониста”), а в № 7 поместили подборку критических откликов (с. 76–77).

³ См. п. 49, прим. 1.

⁴ См.: Весы. 1904. № 9. С. 35.

⁵ Дмитрий Васильевич Зиновьев (1822–1904), отец Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, жены Вяч. Иванова. См. о нем: Дешарт О. Введение. // Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 18. В письме от 15/28 сентября 1904 г. Вяч. Иванов извещал Брюсова: “... большое событие совершилось в нашей семье: вчера вечером скончался отец Лидии Дмитриевны” (ЛН. Т. 85, с. 462).

⁶ 17/30 сентября 1904 г. Брюсов сообщал Вяч. Иванову: “Завтра, в субботу, приезжает Сергей Александрович” (ЛН. Т. 85. С. 461).

47. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 20 сентября/3 октября 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам давно обещанную статью М-me K. Fillonneau-Jarr о моде¹. Она, по-моему, очень интересна, но чуть-чуть болтлива, но ее можно сократить легко и без всяких угрызений совести.

Адрес ее автора 21. Rue du Champ de Mars.

Я, кажется, раньше давал Вам* об ней сведения – это дама, пользующаяся большим голосом в деле моды, очень известная в Америке, интимный друг Малларме и племянница Диккенса. Она начала свою писательскую деятельность молодой девушкой – военным корреспондентом во время осады Парижа².

Макс В о л о ш и н.

Р.С. Выставка Пювис де Шаваня в Sal(on) d’Automne, вер(оятно), все-таки будет, наравне с выстав(кой) Тулуз де Лотрека³.

Открытка. Почт. шт.: Paris. 3.10.04; Москва. 23.9.04.

¹ См. п. 12, прим. 6 и п. 15, прим. 2.

² Кейт (Кэтрин) Йенн-Фийоно (Yarr-Fillonneau; 1843 – ?) – журналистка, старшая из четырех дочерей Эдварда Йенпа, корреспондента известной лондонской газеты “Daily Telegraph”. По матери – отдаленная родственница Диккенса. Молодой Малларме был дружен с семейством Йенп, жившим попеременно то в Лондоне, то в Париже; особенно тесные отношения связывали его с Кейт и Этти (Джильеттой) Йенп (1845–1873), второй дочерью Эдварда. “Я очень люблю Кейт...”, – писал он 30 ноября 1862 г. своему другу, поэту Анри Казалису (псевдоним – Жан Лагор), глубоко увлеченному в то время Этти Йенп (см.: Mallarmé S. Correspondance 1862–1871, recueillie, classée et annotée par Henri Mondor avec la collaboration de Jean-Pierre

* В тексте слово “Вам” повторено дважды: Я Вам, кажется, раньше давал Вам...

Richard. P., 1959. P. 60). В 1864 г. Кейт Йепп вышла замуж за Эрнеста Фийоно, издававшего в 60–70-е годы в Париже журнал “Le Moniteur des Arts” и ряд других художественно-артистических ревю. Этти Йепп вышла в 1871 г. замуж за египтолога Гастона Масперо. Ее преждевременная кончина нашла отклик в одном из сонетов Малларме (см.: *Lawrence J. Mallarmé et son amie anglaise // Revue d'histoire littéraire de la France*. 1965. N. 3. P. 477–478).

Журналистская деятельность Кейт Йепп началась во второй половине 60-х годов. Под псевдонимом Элиана де Марси три сестры Йепп вели постоянную рубрику “Causeries de Paris” (“Парижские беседы”) в большом лондонском журнале для женщин “The Queen”. Значительная часть этих статей, где широко освещалась парижская жизнь в последние годы Второй империи, была написана Этти Йепп. Корреспонденции продолжали поступать в Лондон и из осажденного Парижа, откуда сестры Йепп переправляли их при помощи воздушного шара. Впоследствии Кейт Йепп писала преимущественно по вопросам моды.

³ В “Осеннем салоне” 1904 г. отдельный зал был отведен работам Тулуз-Лотрека. 17/30 сентября 1904 г. Волошин писал Брюсову: “В моей корреспонденции есть ошибка: в Salon d’Automne будет выставка не Пювис де Шаваня, а Тулуз-Лотрека. Я был введен в заблуждение ложными газетными сведениями”.

48. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 31 октября/13 ноября) 1904.

Дорогой Мах!

Мы решили печатать Вашу статью “Макбет”, переименовав заглавие. Согласны ли Вы? Ваше последнее “письмо”¹ было очень хорошо. Ждем нового – для декабря (ноябрь уже составлен)². – Редакция новообразующейся газеты “Слово” (будет большая петербургская газета, намеревающаяся соперничать с “Нов(ым) Врем(енем)” и “Русью”) просила меня спросить у Вас, пока конфиденциально (но, как видите, я открываю карты), согласились бы Вы быть “парижским корреспондентом”, включая в обязанности и отчеты о политической жизни³. Ответьте мне.

Ваш В а л е р и й.

Открытка.

¹ См. п. 45, прим. 3.

² Там же, прим. 13.

³ “Слово” (СПб, 1903–1909) – политическая, общественная и литературная газета. В 1904–1905 гг. два раза в неделю выходило иллюстрированное литературное приложение к газете. Официальным редактором “Слова” в 1904–1905 гг. был беллетрист, библиограф и историк литературы П.В. Быков, позднее тесно связанный с Брюсовым (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 669–672).

4/17 ноября 1904 г. Волошин записал в дневнике: “Письмо от Брюс(ова). Мне предлагают полит(ические) корреспонденции в “Слове”» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. I. Ед.хр. 441. Л. 31).

49. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 4/17 ноября 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Конечно, я ничего не имею против замены заглавия “Макбет зарезал сон” каким угодно, если это только необходимо для его появления на свет¹. К декабрьской книжке я пришло статью об Осеннем Салоне². Теперь я пишу рецензии о книгах (только что вышедших) 1) Пеладана – *Le dernier leçon de Leonard de Vinci à son Académie de Milano*, 2) Remy de Gourmont. *Les promenades littéraires*³. 3) Charles Sellier. *Vieux Monmartre*⁴.

Ваш вопрос о корреспондент(ст)ве в “Слово” меня смутил, потому что я как раз позавчера получил такой же конфиденциальный и условный вопрос от другой газеты, тоже с предложением быть ее представителем в Париже и политическим корреспондентом⁵. Политическое корреспондентство для меня не очень притягательно, но зато страшно важно в материальном отношении, тем более что это отнимет массу времени. Поэтому мне для своего ответа необходимо знать подробности о “Слове” – 1) кто ее издатель? 2) Какого она направления (политичес(кого) и художеств(енного))? 3) Имеет ли она средства и шансы на существование? 4) И какие условия она хочет предложить своему парижскому корреспонденту?

Предложение другой газеты – это между нами. Я Вам сообщаю это, только чтобы объяснить свое затруднительное положение. Там мне тоже пока поставили только вопрос, но еще не дали своих условий.

Часто вижусь с М.Н. Семеновым⁶. Он что-то туго ассимилируется в Париже⁷. Слишком он проникнут Германией. Еще один конфиденциальный вопрос: должен ли я его мнения считать за мнения редакции?

Макс Волошин.

Еще вопрос очень важный: Вы мне не ответили о моих стихах: хотите ли Вы их для “Северн(ых) Цветов” и какие именно?⁸ Мне очень важно знать точно. М.В.

Закрытое письмо – “секретка”. Почт. шт.: Paris. 17.11.04; Москва. 8.11.04.

Ответ на п. 48.

¹ Статья “Макбет зарезал сон!” была напечатана под заглавием “Магия творчества. О реализме русской литературы” (“Весы”, 1904. № 11. С. 1–5). В авторском оттиске Волошин восстановил первоначальное заглавие, а также последнюю фразу статьи, снятую при публикации: “Горе! Макбет зарезал сон!” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 188. Л. 11, 13).

² См. п. 45, прим. 13. Как раз в это время Волошин закончил большую статью о парижском “Осеннем салоне”, напечатанную в “Руси” в 1904 г. в виде четырех корреспонденций: “Серпантин Парижа. (Осенние цветы – осенняя живопись... Одилон Редон. Карьер)” (№ 328, 8/21 ноябр., с. 2); “Осенний Салон. II. (Сезанн. Тулуз Лотрек. Ренуар. Пювис де Шавань)” (№ 333, 13/26 ноябр., с. 1); “Осенний Салон. III. (Школа Клода Монэ и Гюстава Моро. Группа “десяти”. Слевинский)” (№ 335, 15/28 нояб. с. 1–2); “Осенний Салон. IV. Tutti quanti. Скульптура)” (№ 361, 11/24 дек. с. 1–2). В “Весы” же он представил краткий общий обзор выставки и разбор творчества польского художника В. Слевинского и Мориса Дени.

³ Рецензии Волошина на книгу Пеладана “Последний урок Леонардо да Винчи в его Миланской Академии” (изд. Э. Сансот-Орлана, 1904) и на “Литературные прогулки” Р. де Гурмона (“Mercure de France”, 1904) см.: Весы. 1904. № 11. Эти работы Волошина были закончены к середине ноября. Первая из рецензий была отправлена в Москву через М.Н. Семенова. 23 ноября 1904 г. Семенов извещал Брюсова из Парижа: “Вместе с корреспонд(енцией) послал Вам рецензию Волошина на книгу Пеладана (кроме того, он сам Вам выслал рецензию на новую книгу Реми де Гурмона и рецензию (1 слово нрзб.) на одно старое издание (...))” (ГБЛ. Ф. 386, 102.31. Л. 14; корреспонденция Семенова была отправлена им – как явствует из его писем к Брюсову – между 15 и 23 ноября).

⁴ Шарль Селье (Sellier; 1844–?) – французский ученый, историограф Парижа. Волошин называет его изданную в 1904 г. книгу “Curiosités historiques et pittoresques du vieux Montmartre” (“Исторические и живописные достопримечательности старого Монмартра”). Рецензия на это издание в “Весы” не появилась.

⁵ Такое предложение Волошин получил от редактора “Руси” А.А. Суворина, писавшего ему 29 октября 1904 г.: «... я думаю, что Вы можете быть хорошим журналистом именно потому, что так ищете точного соответствия между словом и мыслию. Хороший журналист не тот, что дает тысячи строк в два-три часа, но тот, у которого есть свой фонтан в мозгу, к пению которого он прислушивается и пение которого есть для него голос истины. Писать теперь умеют все, – иметь мысли – немногие. Вы – честный к себе наблюдатель, и я хочу Вам предложить серьезнее заняться этим Вашим преимуществом в “бою жизни”. Это письмо между нами и даже под честным словом, что оно останется между нами. Я недоволен Багницким, он католик, и всех богов имеет в прошлом. С Нового года в Париже будет жить Амфитеатров. Он будет корреспондентом “Руси”, но он со всем не управится. Ему нужен помощник, и я хотел бы предложить быть им – Вам. С Багницким я устроюсь тем, что переведу его в другой город. Амфитеатров проживет в Париже, может быть, 1/2 года, год, и далее Вы остались бы корреспондентом “Руси” самостоятельным» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1159).

Волошин принял предложение Суворина. Излагая в дневнике содержание цитированного письма, он приписал: “Ответ – да” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 441. Л. 30). Суворин отвечал ему 24 ноября 1904 г.: «Амф(итеатро)в будет в Париже с февраля. Значит, до февраля Вы будете корреспондентом “Руси” для всей худож(ественной) и бытовой жизни Парижа и Франции. Багницкий же займется политикой и телеграммами». Далее оговаривались денежные условия работы Волошина – 150 руб. ежемесячного жалованья и 10 коп. со строки газетного текста (Там же). В последующие месяцы Волошин продолжал регулярно печатать в “Руси” свои парижские корреспонденции.

⁶ М.Н. Семенов, приехавший в Париж в самом начале октября, писал Брюсову 25 октября 1904 г.: “Волошина встречал здесь почти каждый день (...)” (ГБЛ. Ф. 386, 102. 31).

⁷ “Все мое несчастье заключается в том, что я не говорю по-французски, а Волошин бестолков до невероятности (...)” – так объяснял Семенов в письме к С.А. Полякову свои первые неудачи в Париже, в том числе при закупке произведений живописи (письмо от 8 октября 1904 г. из Парижа. – ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 182).

⁸ См. п. 42, прим. 5.

50. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 19 ноября/2 декабря 1904 г.)

Дорогой Мах!

Только ответы. “Слово” бросьте. “Другая газета” гораздо серьезнее. Я бы на Вашем месте не отказался. Стихи для “Сев(ерных) Цветов” пришлите, и немедленно: уже набираем книгу (какие сами выберете)¹. Что отчет о Осеннем Салоне раньше дали в “Русь”, все же нехорошо². Мнения Мих(аила) Ник(олаевича) бесспорно и безусловно “редакционные”.

Всегда Ваш В а л е р и й.

Ноябрь 904.

Открытка. Почт. шт.: М. 19.11.04; Paris. 5.12.04. Ответ на п. 49.

¹ См. п. 42, прим. 5. Альманах “Северные цветы ассирийские” вышел в свет весной 1905 г.² См. п. 49, прим. 2. В тот же день, 19 ноября 1904 г., Брюсов писал М.Н. Семенову: «На Макса мы в обиде, что он “Русь” предпочитает “Весам”» (ГБЛ. Ф. 386. 72. 32).

51. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

СПБ. 13 Преображенская, кв. 15
(у Ал. Ив. Косорова).
(15 декабря 1904 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Неожиданно я оказался в России на очень короткое время¹.

На праз(д)ники, или немного позже я буду в Москве². Обо многом можно говорить только при личном свидании³.

У меня нет места пристанища в Москве. Пожалуйста, напишите мне, смогу ли я в течение недели мое(го) пребывания ночевать в “Скорпионе”?⁴

Макс В о л о ш и н .

Почт. шт.: Петербург. 15.XII.04; Москва. 15.12.04.

¹ Волошин приехал в Петербург 15/29 декабря 1904 г.; возвратился в Париж в начале февраля (н.ст.) 1905 г.² В Москву Волошин приехал 21 декабря, возвратился в Петербург утром 9 января – в “кровавое воскресенье”.³ Волошин увиделся с Брюсовым сразу же по приезде в Москву (в этот день японской армии была сдача крепость Порт-Артур). 21 декабря Волошин занес в дневник краткий конспект того, что ему говорил Брюсов при встрече:

«Брюсов. “Вы возмужали и лицом и взглядом. (...)»

Вы привезли нам взятие Пор(т)-Артура.

Да, я тоже делаю революцию. Ну это после переговоров.

Дионис и Христос мне опротивели. Белый и Мережковские. Вокруг Белого эти добрые крабы... Вы еще не читали его III-ей симфонии?

Я люблю стихи Вяч. Иванова, потому что я не выношу больше понятных стихов.

Я написал Белому (Бальдур и Локэ), и он мне ответил. Такого тона у Белого еще не было. Он заговорил Архангелом.

Б(альмонт)... Жаль, Вас не было на ужине в честь его отъезда. Это было общее озлобление против него. Враги, которые обнимались, и друзья, которые говорили друг другу колкости. И все были довольны, что он уезжает» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 441. Л. 31об.; в записи упоминаются: книга Андрея Белого “Возврат. III симфония” (М., “Гриф”, 1905), один из ее героев, ребенок, играет на берегу моря с крабом; стихотворение Брюсова “Бальдери Локи”, обращенное к Андрею Белому; и ответное стихотворение Белого “Старинному врагу” – см.: ЛН. Т. 85. С. 336–338; вечер по поводу отъезда Бальмонта в длительное заграничное путешествие – в Мексику). Волошин встречался с Брюсовым также 24 декабря 1904 г.

⁴ Ответа Брюсова на это письмо среди его писем к Волошину не сохранилось. Имеется лишь относящаяся ко времени пребывания Волошина в Москве записка на обороте визитной карточки: “Записываю моим гостем на 6-е января 905 г. Макса Александровича Волошина. Валерий Брюсов”.

52. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

24. Rue Octave Feuillet (Passy).
(Париж. Первая половина апреля 1905 г.)

Дорогой Валерий!

Ради Бога, простите меня и за молчание и за многое. Я все время нахожусь в крайней душевной смуте, которая мне парализовала руку и желание писать.

Я виноват не только перед Вами, но еще перед многими и многими.

Кроме того, я, переселившись в квартиру Мих(аила) Николаевича¹, с ужасом почувствовал, что он оставил в ней не только свою мебель, но еще свое парижское ничегонеделание. Я еще захвачен весенним вихрем, но через неделю я надеюсь, что смогу приняться за работу и напишу в течение мая обещанные статьи о Марселе Швобе, Гюставе Моро и “Перламутровую раковину”².

Теперь же пришлю Вам отчет об “Indépendants” и о банкете в “La Plume”, которые уже набросаны³.

Не упрекайте меня за “Русь” – это заметки в сто строк, нацарапанные в кафе. “Русь” меня связала и обязала месячным жалованьем. Как ни вертись, а надо писать, что бы то ни было и как бы то ни было⁴.

Как будет хорошо, если проект Мих(аила) Ник(олаевича) об расширении “Весов” удастся⁵. После того, как я увидел бывшего недавно здесь редактора “Вопросов жизни” Жуковского⁶, я убедился, что с этой стороны все погребло и единственное, что остается, это расширение “Весов”, которые тогда сразу займут вакантное место.

У меня есть несколько беллетристических планов (это между нами), и я их непременно приведу в исполнение, если расширенные “Весы” осуществятся.

Яков Козмич был у меня – я его устроил в гостинице около Одеона, но вот уже 1½ недели не видал⁷. Это происходит, вероятно, от того, что я регулярно ложусь спать к 8 часам утра, а встаю в 4 дня. При этом довольно трудно его застать утром.

Сию минуту я ничего не могу Вам написать относительно гашиша. Но немедленно сообщу Вам, как только наведу справки⁸.

Просьба относительно “Весов”: я не получил еще ни одного номера за этот год!! Сделайте, пожалуйста, внушение Василию⁹.

Кроме того, вышлите мне, пожалуйста, три последние книжки за прошлый год, которые мне крайне необходимы.

До свиданья. Пишите и адресуйте мне все по адресу Мих(аила) Никол(аевича).

Получили ли вы Omar Kayam? “Poisons d’intelligence” еще не вышли. Они только готовятся¹⁰.

Я намерен еще написать статью о Ронсе по поводу новой книги Эристана Рамиро.¹¹

Поклон И(о)анне Матвеев(не) и Надежде Яковлев(не)¹².

Макс В о л о ш и н.

¹ Квартира М.Н. Семенова на ул. Октава Фейе, 24. “Я переселился на Семеновскую квартиру в Булонский лес и целые дни разъезжаю на велосипеде”, – писал Волошин матери 27 марта/9 апреля 1905 г. (ИР-ЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60).

² 23 ноября/6 декабря 1904 г. М.Н. Семенов писал Брюсову из Парижа:

«Пора делать объявления о подписке на 1905 год. В этих объявлениях необходимо печатать предполагаемое содержание книжек 1905 года.

Мы наметили здесь следующие статьи:

Ван Беве. Жюль Ренар.

М. Волошин. Марсель Швоб.

М. Семенов. Станислав Пишибышевский.

М. Волошин. “Перламутровая раковина”.

Рене Гиль. О Лафоре» (ГБЛ. Ф. 386, 102. 31). Ни одна из указанных статей в “Весях” не появилась. Статьи о Гюставе Моро Волошин в “Весы” также не представил.

³ Соответствующие корреспонденции Волошин напечатал в 1905 г. не в “Весях”, а в газете “Русь”: “Вернисаж Салона Независимых” (№ 69, 18 марта), “Салон независимости. Ван Гог” (№ 79, 28 марта), «Письмо из Парижа. Литературные банкеты “La Plume”» (№ 187, 13 авг.).

⁴ За январь–март 1905 г. Волошин опубликовал в "Руси" двенадцать статей. "Мой журнализм вещь не ценная, но материально для меня теперь очень важная, – писал Волошин А.М. Петровой 27 мая/9 июня 1905 г. – Приходится только писать в то время, когда совершенно писать не хочется. (...) Но что из меня совсем высосали мои фельетоны – это письма. Недаром Вы их называли фельетонами. Оказывается, что это то самое и было. Только писать безлично для пубрики далеко не так приятно, как писать к кому-нибудь"» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр 93).

⁵ В письме к Брюсову от 6/19 апреля 1905 г. Волошин также спрашивал: «Какова судьба идеи Мих(аила) Никол(аевича) о расширении "Весов"?» Идея М.Н. Семенова заключалась в превращении "Весов" из критико-библиографического в собственно литературный журнал с беллетристическим отделом. Разрешение С.А. Полякову от Главного управления по делам печати на дополнение журнала "Весы" отделом беллетристики было получено 7 ноября 1905 г. (ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 1. Ед.хр. 102). С 1906 г. "Весы" стали издаваться по расширенной программе, однако отдельные художественные произведения печатались в них и в течение 1905 г.

⁶ Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1868–1943) – издатель журнала "Вопросы жизни", выходившего в Петербурге в 1905 г.; в литературном отделе "Вопросов жизни" печатались в основном символисты и близкие им авторы.

⁷ Весной 1905 г. Я.К. Брюсов жил в Париже. Сохранилось его письмо к Волошину от 31 марта/13 апреля 1905 г., отправленное по адресу: ул. Кампань Премьер, 9: "Почему Вы ко мне не зайдете, или очень заняты, я слышал, что Вы перемещаете свою квартиру" (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 290). О встрече с Я.К. Брюсовым Волошин записал в дневнике 4 апреля (н.ст.) 1905 г.:

"Желая Вам представиться по рекомендации моего сына Валерия Брюсова..." и т.п.

Иду в отель Порт-Мажон.

"Да вот уехал из России... надолго... не знаю...

Страшно теперь оставаться... Бомбы бросают... Избиение младенцев происходит... И не поймешь, революция ли начинается или просто грабеж. Вот уехал. Жену жду с дочерью".

Это первые эмигранты» (Искусство Ленинграда. 1989. № 3. С. 88).

⁸ Советы о способах добывания гашиша содержит письмо Волошина к Брюсову от 6/19 апреля 1905 г.

⁹ В.А. Курников. "Очень важный артельщик Курников" упоминается в воспоминаниях о Брюсове Ю.А. Ракитина: «Жил этот Курников в редакции "Весов", в книжном шкафу в стене, на дверцах которого висела визитная карточка: Курников "Действительный член общества покровительства животным". Он очень гордился этим званием и своей близостью к литературе и говорил, что они с Валерием Яковлевичем держат молодежь в решпекте» (Ракитин Ю. Демон в сюртеке. // Новое время (Белград). 1924. 24 окт.).

¹⁰ Видимо, Волошин имеет в виду изданные по-французски стихотворения Омара Хайяма (Р., 1903) и в связи с этим упоминает о книге "Omar Khaouam et les poisons de l'intelligence" (Р., 1905), автор которой Л. Тайад отдал дань декадентскому увлечению морфинизмом. "Poisons de l'intelligence" ("Яды рассудка") – название книги известного ученого-психолога Шарля Рише (Richet; 1850–1935), изданной в Париже в 1877 г. (в XX в. не переиздавалась). Ш. Рише был также драматургом и поэтом (литературный псевдоним – Шарль Эйфер). В своих трудах Рише пытался исследовать "метапсихические" (в том числе оккультные и сверхъестественные) явления.

¹¹ Эрастен Рамиро (Ramiro; 1853 – ?) – французский искусствовед, автор работ о Ф. Полсе. Его книга "Félicien Rops" (1905) была отрецензирована в "Весках" И. Шукиным (1905, № 4. С. 56–58).

¹² С.Н.Я. Брюсовой Волошин, видимо, познакомился в Москве в конце декабря 1904–начале января 1905 г. Сохранились два письма Н.Я. Брюсовой к Волошину, относящиеся к началу 1905 г., в которых она просит сообщить ей адрес М. Метерлинка (ИРЛИ. Ф. 562. Оп.3. Ед.хр. 292).

М.А. ВОЛОШИН

Фотоавтопортрет. Париж
(снимок сделан на квартире М.Н. Семенова),
весна 1905 г.

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

53. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 30 июня/13 июня 1905).
24 Rue Octave Feuillet

Дорогой Валерий.

Простите меня, пожалуйста, за мое молчание пред “Весами”. Мой дух все время был в областях далеких от литературы, и я совсем ничего не мог писать¹.

Теперь я надеюсь быстро наверстать упущенное и заполнить свои долги перед “Весами”².

Посылаю Вам статью Жана (!?) Гурмона об “романе”³. Она пришла совершенно неожиданно для меня. Я в тот же день был у Реми Г(урмона), он был несколько сконфужен, и сказал, что он очень занят, что он не мог написать именно этой статьи, но в скором времени он даст другую, а что статья его брата очень хороша, что он ее читал и т.д.

Словом, вот она. Можете принимать ее или нет, как хотите.

А Реми де Гур(мон) статью все-таки даст⁴.

До свидания.

Макс. В о л о ш и н.

¹ Волошин подразумевает прежде всего свои отношения с М.В. Сабашниковой, жившей в Париже в апреле–июне 1905 г. После отъезда Сабашниковой 11/24 июня в Цюрих Волошин вел с нею оживленную переписку, практически ежедневно сообщая ей о личных переживаниях и событиях своей жизни.

² О том же намерении Волошин сообщал матери в письме от 12/25 июня 1905 г.: «... начну сейчас писать для “Весов”, которые я совсем забыл» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 60). Однако исполнить это намерение он не сумел: за 1905 г. в “Вессах” появилось всего две публикации за подписью Волошина – статья “Творчество М. Якунчиковой” и очередное “Письмо из Парижа. Выставка у Жоржа Пти” (№ 4).

³ Жан де Гурмон (Goumont) – французский писатель и критик, брат Реми де Гурмона, автор библиографии его сочинений (1922) и воспоминаний о нем (1924). Сотрудничал в “Mercure de France” как литературный критик. В библиотеке Брюсова охранилась книга Ж. де Гурмона “Muses d’aujourd’hui” (“Современные музы”, 1910) (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681). Посланная Волошиным в Москву статья Ж. де Гурмона “Французский роман и романисты” была напечатана в № 8 “Весов” за 1905 г. В “Вессах” анонсировался также очерк Ж. де Гурмона “Жан Мореас” (1905), изданный у Э. Сансот-Орлана (1905, № 5, с. 77; № 6, с. 88; раздел “Перечень новых книг”). Сохранилось, кроме того, письмо Ж. де Гурмона к С.А. Полякову от 6 апреля 1906 г., где французский писатель предлагает “Весам” критическую статью о романе или “новой поэзии” во Франции (ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед.хр. 64). Вторая статья Ж. де Гурмона под заглавием “Французский роман и романисты” появилась в № 10 “Весов” за 1906 г.

⁴ Статья Реми де Гурмона “Цветы” появилась в “Вессах” только через год (1906, № 8).

54. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

16. B(ouleva)rd Edgar Quinet¹.
Paris. (11)24 octobre 1905

Дорогой Валерий!

Только что я получил от своей матери и от одного старого друга письма, в которых страшно радуются и ликуют по поводу того, что мне от вас “здорово досталось на орехи” в “Вессах”... но я сам, к сожалению, до сих пор еще не видел этого номера². Мне почему-то “Весы” присылают страшно неаккуратно. До сих пор я пользовался номерами Мих(аила) Никол(аевича), которые приходили ему на квартиру³. Сделайте, пожалуйста, распоряжение, чтобы мне “Весы” высылались по новому моему адресу. Мне очень хочется прочесть Вашу статью, и я заранее уверен, что она должна быть хороша и справедлива.

Я думаю, что Вы меня знаете настолько хорошо, чтобы видеть, что чувство обиды, негодования и т(ому) подоб(ное) у меня совершенно атрофированы. Пришлите мне, пожалуйста, поскорей этот номер. Я Вам пишу сейчас именно для того, чтобы сказать Вам, что я статьи Вашей еще не читал и приму ее совершенно объективно без всякого отношения к Вам.

Судя по ликованию моей матери, которое носит всегда педагогический характер, я думаю, что она и едка и справедлива.

Не удивляйтесь моему упорному молчанию относительно “Весов” в течение стольких месяцев. Я ничего не писал это время, исключая глупых корреспонденций в “Русь”. Я слишком был занят в другой области и слишком много ломал и менял в области мысли для того, чтобы иметь возможность писать. Так что не приписывайте это какому-нибудь изменению моих отношений к “Весам”.

Если у Вас найдется время, напишите мне, что делается теперь в “Весках”? Какие изменения в редакции и как это отзовется на журнале? Я ровно ничего не знаю об этом.

До свиданья.

Максимил(иан) В о л о ш и н.

¹ Волошин переехал в мастерскую на бульваре Эдгара Кине в конце сентября (начале октября н.ст.) 1905 г.

² Речь идет о напечатанной анонимно в “Весах” (1905, № 8, с. 69–71) заметке Брюсова “О Максe Волошине и древнем змее”, в которой был подвергнут сокрушительной критике выполненный Волошиным перевод стихотворения Верхарна “Голова” (“La Tête” – см. п. 41, прим. 3).

Сам Волошин писал об этих переводах: “Я перевел еще два стихотворения Верхарна и думал об России и об Революции, переводя их. Это должно было сказаться” (письмо к М.В. Сабашниковой (июнь 1905 г.). – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 107); к автографу стихотворения “Казнь” Волошин сделал приписку: “Мысленно посвящаю этот перевод русскому самодержавию” (Там же. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 11).

Брюсов выступил против чрезмерных вольностей, допущенных Волошиным в его переводе – “воспоминании”, а также против искажения – в ряде случаев – смысла и стиля первоисточника. В заглавии заметки обыгрывается один из приведенных Брюсовым примеров несоответствия волошинского перевода подлиннику Верхарна:

«...Верхарн говорит, что “в толпе змеей проползает грандиозное преступление”. –

La foule en qui le mal grandiose serpente...

Г. Волошин переводит:

Толпа вокруг тебя, как древний образ змея.

Откуда взялся у г. Волошина этот древний змей? Нет сомнений! Он смешал глагольную форму *serpente* с существительным *serpent*! Но как же тогда понимал он весь французский стих? Или отсутствие смысла казалось ему особенно пикантным?

Положим г. Волошин осторожно называет свои стихи не “переводом”, а “воспоминанием о Верхарне”. Но тогда приходится сказать, что воспоминание о Верхарне у г. Волошина сохранилось довольно смутное. Передавая стихи по-русски, не мешает получить *помнить* их текст... или значение французских слов».

Еще более резко Брюсов охарактеризовал перевод стихотворения Верхарна “Кузнец”, выполненный А.А. Лукьяновым и опубликованный в IV сборнике товарищества “Знание” (СПб., 1905): «Если стихи г. Волошина “воспоминание”, то стихи г. Лукьянова “забвение о Верхарне”» (Весы, 1905. № 8. С. 70).

Письмо “от одного старого друга” – письмо А.М. Петровой (5/18 октября 1905 г., Феодосия); приводим полностью его текст:

«Что? получили на орешки в “Весах”?

Страшно негодуя против Вас.

Я думала, что подзаголовок “воспоминания из” поставлен Вами из тонкого вкуса, и что, озаглавливая

М.А. ВОЛОШИН

Фотоавтопортрет. Париж
(снимок сделан в ателье М.А. Волошина,
на бульваре Эдгара Кине, 16),
осень 1905 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

так, Вы, – если можно так выразиться, – своеобразно кокетничаете, чувствуя полное превосходство своего перевода, и мне это крайне нравилось. Дитя, раньше я Вам доверяла, а теперь надолго потеряла всякую веру.

Разгильдяйство.

Взбешена и озлоблена страшно.

Макс и – Лукьянов ... Только этого не доставало.

А вышло так.

Высекла бы Вас.

Жду публичного покаяния; чтоб оно было полно, искренно и красиво.

Вы понимаете, что Вы должны сделать, и силы на это у Вас *есть*.

А Елена Оттобальдовна хо-о-рошо Вам намылит голову. Вот, – постоите.

Ваша А.П. »

(ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 950).

Не менее критичным в адрес Волошина было и недатированное письмо к нему матери, Елены Оттобальдовны (в нем упоминается их общая коктебельская знакомая, художница и мемуаристка Е.Ф. Юнге): «Когда я пришла вчера к Юнге с последним № “Весов” и радостным заявлением: как хорошо Макса отщелкали за воспоминание из Верхарна “Казнь”, Ек(атерина) Федоровна не верила, что я на самом деле радуюсь, и я воистину радовалась, что нашелся человек, ставший в защиту Верхарна от таких воспоминаний г-д Максов Волошинных, которые по небрежности, лени, без любви, без вдохновения начинают безжалостно искажать своих же любимцев-поэтов. И зачем ты сделал это, Макс? И тебе не жалко было Верхарна? Если бы у тебя не было ни силы, ни дарования поэтического, ни гроша денег на корку хлеба, это было бы простительно, а при твоих блестящих дарованиях, да еще сытому, так относиться к художественному произведению возмутительно». Далее в письме Е.О. Кириенко-Волошина передает свой разговор с поэтессой П.С. Соловьевой (Allegro) на ту же тему: “... я сказала: Макса продернули, и хорошо продернули, и подолом продернули. Макс не может отнестись к этому справедливому отзыву равнодушно, он встряхнет, устыдит его. И я радуюсь высказанной правде, радуюсь за полученный Максом урок, надеюсь, что он не пройдет даром” (Там же. Ед.хр. 652). В ответ на утверждение Волошина, что его перевод является лишь вольным переложением стихотворения Верхарна, Елена Оттобальдовна вновь писала ему (1 ноября 1905 г.): «Ты говоришь, что в твоей “Казни” от Верхарнской “Головы” почти ничего не осталось, что ты вполне сознательно придал этому стихотворению другой смысл и т.д., но, сличая оригинал с переводом твоим, напротив, видно совершенно ясно, что это произведение было перед твоими глазами, что не только смысл всего стихотворения остался тот же, но даже размер и число строк в твоём очень небрежном переводе, где ты слово *serpenter* – змеиться принял за *serpent* – змея и вместо того, чтобы справиться с лексиконом, преспокойно создаешь какой-то “древний образ змея”. Прилагаю мой подстрочный прозаический перевод, из которого ты должен ясно увидеть, как ты местами плохо понимал французский текст, в особенности 3-е и 4-ое четверостишия; впрочем, и 2-ое никуда не годится сравнительно с ярко, красиво, сильно и просто выраженным оригиналом» (Там же).

Брюсовские критические доводы и полное согласие с ними А.М. Петровой и матери – людей, чьи суждения были для Волошина вполне авторитетными, – видимо, оказали на него определенное воздействие. В свою книгу “Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы” Волошин стихотворение “Казнь” не включил.

Брюсов также перевел это стихотворение: “Голова” (“На черный эшафот ты голову взнесешь...”). См.: Эмиль Верхарн. Стихи о современности: в переводе Валерия Брюсова. С. 75–76. В предисловии Брюсов упомянул этот перевод в числе тех, в которых он “старался держаться настолько близко к подлиннику, насколько это допустимо при стихотворной передаче” (с. 28).

³ М.Н. Семенов; в его квартире на улице Октава Фейе Волошин жил в марте–сентябре 1905 г.

55. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

16. B(oulev)ard Edgar Quinet. Paris.
(январь? 1906 г.)

Дорогой Валерий,

Мне Яценко сказал, что Вы мне писали несколько раз; я тоже писал Вам. Вероятно, все наши письма пропали¹.

Я все время ничего не знал о “Весакх”, и по тем немногим слухам, что доходили до меня, и по словам Бальмонта, я предположил, что они по всей вероятности совсем выходить не будут². Если же так – их решено продолжить – то я в этом году снова стану *дейтельным* сотрудником. Я на днях вышлю Вам большую статью о предвестиях и о пророчествах об Революции – главным образом Великой Французской. Она, я думаю, будет интересна для момента³.

Я все время был духом очень далек от литературы и только теперь снова начал работать.

Напишите мне, пожалуйста, какие изменения произойдут теперь в “Весакх” и кто будет фактически заведовать ими?

Что бы Вы ожидали от меня?

Вот два редакционных дела.

1) У меня Жан де Гурмон справлялся об гонораре, ему еще не выплачено⁴.

2) Митрохин просил обратить внимание на его рисунки, посланные им в редакцию⁵.

Как Вы пережили московские дни?⁶

Нужны ли стихи для "Весов"?⁷

Максимилиан В о л о ш и н.

¹ 12/25 января 1906 г. А.С. Яценко (см. о нем во вступит. статье) писал Брюсову из Парижа: «...адрес М. Волошина – *Paris, 16, Boulevard Edgar Quinet*. Я его видел последнее время довольно часто и полагаю, что он писем от Вас не получал, т(ак) к(ак) ничего не знал ни о Вас, ни о "Весках". Здесь прошел слух (привезенный М. Сабашниковой), что Вы вышли из редакции "Весов" и последние прекращают свое существование» (ГБЛ. Ф. 386. 110. 37).

² Видимо, в такой форме до Волошина дошли известия о нереализованном намерении Брюсова (летом 1905 г.) отказаться от руководства "Весами". См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы" // *ЛН*. Т. 85. С. 279–280; письмо Вяч. Иванова Брюсову от 1 августа 1905 г. – Там же. С. 477.

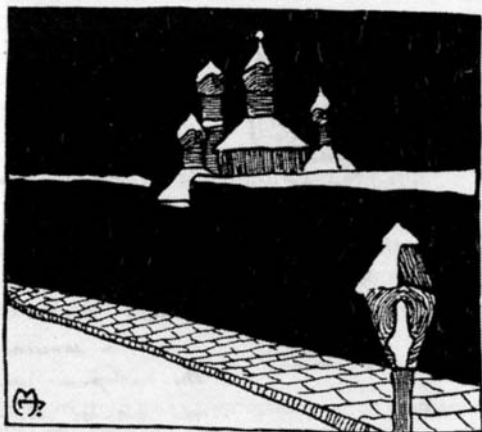
³ Имеется в виду статья Волошина "Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции". Она была опубликована не в "Весках", а в журнале "Перевал" (1906, № 2, дек. С. 12–27); подзаголовок принадлежал не автору, а редактору "Перевала" С.А. Соколову; последний писал Волошину 24 ноября 1906 г.: «Корректуру "Пророков и мстителей" послал (...) нельзя ли к заглавию добавить подзаголовок: "предвестия Великой Революции", – это очень важно для объявлений в газетах о содержании №» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1126). Этот подзаголовок был сохранен и при переиздании статьи в книге Волошина "Лики творчества" (Кн. 1. СПб., 1914. С. 339–377); в указателе содержания статья названа: "Пророки и мстители (1905 год)". См.: *Волошин М. Лики творчества*. С. 188–208.

⁴ См. п. 53, прим. 3. О запросе Жана де Гурмона относительно гонорара Волошина извещал в письме от 24 ноября 1905 г. А. Ван Беве (Ежегодник 1979. С. 249–250).

⁵ Дмитрий Исидорович Митрохин (1883–1973) – художник-график, мастер книжного оформления и иллюстрации. Его графические работы были помещены в "Весках" в 1904 г. (№ 6, с. 29; № 9, с. 80; № 12, с. 58), но впоследствии там не появлялись. Митрохиным выполнена обложка книги Брюсова "Зеркало теней. Стихи 1909–1912 г." (М., "Скорпион", 1912).

⁶ Имеется в виду московское декабрьское восстание 1905 г.

⁷ О публикации стихов Волошина в "Весках" см. п. 61, прим. 3.

"ВЕСЫ", 1904, № 6

Виньетка по рисунку Д.И. Митрохина

56. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 9 марта н.ст. 1906.

Дорогой Макс!

Вы, вероятно, на меня гневаетесь и не без права. Я не собрался писать Вам несколько месяцев, и на последнее дружеское письмо ответил маленькой запиской¹. Но Вы поверьте мне, что я всегда в каком-то вихре: то событий личной жизни, то дел. Где тут писать тем, кто дорог. Пишешь только официальные письма, которых писать к Вам не хочется.

И, однако, это – почти официальное письмо. Ибо "Весы" тоже гnevаются на Вас и тоже не без права. Вы уехали, год тому назад, из Москвы, дав несколько десятков обещаний редакции, и за двенадцать месяцев не исполнили ни одного. Вы оставили "Весы" безо всяких сведений о парижской художественной жизни, хотя в то же время писали корреспонденции в "Русь". Наконец, на днях, продолжая молчать для "Весов", Вы прислали статью об одной из парижских выставок в "Золотое Руно", журнал все же соперничающий с "Весами"². Как "Весы" должны понять Ваши поступки? Долж-

REVUE MEN
SUELLE «LA
BALANCE» ♦♦
SOCIÉTÉ D'É
DITIONS «LE
SCORPION» ♦

Moscou, Place de The
âtre, n. Métropole, 21.

23 февр. 1906.

Дорогой Макс!

Вы, вероятно, на меня гневаетесь, и не дерз
права. Я не собираюсь писать Вам в течение длительного
времени, и на последние Ваше письмо ответил всего
лишь коротким ответом. Простите себя, пожалуйста, но думаю
Вы поймете меня, что я всегда в каком-то вынужден
то или иной ситуации, то есть Вы тут не писали мне,
кто знает; писать только официальные письма,
которые писали из Парижа не хочется.

Но "Париж" тоже гневается на Вас и тоже не
берет права. Вы знаете, когда пишу газету, а в Париже,
даже несмотря на то, что я работаю редактором, а я еще
не успеваю ни одного. Вы оставили "Париж" без
всякого внимания о парижской художественной жизни,
что в то же время писать корреспонденции в
Руб. Наконец, на днях, получил письмо из "Парижа".
Вы прислали статью об одной из парижских
выставок в "Белое Рубо", которая констатирует
о "Рубе". Как будто нам почти тот же самый
поступок? Если бы вы предложили другому сообщать
нам о художественной жизни Парижа? Если да, то
согласитесь, то это истинно "гневается" отсюда
за нашу работу. Париж в течение Вашего отсутствия
мог бы!

Не сердитесь, дорогой Макс, за эти слова, но,
подумав, Вы должны признать, что все это горькие
упреки заслуживают Вас. Лично я лично Вас очень люблю, и заранее
прощаю Вам все, что Вы сделаете против меня. Но, как представитель "Весов"³, я не
могу извинить Вам, как сотруднику "Весов", Вашей небрежности к ним. "Весы" осо-
бенно гордятся своей осведомленностью о заграничных делах, а по Вашей вине они
оказываются неосведомленными о том, что совершается в таком центре, как Париж⁴.
Нет, право, или пишите в "Весы", или прямо скажите, что не будете, не можете, не
хотите.

ПИСЬМО БРЮСОВА М.А. ВОЛОШИНУ

Автограф. Москва, 23 февраля 1906 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

ны ли "Весы" искать иного корреспондента в Париже? Если да, то это будет поистине
"женская" расплата за их верность Вам в течение Вашего годового молчания!

Не сердитесь, дорогой Макс, за эти слова. Подумав, Вы должны будете признать,
что эти горькие упреки заслужены Вами. Лично я лично Вас очень люблю, и заранее
прощаю Вам все, что Вы сделаете против меня. Но, как представитель "Весов"³, я не
могу извинить Вам, как сотруднику "Весов", Вашей небрежности к ним. "Весы" осо-
бенно гордятся своей осведомленностью о заграничных делах, а по Вашей вине они
оказываются неосведомленными о том, что совершается в таком центре, как Париж⁴.
Нет, право, или пишите в "Весы", или прямо скажите, что не будете, не можете, не
хотите.

Я очень надеюсь, что эта маленькая ссора между Вами и “Весами” уладится к лучшему. Во всяком случае не смешивайте с “Весами” меня и верьте, что я давно признал в Вас одного из “посвященных”, из “избранных” и что поэтому мое отношение к Вам (каковы бы ни были мои отдельные нападки на Вас, вроде критики Ваших переводов из Верхарна⁵) измениться не может, что я всегда буду в истинном смысле

Ваш Валерий Брюсов.

P.S. Спасибо за примечание к переводу “Последнего дня”. Стихи потеряли почти все в переводе!⁶ Получили ли Вы мою книгу?⁷ Что Ренэ Гиль, знаете ли Вы что-нибудь об нем? Что Бальмонт?⁸ Можно ли сочинять, а тем более печатать такие жалкие вирши, какие он подписывает своим священным именем в “Руси”!⁹ Прочтя, готов был писать к нему негодующее воззвание!

На французском бланке “Весов”.

В архиве Брюсова сохранился неотправленный вариант этого письма, датированный по старому стилю: 23 февраля 1906 г. (ГБЛ. Ф. 386, 73.15). Фрагменты из него приводятся ниже в примечаниях.

¹ Эта “записка” в архиве Волошина не сохранилась.

² В неотправленном варианте: «Журнал, конкурирующий с “Весами”». Имеется в виду корреспонденция Волошина “Первая выставка интернационального общества акварелистов” (ЗР. 1906. № 3).

³ В неотправленном варианте: «Но как соредатор “Весов”».

⁴ Упрек такого рода Брюсов высказал и в заметке “О Максе Волошине и древнем змее”, где упомянул о Волошине, «увы! давно не радующем “Весы” своими живыми и блестящими письмами из Парижа» (Весы. 1905. № 8. С. 69).

⁵ В неотправленном варианте: «Верьте, что я и после этого письма (как после своих нападков на Ваши переводы из Верхарна) неизменно ценю Вас, как одного из “посвященных”, из “избранных”, уже вошедшего в тот круг, из которого назад пути нет».

⁶ Перевод “лирической поэмы” Брюсова “Последний день”, напечатанный в периодическом издании “*Écrits pour l'art littéraires et philosophiques*” (т. 3, Mars 1905 – février 1906 (“Nouvelle serie”) P., 1906. P. 577–580) и выполненный Мари Ле Гран (Marie Le Grand), был явно инспирирован Волошиным: в той же книжке (р. 489–494) были помещены переводы двух стихотворений Бальмонта и трех стихотворений самого Волошина (“Зеркало”, “Старое письмо”, “Принцип и конец”). Переводчик этих стихотворений укрылся за инициалами “А.В.-г” (видимо, А. Bauler, т.е. А.В. Гольштейн). За текстом поэмы “Последний день” следовала (р. 581) заметка, подписанная “M.V” (бесспорно – Maximilian Volochine). Приводим в переводе с французского ее полный текст – первый печатный отзыв Волошина о Брюсове:

«Если г-н Константин Бальмонт может считаться королем русских поэтов, то Валерию Брюсову по праву принадлежит титул их мэтра.

Начиная с первых сборников (“*Me eum esse*”, “*Chefs d'oeuvre*”, “*Tertia vigilia*”), вплоть до “*Urbi et orbi*” и последней, только что изданной книги “*Στέφανος*”, все творчество Валерия Брюсова – упорный и последовательный путь к совершенству. Неослабным воздействием своего искусства, достоинства которого неоспоримы, он сдвигает с места глыбу русского Слова, исследует и разлагает его, ищет и находит в нем еще неслыханную гармонию. В этой области он – химик Слова, обладающий аналитической интуицией (но отнюдь не проникновенной музыкальностью Бальмонта). Начав с изобилия пышных фраз, он достигает в своих последних вещах классической простоты, почти прозрачности пушкинского стиха.

Историк и библиограф одновременно присутствуют в стихотворениях Брюсова, и стебель акации более подошел бы к его музе, чем лавровый венок.

М.В.»

⁷ Имеется в виду книга Брюсова “*Στέφανος*”. Венок. Стихи 1903–1905 года”, вышедшая в свет в конце декабря 1905 г. В библиотеке Дома-музея М.А. Волошина эта книга отсутствует.

⁸ В неотправленном варианте: “Очень соблазнительно было бы услышать от Вас о Бальмонте. Что он? У меня об нем самые черные предчувствия”.

⁹ В газете “Русь” были опубликованы стихотворения К.Д. Бальмонта “Живые сказки” (“Я с ужасом теперь читаю сказки...”), “Птица мести” (“Если ты врага имеешь...”) (1906, № 27, 12 февр.), “Со стороны” (“Я отошел к стороне – и смотрю...”) (№ 33, 19 февр.). Брюсов воспринял резко отрицательно его стихотворения на общественно-политические темы. Подробнее об этом см. наст. том, кн. 1. Вступ. ст. А.А. Нинова и прим. 86 к ней, а также п. 123, прим. 4.

57. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 9/22 марта 1906 г.)

Дорогой Валерий!

Я через четыре дня еду в Москву на месяц и буду сейчас же у Вас¹. Я очень благодарен Вам за Ваше письмо, и обо всех делах не имеет смысла говорить теперь, когда можно будет на следующей неделе переговорить лично.

Перед “Весами” я очень виноват, но я думаю искупить свою вину теперешней работой².

Я приеду в Москву с молодым поэтом Вальдором, которого Рябушинский ангажировал для “стиля” в “Руне”³.

До скорого свидания.

Ваш Максимилиан В о л о ш и н.

Почт. шт.: Paris. 22.3.06; Москва. 13.3.06.

Ответ на п. 56.

¹ За несколько дней до отъезда Волошина писал М.В. Сабашниковой: “Приехавши в Москву, я никого из посторонних лиц видеть не буду, сделавши только исключение для Брюсова и Белого, которых я очень хочу видеть” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 110). В Москве Волошин обвенчался с М.В. Сабашниковой (12 апреля 1906 г.) и затем возвратился вместе с нею в Париж.

² В 1906 г. в “Весак” появилась только одна статья Волошина – “Письмо из Парижа. Национальный салон 1906” (№ 9).

³ Имеется в виду французский поэт, критик и романист Александр Мерсеро (Mercereau; псевдоним – Эсмер-Вальдор, Eshmer-Valdor; 1884–1945), один из участников литературной группы “Аббатство” (Р. Аркос, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель и др.). Мерсеро посещал мастерскую Е.С. Кругликовой (см.: Максимилиан Волошин – художник. С. 99), был знаком с А.В. Гольштейн, которая и связала его в Париже с редактором-издателем “Золотого руна” Н.П. Рябушинским. В феврале 1906 г. Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: “Ал(ександр) Вас(ильевна) Рябушинскому покровительствует, и по ее рекомендации он берет с собою в Москву поэта Valdor’a для французских переводов. Кажется, ты его раз видела у Алекс(андры) Васильевны” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 111). Мерсеро действительно приехал в начале 1906 г. в Москву и работал некоторое время в редакции “Золотого руна” в качестве редактора французских переводов; он печатал в “Золотом руне” и собственные статьи (например, “По поводу Осеннего салона”. – ЗР. 1908. № 10).

Видимо, к этому периоду относится и знакомство Брюсова с Мерсеро. Сохранилась дарственная надпись на книге Мерсеро “Gens de là et d’ailleurs”, 1907 (“Люди из разных мест”): “Поэту-творцу Валерию Брюсову. С выражением искреннего восхищения и в знак особой симпатии г-ну и г-же Брюсовым на память Александр Мерсеро. 8 апреля 1907. Париж – Москва” (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1625; в оригинале надпись – на французском языке). С А. Мерсеро и другими поэтами “Аббатства” Брюсов встречался в Париже осенью 1908 г. и в сентябре-октябре 1909 г. (см.: Дневники. С. 141; Лавров А.В. Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983. С. 304–315. Сохранилось также письмо А. Мерсеро к Брюсову от 7 декабря 1908 г. (ГБЛ. Ф. 386. 94. 49). В библиотеке Брюсова находились и другие книги Мерсеро, в частности стихотворный сборник “Les Thuribulums affaîssés”, 1905 (“Ветхие кадилницы”) с пометами Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1644); из этой книги Брюсов перевел стихотворение “Луна”, оставшееся в рукописи (ГБЛ. Ф. 386. 26.26). Кроме того, сборник критических статей Мерсеро “La littérature et les idées nouvelles”, 1912 (“Литература и новые идеи”) с дарственной надписью автора (в оригинале – на французском языке): “Госпоже Брюсовой, Валерию Брюсову на память от друга Александра Мерсеро, улица Пор Руаяль 88, Париж” (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1626). Аналогичного содержания надпись Мерсеро сделал и на книге “Paroles devant la vie”, 1913 (“Слова перед жизнью”), также сохранившейся в библиотеке Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1627). Свои сборники Мерсеро дарил и Волошину; в библиотеке волошинского Дома-музея в Коктебеле находятся книги Мерсеро “Les Thuribulums affaîssés” и “Gens de là et d’ailleurs” с дарственными надписями автора (см.: Заборов П.Р. Французские писатели – корреспонденты Волошина // Ежегодник 1979. С. 257).

В библиотеке Пушкинского Дома сохранился также экземпляр книги А. Мерсеро “Les gens de là et d’ailleurs”, подаренный в 1908 г. Н.С. Гумилеву “с сердечным приветом”. Там же находится и другой экземпляр этой книги (в более позднем издании) с надписью: “Моим русским соратникам дарю этот том, корректуры которого в первом издании правилось в Москве в 1906 году, с наилучшими пожеланиями А. Мерсеро. Париж, апрель 1922 г. Бульвар Пор Руаяль 88”. К кому именно обращена эта надпись и кому была подарена эта книга, установить не удалось.

В статье, посвященной Полю Фору и другим французским поэтам, писатель П.А. Кожевников рассказывал об Александре Мерсеро: «Он известен москвичам по сотрудничеству в “Золотом руне”. Вместе с Н.П. Рябушинским он устраивал выставки французской живописи в Москве, Киеве, Одессе. Беллетрист и критик, он напечатал несколько книг и писал всюду несмотря на свои 30 с чем-то лет. Редактировал разные “revues”» (Кожевников П. У князя поэтов (впечатления Парижа) // Утро России. 1913. № 194. 23 авг.). В 30-е годы Мерсеро выпустил ряд романов.

А. МЕРСЕРО (ЭСМЕР-ВАЛЬДОР)

Фотография. Париж, 1905 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

58. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 8 ноября 1906.

Дорогой Макс!

Я говорил С.А. Соколову, что Вы готовы написать рецензию на моего Верхарна¹. С.А. очень рад этому и всячески просит Вас не откладывать этой работы. Мне тоже будет очень приятно и желанно, если этот разбор будет написан Вами, человеком знающим и любящим Верхарна, – хотя бы Вы и брали мои переводы.

Если увидите Г.И. Чулкова, условьтесь с ним, пожалуйста, о дне, когда Вам можно читать у нас в кружке. На 14-ое назначен доклад Чулкова, на 21 – А. Вольтского, на 28, предположительно, Ваш. Но Чулков не хочет читать 14-го (кажется), и все наши расчеты путаются².

Ваш В а л е р и й.

P.S. Не откажите передать мой сердечный привет Марг(арите) Вас(ильевне)³, Лидии Дм(итриевне), дорогому мне Вячеславу⁴, Городецкому и всем.

Закрытое письмо – “секретка”. Почт. шт.: Москва. 8.11.06.

¹ Речь идет о книге: Эмиль Верхарн. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906 (вышла в свет в июне 1906 г.). По всей вероятности, Волошин выразил Брюсову свою готовность написать о ней во время своего пребывания в Москве в конце сентября – начале октября 1906 г.; тогда же, видимо, было предварительно решено предложить статью Волошина в журнал “Перевал”, издававшийся в Москве с ноября 1906 г. под редакцией С.А. Соколова. В недатированном письме (судя по содержанию – осень 1906 г.) Волошин извещал Соколова: «Я условился с Валер(ием) Яковл(евичем), что я напишу для “Перевала”, если Вы ничего против этого не имеете, рецензию о его переводах Верхарна» (ГБЛ. Ф. 499, 1.9). Но рецензия была опубликована в “Весах” (см. п. 60–62).

² Речь идет о заседаниях Московского Литературно-художественного кружка, проходивших по втор-

никам. Брюсов, один из руководителей кружка с 1902 г., в 1908 г. был избран его председателем. План заседаний, сообщаемый Брюсовым, не осуществился: выступление А. Волошинского не состоялось, доклад Г.И. Чулкова "Об утверждении личности" был прочитан лишь 16 января 1907 г., доклад Волошина – 27 февраля (см. пп. 60–62).

³ М.В. Волошина (рожд. Сабашникова; 1882–1973) – первая жена Волошина, художница, поэтесса; впоследствии – автор мемуаров "Зеленая змея" ("Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen". 4. Auflage. Stuttgart, [1968]). По-русски изданы впервые в 1993 г.

⁴ В октябре 1906 г. Волошин с женой поселились в одном доме с В.И. и Л.Д. Ивановыми (Таврическая ул., д. 25; по современной нумерации – 35); они сняли три комнаты этажом ниже их квартиры ("башни").

59. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург. 11 ноября 1906 г.)

Дорогой Валерий!

Я не видал Чулкова. Но Вячеслав Иванович говорил, что 14 ноября хочет воспользоваться Аничков¹.

Это мне улыбается.

Я раньше декабря не смогу читать и лучше во второй половине, так как я хотел бы остаться в Москве на праздники и желал бы, чтоб это совпало. К 21-му я не успею приготовить лекции.

Моя окончательная тема: история античных богов после падения античного мира, как она отразилась у Ан. Франса, у Р. де Гурмона, Гейне и т.д.

Заглавие: "Судьба богов". Хотя, может, я и придумаю более звучное имя².

Только не раньше декабря. Вы мне сами сказали: "Конец декабря или начало января"³. Может, Вы обмолвились?

Пожалуйста – вышлите мне мои стихи: крайне необходимо⁴.

"Гностический гимн Деве Марии"⁵ вышло Вам на днях: не успел переписать.

О Верхарне буду писать.

Привет Иоанне Матвеевне.

Максимилиан Волошин.

Почт. шт.: Петербург. 11.11.06; Москва. 12.11.06.

Ответ на п. 58.

¹ Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) – историк литературы, фольклорист, критик, близкий к кругу петербургских символистов. 14 ноября 1906 г. состоялось его выступление в Московском Литературно-художественном кружке на тему "Эстетические обоснования общественности".

² Выступления на эту тему Волошин не подготовил. (См. п. 67). Статью "Судьба богов" Волошин рассчитывал опубликовать в журнале "Перевал". Редактор журнала С.А. Соколов писал ему 24 ноября 1906 г.: «Относительно "Судьбы богов" – в принципе против ничего не имею, если только по размерам эта вещь будет несколько менее "Пророков" (или таковой ее будет можно сделать, сжав в обработке реферат после ее прочтения). Во всяком случае пойдет она уже весной» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126; "Пророки" – статья Волошина "Пророки и мстители"). Однако статью "Судьба богов" Волошин в "Перевал" не представил; рукопись статьи не обнаружена.

³ Имеется в виду предварительная договоренность о выступлении Волошина, достигнутая во время пребывания его в Москве в конце сентября – начале октября 1906 г.

⁴ Рукописи своих стихов Волошин передал Брюсову в расчете на их публикацию в "Весах", видимо, еще во время своего пребывания в Москве в марте-апреле 1906 г. Предполагалось, что будут опубликованы сразу несколько его произведений, по установившейся в "Весах" традиции помещать почти в каждом номере цикл стихотворений одного поэта. В апреле 1906 г. Брюсов сообщал Ю.Н. Верховскому (претендовавшему на скорейшее помещение собственного цикла в "Весах"): "Книжки 1–4, как Вы видели, были посвящены К. Бальмонту, Вяч. Иванову и З. Гиппиус. Дальнейшие обещаны: А. Блоку, А. Белому, Ф. Сологубу, Ю. Балтрушайтису, М. Волошину, М. Кузмину и мне" (ГЛБ. Ф. 8. Ед. хр. 20). В 1906 г. стихи Волошина в "Весах" не появились.

⁵ Это стихотворение Волошина было впервые опубликовано под заглавием "Гностический гимн" ("Славься, Мария!...") в журнале "Вестник теософии" (1908, № 2); под заглавием "Гностический гимн Деве Марии" и с посвящением Вячеславу Иванову вошло в раздел "Звезда-полюнь" в сб. Волошина "Стихотворения. 1900–1910" (дата: "Петербург. 1907").

60. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург.
1 или 2 декабря 1906 г.)

Дорогой Валерий.

Я согласился писать рецензию о Ваших переводах Верхарна только по Вашей просьбе. Она написана, и написана против Вас¹. Я Вам ставлю в ней тяжелые обвинения. Но так как она своим возникновением обязана только Вашим настояниям, то я хочу, чтобы Вы первый ознакомились с ней, и посылаю рукопись Вам.

Мне неприятно печатать ее в "Перевале" благодаря его дерз(к)ому полемическому тону. Этот общий тон журнала даст нежелательный для меня оттенок статье².

Статья обещана Вам. Поэтому Вам я и предоставляю ее судьбу. Хотите – поместите ее в "Весы", хотите – передайте от моего имени Грифу, хотите – сожгите.

Даю Вам полную власть над ней.

Моя лекция?

Я еще не начал писать ее. Пожалуйста, не решайте ничего с ней, пока она хотя бы до половины не будет написана.

Мои стихи. Я настоятельно прошу Вас – вышлите мне немедленно те стихи, которые не будут в "Весы"³.

Вы меня ставите в очень неприятно(е) положение, т(ак) к(ак) у меня просят стихов в разные издания и я ничего не могу дать, т(ак) к(ак) из 11 стихот(ворений), что у Вас, одно должно быть напечатано.

Я нахожу это очень неделикатным со стороны редакции "Весов".

До свиданья.

М. В о л о ш и н.

Почт. шт. получения: Москва. 3.12.06.

¹ 2 декабря 1906 г. Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: "... сегодня я весь день работал и закончил статью о переводах Брюсова. Завтра утром посылаю ее* ему. Маме она очень понравилась и по тону и по содержанию" (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 111). См. п. 62, прим. 1.

² В вышедшем к тому времени 1-м номере "Перевала" "полемический тон" отчетливо проявлялся только в отношении журнала "Золотое руно" (см. с. 49, 58 – уничтожающая рецензия А.И. Бачинского на "Исповедь" Н. Шинского (Рябушинского), издателя "Золотого руна"). Однако редактор "Перевала" С.А. Соколов замыслил организовать полемическую кампанию также против "Весов", и в этом отноше-

*В автографе: их.

Дорогой Валерий,

Я согласился писать рецензию о Ваших переводах Верхарна только по Вашей просьбе. Она написана и написана против Вас. Я Вам ставлю в ней тяжелые обвинения. Но так как она своим возникновением обязана только Вашим настояниям, то я хочу, чтобы Вы первый ознакомились с ней и посылаю рукопись Вам.

Мне неприятно печатать ее в "Перевале" благодаря его дерзкому полемическому тону. Этот общий тон журнала даст нежелательный для меня оттенок статье.

Статья обещана Вам. Поэтому Вам я и предоставляю ее судьбу. Хотите – поместите ее в "Весы", хотите – передайте от моего имени Грифу, хотите – сожгите.

ПИСЬМО М.В. ВОЛОШИНА БРЮСОВУ

Автограф.

Петербург, 1 или 2 декабря 1906 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

нии волошинская критика переводов Брюсова могла бы сыграть в ней вполне определенную роль. В частности, заказывая Волошину рецензию на "Стихи о современности", Соколов пытался исподволь настроить его на критический лад; 24 ноября 1906 г. он писал Волошину: «Ровно ничего не имею против того, чтобы Вы дали рецензию о Верхарне. Только одно маленькое условие. В одном месте Брюсов пишет: "Я высьюсь, как ...". Думается, необходимо указать, что слова "высьюсь" нет, а есть "вышусь"» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126). Соколов имел в виду строку из стихотворения "Женщина на перекрестке": "В веках я высьюсь древней башней!" (Эмиль Верхарн. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. С. 50); Волошин этим примером в своей статье не воспользовался. Впрочем, расчет Соколова на то, что отзыв Волошина будет выдержан в осудительной тональности, можно объяснить их прежними переговорами; в том же письме от 24 ноября 1906 г. Соколов предлагал Волошину: «Помните, когда-то Вы говорили мне, что хотите со временем написать статейку "О пошлости в искусстве" – против "Весов". Помыслите об этом, если не раздумали». (Такое намерение Волошин мог высказать в Москве весной 1906 г., когда Соколов руководил литературным отделом "Золотого руна").

³ См. п. 59, прим. 4.

61. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.)

1906, дек(абрь). (Около 5 декабря).

Дорогой Макс!

Благодарю за письмо и за присылку статьи. Разумеется, я вообще никогда не воспользовался бы предлагаемым Вами мне правом "сжечь ее", но всего менее в данном случае. Статья мне очень нравится, хотя я не во всем с ней согласен, даже в большей ее части не согласен. Остается решить, где ее напечатать: в "Весакх" или "Провале"¹. Мне бы лично хотелось в "Весакх". Не потому, что это статья против меня, и не потому, что "Провал" мне не по душе, а просто потому, что статья хороша и жалко отдавать в другие руки интересные страницы. Но есть затруднение. В "Весакх" Вашу статью нельзя напечатать ранее как в февральском №. Конечно, и в "Провале" раньше нельзя, ибо их январь = их декабрь². Но все же решение этого затруднения принадлежит Вам. Если Вы находите возможным ждать до февраля, сообщите: я положу Вашу статью в наш "портфель"; если нет, – немедленно перешлю ее С.А. Соколову.

Относительно Ваших стихов произошло недоразумение. Не знаю, как это случилось, но я понял Ваши слова в Петербурге в том смысле, что Вы поручили мне хранить Ваши стихи с тем, чтобы по мере надобности выписывать от меня ту или другую "сорие". Теперь вся рукопись уже в Ваших руках. Как Вы заметили, мною взято не 2, а 3 стихотворения. О времени их помещения в "В(есакх)" напишу особо³. Очень извиняюсь за свою непонятливость и за возникшее из-за нее недоразумение. Во всяком случае виноват в нем исключительно я, я лично, а не "Весы", ибо Ваши стихи хранились у меня, а не в редакции.

Всегда Ваш Валерий Брюсов.

На бланке "Весов".

Ответ на п. 60.

¹ Так Брюсов насмешливо называл журнал "Перевал".

² Брюсов имеет в виду, что январский номер "Перевала" за 1907 г. скомплектован уже в декабре 1906 г.

³ Два стихотворения Волошина под общим заглавием "Картины Парижа" – "В Булонском лесу" ("В серо-сиреневом вечере...") и "St. Cloud" ("Эта светлая аллея...") – были опубликованы в № 1 "Весов" за 1907 г.

62. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург. 9 или 10 декабря 1906 г.)

Дорогой Валерий!

Письмо Ваше меня очень обрадовало. Конечно, я хочу, чтобы статья была в "Весакх"¹. В "Перевале", благодаря его резкому полемическому тону, она примет характер какой-то неподобающей выходки против Вас, а этого я отнюдь не хочу. Я так и напишу Сер(гею) Алекс(еевичу)².

М.А. ВОЛОШИН

Фотография. Петербург, январь. 1908 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Посылаю Вам мою статью о театре – я думаю, она будет Вам интересна³. Мне хочется написать об театре Комиссаржевской для “Весов”, но не панегирик, как здесь (по тактическим соображениям – в защиту принципа), а серьезный и строгий разбор, опирающийся на те же принципы, что изложены в данных статьях. Хотите для январского №?⁴

Тогда напишите срок присылки: это необходимо мне знать.

С другой стороны, мне очень интересно посмотреть, что они сделают с “Балаганчиком”⁵. “Вечная сказка” – плохо. Положим, и пьеса очень слаба⁶.

Я теперь под тем же заглавием “Лики Творчества” пишу тот ряд характеристик-портретов: дал уже Городецкого и Кузмина (они скоро выйдут)⁷. Теперь дам “Эрос” В. Ив(анова) и Ремизова⁸. Поэтому еще не принялся за лекцию, но вовсе от нее не отказываюсь в принципе...⁹

Я не знаю, какой исходный пункт взять мне для статьи о Вас. Не выпускаете ли Вы чего-нибудь в январе?¹⁰ Имея точку опоры в книге, легче. Потому что если писать Вашу характеристику вообще, то я выйду из размеров данного мне фельетона.

Благодарю Вас за стихи мои.

До свиданья.

М. В о л о ш и н.

Почт. шт. получения: Москва. 11.12.06.

Ответ на п. 61.

¹ Статья Волошина “Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов” была опубликована в № 2 “Весов” за 1907 г. – с “пост-скриптумом” Брюсова, в котором заключался ответ на критические доводы Волошина. Подробнее см. во вступительной статье. См. также: Волошин М. *Лики творчества*. С. 427–433, 727–730.

² Это письмо Волошина к С.А. Соколову неизвестно. Соколов отвечал на него 14 декабря 1906 г.: “Очень грушу, что не довелось получить для “Перевала” рецензию о Верхарне. Судьба!...” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126). Однако и после этого Соколов не оставлял мысли подвергнуть в “Перевале” критике “Стихи о современности”. 13 декабря 1906 г. он писал Г.И. Чулкову: «В свое время, уже довольно давно, М. Волошин взялся писать нам рецензию о Брюсовском переводе Верхарна. На днях он сообщил, что рецензия вышла слишком отрицательной и потому он опасается, что помещение ее в “Перевале” может вызвать двойное негодование Брюсова (это – тайна!). Потому он не придумал иного, как послать ее в “Весы”. Очень прошу, напишите эту рецензию к январскому №. Вы – единственный из наших сотрудников, имею-

щий право говорить о Верхарне. Если можно, отметьте в рецензии некую безграмотность: в одном месте Брюсов говорит вместо: “вышусь, как скала” – “выкось»» (ГБЛ. Ф. 371, 4.2). Однако Чулков – несмотря на то что он сам переводил Верхарна и издал его пьесу “Зори” в своем переводе (СПб., 1906), который Брюсов подверг острой критике (Новые переводы Верхарна // Весы. 1906. № 9; подпись: Аврелий), – от написания рецензии на “Стихи о современности” уклонился.

Отметим попутно, что еще раньше Соколов, заказывая А. Блоку (в письме от 15 сентября 1906 г.) рецензию на “Стихи о современности” для “Золотого руна”, обращал внимание на тот же пример “безграмотности” Брюсова (см.: ЛН. Т. 92, кн. 1. С. 545); Блок в своей рецензии (ЗР. 1906. № 7–8–9) указанием Соколова не воспользовался, сочтя, видимо, правомерным брюсовское словоупотребление: в записную книжку, относящуюся к сентябрю–октябрю 1906 г., он занес различные формы глагола “выситься” из словаря В.И. Даля (см.: Александр Блок. Записные книжки. М.: Худож. лит., 1965. С. 77; в комментарии связь этой записи с письмом С.А. Соколова не отмечена).

³ Имеется в виду статья Волошина «Лики творчества. 1. Театр – сонное видение. 2. “Сестра Беатриса” в постановке Театра В.Ф. Комиссаржевской» (Русь. 1906. № 71. 9 дек.). Это была первая публикация Волошина под рубрикой “Лики творчества”. Толчком к написанию статьи послужила постановка В.Э. Мейерхольдом “Сестры Беатрисы” Метерлинка с В.Ф. Комиссаржевской в главной роли, имевшая шумный успех. 3 декабря 1906 г. Волошин писал жене: «Вчера я был у Комиссаржевской в театре на “Сестре Беатрисе”. Это очень хорошо. Я сейчас буду писать об этом статью» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 111); 5 декабря – ей же: «Я написал фельетон о “Сестре Беатрисе” (...)» (Там же. Ед. хр. 112). Пафос статьи Волошина заключался в отстаивании принципов условно-символического театра, которые последовательно проводил Мейерхольд в своих постановках. 9 декабря 1906 г. М.А. Кузмин писал Мейерхольду: «Меня несколько утешил Волошин, принесший мне корректуры 2-х фельетонов для “Руси” о театре и о “Сестре Беатрисе” очень-очень сочувственных (он, между прочим, и сам художник и во всяком случае не безызвестный художественный критик и в большом удовольствии от постановки и декораций Метерлинка)» (ЦГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1811). См. также: Волошин М. *Лики творчества*. С. 382–385, 708–711.

⁴ 6 декабря 1906 г. Волошин сообщал жене: «Теперь я буду писать статью о театре Комиссаржевской для “Весов” (...)» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). Неизвестно, как именно откликнулся Брюсов на предложение Волошина; задуманная статья в “Весах” не появилась. По всей вероятности, Волошин сообщил Мейерхольду о своем намерении написать для “Весов” о его спектаклях; ср. дневниковую запись М.А. Кузмина от 15 декабря 1906 г.: «Всеволод Эмильевич ужасно мрачен, говорит, что никому не нужен, что все его бранят, в “Весах” напишет Волошин и Аничков, в “Перевале” – Блок – значит, люди сочувствующие (...)» (цит. по: Рудницкий К. В театре на Офицерской // Творческое наследие В.Э. Мейерхольда. М.: ВТО, 1978. С. 170).

⁵ Премьера пьесы А. Блока “Балаганчик” в постановке В.Э. Мейерхольда состоялась в Театре В.Ф. Комиссаржевской 30 декабря 1906 г.; репетиции начались 10 декабря. См.: О Комиссаржевской. Забытое и новое. М., 1965. С. 85–86.

⁶ Такую же оценку спектакля Волошин дал в письме к М.В. Сабашниковой от 5 декабря 1906 г. «Вчера я был на “Вечной сказке” Пшибышевского. Это было плохо» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). В прессе высказывались противоречивые оценки спектакля, при этом критике подвергалась не только постановка Мейерхольда, но и самая пьеса Пшибышевского (см.: Рудницкий К. В театре на Офицерской. С. 163–167).

⁷ Имеются в виду статьи Волошина «Лики творчества. “Ярь”. Стихотворения Сергея Городецкого» (Русь. 1906. № 80. 19 дек.) и «Лики творчества. “Александрийские песни” Кузмина» (Там же. № 83. 22 дек.). Обе статьи были написаны в начале декабря 1906 г., в период тесного общения Волошина с обоими поэтами. 6 декабря 1906 г. Волошин писал М.В. Сабашниковой: “Сегодня я закончил большую статью об Городецком, которая маму привела в восторг – она никогда так меня не хвалила”. На следующий день он писал ей же: «... в 2 часа ночи Городецкий зашел ко мне, чтобы я ему прочел свою статью об “Яри”. И мы еще сидели и говорили до 5 час. утра. Он остался очень доволен моей статьей и сказал, что сам не предполагал такой внутренней целостности всей книги и связи всего с космическим вступлением» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). Статью о Кузмине Волошин написал 7–8 декабря и тоже в первую очередь передал на суд самому автору: “Я целый день работал и закончил статью о Кузмине. Сейчас пойду ее прочесть ему”, – сообщал он Сабашниковой 8 декабря (Там же). См.: Волошин М. *Лики творчества*. С. 464–477, 740–745.

⁸ Статья Волошина «Лики творчества. “Эрос” Вячеслава Иванова» (Русь. 1906. № 88, 28 дек.) была написана по корректуре книги и опубликована еще до ее выхода из печати: “Эрос” (СПб., “Оры”, 1907) вышел в свет 9 января 1907 г. (см.: ЛН. Т. 85. С. 495). См.: Волошин М. *Лики творчества*. С. 477–484, 745–747. Намерения написать статью о книге А.М. Ремизова “Лимонарь. (Луг духовный)” (СПб., “Оры”, 1907), отпечатанной в феврале 1907 г., Волошин не выполнил; несколько месяцев спустя он подготовил статью: «Лики творчества. Алексей Ремизов. “Посолонь”» // Русь. 1907. № 95.5 апр.; Волошин М. *Лики творчества*. С. 508–515).

⁹ Подразумевается лекция “Судьба богов”, предназначавшаяся для Московского Литературно-художественного кружка. См. п. 59, прим. 2. В письме от 30 декабря 1906 г. С.А. Соколов спрашивал Волошина: «Когда прибудете в Москву для чтения реферата? Я, как и писал, весьма не прочь потом напечатать его в “Перевале”» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126).

¹⁰ 11 января 1907 г. Волошин писал А.М. Петровой: “Посылаю Вам еще два фельетона об Кузмине и об Вячеславе Иванове. Это будет целая серия портретов. Теперь я пишу о Ремизове, потом о Сологубе и о Брюсове уже намечены и задуманы» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 94). Однако в начале 1907 г. Волошин своего намерения написать статью о творчестве Брюсова не исполнил.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Валерію Брюсову

СТИХИ

ЛИРИЧЕСКІЕ И ЛИРО-ЭПИЧЕСКІЕ

Я Р Б.

- с глубоким
уважением

автор.

1907

СПБ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С.М. ГОРОДЕЦКОГО

на книге "Ярь" (СПб., 1907): "Валерию Брюсову – с глубоким уважением автор"
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

63. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург. После 19 декабря 1906 г.)

Дорогой Валерий!

Очень радуюсь тому, что моя статья о Вас нашла себе прибежище в "Весах". Она там уместнее.

Жду "Земной Оси"¹.Посылаю Вам статью о "Яри"².Быть может, буду в скором времени в Москве³.

Издаю книгу мистических стихов новых в "Орах".

Имя ей "Ad Rosam"⁴.

М а к с и м и л и а н.

Видимо, ответ на неизвестное нам письмо Брюсова к Волошину (ответ на п. 62), в котором, в частности, сообщалось о принятии статьи Волошина "Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов" для публикации в "Весах".

¹ Речь идет о книге: Брюсов В. Земная ось. Рассказы и драматические сцены. (1901–1906). М.: Скорпион, 1907. Книга сохранилась в Доме-музее М.А. Волошина, имеет дарственную надпись: "Максимилиану Александровичу Волошину дружески Вал. Брюсов. 1906".

² См. п. 62, прим. 7. 1 января 1907 г. Волошин сообщал А.М. Петровой: «"Ярь" Городецкого благодаря моей статье сразу разошлась в Петербурге» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 94).

³ Волошин приехал в Москву вместе с матерью 31 декабря 1906 г. и провел там около недели.

⁴ Впервые объявление о готовящемся сборнике стихов Волошина "Ad Rosam" появилось при книге Вяч. Иванова "Эрос" – первой книге издательства "Оры", основанного Ивановым. В письме к жене от 6 декабря 1906 г. Волошин передавал содержание своего разговора с Ивановым, состоявшегося накануне: «Узнав, что я собираюсь издавать свои стихи, он мне предложил издать в "Орах" мои стихи последнего периода».

– мистические. Я стал сомневаться. Мы стали подсчитывать, и оказалось, что их вполне достаточно и выйдет книжка величиной с “Эрос”. Он предложил ее назвать “Rosa Mystica” – но мне это показалось слишком много, и я предложил заглавие “Ad Rosam” – “К розе”, которое ему очень понравилось. {...}

Вчера (вторник) я весь день провел в переписывании стихов, чтобы выяснить себе физиономию и размеры книги.

Выходят две вполне законченные книги: “Ad Rosam” (25 стих(отворений)) мистическая и “Годы странствий”, в которой будут все описательные, лирические, “Письмо”, переводы и общественные (50 стихотворений).

“Годы странствий” я тогда попробую предложить “Знанию”. Меня это не скомпрометирует в глазах декадентов, т(ак) к(ак) выйдет одновременно “Ad Rosam” в “Орах”.

А разграничение это может только принести пользу для той и для другой книги. {...}

Я за вчерашний день составил обе свои книги – целиком. Все переписано, приведено в порядок. Теперь я вижу, что мне надо будет еще написать и для той и для другой, и займусь этим теперь же” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112).

16 декабря Волошин отправил письмо М. Горькому в Неаполь, предлагая в нем издать в товариществе “Знание” сборник “Годы странствий”: «В этот сборник совершенно не войдут мои мистические и оккультные стихотворения, которые я издаю отдельной маленькой книгой в издательстве “Оры” (у Вяч. Иванова) под именем “Ad Rosam”. Поэтому в сборнике “Годы странствий” не будет ничего исключительного и малопонятного, и я не хотел бы замыкать его смысл маркой Скорпиона или Грифа и обращаюсь с ним к Вам» (Купченко Вл.П. М. Горький и М. Волошин. С. 146). Однако это предложение Волошина никаких последствий не возымело. Сборник же “Ad Rosam” было намечено в скорейшем времени издать в “Орах”: в середине февраля 1907 г. Вяч. Иванов просил Брюсова напечатать объявление о нем и о других готовящихся в “этом сезоне” книгах “Ор”, которые “появятся очень скоро” – “все под станком” (ЛН. Т. 85. С. 497). Волошин разделил сборник на две части. «Первую часть я назову “Звезда Полюнь”, а вторую “Мистические Розы”», – сообщил он жене, настоятельно предлагая и ей включить свои стихотворения в эту книгу: “Это будет наша книга. Совсем интимная” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). Вскоре Волошин отказался от первоначально избранного заглавия “Ad Rosam”; 1 апреля 1907 г. он писал М.В. Волошиной: “Заглавие “Странник” мне не нравится для книги: ведь другая моя книга будет называться “Годы странствий”. Имя этой книге да будет “Звезда-Полюнь”» (Там же). В объявлениях при книге Л.Д. Зиновьевой-Аннибал “Трагический зверинец” (СПб., “Оры”, 1907), вышедшей в свет летом 1907 г., готовящийся сборник стихов Волошина уже назывался “Звезда-полюнь”. В издательстве “Оры”, однако, книга Волошина так и не вышла; главной причиной этого, насколько можно судить, оказались сложные, весьма запутанные личные отношения между Волошиным, его женой и Вяч. Ивановым, особенно обострившиеся весной и летом 1907 г.

В Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле сохранилась (не полностью) верстка книги “Звезда-полюнь”; приводим содержание этого сборника:

«С т р а н и к. I. “Тесен мой мир. Он сомкнулся в кольцо...”; II. “По ночам, когда в тумане...”; III. “Быть заключенным в темнице мгновенья...”; IV. “Я шел сквозь ночь...”. S t e l l a a m a g a. I. Полюнь; II. Мир закутан плотно...”; III. «Мы заблудились в этом свете...»; IV. Из С. Малларме (“О, зеркало, холодная вода...”); V. Зеркало; VI. Кровь; VII. “Быть черною землей...”; VIII. Солнцу. О р ф е й. I. (Два листа отсутствуют); II. “Я ждал страдания столько лет...”. III. “На старых каштанах сияют листья...”; IV. “В зеленых сумерках дрожа и вырастая...”; V. “В серо-сиреновом вечере...”; VI. (Лист отсутствует); VII. “Эта светлая аллея...”. М и с т и ч е с к а я р о з а. Р у а н с к и й с о б о р. I. Ночь (“Вечер за днем беспокойным...”); II. Лилые лучи (“О фиолетовые грозды...”); III. Вечерние стекла (“Гаснет день. В соборе все поблекло...”); IV. Via dolorosa. Стигматы (“Чья рука, летучая как пламень...”); V. На башне. Смерть (“Вьются ввысь прозрачные ступени...”); VI. Крипты. Погребенье (“Глубь земли... Источенные крипты...”). VII. Утро воскресенья (“Сердце острой радостью ужалено...”).»

64. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 1906, декабря 28.

Спасибо за вырезку. Статья о Кузmine очень хороша¹. Вы к каждому поэту умеете приступить с новой, всегда неожиданной стороны. Надеюсь в будущем увидеть “Лики творчества” отдельной книгой². Не забывают “Весов”. Простите, что пишу мало: поглощен “Огненным Ангелом”³.

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

Привет и пожелания на Новый Год Вам и Маргарите Васильевне.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 28.12.06.

На обороте адрес: “Петербург. Максимилиану Александровичу Волошину. Таврическая, д. 25.” Переадресовано: “Москва. Поварская, дом Милорадовичей, кв. Сабашниковых”.

¹ Статья Волошина «Лики творчества. “Александрийские песни” Кузмина» (см. п. 62, прим. 7). Волошин прислал Брюсову вырезку с этой статьей.

² Такую идею вынашивал тогда и сам Волошин. “Я хочу сделать потом общую книгу об современных

поэтах", – писал он 1 января 1907 г. А.М. Петровой, высылая ей вырезки со своими статьями о Кузмине и Вяч. Иванове (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 94).

³ Роман Брюсова "Огненный Ангел" был начат печатанием в № 1 "Весов" за 1907 г. Предполагалось первоначально, что роман будет помещен в журнале в 1906 г., о чем было сообщено в объявлениях о подписке. В № 2 "Весов" за 1906 г. появилось дополнительное объявление: «Редакция извиняется, что не может, по независящим от нее причинам, начать с первых же №№ печатание обещанного ею исторического романа г. Валерия Брюсова. Роман непременно будет напечатан в "Весах" в 1906 г.» (с. [III]). Задержка с публикацией объяснялась неудовлетворенностью Брюсова первой редакцией "Огненного Ангела", законченной в сентябре 1906 г., и ее последующей переработкой (см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В. О работе Брюсова над романом "Огненный Ангел" // Чтения 1971. С. 134–135*).

65. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

Таврическая 25.

(Петербург. 23 января 1907 г.)

Дорогой Валерий!

Пишу Вам со специальной целью унизить Вас. Стыдитесь: Вы уже стали классиком, которого изучают в гимназиях.

На днях ученицам 6-го класса Стоюнинской гимназии¹ задано сочинение на тему: "Взгляды Валерия Брюсова на русско-японскую войну по его стихотворениям, помещенным в книге Στέφανος".

Стоюнинские гимназистки теперь ищут "Венок" по всем книжным магазинам и у всех знакомых. Таким образом весть об этом дошла и до меня, а я спешу передать ее Вам.

У нас на верхушке башни (откуда выселился Городецкий, а мы вселились на его место)² идут события: арестованы "33 уroda" в количестве 333 (!!) экземпляров; изъято из обращения 333 соблазна для публики³, что служит явным предостережением о судьбе "Трехсот тридцати трех соблазнов – Posae Veneris"⁴ и 33-х стихотворениях, составляющих "Эрос".

Вообще мы находимся в каком-то мистическом кружении Звериного числа⁵, что не предвещает ничего хорошего.

Из Парижа приходят слухи (а Париж специально следит за тем, что происходит в башне, и знает все раньше, чем Петербург)⁶, что скоро в башне будет произведен *descente de la police*^{*}, но уже не с политической целью⁷, а с иной. Если прибавить к процессу о "33-х уродах" то, что Маргарита Васильевна тоже обвинялась уже раз в оскорблении нравов своей картиной "Г-жа Кошка", которая была снята с выставки по приказанию полиции⁸, а что Комитет иностранный цензуры при осмотре моей библиотеки, прибывшей из Парижа, задержал несколько изданий и документов, свидетельствующих о моей принадлежности к одной из парижских масонских лож, и что на днях в "Вертограде Житейском"⁹ должна появиться большая статья Городецкого об "Эросе" с точки зрения уранической любви¹⁰, и что моя мать, живущая вместе с нами, ходит обыкновенно в мужском костюме, и что наша новая кухарка где-то в провинции только что обварила кипятком свою соперницу в любви и скрылась в Петербург, не зная ничего о последствиях своего деяния, то нельзя отрицать того, что парижские инсинуации имеют под собой почву и что мы можем ожидать всяких интересных и неожиданных эпизодов в нашей мирной надмирной¹¹ и затворнической жизни.

А пока до свиданья.

Максимилиан В о л о ш и н.

Почт. шт.: Петербург. 23.1.07; Москва. 24.1.07.

¹ Частная женская гимназия М.Н. Стоюниной в Петербурге (Кабинетская ул., 20), основанная известным педагогом и историком русской литературы В.Я. Стоюниным; имела репутацию передового учебного заведения. Русскую литературу в ней с 1904 г. преподавал Владимир Васильевич Гиппиус (1876–1941) – поэт, один из участников символистского движения 1890-х годов, а также известный педагог, служивший, кроме того, и в Тенишевском училище.

^{*}полицейский налет (франц.)

² Волошин с женой переселились на “башню” к Вяч. Иванову сразу же после возвращения из Москвы – около 10 января 1907 г. Об отношениях Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в 1906 г. с С.М. Городецким, который был избран ими для “духовно-душевно-телесного” союза, предназначенного явиться прообразом некоего грядущего всеобщего, “хорового” начала, соединяющего людей, см. в примечаниях О.А. Дешарт в кн.: *Иванов В. Собр. соч.* Брюссель, 1974. Т. 2. С. 756–764.

³ Повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал “Тридцать три уroda” (СПб., “Оры”, 1907) сразу же после выхода в свет (16 января 1907 г., согласно дневниковой записи М.А. Кузмина. – *ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 155) была изъята из продажи по обвинению в безнравственности (см.: Перевал. № 4. 1907. Февр. С. 59; *ЛН*. Т. 85. С. 496–497). Такая судьба книги не могла оказаться неожиданной для учредителей издательства “Оры”, в частности, Вяч. Иванов писал Зиновьевой-Аннибал сразу же после прочтения ее рукописи (29 июля 1906 г.): «Я получил сегодня, выходя из дому, “Тридцать три уroda” (<...> Так интенсивно это впечатление страсти, что глубокий замысел почти не виден за красным покрывалом цвета живой крови (<...> Рассказ в высокой степени скандален и может вызвать крики. Но как прекрасна ты сама, это написавшая!») (*ФБЛ*. Ф. 109. 10.3). Арест с книги Зиновьевой-Аннибал вскоре был снят (см.: Перевал. № 5. 1907. Март. С. 48).

⁴ Имеется в виду стихотворение Вяч. Иванова “Veneris figurae” (“Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда...”), которое тогда печаталось в “Весах” (1907, № 1); в книгу Вяч. Иванова “Cor ardens” (Т. 1. М.: Скорпион, 1911) вошло под заглавием “Узлы Змеи”. Еще до выхода стихотворения из печати Вяч. Иванов читал его в кругу близких литераторов, в частности – у Блока 12 января 1907 г. (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 268).

⁵ Образ из Апокалипсиса: “Кто имеет ум, тот сочти число зверя: ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть” (Откровение св. Иоанна Богослова, XIII, 18). Это число, по мнению средневековых theologов (Беды Достопочтенного, Альберта Великого и др.), содержит в себе тройственное и окончательное отречение от Бога.

⁶ Упоминание о “слухах” из Парижа представляет собой, скорее всего, шуточную мистификацию. Здесь и далее в письме нашла свое отражение игровая, артистическая, эзотерически-маскарадная атмосфера, которой был подчинен быт на “башне” Вяч. Иванова. Подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Эпизод из петербургской культурной жизни 1906–1907 гг. // *Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник*, VIII. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 813. Тарту, 1988. С. 95–111.

⁷ Имеется в виду обыск на квартире Вяч. Иванова, произведенный в ночь с 28 на 29 декабря 1905 г. См. хроникальную заметку об этом в “Золотом руне” (1906, № 1, с. 14), заметку Д.В. Философова “Конституционная идиллия” (Народное хозяйство. 1905. № 13. 30 дек., а также мемуары Вл. Пяста “Встречи” (М.: Федерация, 1929. С. 96–102). Жертвой обыска оказалась мать Волошина Елена Оттобальдовна, гостившая в декабре 1905 г. в Петербурге и познакомившаяся там с Вяч. Ивановым (сам Волошин в это время жил в Париже). “Вытернув карманы у трех-четырех десятков людей, охранка под утро отпустила всех по домам, – вспоминает Конст. Эрберг. – Арестован был лишь один человек – мать поэта Волошина. Тонкие психологи охранки решили, что для крупного преступника лучший способ укрыться и быть незамеченным – это носить экстравагантный костюм (по своему обыкновению Волошина была в мужской одежде). На следующий же день она была отпущена” (*Ежегодник 1977*. С. 129).

⁸ Подразумевается 4-я выставка Союза русских художников, открывшаяся в Петербурге в Академии художеств в декабре 1906 г.

⁹ В журнале “Перевал” было напечатано сообщение: «Как мы слышали, в Петербурге предполагается новый журнал “Житейский Вертоград” под ред. С. Городецкого» (№ 3, 1907, янв., с. 51). Однако названное издание не состоялось.

“Вертоград житейский” – скорее всего, метафорическое обозначение “башни”, по аналогии с названием издательства “Оры”, созданного Вяч. Ивановым и имевшего на “башне” свой организационный центр. Вертоград – сад; Оры (Горы) – в греческой мифологии богини времен года, три дочери Зевса и Фемиды: Ауксо – божество роста, Талло – божество цветения, Карпо – божество зрелого плода. Составной частью марки-эмблемы издательства “Оры” был венок из цветов; первый коллективный альманах, выпущенный издательством “в складчину” – т.е. на средства участвовавших в нем авторов, непосредственно связанных с башней” (см. письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к В.К. Шварсалон от 24 марта 1907 г. – *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 274–275), – назывался “Цветник Ор. Кошница первая” (СПб., 1907) и открывался посвященным стихотворением Вяч. Иванова “Оры, щедрые Оры, с весеннею полной кошницей...”.

¹⁰ Статья С. Городецкого, содержащая анализ книги Вяч. Иванова “Эрос”, нам неизвестна. Позднее Городецкий опубликовал статью “Три поэта” (Перевал. № 8–9. 1907. Июнь–июль), посвященную творчеству Брюсова, Вяч. Иванова и Бальмонта. Понятие “уранической любви” восходит к греческим представлениям о двух Афродитах – Афродите Урании (Небесной) и Афродите Пандемос (Всенародной, Низкой). В “Пире” Платона (181 cd) Афродита Небесная характеризуется как покровительница любви мужчин к юноше, в прекрасном теле которого воплощена высшая красота (см.: *Платон*. Соч. В 3-х т. М.: Наука: 1970. Т. 2. С. 107). В сходной тональности и мифологизированном ключе Вяч. Иванов стремился воспринимать свои переживания, вызванные встречами с Городецким, что нашло непосредственное отражение в книге “Эрос” и, в частности, в стихотворении “Вызывание Ваха”; так, летом 1906 г. Иванов писал Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о Городецком: “Что до моих переживаний теперь, – мне поистине кажется, что я вызвал Диониса, с которым нельзя общаться безнаказанно, и что “Вах” предстал мне под маской этого юноши, от которого пахнет лесной силой и у которого солнечные и дикие глаза лесных девственных душ. Это молодой быстроногий фавн, зазываемый мною в мои сады роз, чтобы в моей золотой прозрачности вяло дикою дубрей, хвойной смолою и силой корней. Я ждал и говорил, что жду – твоего прихода, таинственный

юноша-Вахх с узывными глазами!» (Иванов В. Собр. соч. Т. 2. С. 758). В автографах ряда других стихотворений Иванова, вошедших в «Эрос», есть также посвящения Городецкому, см. примечания Р.Е. Помирченко в кн.: Иванов В. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 473. (Б-ка поэта. Малая сер).

¹¹ Намек на «башню» Вяч. Иванова: квартира располагалась на шестом, последнем этаже углового дома (на углу Таврической и Тверской улиц), увенчанного круглой башней-куполом; сверху, из окон открывался вид на Таврический парк и далее, как писал Вяч. Иванов Брюсову 29 августа 1905 г., «за парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте» (ЛН. Т. 85. С. 479). Ср. стихотворение Вяч. Иванова «Зодчий» (из книги «Эрос»):

Я башню безумную жидку
Высоко над мороком жизни (...)
Бог Эрос, дыханьем надмирным
По лирам промчись многострунным,
Дай ведать восторги вершин (...)

(Иванов В. Стихотворения и поэмы. С. 183–184).

66. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. После 4 февраля 1907 г.)

Дорогой Макс!

Простите, что не пишу: болен (инфлуэнца с плевритом). Спасибо за вести о себе. Читал Вашу статью о «Бранте». Однако, опасно разговаривать с людьми, пишущими в газетах фельетоны¹. Отмщу Вам тем, что некоторые Ваши слова, с точностью, воспроизведу в своем романе, вложив их в уста мистика XVI века². Стихи Бальмонта в «Р(усской) Мысли» мне вовсе не нравятся³. Банальнейшие сюжеты и трафаретная мелодия. Сносны только отдельные строки. Надо думать, что душа моя, идя по своему пути, удаляется от пути Бальмонта под каким-то большим углом. С каждым годом все, что он пишет, мне становится все более и более чуждым, почти всегда неинтересным, а подчас смешным⁴. Если выдаете В.И., передайте мой привет и извинения, что молчу так долго⁵: сначала хлопотал о № 1 «Весов», потом ездил в Нижний венчать А. Курсинского (не лавровым венком в местном Капитолии, а мученическим венцом второго брака)⁶, наконец захворал. Напишу ему, как и Вам, подробно, лишь только поправлюсь.

Простите почерк – пишу лежа.

Ваш В а л е р и й.

P.S. Статья Верхарн – Брюсов набирается⁷; корректуры вышли. Слышал, что Чулков написал какой-то непристойный разбор моей «Оси» в «Провале»⁸. Я считал его умнее (т.е. Чулкова – ибо «Провал» безнадежен: – ему бранить меня, после моих нападков, неловко как-то)⁹.

На бланке «Весов».

Датируется по упоминанию о женитьбе Курсинского (венчался 4 февраля 1907 г.).

¹ Имеется в виду статья Волошина «Лики творчества. V. О театре. (Разговор после представления «Бранда» в Московском Художественном театре)» («Русь». 1907. № 33. 2 февр.). Статья представляет собой отклик на постановку пьесы Г. Ибсена «Бранд» (режиссеры В.И. Немирович-Данченко и В.В. Лужский; премьера – 20 декабря 1906 г.). Видимо, Брюсов и Волошин обсуждали этот спектакль во время пребывания последнего в Москве в начале января 1907 г.

Статья написана в форме диалога между поклонником постановки «Бранда» и ее ниспровергателем; первый из участников диалога высказывает мысли, свойственные самому автору; скептические доводы второго сходны во многом со взглядами Брюсова на постановочные приемы Художественного театра, отчетливо сформулированными в его статье «Ненужная правда. (По поводу Московского Художественного театра)» (1902) (см.: VI. 62–73). В частности, ход брюсовских рассуждений мог быть воспроизведен Волошиным в следующем фрагменте: «...я утверждаю, что самая обстановка плоха. Я могу признать реализм, но я требую в таком случае, чтобы реализм был доведен до конца. Они меня должны заставить верить в то, что эти скалы действительно скалы, а не папье-маше; и что это действительно волны бушуют в сцене второго акта, а не движутся две разрисованных полосы картона в разные стороны. Если б они делали так, чтобы воды совершенно не было видно, а волнение передавалось бы только беспорядочным движением матч, тогда я имел бы иллюзию волнения. Наконец движение воды можно передать посредством синемаатографа. Нет... если реализм в постановке, то реализм до конца. Я не признаю компромиссов. Все или ничего».

² Речь идет о романе «Огненный ангел», над которым Брюсов работал в это время. Если Брюсов осу-

щесствил свое намерение, то наиболее вероятно, что какие-либо высказывания Волошина нашли отражение в речах одного из персонажей “Огненного ангела”, графа Генриха фон Оттергейм (см.: IV. 145–147).

³ Стихотворения “Бабочка” (“Помню я, бабочка билась в окно...”) и “Береза” (“Береза родная, со стволем серебристым...”) – *РМ.* 1907. № 1. Оба стихотворения вошли во второе издание книги Бальмонта “Фейные сказки” (*Бальмонт К.Д.* Полн. собр. стихов. М.: Скорпион, 1911. Т. 6: Фейные сказки. Злые чары).

⁴ Сходную оценку новейших стихотворений Бальмонта Брюсов высказывал в письме к нему от 16/29 декабря 1906 г. (наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 125).

⁵ Последнее из известных нам писем Брюсова к Вяч. Иванову, написанных до этого времени, датировано 24 декабря 1906 г. (см.: *ЛН.* Т. 85. С. 494).

⁶ См. наст. том. кн. 1. Переписка с Курсинским, п. 67, прим. 4.

⁷ См. п. 62, прим. 1.

⁸ Имеется в виду резко отрицательная рецензия Г.И. Чулкова на книгу Брюсова “Земная ось” (Перевал. № 4. 1907. Февр.). Чулков утверждал, что “Земная ось” “художественной ценности не представляет никакой” и воплощает в себе “бескровность, бездушие и реакционность” индивидуалистического искусства, которое проповедует Брюсов. С.А. Соколов с готовностью принял рецензию Чулкова для напечатания в “Перевале”, увидев в ней весомый полемический аргумент против Брюсова и “Весов” (см. его письмо к Чулкову от 5 февр. 1907 г. – *ЛН.* Т. 92, кн. 3. С. 269–270).

⁹ В 1906 г. Брюсов подверг сокрушительной критике “мистический анархизм” – философско-эстетическую теорию, выдвинутую Чулковым и положенную им в основание идеологии символизма, противопоставляющей индивидуалистическому “декадентству”. См. статьи Брюсова “Вехи. IV. “Факелы”» (Весы. 1906. № 5; подпись: Аврелий), “Вехи. V. Мистические анархисты” (Там же. № 8; подпись: Аврелий). Вслед за Брюсовым в резкую полемику против “мистического анархизма” и непосредственно против Чулкова на страницах “Весов” включились З.Н. Гиппиус, Андрей Белый и Эллис. 7 апреля 1907 г. Чулков направил Брюсову письмо, в котором заявлял: «Очень прошу Вас вычеркнуть мою фамилию из списка сотрудников “Весов”. Причины для Вас – я думаю – ясны. Читали ли Вы мою рецензию о “Земной оси”? Надеюсь, что мой отзыв о Вас как о писателе Вы не истолкуете как акт, враждебный Вам как человеку. Наоборот: невысоко цена Ваши рассказы, я очень люблю Вас как человека, и умею ценить Ваши стихи» (*ГБЛ.* Ф. 386, 107.46). В ответном письме от 30 апреля Брюсов, сообщая Чулкову, что его имя вычеркнуто из списка сотрудников “Весов”, дополнительно отмечал: «К сожалению, не могу разделять Вашего взгляда на Вашу “критическую заметку” в “Перевале” о моей книге, ибо меньше всего вижу в этой заметке критики. Особенно меня удивило, что Вы позволили себе прием, совершенно недопустимый в литературе: привели несколько слов из моего частного письма к Вам. Я хотел даже по этому поводу написать письмо в редакцию “Перевала”, но это значило бы придавать Вашей заметке больше значения, нежели она имеет» (*Чулков Г. Годы странствий.* С. 348).

67. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург. 23 или 24 февраля 1907 г.)

Дорогой Валерий!

Т(ак) к(ак) я приеду в Москву только на 2 дня для чтения своей лекции в Худож(ественном) кружке и не уверен, успею ли я увидеть Вас, то пожалуйста – будьте во вторник в клубе¹. Мне бы очень хотелось и видеть Вас и чтобы Вы выслушали эту лекцию “Пути Эроса”. Это опыт оккультного комментария к Συμπόσιον². Я приеду в понедельник³ и остановлюсь у Сабашниковых на Поварской, д(ом) Милорадович. Быть может, можно увидеться в “Скорпионе”, во вторник, около 5 часов? Скажите мне по телефону (33–36).

До свиданья.

М. В о л о ш и н.

Почт. шт. получения: Москва. 25.2.07.

¹ Во вторник 27 февраля 1907 г. газета “Русские ведомости” (№ 46) сообщала, что сегодня состоится «18-е собеседование членов литературно-художественного Кружка, со вступлением в беседу М.А. Кириенко-Волошина на тему “Пути Эроса”, в помещении “Кружка” (Большая Дмитровка, д. Востряковых), в 9 ч. веч.».

² М.В. Волошина вспоминает: «...доклад об “Эросе” (<...> Макс прочел со скандальным успехом, “pour épater les bourgeois”» (*Wolochin M. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen.* S. 191). Выступление Волошина вызвало насмешливый фельетон Сергея Яблоновского “В кружке”; интерпретация лектором платоновских идей была поверхностно понята Яблоновским как “самодовлеющее копание в извращениях” (*Рус. слово.* 1907. № 48. 1 марта). 8 марта 1907 г. Брюсов писал К.И. Чуковскому: «О лекции Макса Вы, вероятно, слышали. Мое впечатление: “глупо”. Со стороны Макса глупо, что он это читал этим. Со стороны же

ЭЛЛИСЪ

РУССКІЕ СИМВОЛИСТЫ

КОНСТАНТИНЪ БАЛЪМОНТЪ

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «МУСАГЕТЪ»

Москва. 1910. 23 июня.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЭЛЛИСА

на книге "Русские символисты" (М., "Мусагет", 1910):

"Глубокоуважаемому и дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора на добрую память
о совместном плавании – в незабываемом.

Москва. 1910 г. 23 июня"

Собрание Л.М. Турчинского, Москва

публики было глупо все, что они говорили. Судите, если умнее всех прочих был Потресов-Яблоновский» (Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959. С. 447).

В архиве Волошина сохранились беловой автограф под заглавием «Пути Эроса. Мистический комментарий к "Пиру" Платона» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 254), а также позднейший машинописный текст с правкой «Пути Эроса. (Мысли и комментарии к Платонову "Пиру")» (Там же. Ед.хр. 255) и предварительные наброски, относящиеся к этой теме (Там же. Ед.хр. 256).

³ 26 февраля.

68. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 7 декабря 1907 г.⟩

Дорогой Валерий!

В день моего отъезда из Москвы¹ я видел у Эллиса² первый том полного собрания Ваших стихов.

Не будете ли Вы добры прислать мне экземпляр, т(ак) к(ак) мне очень хочется писать о нем³.

Мой петербургский адрес: Пушкинская 7, кв. 39.

Привет.

Максимилиан В о л о ш и н.

7 декабря 1907 г.

Открытка. Почт. шт.: Петербург. 7.12.07; Москва. 9.12.07.

¹ Волошин пробыл в Москве большую часть ноября и уехал в Петербург в начале декабря 1907 г.

² Эллис (псевдоним Льва Львовича Кобылинского; 1879–1947) – поэт, переводчик, критик; с 1907 г. был одним из ближайших сотрудников “Весов”. Волошин был знаком с Эллисом с юношеских лет – учился вместе с ним в гимназии Л.И. Поливанова и затем на юридическом факультете Московского университета (см.: Из студенческих лет М.А. Волошина // *Ежегодник 1973*. С. 140–142). 3 мая 1907 г. Волошин писал матери из Москвы: “Вчера у Брюсова видел Кобылинского, которого не видел 6 лет. Он очень изменился. Стал красавцем. Но, к сожалению, очень плохо пишет стихи и очень резко самоуверенно и грубо критикует всех поэтов” (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 60).

³ В библиотеке Дома-музея М.А. Волошина сохранилась книга Брюсова “Пути и перепутья. Собрание стихов, т. 1” (М.: Госприон, 1908) с надписью: “Максимилиану Александровичу Волошину дружески Валерий Брюсов. 1909. Пб.”. Судя по датировке и топографическому указанию (Петербург), надпись была сделана позднее – в начале марта 1909 г., когда Брюсов и Волошин встречались в Петербурге; в частности, 3 марта 1909 г. Брюсов слушал лекцию Волошина “Аполлон и мышь”: “Был на лекции Макса о мыши(!)”, – сообщал он 4 марта И.М. Брюсовой (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.6).

69. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург. 27 декабря 1907 г.)

Невский 73. Меблир(ованные) комн(аты).

Дорогой Валерий!

Очень благодарю Вас за “Пути и перепутья”. Их появление дало мне, наконец, возможность написать статью о Вас. Она уже написана и на днях, вероятно, появится в “Руси”¹. Написав ее, я почувствовал, что она только первая из целой серии. В данной статье я ограничиваюсь только “Путями и перепутьями”, т.е. лишь корнями и ростом, но не венцом².

Исходная метафора всей статьи – это установление Вами Римской Империи в русской (ой) поэзии и воля к власти, которая ведет Вас от одного осуществления к другому³.

Вячеслав, которому я читал эту статью, был очень против ее и даже просил ее не печатать. Но я уверен в том, что то, что я говорю о Вас, должно быть сказано и оскорбительным для Вас быть не может. Я вижу в Вас поэта Завоевателя, основателя Империй и установителя Законов⁴, и “Пути и перепутья”, приведшие Вас к Империи, для меня важны и драгоценны. В глубине сердца мне бы хотелось написать о Вас книгу, подобную “Il Principe”⁵, но к этому я не чувствую еще себя готовым.

До свиданья.

Максимилиан.

Открытка. Почт. шт.: Петербург. 27.12.07; Москва. 28.12.07.

¹ Статья Волошина «Валерий Брюсов. “Пути и перепутья”, том 1 собрания стихов» опубли.: Русь. 1907. № 348. 29 дек.; *Волошин М. Лики творчества*. С. 407–416. Подробнее о ней см. вступ. ст.

² В 1-й том “Путей и перепутий” входили стихотворения Брюсова 1892–1901 гг., распределенные по трем разделам: “Юношеские стихотворения”, “Это – я”, “Третья стража”.

³ В своей статье Волошин пишет о Брюсове: “Страсть извляла его как поэта, опасная страсть, которая двигала Наполеонами, Цезарями и Александрями, – воля к власти” (*Волошин М. Лики творчества*. С. 408).

⁴ Ср. в тексте статьи: “Брюсов – поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов, основатель самодержавий” (Там же).

⁵ “Il Principe” (“Государь”) – известный политический трактат Никколо Макьявелли (1469–1527), изданный в 1532 г. и возвеличивающий сильного монарха-деспота, который не пренебрегает никакими средствами во имя национальных интересов.

70. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 1 января 1908*

Дорогой Максимилиан!

Я прочел Вашу статью обо мне в “Руси”. Все, что Вы говорите о моей поэзии, хотя я и не со всем согласен, кажется мне очень интересным и очень ценным. Все, что Вы говорите обо мне лично, меня очень сердит и кажется мне очень неуместным. Я согласен с Вяч. Ивановым, что в таком виде статью было лучше не печатать. Я счи-

* В автографе описка: 1907.

таю недопустимым в печати касаться тех частностей моей жизни, каких Вы касаетесь; считаю недопустимым пересказывание в печати частных разговоров etc. Кроме того, Вы знаете меня (т.е. мою личную жизнь) в общем мало, и многие из Ваших сообщений совершенно неверны. Так, напр(имер), поэма “Мир” говорит *вовсе* не о доме на Цветном бульваре; дом этот принял свой теперешний вид лишь за последние годы, а прежде был *иным*; детство мое прошло *не* в этом доме¹ и т.д. и т.д.

Я считаю совершенно необходимым напечатать протест против Вашей статьи и пересылаю его Вам в виде “письма в редакцию Руси”. *Если Вы хотите сохранить со мною добрые отношения*, я прошу Вас устроить это письмо в “Руси”. Я мог бы послать его непосредственно в редакцию, но счел, что это было бы обидою для Вас, и захотел непременно передать его через Ваши руки, как Вы передали через меня в “Весы” Вашу статью о моих переводах Верхарна. Надеюсь, что “Русь” не откажет мне в напечатании моего письма. Но если, против ожидания, это случилось (бы), я его напечатаю в других петербургских и московских газетах².

Вы хотите еще писать обо мне – в “Руси” и в “Русской Мысли”³. Я настойчиво прошу Вас говорить обо мне только как о поэте. Я об себе *вовсе* не малого мнения, и все же не считаю себя достигшим того предела известности, когда человек лишается собственности, и все его, начиная с его частной жизни, становится достоянием общества. Я не хочу принять на себя тяготы такого положения, не пользуясь его преимуществами. Если же Вы считаете невозможным писать иначе, я предпочту, чтобы Вы совсем не писали обо мне.

Хочу верить, что и это наше столкновение, как все предыдущие, не нарушит нашей связи.

Ваш дружески Валерий Брюсов.

P.S. Очень прошу известить меня *в скорости*, будет ли мое письмо напечатано в “Руси”.

¹ Автобиографическое стихотворение Брюсова “Мир” (“Я помню этот мир, утраченный мной с детства...”, 1903) было опубликовано в его книге “Urbi et orbi”. (I, 304–306, 610–611). Первые годы детства Брюсова прошли в доме Бари на Яузском бульваре (см.: Брюсов В. Из моей жизни. М., 1927. С. 14); в 1877 г. его дед приобрел собственный дом на Цветном бульваре, где Брюсов жил до 15 августа 1910 г. В статье о “Путях и перепутьях” Волошин писал: «Надо знать, что он (Брюсов) рос в Москве на Цветном бульваре, в характерном мещанском доме с большим двором, заваленным в глубине старым железом, бочками и прочим хламом. (В “Urbi et Orbi” он посвятил целую поэму его описанию)» (Волошин М. Лики творчества. С. 410).

² “Письмо в редакцию” Брюсова было опубликовано в “Руси” (1908. № 3, 4 янв.). Приводим его текст:

«М(илостивые) Г(осудари). В одном из последних №№ “Руси” за 1907 г. напечатана обширная статья обо мне г. Максимилиана Волошина. Хотя в этой статье говорится о том, что я взошел “на вершины творчества”, что мой стих “вечен, как римский свод”, что я “свою империю (в области слова и мечты) волен сделать всемирной” и много других, весьма лестных для меня вещей, – но я считаю необходимым решительно протестовать против этой статьи. Автор ее, по моему мнению, вышел за пределы, предоставленные критике, и позволил себе касаться того, что лежит вне литературы. Как писатель я, конечно, признаю, что каждый волен по своему разумению судить мои произведения, но полагаю, что моя личная жизнь еще не подлежит суду печати. Довольно беглое, в общем, и ни в каком случае не интимное знакомство г. Волошина со мною не давало ему права рассказывать своим читателям небылицы о моем детстве, ему *вовсе* неизвестном. Во всем, что г. Волошин говорит о моей жизни, – только ряд смешных недоразумений, не более. Удивляет меня также, что г. Волошин позволил себе передать печатно один наш частный разговор с ним. Разговаривая, я не подозревал, что передо мной сидит интервьюер. Но интервьюеру следовало быть более точным в передаче чужих слов. Я не мог сказать, что “Рутилий и Авзоний – поэты Антонинов”. Я достаточно твердо знаю, что эти два поэта жили *вовсе* не при Антонинах. Г. Волошин обещает еще статью, посвященную мне. Надеюсь, что он будет говорить в ней о моих стихах и о моей прозе, а не о моем скюртуке и не о моей квартире. Иначе ему придется переменить заглавие своих фельетонов и называть их не “Лики творчества”, а “Моментальные фотографии”.

Валерий Брюсов.»

³ В 1907 г. Волошин опубликовал в “Русской мысли” шесть стихотворений (№№ 6, 9, 12). Однако статьи его ни в 1907, ни в 1908–1909 гг. в этом журнале не появлялись. В примечании к статье о “Путях и перепутьях” Волошин сообщал, что о Брюсове как поэте города он напишет в одном из своих “ближайших фельетонов”. Статья “Город в поэзии Валерия Брюсова” опублик.: Русь. 1908. № 21. 22 янв. 5; Волошин М. Лики творчества. С. 416–426.

71. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург.) 3 января 1908 г.
 Невский 73. Мебл(ированные) комн(аты).

Дорогой Валерий!

Сегодня днем я получил Ваше письмо, которого ждал, и Ваш “протест”.

Составив ответ на него, я послал и “протест” и “ответ” Суворину с просьбой напечатать Ваш протест во что бы то ни стало, даже если, находя неудобным завязывать полемику, он не захочет напечатать моего “ответа”. Только что я получил от него извещение, что и то, и другое появится либо завтра, либо послезавтра (4-го или 5-го января).

Я благодарен Вам за письмо, которое доказало мне, что статью мою Вы не приняли за действие вражде(б)ное Вам, чего я отчасти опасался. *Враждебности* к Вам у меня нет и не может быть, так как есть, наоборот, глубокое уважение и удивление к той силе преодоления и завоевания, которую я хотел особенно оттенить в моей статье о Вас.

Резкость и безжалостность Вашего письма в Редакцию тоже обрадовали меня, т(ак) к(ак) дали мне повод высказаться принципиально о приемах своей критики в “Лицах Творчества” и самому сказать о пределах, до коих, я считаю, простирается мое *право* критики.

Не буду излагать своего “Ответа”, т(ак) к(ак) Вы, вер(о)ятно, получите номер газеты раньше, чем это письмо, которое пойдет лишь завтра утром¹.

В следующе(й) статье моей о Вас, как о поэте города², ни наружности, ни личности мне не придется касаться, т(ак) к(ак) она будет посвящена лишь Вашему отношению к городу историческому и к городу будущего. Статья эта идет вразрез с теми мнениями, что уже установились о Вас в русс(кой) критике, и думаю, что дает более точные определения этой стороне Вашего творчества.

Последующих же статей я пока еще не вижу.

Ваше творчество для меня загадка, и поэтому я стараюсь ее разрешить честно, собирая все данные, характеризующие Вас как творца. Факты интимной жизни сюда, разумеется, не могут входить уже по тому одному, что в человеческих поступках и отношениях я очень мало понимаю и еще меньше замечаю и знаю. Для меня, таким образом, вне книги остаются три области, доступные моему чтению: лицо, вещи и слова.

Вопрос о личной обиде смущал меня. Но думаю, что это надо предоставить на волю судьбы и писать о живых так, как если бы они уже умерли сто лет назад.

Меня удивил очень Ваш протест против цитирования наших разговоров. Удивил потому, что когда я весною, предполагая писать о “Земной оси” и “Огненном Ангеле”, спрашивал Вас, имеете ли Вы что-нибудь против того, чтобы я привел наши беседы о спиритизме (бывшие еще при самом первом знакомстве нашем)³, Вы не высказали никакого протеста.

Вообще же я позволяю себе приводить только те собственные слова, которые были мною *тогда* же записаны.

Никак не ожидал я протеста против этого, и еще с Вашей стороны!

Во всяком случае на моей стороне все художественные традиции французской литературы: и Гонкуры, и Т. Готье, и А. Франс, и Баррэс⁴, и Мирбо, и сам Вик(тор) Гюго, не говоря уже об едких личных выпадах Тальяда⁵, не свойственных мне по темпераменту.

Мне очень жаль, что детство Ваше прошло не так, как я представил его себе по “Путям и перепут(ьям)”, но т(ак) к(ак) я об нем не знаю ни слова и никогда не говорил с Вами, то моя фикция все же остается для меня единственной реальностью. Почему Вам, воспользовавшись обманом моей мечты, не дать самому, как опровержение легенды, которая может возникнуть из моих слов, воспоминаний о своем детстве и о первых шагах своего творчества? Такие литературные документы так драгоценны, что я буду гордиться тем, что ошибка моя послужит Вам толчком к этому.

До свиданья и очень прошу Вас верить моему дружескому чувству.

Максимилиан В о л о ш и н.

P.S. Обратите внимание на то, что я изменил свой адрес. Теперь он: Невский 73. Мебл(ированные) комн(аты).

Почт. шт.: Петербург. 4.(1.1908); Москва. 5.1.1908.

Ответ на п. 70.

¹ "Ответ" Волошина был опубликован в "Руси" 4 января 1908 г. вместе с "письмом в редакцию" Брюсова. Приводим его текст:

«О т в е т В а л е р и ю Б р ю с о в у .

Я очень рад тому, что Валерий Брюсов, по поводу моего недавнего фельетона о его книге "Пути и Перепутья", так резко и решительно поставил вопрос о пределах литературной критики. Это дает мне возможность изложить те руководящие идеи, которых я придерживался в ряде литературных характеристик, печатающихся в фельетонах в "Руси" под общим именем "Лики Творчества".

Литературная критика для меня наиболее субъективный из всех видов лирики. "Это наиболее интимный род исповеди", — говорит Реми де Гурмон, и я глубоко согласен с его словами.

В каждой статье я стремлюсь дать цельный *лик* художника.

Произведения же художника для меня нераздельны с его личностью.

Если я, как поэт, читаю душу его по изгибам его ритмов, по интонации его стиха, по подбору его рифм, по архитектуре его книги, то мне, как живописцу, не меньше говорит о душе его и то, как сидит на нем платье, как застегивает он сюртук, каким жестом он скрещивает руки и подымает голову. Мне мало прочесть стихотворение, напечатанное в книге, — мне надо слышать, как звучит оно в голосе самого поэта; книга мертва для меня, пока за ее страницами не встает живое лицо ее автора.

Отделять книгу от автора ее, слово — от голоса, идею — от формы того лаба, в котором возникла она, поэт — от его жизни... как *поэт* Валерий Брюсов может требовать этого?

Не он ли сказал, что искусство "души черпает до дна"?

Неужели же совершая такую великую жертву, как отдавание публике, толпе самой драгоценной, самой интимной части своего Я, воплощенного в его поэзии, он думает, что жертва эта может быть совершена не до конца, что он может утаить все-таки нечто для себя одного?

Не о фактах жизни поэта говорю я. Факты и события интимной жизни не имеют никакого значения для меня, я их не знаю и не стараюсь узнать, потому что в его произведениях, в его лице, в его голосе, в обстановке его рабочей комнаты я читаю то, что для меня безусловнее фактов, реальнее реальностей.

Легенда о поэте, сотворенная мною, может совпасть с действительностью, но может создать и новую действительность. Но как может она совершить *нескромность* по отношению к фактам жизни поэта?

Поэтому я очень благодарен Валерию Брюсову, что он, упирая на наше "беглое, в общем, и ни в каком случае не интимное знакомство" и на то, что мне ничего неизвестно об его детстве, этим самым снимает с меня обвинение в нескромности, которое было бы мне очень горько.

Те слова, что я написал об обстановке, в которой слагался талант Валерия Брюсова, возникли из странной его книги "Пути и Перепутья" и из впечатления того дома, в котором я бывал у него в Москве. Он утверждает, что это "небылицы"... Как он может знать это? В данном случае он сам является книгой и не может судить о том, что другой прочтет в нем.

Валерий Брюсов упрекает еще меня в том, что я позволил себе передать печатно один наш частный разговор о литературе.

В оправдание мне достаточно сослаться на "Дневник Гонкуров", который всегда служил мне указанием и образцом. Надо записывать литературные разговоры своих современников, потому что это документы громадной исторической важности. И документы эти редки. Как благодарны мы Эккерману, сохранившему нам разговоры Гете, Эмиллю Бержера, сделавшему то же для Теофиля Готье, Андрэ Жиду, запечатлевшему несколько рассказов Оскара Уайльда! И кто вознаградит нас за безвозвратную потерю разговоров Маллармэ?

Можно возразить, что такие документы подобает печатать лишь по смерти данного лица. Не могу согласиться с этим, так как в этом случае автор не имеет возможности исправить неизбежные ошибки и неточности в передаче его слов. Я же дал Валерию Брюсову возможность сделать это немедленно.

В заключение, во избежание подобных недоразумений, я прошу читателей "Ликов Творчества" смотреть на характеристики современных поэтов, сделанные мною, как на произведения в высшей степени субъективные и лирические по своей сущности, словом, как на "Vies Imaginaires", употребляя прекрасное имя, данное Марселем Швомбю этому роду книг.

Максимилиан В о л о ш и н.

Дополнительную характеристику своей полемики с Брюсовым Волошин дал в письме к Эллису, отправленном 4 января 1908 г. по выходе в свет номера "Руси" с "протестом" и ответом на него:

«Дорогой Лева,

мне очень хочется послать тебе эту статью о Брюсове, порожденную во многих своих частях нашими разговорами.

Я употреблял в ней слова безжалостные и резкие, но думаю, что лишь такие штрихи могут выявить его настоящую фигуру, отлитую из бронзы.

Валерий почувствовал себя лично оскорбленным и в письме ко мне, резком, но дружественном, протестовал и благородно прислал мне письмо в редакцию "Руси", дабы я ознакомился с ним заранее и сам передал его для напечатания. Что я и сделал немедленно, напечатав вместе и свой ответ ему.

Посылаю тебе все эти три документа и очень хочу услышать твое мнение, как человека глубоко любящего и глубоко судящего Брюсова.

Наши личные отношения не поколеблены. Под своим письмом ко мне он подписывается "Ваш дружки Валерий".

Но, безусловно, это начало большой борьбы, т(ак) к(ак) я пишу еще следующую статью о нем. Конечно, для меня очень важно, чтобы наши личные отношения с ним не были затемнены и запятнаны, потому что (ты ведь знаешь это) я очень люблю его именно за его неудержимую волю к власти, за (то), чем он был вначале и что он создал из себя. Мне очень хочется слышать твой голос и твое слово об этом.

Твой Максимилиан

(ГБЛ. Ф. 386, 80.35; с неточностями приведено в статье: Мануйлов В.А. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // *Чтения* 1971. С. 454–455). Эллис передал письмо Брюсову для ознакомления. К доводам Волошина Эллис явно остался глух, расценив его статью о "Путях и перепутьях" как "сплошное хулиганство и невежество" (письмо к Брюсову от 10 января 1908 г. – *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 316–317).

² См. п. 70, прим. 3.

³ Запись этих бесед см. в приложении 2 к настоящей публикации.

⁴ Морис Баррес (Barres; 1862–1923) – французский писатель и публицист, придерживавшийся консервативно-националистических взглядов. Волошину принадлежит статья о первой части романа Барреса "Восточные бастионы" ("Les Bastions de l'Est", 1905–1909) – "На службе Германии" ("Au service de l'Allemagne"); На германской службе. (Роман Мориса Барреса) // (Русь. 1905. № 197. 23 авг.).

⁵ Лоран Тайад (Tailhade) – французский писатель, эссеист и поэт, известный прежде всего своими сатирическими стихами. Брюсов писал о критических работах Тайада: "Тайад проявил себя критиком крайне желчным, резким, владеющим губительной иронией, не беспристрастным. Эти статьи стоили ему нескольких дуэлей" (*ПСС XXI*. С. 260–262).

72. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 27 сентября/10 октября 1908 г.)

Дорогой Валерий!

Только что я узнал от Вальдора, что Вы в Париже и завтра будете у них¹. Мне очень, очень хочется видеть Вас, и я все время боялся, что Вы пр(о)едете через Париж incognito.

Мой адрес: 35 Rue Boulard² (около Lion de Belfort)³.

Быть может, завтра мне удастся попасть к Аркосу⁴ и Вальдору, когда Вы там будете⁵. Вальдор обещал известить меня.

Я надеюсь, что мы встретимся друзьями и что астральные чудовища, рождаемые отсутствием и молчанием, не переживут нашего свидания.

Дружески жму Вашу руку.

Максимилиан В о л о ш и н.

10 octobre 1908. Samedi. 35 Rue Boulard.*

Закрытое письмо – "секретка".

¹ В Париж В.Я. и И.М. Брюсовы приехали в начале октября (н.ст.) 1908 г. В августе 1908 г. Брюсов был в Италии, в сентябре – в Сен-Жан-де-Люз (на берегу Бискайского залива). В Париже Брюсов общался с Эсмер-Вальдором (см. п. 57, прим. 3) и другими членами литературного объединения "Аббатство" ("L'Abbaye"). См.: *Дневники*. С. 140–141. В конце октября (н.ст.) Брюсов уехал из Парижа в Брюссель и затем в местечко Кауьки-Бик (Бельгия), к Э. Верхарну.

² Волошин вновь поселился в Париже в конце мая 1908 г.; в квартире на улице Булар он жил с середины лета 1908 г.

³ "Lion de Belfort" ("Бельфорский лев") – скульптурное изображение льва, воздвигнутое в память о защитниках Бельфора в 1870 г. (скульптор Фредерик-Огюст Бартольди; 1834–1904).

⁴ Жан Рене Аркос (Arcos; 1881–1959) – французский поэт, член "Аббатства"; состоял в переписке с Брюсовым, участвовал в "Весах": обзорные статьи "Взгляд на французскую литературу в 1907 г." (1908, № 2); "Несколько новых книг. Письмо из Парижа" (1908, № 9); "Осенний салон. Письмо из Парижа" (1908,

* 10 октября 1908. Суббота. Улица Булар 35 (франц.).

№ 11); статья “Анатоль Франс” (1909, № 6). Аркоса и Волошина связывали дружеские отношения (см.: *Ежегодник* 1979. С. 236–237). Сохранились три книги Аркоса с дарственными надписями Брюсову: сборники стихотворений (“Трагедия пространств” (“La tragédie des espaces”. Р., 1906) и “То, что рождается” (“Ce qui naît”. Р., 1910) и драматическая поэма “Потерянный остров” (“L’île perdu”. Р., 1913) – ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1558–1560.

⁵ Ср. конспективную дневниковую запись Брюсова, относящуюся к пребыванию в Париже в октябре 1908 г.: «Париж. (...) Поселяемся у m-me Viot rue de l'Arcade. Разыскиваю знакомых. (...) Посещение Arcos'a и Mercereau. Весь кружок “Abbaye”. У Макса Волошина» (*Дневники*. С. 140). Сохранилось письмо А. Мерсера к Брюсову (Париж, 7 декабря 1908 г.), в котором от имени всей группы “Аббатство” высказано сожаление о “том скромном приеме, который мы оказали Вам и госпоже Брюсовой” (ГБЛ. Ф. 386, 94,49).

73. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Paris, 11 Octobre 1908, Dimanche.

Дорогой Макс!

Я тоже буду очень рад Вас увидеть. У Арко я надеюсь быть сегодня половина второго или около двух. Если мы не встретимся там, может быть, Вы зайдете ко мне. Я Ваших приемных часов не знаю, а нас можно застать дома пока ежедневно в 4^{1/2} дня. Думаю, что Вы преувеличиваете, говоря о “чудовищах”, бродивших между нами.

Ваш В а л е р и й Б.

Закрытое письмо – “секретка”. Почт. шт.: Paris. 11.10.08.

Ответ на п. 72.

74. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Paris, 27 rue de l'Arcade, 12 octobre 1908.

Дорогой Макс!

Позвольте мне быть у Вас не во вторник, но в среду в 3 ч. или в 3^{1/2}¹. Во вторник мы всё же решили пойти послушать Шарля Мориса в Салон². Я знаю, что в среду “обед 14”, где Вы хотите быть³, но думаю, что времени у нас все же окажется достаточно. Кстати: Вальдор уговаривает меня посетить этот “обед 14”. Можно ли оставаться там в стороне, не знакомясь ни с кем или почти? Только при этом условии я бы решился идти, так как мне очень не хочется начинать новые, ни для меня, ни для представляемых мне лиц ненужные знакомства.

Ваш В а л е р и й Б.

Закрытое письмо – “секретка”. Почт. шт.: Paris. 12.10.08.

¹ Среди писем Брюсова к Волошину сохранилась записка, посланная в среду 14 октября 1908 г.: “Дорогой Макс, может быть, я опоздаю сегодня к Вам на 20–25 минут. Очень извиняюсь. Ваш Валерий Б.” В эти же дни Волошин сообщал матери из Парижа в недатированном письме: “Здесь сейчас Валерий Брюсов. Мы с ним видимся часто, и у нас вооруженная дружба” (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 60).

² Шарль Морис (Morice; 1861–1919) – французский поэт и художественный критик, один из теоретиков символизма. Ученик Малларме, Морис был дружен с Верленом (в 1885 г. он выпустил о нем книгу), Вилье де Лиль-Аданом и другими писателями. Близкие отношения связывали его с Гогеном, творчество которого он неутомимо пропагандировал во французской печати, в частности – на страницах “Mercure de France”, где вел раздел современной художественной жизни. В 1908 г. в журнале “Золотое руно” была помещена большая статья Ш. Мориса “Новые тенденции французского искусства” (№№ 7–9, 10, 11–12; перевод с рукописи выполнил секретарь редакции “Золотого руна” Г.Э. Тастевен).

Имеется в виду лекция в Осеннем Салоне, где наряду с экспозицией произведений изобразительного искусства осенью 1908 г. был открыт также “Салон поэтов”, в котором по вторникам выступали известные писатели и критики. 13 октября Ш. Морис читал в “Салоне” лекцию о Франсуа Вийоне (см.: *Mercure de France*. 1908. Т. 75, № 271. 1 oct. Р. 559). Брюсов присутствовал и на следующих лекциях – “Поэзия Малларме” Ж. Руайера (20 октября) и “Поэты Аббатства” Г. Кана (27 октября); ср. его запись: “Осенний Салон. Conférence*. Charles Meurice (sic!) et Fr. Villon; Royère о Маллармэ и Верлене, G. Kahn (Г. Кан) о молодых” (*Дневники*. С. 140–141).

³ В архиве Волошина сохранилось письмо Ш. Мориса к Е.С. Кругликовой с приглашением на “обед 14-ти” в среду 14 октября 1908 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед.хр. 247).

* Лекция (франц.).

75. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 6/19 ноября 1908 г.)

Дорогой Макс!

Высылаю Вам, как обещал, II том “Путей”¹. Что касается “Весов”, то они аккуратно высылаются Вам весь год в Петербург, так как Вы не заявляли конторе о перемене адреса. Вытребуйте Ваш экземпляр из Пб. (Таврическая, 25)². №№ 10–12 направим в Париж. Я забыл у Вас Ваши офорты, которые Вы мне подарили. Очень хотел бы их получить. На днях напишу Вам подробнее. Пока еще никак не устроюсь. Благодарю Вас за Ваше внимание к нам в Париже.

Ваш Валерий Брюсов.

Открытка – французский бланк “Весов”.
Почт. шт.: Москва. 6.11.08. Адрес: “Monsieur Maximilien Wolochine. 35, rue Boulard. Paris. Франция. Париж”.

¹ Книга Брюсова “Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. II. Риму и миру. Венок.

1901–1905” (М.: Скорпион, 1908), вышедшая в свет в апреле 1908 г. Книга сохранилась в библиотеке Дома-музея М.А. Волошина; дарственная надпись: “A Maximilien Wolochine confraternellement Valère Brussow 18 novembre 1908” (“Максимилиану Волошину дружески Валерий Брюсов 18 ноября 1908”).

² По этому адресу (“башня” Вяч. Иванова) Волошин не жил со второй половины марта 1907 г.

76. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Париж. 11/24 декабря 1908 г.)

Дорогой Валерий,

Благодарю Вас очень за Ваши книги, которые я получил все (2 т. “Огненного Ангела”¹, т. II “Пути и перепутья” и № “Весов”). Я с большим удивлением и прискорбием узнал, что “Весы” высылались мне в течение всего года на “башню”. Если мне никто за всю прошлую зиму не потрудился там сказать об этом, то, очевидно, получить мне эти №№ и теперь не удастся. Увы мне.

Мне писал Толстой, что виделся с Вами в “Эстетике” и читал при Вас стихи свои². Скажите, какое впечатление вынесли Вы?³ Мне он кажется весьма самобытным и на него можно возлагать всяческие надежды. В самом духе его есть что-то подлинное “мужицкое” в хорошем смысле.

Я ничего не прислал пока, как обещал, в “Весы”. Но я все это время был совершенно вне литературы и ничего не писал и даже ничего не смотрел. Но “Весы”, как до меня дошли слухи, вопреки Вашим собственным мрачным предвидениям, продолжают, так что время не ушло⁴.

А относительно офортов, что я подарил Вам, знаете, они, верно, пропали, потому что ведь я их принес Вам в тот вечер, когда у Вас были фр(анцузские) поэты, и оставил их свернутыми в трубочку в передней, но позабыл предупредить Вас. Но это ничего. Офорт не представляет собой единственности, и потому я Вам пришлю эти офорты, как только сделаю новые оттиски.

Я сейчас перечитывал в Нац(иональной) Библ(иотеке) все редкие и полузабытые вещи Вилье де Лиль Адана (“Morgane”, “Elën”, “Nouveau Monde”)⁵. Там есть страни-

ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАН
гравюра Ф. Валлотона
“Весы”, 1906, № 6

цы поразительные и концепции редкой драматической силы, несмотря на юношескую реторику и местами излишнюю сложность.

Видели ли Вы новое издание Ван-Беверовских “Les Poètes d’aujourd’hui” в двух томах, очень расширенное и дополненное?⁶

До свиданья. Жму Вашу руку. Привет Иоанне Матвеевне.

Максимилиан В о л о ш и н.

Почт. шт.: Paris 24.12.08; Моква. 14.12.08

Ответ на п. 75.

¹ Имеется в виду издание: Брюсов В. Огненный Ангел. Повесть XVI века. М.: Скорпион, 1908. Ч. 2. Книга вышла в свет в ноябре 1908 г.; первая часть романа – в январе 1908 г. В 1909 г. издательство “Скорпион” выпустило второе, “исправленное и дополненное примечаниями” издание романа в одной книге.

² С Алексеем Николаевичем Толстым (1883–1945), тогда еще начинающим поэтом, Волошин подружился летом 1908 г. в Париже (см.: Первый наставник. Из писем Алексея Толстого к Максимилиану Волошину / Вступ. заметка, сост. и коммент. Вл. Купченко // Лит. обозрение. 1983. № 1. С. 107–112; Хайлов А.И. К публикации статьи А.Н. Толстого “О Волошине” // А.Н. Толстой. Материалы и исслед. М.: Наука, 1985. С. 210–220). О своем выступлении в Москве в “Обществе Свободной эстетики” Толстой сообщал Волошину: “...попросил меня Брюсов читать. При гробовом молчании, замирая от ужаса, освещенный двумя канделябрами, положив руки на красную с золотой бахромой скатерть, читал я “Чижика”, и “Козленка”, и “Кулалу”, и “Гусляра”, и “Приворот” (...) После чтения подходят ко мне Брюсов и Белый, взволнованные, и начинают жать руки. В результате – приглашение в “Весы”...” (Лит. обозрение. 1983. № 1. С. 109). Стихотворения “Сомакан”, “Семика”, “Косари” были опубликованы в № 1 “Весов” за 1909 г. Впрочем, еще до чтения в “Обществе свободной эстетики” Толстой прислал в “Весы” два своих стихотворения – “В изумрудные, вечерние поля...” и “В мансарде” (письмо со стихами выслано из Парижа 26 февр. / 10 марта 1908 г.; см.: Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 125–127 (коммент. А.М. Крюковой).

³ Брюсов высоко оценил поэзию А.Н. Толстого в отзыве о его книге “За синими реками” (М., 1911) (РМ. 1911. № 2; VI. 366) и в предисловии к французской “Антологии русских поэтов” (1911) (ЛН. Т. 85. С. 203). 21 декабря 1908 г. Толстой писал Брюсову: “...очень, очень я рад еще раз слышать от Вас мнение о стихах моих. Сознаюсь, мне было страшно свеситься на чаше Весов Ваших, но теперь я еще сильнее укрепился в той исходной точке творчества, которая намечалась всегда и независимо от моих хотений” (ГБЛ. Ф. 386, 105.10; ср.: Переписка А.Н. Толстого. Т. 1. С. 148).

⁴ Подразумевается намерение С.А. Полякова осенью 1908 г. прекратить издание “Весов”. Об этом кризисном моменте в истории журнала и о переговорах между Поляковым, Брюсовым и ближайшими сотрудниками “Весов” см.: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и “Весы” (К истории издания) // ЛН. Т. 85. С. 302–306; наст. кн. Переписка с Поляковым, пп. 110–114.

⁵ Филипп Огюст Матис Вилье де Лиль-Адан (Villiers de l’Isle-Adam; 1838–1889) – французский писатель, автор “Жестоких рассказов”, выпущенных на русском языке с предисловием Брюсова и в переводе Б.М. Рунт, его свояченицы (СПб.: Пантеон, 1907; 2-е изд. – М.: Польша, 1908). Брюсов не только редактировал переводы, выполненные Б.М. Рунт, но и сам позднее перевел рассказы Вилье де Лиль-Адана “Героизм доктора Галлидонхия” и “Полечитель” (см.: РМ. 1910. № 10. Отд. I. С. 158–168, подпись: Аврелий; переводы вошли в сборник: Разноцветные камни. Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под редакцией Валерия Брюсова. М.: Альциона, 1914). Кроме того, Брюсов – автор статьи о французском писателе в “Новом энциклопедическом словаре” Брокгауза–Ефрона (СПб., 1912. Т. 10. С. 595–597). О Вилье де Лиль-Адане писали и “Весы” (см., например, этюд Р.де Гурмона “Страницы из записной книжки о Вилье де Лиль-Адан” в русском переводе – 1906, № 6, с. 44–51; перевод не подписан, выполнен Брюсовым – см.: Библиография/1. № 480).

Волошин перечисляет драматические произведения писателя: “Элен” (1865), “Моргана” (1866), “Новый Свет” (1880). Творчество Вилье де Лиль-Адана он ценил исключительно высоко. “Вилье де Лиль-Адан – один из величайших гениев, посетивших землю. Именем его наши потомки будут судить XIX век, и понимание его произведений будет одним из тех алмазов, которыми они будут проверять наши умственные способности”, – писал Волошин в 1908 г. в статье “Лики творчества. Вилье де Лиль-Адан” (Русь. 1908. № 141. 23 мая). В 1909 г. Волошин перевел трагедию Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и написал статью о ней “Апофеоз мечты и смерти” (Аполлон. 1912. № 3–4), позднее вошедшую в книгу Волошина “Лики творчества” (СПб., 1914) под заглавием “Апофеоз мечты. Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни». Перевод “Акселя” при жизни Волошина не был издан; на сегодняшний день опубликована в сокращенном только первая часть трагедии – см.: Огюст Вилье де Лиль-Адан. Жестокие рассказы / Изд. подготовили Н.И. Балашов, Е.А. Гунст. М., 1975. (Лит. памятники).

⁶ См. п. 24, прим. 3.

77. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 22 февраля 1911 г.

Дорогой Максимилиан!

Мне доставили статью о “Союзе” – не очень хорошую, не очень плохую, но сносную¹. Мне поэтому необходимо знать *немедленно*, дадите ли *Вы* статью о “Союзе” для *апрельской* книжки “Русс(кой) Мысли”. Размер статьи – не свыше 4 страниц в 2 столбца. Если дадите, я присланную мне статью отклоню; если – нет, помещу². Простите, что тревожу Вас, но очень, очень прошу Вас дать мне ответ к 2 часам завтрашнего дня (среды). Может быть, зайдете побеседовать лично: я бы показал Вам и присланную мне статью. Да и вообще нашлось бы о чем говорить. Я буду в редакции от 2 до 3½.

Всегда Ваш Валерий Брюсов.

На бланке журнала “Русская мысль”.

¹ Имеется в виду выставка “Союза русских художников” в Москве. 16 февраля 1911 г. Брюсов писал редактору “Русской мысли” П.Б. Струве: «Какая-то дама принесла статью о “Союзе” (выставке). Так как о том же мне предлагал статью Волошин, я пока не дал ей окончательного ответа. Статья не плохая, но и не хорошая: в ней – все вещи довольно бесспорные и потому мало интересные. Но если бы у нас не было ни статьи Грабаря, ни статьи Волошина, думается мне, можно было бы напечатать эту даму. Сколько могу судить, выводы ее вполне правильные, и написано все не без умения” (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 44).

² Волошин представил в “Русскую мысль” большую обзорную статью “Художественные итоги зимы 1910–1911 гг. (Москва)”, напечатанную в двух номерах журнала (1911, № 5 и 6). Обосновывая промедление с публикацией этой статьи, Брюсов писал 16 марта 1911 г. П. Б. Струве: “...я считаю возможным и необходимым отложить статью Волошина о выставках: она написана очень обще и не устареет к майской книжке, тем более, что Волошин обещал ее к тому времени пополнить” (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 45).

78. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

Коктебель (Феодосия). 7 сентября 1917

Дорогой Валерий,

из слов А.Н. Тихонова, жившего это лето у нас на даче¹, я понял, что *Вы* несколько изменили сами свой взгляд на необходимость исключительно рифмованных переводов Верхарна и склоняетесь отчасти к моему методу переводов: свободным стихом без рифм. Если это так, то те препятствия, что были весною к моему деятельному участию в работе над собранием стихотворений Верхарна², отпадают, и я с большим удовольствием взялся бы за эту работу именно теперь: сейчас у меня есть и время и охота.

Моя книжка Верхарна выйдет в скором времени в изд(ательстве) “Творчество”. Туда, кроме всех Вам известных переводов, войдут: “Микельанджело”, “Толпа”, “Города”, “Св. Георгий”, “Гости (Декабрь)”³. Когда она выйдет, я Вам пришлю тотчас же. Если мое прямое участие Вам теперь желательно, то напишите немедленно, и я примусь теперь же за работу. Не смогли ли *Вы* бы мне одолжить на время в этом случае книгу: “Властительные ритмы”? и “Герои” из “Всей Фландрии”⁴: я их не мог достать, а меня привлекают переводы стихов именно этой эпохи Верхарна. Все остальные книги Верхарна у меня есть.

Приветствую.

Текст – машинопись без подписи. Почт. шт.: Коктебель. 8.(9.17); Москва. 11.9.17.

В архиве Волошина имеется машинописная копия письма, снятая под копировальную бумагу (ИРЛИ. ф. 562, оп. 3, ед. хр. 12).

¹ Александр Николаевич Тихонов (псевд. – Серебров; 1880–1956) – писатель, литературный деятель и издательский работник, организовавший в 1915 г. совместно с Горьким и Ладыхниковым петроградское издательство “Парус”, с которым деятельно сотрудничал Брюсов. Летом 1917 г. Тихонов жил в доме Волошина в Коктебеле. Горький, приехавший в Коктебель в середине августа 1917 г., сообщал Е.П. Пешковой

21 августа: "Кроме меня, здесь Тихоновы, они уезжают 25-го" (Архив Горького, т. IX. М. 1966, с. 202).

² Подразумевается проект собрания сочинений Верхарна в стихотворных переводах, в шести или восьми томах. Его подготовку по предложению издательства "Парус" взял на себя Брюсов, писавший в марте 1917 г. Горькому о намерении дать Верхарна "полным, с поэмами социалистическими, и революционными, и богохульными, и предельно чувственными, что все у него есть рядом с философскими строгими раздумьями, — дать его во весь рост!" (М. Горький. Материалы и исследования". Т. 1. Л. 1934. С. 189; публ. Е. Михайловой). Этот замысел не был реализован. См.: ЛН. Т. 27–28. С. 653–654; ЛН. Т. 85. С. 556. Переговоры об участии Волошина в этом издании велись в марте 1917 г. В своем стихотворном "Дневнике поэта" Брюсов писал под датой "23 марта, четверг":

В Кружок я ехать был готов,
Но, мудр, настойчив и непрошен,
Меня в дверях поймал Волошин
(Я, впрочем, сам и звал его...)
С "Верхарнами"... Не до того
Мне было. Выслушал поспешно
И убежал <...>

(ЛН. Т. 85. С. 30); 26 марта 1917 г. Брюсов сообщал А.Н. Тихонову: "...собрал уже довольно много переводов Верхарна — М. Волошина, С. Шервинского и др." (Там же. С. 34).

³ Все перечисленные стихотворения вошли в книгу Волошина "Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы" (М., "Творчество", 1919).

⁴ Имеются в виду книга Верхарна "Властительные ритмы" ("Les Rythmes souverains", 1910) и книга "Герои" (Les Héros", 1908) из серии под общим заглавием "Вся Фландрия" ("Toute la Flandre").

"ВЕСЫ", 1907, № 1
Виньетка работы П. Синьяка

Приложение 1

КНИГА РАЗДУМИЙ.

К.Д. Бальмонт. Валерий Брюсов. Модест Дурнов.
Ив. Коневской

Гете высказал мысль, что каждое лирическое произведение должно быть написано непременно на известное событие в жизни поэта¹. Это определение кладет в основу произведения реальный факт, но самого содержания этого факта не определяет. Если считать реальным фактом каждое мимолетно скользнувшее *настроение в душе поэта, то под это определение подойдут все истинно художественные произведения тех поэтов, которых сами символисты считают корифеями своей школы, но ни в каком случае не подойдут лирические произведения наших символистов: Бальмонта, Брюсова и др. Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, но главная заслуга символизма заключается в том, что он является непосредственным продолжателем реализма и делает шаг вперед именно в этом направлении. Как импрессионисты вынесли картину из искусственного освещения мастерской на вольный воздух и новыми сопоставлениями красок уловили постоянно изменяющиеся трепещущие тона предметов, искрящихся под непосредственными живыми лучами солнца, так и символисты вынесли из глубины души на волю те бесконечно тонкие и скрытые ощущения, которых не мог уловить ни романтизм, изображавший чувства, ни реализм, рисо-

* Далее зачеркнуто: или даже искусственно вызванное.

М.А. ВОЛОШИН

Фотография. Коктебель, 1916

Литературный музей, Москва

вавший формы. Для новых понятий понадобились новые краски, и подобно тому, как импрессионисты разработали прием сопоставления красок, вместо прежнего смешивания, так же и символисты достигли совершенно новых эффектов сопоставлением слов и музыкальностью речи для передачи раньше неуловимых оттенков чувства. У их последователей и учеников, как это всегда бывает, внутренний смысл утерялся и искусство выродилось в бесцельную игру словами*. Современные же наши символисты гг.^{2*} Бальмонты, Брюсовы и др., поскольку их творчество развилось на почве французского символизма, дают нам только образчики символической реторики, ничем, кроме некоторых особенностей стиля, не отличающейся от реторики когда-то так гремевшего поэта Бенедиктова. Чем, например, стихотворение Бальмонта (четвертое из “Лирики мыслей”):

Жизнь – отражение лунного лика в воде,
Сфера, чей центр – повсюду, окружность – нигде,

* Далее вымарано две строки.

^{2*} Далее зачеркнуто: Фофановы.

Царственный вымысел, пропасть глухая, без дна,
Вечность мгновения – миг красоты – тишина.
Жизнь – трепетание моря под властью луны и т.д.² –

лучше, чем следующее стихотворение Бенедиктова:*

{.....}

Хорошо, что правило Гете о том, что в основе каждого произведения должно лежать действительно(е) событие, никем не признается в настоящее время, а {то} г. Бальмонт неминуемо бы подвергся уголовной ответственности за следующие кроважадные стихи:

Если где-нибудь за миром
Кто-то мудрый миром правит,
Отчего ж мой дух, вампиром,
Сатану поет и славит?
Смерть свою живым питает,
Любит шабаш преступленья,
И кошмары созидает
В ликованьи иступленья.
А едва изведав низость
И насытившись позором,
Снова верит в чью-то близость,
Ищет света тусклым взором³.

А через две страницы г. Бальмонт, обращаясь к г. Брюсову, говорит:

Но, милый брат, и я, и ты, –
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов
Неумирающих садов⁴.

Которое же из этих стихотворений правда и где же в них та реальная личность поэта, которая составляет основу лирики?

Г. Брюсов заявляет:

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя...⁵

Г. Коневской говорит:

И смотрят киты из волнистого лона
Тем взором немым на меня,
С которым встречался преступный Иона,
Что в чреве томился три дня.
Я ваш, я ваш родич, священные гады!⁶

(Неужели у кита были глаза в желудке?)^{2*}

Вся эта бесконечная рисовка кривлянья и бесцельная игра словами производят то, что, несмотря на несколько звучных и красивых стихотворений, с отвращением закрываешь эту книжечку четырех “прелюбодеев слова”.

Макс. В о л о ш и н

Текст печатается по автографу, сохранившемуся в архиве М.А. Волошина (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 173).

¹ Возможно, подразумевается следующее рассуждение Гете в разговоре с Эккерманом 18 сентября 1823 г.: «Все мысли и чувства, что ежедневно теснятся в поэте, хотя и должны быть высказаны (...) когда поэт всякий день вбирает в себя настоящее и насвежо воссоздает то, что открывается ему, это бесспорное благо (...) Единичный случай приобретает всеобщий интерес и поэтичность именно потому, что о нем заговорил поэт. Все мои стихотворения – стихотворения “на случай”, они навеяны жизнью и в ней же коренятся» (Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 71–72).

* Текст стихотворения отсутствует.

^{2*} Приписано справа на полях цитируемых стихов.

² Книга раздумий. СПб., 1899. С. 8.

³ Цитата из стихотворения “К.К. Случевскому” (“Когда же мир не распадется...”) (Там же. С. 13).

⁴ Цитата из стихотворения “Мой дух, есть радость и любовь...” (Там же. С. 16–17).

⁵ Там же. С. 35 (первые строки стихотворения).

⁶ Цитата из стихотворения “Море житейское” (“Откуда, откуда, из темной пучины...”) (Там же. С. 70).

Приложение 2

М.А. ВОЛОШИН

(В. Брюсов. Воспоминания. Фрагменты.)

Брюсов

Первые воспоминания о Брюсове – анекдоты: “Русские символисты” и шумиха, поднятая вокруг этой книги. Имя Брюсова неразделимо с именем Емельянова-Коханского – автора книги стихов, называвшейся “Королева Ма” и посвященной царице Клеопатре и Мне¹. Секрет этого посвящения был в том, что Мне – это был дательный падеж не от Я, а дательный падеж от египетского бога по имени Мна. Такими загадками любили забавляться молодые поэты того времени (начала 90-х годов) “*rouir épaier les bourgeois*”, как позже футуристы.

Серьезное отношение к Брюсову-поэту возникает с “*Tertia Vigilia*”. Не помню, когда и через кого я узнал некоторые стихи из этой книги, написанные тяжеловатым, но пленяющим и новым для того времени размером. Помню, как, возвращаясь из своей ташкентской ссылки в Европу², я повторял машинально про себя:

Если бы к Вам я прибыл,
Вы, – мои отдаленные предки –
Вы собратом гордиться могли бы,
Оценили бы взор мой меткий

и еще, до сих пор пленительные:

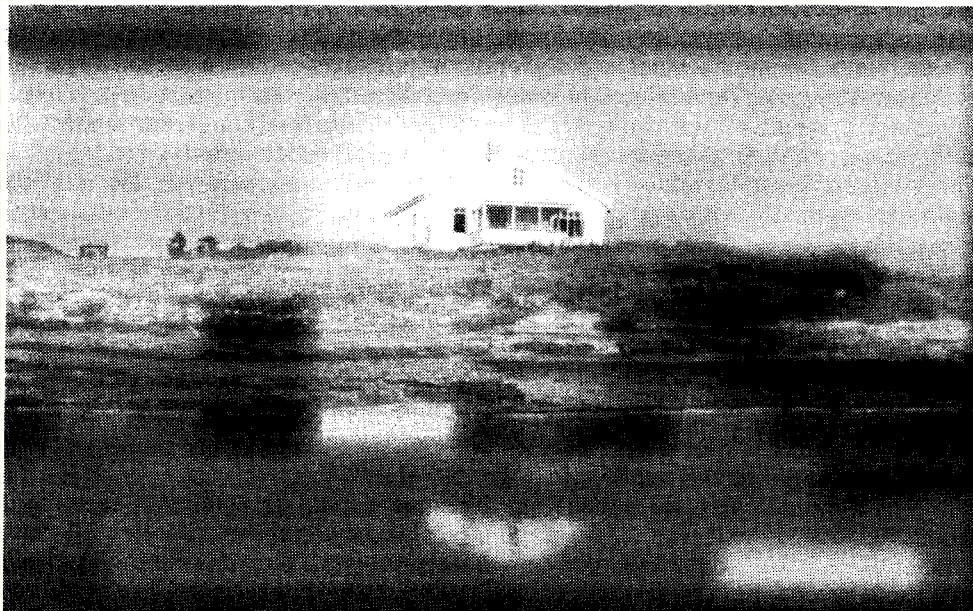
Со мною любимые книги,
Мне поет любимый размер –
О я знаю, как сладки вериги
В глубине пешеходных пещер...³

Я уезжал из России в Париж, и эти стихи сопровождали меня упорно и далеко. Это было мое прощание с родиной. В Париже я познакомился с современными франц(узскими) поэтами. Встречался с Бальмонтом, который меня ослепил и пленил, а в 1903 году поехал в Россию в СПб., снабженный пачкой рекомендательных писем ко всем представителям тогдашней молодой литературы. Брюсову я был заранее рекомендован Бальмонтом. В первый раз видел Брюсова на очередном собрании Религиозно-Философ(ского) Общ(ества). Оно меня очень поразило. “*Этого в Париже совсем нет!*”.

Брюсов

Первая наша встреча с Брюсовым состоялась в редакции Нового Пути. Это была обширная редакционная комната без особого назначения. Посередине комнаты стоял широкий письменный стол, доступный со всех четырех сторон.

В этой неуютной комнате, небрежно подметенной, в которую ежеминутно врываются разные лица и которой В. Бр(юсов) располагал, очевидно, в качестве секретаря редакции, каковым он был некоторое время в начале журнала, мы имели первую аудиенцию. После нескольких обычных вопросов Бр(юсов) предложил мне “познакомиться ближе”, т.е. прочесть друг другу несколько своих стихов. Я с удовольствием сейчас же начал читать ему “Железную Дорогу”, стихотворение, с которым я тогда приехал в Россию и на успех которого рассчитывал как на рекомендацию (?)⁴ Едва я

ДОМ М.А. ВОЛОШИНА В КОКТЕБЕЛЕ. ВИД С МОРЯ

Фотография М.А. Волошина. 1910–1911 гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

прочел первые строфы – нас перервали. Брюсов извинился очень корректно и исчез из комнаты. Он вернулся минут через 10 и, заняв против меня свое место, прочел мне наизусть те стихи, что я ему успел прочесть. Это была его манера, – что при его необычайной памяти на стихи, удавалось ему необычайно, как доказательство, что он слушал внимательно и принес (?) все свое внимание. – Продолжайте, пожалуйста. – Я ему дочел стихотворение. Он похвалил. А впоследствии рассказывал: “Ко(г)д(а) ко мне пришел Волошин, я был очень занят. Но когда он начал читать стихи, я понял, что все можно отложить, а стихи надо прослушать. Что из текущего – это самое главное”.

В. Брюсов

Впервые я увидел Валерия Брюсова в январе 1903 г. в СПб. на заседании Рел(игиозно-)Фил(ософского) Общества. Я только что приехал в Россию после нескольких лет пребывания в Париже.

Петербург и русская жизнь меня поразили. На залу заседания Рел(игиозно-)Фил(ософского) Общества я смотрел глазами иностранца. Я знакомился тогда с русскими писателями и Петербургом. Темы разговоров и стиль беседы мне казались непривычными и страшно новыми. Читался доклад В.В. Розанова на тему о возможности творчества в области церковных догматов. Читал доклад не Розанов, который никогда публично не говорил, а читал Мережковский по его рукописи. Нервный, женский и высокий голос Мережковского, трагический, шишковатый лоб В.В. Розанова, который он молча и нервно охватывал узлистыми пальцами, прикрывая глаза, бледные и испитые лица петербургских литераторов вперемежку с черными клобуками монахов; огромные седые бороды и живописные головы священников, лиловые и коричневые ряссы; острый трепет веры и ненависти, пронесившейся над собранием, – все это рождало смутное представление о раскольничьем соборе XVII в.⁵

Среди этой толпы, в которой каждая фигура казалась страницей истории, меня поразило лицо молодого человека, мне неизвестного. Он не принимал никакого уча-

ствия в прениях, стоял скрестив руки и подняв лицо. На нем был застегнут плотно и узко плохо сидевший сюртук (по-семинарски – подумал я). Волосы и борода были черны, лицо очень бледно с неправильно убегающими округлостями и кривизнами. Лоб округлен по-кошачьи. Останавливали внимание глаза, нарисованные на этом гладком лице черной ровной каймой, как у деревянной куклы. Потом, когда становилось понятно их выражение, то казалось, ресницы обожжены их собственным огнем.

Из низкого, стоячего воротника с трафаретным черным галстуком шея торчала деревянно и прямо. Когда он улыбался, то оскаливались большие зубы и лицо становилось яростным, звериным, рысьим. Подумалось: “Вот лицо изувера, иступленного и раскольника, как оно вяжется с этой обстановкой”.

На другой день я встретился с ним в редакции “Нового Пути” и узнал, что это Валерий Брюсов. Как можно ошибаться в лицах – подумал я, когда заметил, что это лицо может быть и красивым, и нежным, и грустным. Как мог я находить его подходящим к той обстановке, подумал я, поняв, что если там был человек, – наиболее чуждый тому, что говорилось и волновало, – то, конечно, это – Брюсов.

Сублимируя тогда религиозно-философское собрание в картину раскольничьего собрания – я искал на лицах отблеска страсти, веры и иступленности.

Теперь я думаю, что мое первое впечатление далеко не было так неверно. У Брюсова было лицо человека, затаившего в себе великую страсть. Это она обуглила его ресницы и брови, очертила белки глаз, заострила уши, стянула сюртук, вытянула шею и сделала хищною его улыбку. Та же страсть в тончайшие звоны одела его грубый от природы стих, металлическую точность дала его словам, четкую ясность внесла в его мысль и глубину прозрения в его творчество. Страсть изваяла его как поэта, та опасная страсть, которая двигала Наполеонами и римскими завоевателями, – воля к власти.

Брюсов не поэт-чародей, который прикосновением своего жезла преображает и заставляет звучать вещи, как Бальмонт; не поэт-иерофант, ведающий тайны откровения древние и новые, но лишь немногих допускающий в свое святилище, как Вячеслав Иванов; не поэт-мечтатель, от которого мир заслонен скользящими очертаниями его собственной грезы, как Блок; – Брюсов – поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов и пограничных знаков.

Наша встреча состоялась на другой день в редакции “Новый Путь”, в которой Брюсов, по каким-то политическим соображениям, должен был быть секретарем редакции и для этого приезжал в Петербург из Москвы.

Мы встретились в большой необставленной комнате, с большим столом посередине неизвестного назначения. В комнату поминутно входили и выходили люди, что делало нашу беседу краткой и отрывистой. У меня было для него письмо от Бальмонта, с которым я уже подружился в Париже.

“Я Вас знаю хорошо по рассказам Бальмонта”, – сказал Брюсов со свойственной ему корректностью и любезностью.

Через 5 минут он мне предложил прочесть ему мои стихи, чтобы скорей познакомиться. Я ему начал читать свое стихотворение “В вагоне”, написанное за год перед этим, но не успел я прочесть десяти строк, как Брюсова вызвали в соседнюю комнату по какому-то редакционному делу. Через некоторое время он вернулся и, извинившись за невольный перерыв, прочел мне наизусть начальные строфы моего стихотворения, чтобы показать, что он слушал меня внимательно, и попросил продолжать дальше. Стихотворение это он слышал в первый раз, оно нигде не было напечатано, и с его стороны это был стихотворный фокус его колоссальной памяти, которым он хотел ободрить молодого поэта.

“Когда ко мне пришел Волошин в первый раз, – рассказывал он потом Бальмонту, – я был страшно занят, и у меня не было совершенно времени для разговоров с ним, но когда он начал читать мне свои стихи, я сразу понял, что все дела можно свободно отложить”.

В Петербурге это была наша первая и единственная встреча, после мы уже виделись в Москве.

В эту зиму литературная молодежь обычно встречалась у Брюсова в старом фамильном доме на Цветном бульваре. Дом этот, очевидно, принадлежавший родителям Брюсова, находился на противоположной стороне, супротив тогдашних цирков Саломоновского и Никитина⁶, на самой периферии московской “Субурры”, описанной в рассказе А. Чехова “Припадок”⁷. Дом носил московский купеческий характер. Здесь, в небольшой белой столовой, рядом с гостиной, уставленной цветочными горшками, где “лопасти латаний рисовались на эмалевой стене”⁸ высокой изразцовой печки, собиралась у Валерия Яковлевича, в зиму, предшествующую основанию “Весов”, московская поэтическая молодежь того времени. За чайным столом читали по очереди свои стихи и выслушивали критические замечания хозяина. Разговоры Брюсова, который в это время собирал материалы для “Огненного Ангела”, были сухи, богаты, остры, осведомлены и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

“Меня интересовало, – рассказывал он, – как спиритические духи, т.е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

– Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столик. Я пробовал спрашивать:

– А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

– Один, пять – толпа...

Считать они совсем не умели. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским, поэма которого “Лествица” напечатана “Скорпионом”)⁹. Постепенно у нас составилась круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас – и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопорожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что этому мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный, строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек, уже не молодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и когда я ему изложил все мое дело и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, – он вдруг упал – у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено – я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная:

Когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поровнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся только через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные. Нам отвечали:

– Их нет, они заперты, – и раз даже – они умерли”.

В конце десятих годов¹⁰ очагом литературного горения была “башня” Вяч. Иванова. Это был большой дом на углу Тверской и Таврической над самым зданием Государ(ственной) Думы¹¹. Дом этот выходил на угол круглой башней, самый верх которой был часть квартиры Вячеслава Иванова. Здесь в период литературного расцвета, начавшегося в СПб после 1905 года, собирался “весь Петербург”. Здесь читались первые стихи С. Городецкого, Кузмина, Гумилева, и шли споры и дебаты о мифотворчестве, о мистическом анархизме. Я узнал “башню” и этот круг поэтов в 1907 г.¹², приехав из Москвы. К концу 80-х годов в рус(ской) поэзии наступило полное истощение. Все стихи, что появлялись в ту эпоху в “толстых” литературных журналах и подписанные именами Гербановского, Лелечкина, Голикова¹³ и др., знам(енуют?) поэтов той эпохи. Пушкинский стих умирал в Фете, который еще был жив и внимательно следил за всем новым, что появлялось в поэзии. Но он так и не дождался появления символистов. Стихи Бальмонта так и не дошли до него, но “Вечерние огни” Фета были последним аккордом пушкин(ского) стиха, прозвучавшим в те сумеречные и глухие часы.

Когда появились символисты? Об них я прочел впервые в статье Н.К. Михайловского. Пристрастной, односторонней, чисто газетной статье, но от которой впервые я узнал имена Малларме, Верлена, Рембо, Метерлинка¹⁴. Ряд имен, которые потом стали священными знаменами, и потому к статье Михайловского у меня, как и у многих поэтов моего поколения, осталось напряженно неприязненное чувство какого-то сознательного обмана, почти подлога. Статья Михайловского “Франц(узские) символисты” поссорила в ту эпоху с ним литературную молодежь, это было острое личное оскорбление, которое не забывалось долго и сказалось долго спустя в исступленных стихах Бальмонта, где он называет Мих(айловского) “жандармом мысли”. Для поколения символистов Мих(айловский) соединил в своем лице всю тупую и косную критику, которая была так долго и упорно несправедлива и глуха к молодым той эпохи.

Во все времена у поэтов есть потребность сходить, чтобы читать друг другу свои стихи. Отсюда литературные салоны. Но в рус(ской) жизни нет Салонов. Соединяются обычно у кого-нибудь из старших товарищей. Такими старшими для моего поколения были Бальмонт, Брюсов, Вячесл(ав) Иванов.

У Бальмонта собирались в 1904 г. в Вагантьев(с)ком переу(лке)¹⁵, у Брюсова на Цветном бульваре. Бальм(онт) бывал в Москве временно. У Брюсова был старый родительский полукупеческий дом, где чувствовались гнездо и закваска. Была кафельная изразцовая печка и против нее комнатн(ые) цветы (“Лопаста латаний на эмалевой стене”). Здесь бывала молодежь, к которой Брюсов всегда име(л) тяготение. Начиная с молодых, уже печатавшихся в “Скорпионе”, как А. Белый, и (кончая) совсем юными гимназистами, еще нигде не печатавшимися, как Виктор Гофман.

В марте 1924 г., приехав в Москву в первый раз с начала революции (весна 1917), я зашел к Брюсову. Об нем ходили худые слухи. Мнения были как всегда – враждебные. Говорилось о его “чиновничестве”, “коммунизме”. Говорили, что ему никто не подает руки. Все это было подновлено недавним его юбилеем. Рассказывали, что кто-то из его новых политических друзей сказал в своей речи: “Вы, В.Я., осуществили вполне священный завет Некрасова:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан...”

Со злорадством рассказывали, что он ожидал, что ему будет поднесен титул русского народного поэта, и ему поднесли действительно звание “народного поэта”, но армянского¹⁶. Что он сам в ответной речи называл свой коммунизм возвращением в

М.А. ВОЛОШИН

Рисунок Б.М. Кустодиева. Карандаш. С.-Петербург, 8 мая 1924 г.

Литературный музей, Москва

отчий дом, рассказывал, что над его колыбелью висел портрет Чернышевского, что он сидел на коленях у Ник. Морозова, что он провозгласил тост за Писарева "в 1924 г. ..."17.

Я не очень хотел его видеть. Наши пути давно разошлись. Я не был с ним в ссоре. Между нами скорее установилось какое-то "недоброжелательное равнодушие", как кажется с большинством друзей по молодости¹⁸. Но мне все же хотелось его видеть, чтобы своими глазами увидеть, кто он теперь.

Он встретил меня приветливо и дружески пожурил, что я так долго не шел к нему:

– Забываете старых друзей... Уже две недели в Москве... До сих пор не зашли.

Когда я обронил слова о его коммунизме:

– Какое это имеет значение?..

В соседней комнате кто-то зашевелился:

"Коля! Коля! пойдй сюда... Это мой племянник..."

Вошел мальчик лет 10.

– Стань здесь и посмотри на этого человека. Запомни: сегодня ты видел Максима Волошина – ступай.

⟨Брюсов в Коктебеле. Август 1924 г.⟩

В. Брюсов

...Каков Б(рюсов) на лоне природы?

А д ⟨а л и с⟩¹⁹. Очень оживлен. Ходит с тросточкой. Лазит по деревьям...

Первое утро приезда.

Б(рюсов) у окна. В рубашке без воротничка. С седой бородкой. С совсем темными окуренными усами. С поредевшим, обнажившим⟨ся⟩, очень скругленным черепом, с потемневшими, беспокойными большими глазами.

– Нет, в Алушке есть большие пальмы. Настолько, что на них можно влезть...

Он делает несколько цепких обезьяньих движений руками, точно лезет на дерево*.

Марс подымался из моря. Крупный, тихий, налитой красноватым светом.

Это были числа наибольшей близости Марса к Земле.

Мы ходили по темной дороге вдоль дома.

Б(рюсов): “В детстве я мечтал о трех вещах: о том, как человек полетит... О том, как будут разговаривать на расстоянии, и междупланетных сообщениях. Мне удалось при жизни увидеть осуществленными и воздухоплавание и радио. Кто знает, быть может, и третья моя мечта осуществится.

Только раз в 2 ½ тыс⟨ячи⟩ лет Марс подходит так близко к земле. И если на Марсе есть жизнь и тамошняя наука стоит выше нашей, то именно теперь должна быть сделана попытка сообщения с землею. Именно сейчас должны быть поданы сигналы, выброшены ⟨ ⟩^{2*}, кинуты волны... Через 2–3 месяца – мы узнаем...”²⁰

Он умер спустя месяц после этого разговора.

Бр(юсов) о коммунизме

Каким образом Вы стали коммунистом?

Б р ⟨ю с о в⟩. “Вы ведь знаете мою симпатию к Риму, к империи, к власти... Из всех политических партий в России только коммунисты удовлетворяли этому порядку моих симпатий. Во время Октябрьского переворота я заведовал Книжной Палатой. Учреждение нейтральное, полезное при всех режимах. После переворота мы продолжили свое дело. О нас забыли, или, вернее, и не знали о нашем существовании. Целый месяц мы существовали вне государства. Но потом, когда пришло время получать жалование, нам пришлось самим напомнить о своем существовании. Т⟨аким⟩ обр⟨азом⟩ я оказался на службе у большевиков естественно, без всяких забастовок.

Что же касается моей “партийности”, то это произошло так: я однажды в одной беседе с Анатолием Василь⟨евичем⟩ высказал ему, что я вообще принимаю доктрину Маркса, так же как принимаю дарвинизм, конечно, со всеми поправками к нему. Это⟨т⟩ чисто теоретический разговор Ан⟨атолий⟩ Вас⟨ильевич⟩ счел нужным понять как мое желание вступить в партию и сделал туда соответствующее заявление. Об этом я узнал только получивши из партии официальное согласие на принятие меня в члены.

Вы понимаете, что при таких обстоятельствах отказаться было для меня равносильно стать в активно враждебные отношения. Это в мои расчеты не входило. И в то же время не было ничего, что бы меня сильно удерживало от входа в партию.

Таким образом я оказался записанным в члены К.П. Но я исполнял лишь минимум того, что от меня требовалось, и бывал только на необходимейших собраниях. Три раза я уже подвергался чистке и три раза меня восстанавливали снова в правах без всяких ходатайств с моей стороны. В настоящее время партийный билет у меня снова отобран, и я вовсе не уверен, буду ли я восстановлен на этот раз...”

* Помета на полях: О смерти Пол⟨иксены⟩ Сол⟨овьевой⟩

2* В автографе оставлено место для слова.

(Мне осталось неизвестным, был ли он восстановлен в правах члена партии месяц спустя во время торжествен(ных) похорон, на которых столько говорилось о его коммунизме)²¹.

Адалис вызвала спешно Марусю²².

– Вы знаете, что В.Я. очень нравится в Коктебеле и он говорит, что раньше в России была Ясная Поляна, а теперь есть Коктебель. Разница в том, что в Ясн(ую) Пол(яну) все ездили исповедоваться, а в Кок(тебель) приезжают работать.

Бр(юсов) мне говорил:

– Я думаю, что в настоящую минуту Коктебель является единственным литератур(урным) центром в России. Я здесь имею возможность два раза в день вести беседу с такими интересными людьми, и при том интересными в настолько разнообразных специальностях, что я, напр(имер), в Москве не могу позволить себе ежедневно такой роскоши²³. Я могу перевидать столько людей в разных местах в течение недели, месяца, могу собрать у себя раз в год на именины своих друзей, но иметь постоянно вокруг себя такой круг и вести настолько интересные и содержательные беседы – я не имею возможности.

В другой раз:

– Меня удивляет высокий уровень той публики, что у Вас собирается. Я не говорю про поэтов, ученых, а вот про тех 50–60 человек, которые обычно составляют нашу аудиторию. Ведь это в сущности та средняя публика, которая собиралась когда-то в Худ(ожественном) кр(ужке), в “Эстетике”²⁴. Но публики настолько высокого худож(ественного) уровня мне в России еще не приходилось встречать.

Возьмите наши поэтические состязания²⁵: написанные вещи подвергались тройному голос(ов)анию: избранного жюри, самих поэтов и всей присутствующей публики. И каждый раз результаты голосования совпадали. На мой взгляд, это явление в России небывалое.

Или, например, наши игры в цитаты... По существу такая игра мож(ет) быть интересна только для специалистов, и не литературы вообще, а только поэзии. А между тем – я нарочно наблюдал за публикой – никто из них не покинул террасы до самого конца игры, которая затягивалась иногда до часу ночи. И все за ней внимательно следили и принимали участие. Я нахожу, что такой высоты художественных интересов “публика” достигала только в немногие моменты – в Афинах, во Флоренции...

Брюсов в Коктебеле участвовал в 2-х прогулках. Одна неудачная. Мы пошли на Карадаг. Был как раз проф. Байков²⁶ и обещал демонстрировать и прочесть лекцию о Карадагском магнитном отклонении. Пошло человек 40.

Лето было бездождное. До этого дня не было уже месяцев 7 дождя, и после него засуха полная длилась всю зиму. Тут же как нарочно налетели тучи и хлынул проливной дождь с разливом горных речек. Он застал нас на полугоре (где иссякший ключ). Мы пытались скрыться в перелесках. Но быстро были промочены до костей. О продолжении прогулки нечего было и думать. Дождь не переставал. Решили возвращаться тотчас же, пока можно перейти речки. Когда мы сбежали в Кордонную балку, было еще возможно перейти речку по пояс в воде, несмотря на весь напор течения. Но через 2 минуты камни, катившиеся по дну, и новые массы воды сделали переход невозможным.

– Где же Брюсов?

– Он сейчас идет. Он там за холмом с Адалис. Спускается медленно. У него страшно жалкий вид в размокшей панаме и облипшем пиджаке.

Мы ждали его минут десять, но, не дождавшись, решили, что он вернулся к той части компании, что приютилась в крошечном шалаше на баштане, тоже промокав-

шем. (Среди них была А.П. Остроумова.) Но оказалось, что он подошел вместе с Адалис к речке, когда не было никого на берегу и переход был уже невозможен. Они дождались болгарина верхом, который их перевез на крупе лошади.

После этого у Брюсова до самого отъезда болела рука, которую он носил на перевязи.

Это, м(ожет) б(ыть), и было началом того крупозного воспаления легких, от которого он и умер²⁷.

Другая прогулка была на лодке в Харсыс-Лиман и (к) Воротам²⁸. Море было зеркальное. Выехали под вечер. Взошла полная луна. А на возвратном пути началось полное лунное затмение, о котором мы забыли. У скал Карадага это было потрясающе. Полное затмение наступило, когда мы вернулись. Луна была гнилостно-багровой. Смотря на нее в Цейса, ломило глаза. Было как-то смутно и неприятно. Меня просили прочесть *Lunaria*²⁹, кот(орое) звучало как заклинание. Когда я читал последние сонеты, то ярко брызнул освещенный край, а к концу она совсем высвободилась из тени. Это и послужило темой для шуточной оды Брюсова, что он прочел несколько дней спустя на моих именинах³⁰.

В эти дни (середина августа 1924) из Симферополя пришла пешком компания молодежи – среди них поэтессы Надя Рыкова³¹ и Юлия Каракаш³², Тоня и Муся Изоргинь³³ и т.д. На больш(ой) террасе после обеда завязался спор. Все столпились. Сидели на перилах. Надя Рыкова, головой и прической напоминающая Ахматову, сидела на столе с видом амазонки, отражая и провоцируя нападения М. Фельдштейн³⁴, Гроссман, Брюсова, Белого.

Ее теза была: “На Запад! Вон из России. Здесь ничего нет интересного. Все бездарно...” Позиция рискованная, но для психологии того поколения, которое вышло из отрочества в годы Революции, характерная*. Спор был мальчишески азартный, с криком и шумом. А. Белый ввязался, через несколько минут “взорвался”. “Это рассуждения девчонок... Вы ничего не видели... вырастите раньше...” – и выбежал вон. Брюсов возражал и убеждал сдержанно, входя в психологию спорящих.

– Нет интересных лиц и психологических положений в русской истории?.. А возьмите Вы: будущий правитель, воспитанный консервативным отцом и сам придерживающийся еще более консервативных взглядов, которому на смертном одре отец завещает освобождение крестьян и берет с него слово... и который вопреки своим убеждениям и симпатиям вынужден исполнить завещание отца. Это история Алекс(андра) П³⁵.

Текст печатается по автографу (рукопись и авторизованная машинопись), хранящемуся в архиве М.А. Волошина (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 369, 370).

Рукопись представляет собой серию не связанных друг с другом предварительных набросков – “заготовок” – к воспоминаниям; одни и те же темы (в частности, обстоятельства знакомства с Брюсовым) затрагиваются Волошиным в различных фрагментах. О внутренних сложностях, с которыми он сталкивался при работе над этими воспоминаниями о Брюсове, Волошин писал Л.П. Гроссману 17 декабря 1924 г.: “Даже на такую простую и естественную вещь, как записать сейчас свои воспоминания о Вал(ерии) Брюсове, и то не подымается рука после того, как я прочел ряд посмертных статей о нем и некрологов. Сейчас я очень ясно почувствовал общую кривизну преломления всех лучей, проникающих сквозь литературную толщу текущего дня, и она томит и мешает крайне” (“Мой дом открыт...” (Письмо М.А. Волошина к Л.П. Гроссману) // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 229–230).

Поскольку из текста воспоминаний невозможно установить, в какой последовательности Волошин предполагал строить изложение темы, при композиции фрагментов в настоящей публикации за основу был взят принцип хронологии излагаемых событий.

Впечатления от знакомства и первых встреч с Брюсовым отражены также в статье Волошина «Валерий Брюсов. “Пути и перелутья”, т. 1 собрания стихов» (Русь. 1907. № 348. 29 дек.; *Волошин М. Лики творчества*. С. 407–416).

Отдельные цитаты из воспоминаний Волошина приведены в статье: *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // *Чтения 1971*. С. 438–474.

* Далее зачеркнуто: и показательная.

¹ Имеется в виду вульгарно-декадентский сборник стихотворений *А.Н. Емельянова-Коханского* (1871–1936) “Обнаженные нервы” (М., 1895) с посвящением: “Посвящается Мне и египетской царице Клеопатре”.

² Т.е. весной 1901 г.

³ Неточные цитаты из стихотворений Брюсова “К скифам” (“Если б во время к вам я прибыл...” и “Когда опускается штора...” (Т.V. С. 9, 86).

⁴ Волошин имеет в виду свое стихотворение “В вагоне” (“Снова дорога. И с силой магической...”), опубликованное в кн.: *СЦ* 1903. С. 106–108. Стихотворение написано в мае 1901 г. – см.: *Волошин М. Стихотворения*. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 45, 381 (Б-ка поэта. Малая сер.).

⁵ Религиозно-философские собрания открылись в Петербурге 29 ноября 1901 г. 23 января 1903 г. состоялось XVIII религиозно-философское собрание, посвященное обсуждению вопроса о христианском догмате; речь Розанова была центральным выступлением на заседании. См.: *Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге* // *НП*, 1903. № 11. С. 448–472.

⁶ Имеется в виду частный цирк на Цветном бульваре Альберта Ивановича *Саламонского* (1839–1913), обосновавшегося в Москве в 1880 г. (ныне здание Московского гос. цирка), и цирк, открытый в 1886 г. братьями Д., А. и П. Никитиными, цирковыми предпринимателями и артистами, основателями многих стационарных цирков, находившийся также на Цветном бульваре (на месте нынешнего кинотеатра “Мир”) и успешно конкурировавший с расположившимся по соседству цирком А. Саламонского. См. подробнее в кн.: *Цирк. Маленькая энциклопедия*. Изд. 2-е. М., 1979. С. 239–240, 293.

⁷ Субура – главная торговая улица древнего Рима. В рассказе Чехова “Припадок” (1888) описан район Москвы с публичными домами и трактирами.

⁸ Парафраз двух строк брюсовского стихотворения “Творчество” (“Тень несозданных созданий...”, 1895), впервые опубликованного в сб. “Русские символисты” (Вып. 3. М., 1895). См.: I, 35–36, 567–568.

⁹ Книга А.Л. Миропольского (А.А. Ланга) “Лестница” (М.: Скорпион, 1902) вышла с предисловием Брюсова, озаглавленным “Ко всем, кто ищет”. В нем поэт обосновал свое понимание спиритизма как попытки “научным”, экспериментальным путем проникнуть в потаенные области действительности, расширить сферу человеческого познания: “Все мы порываемся за пределы, все мы жаждем вздохнуть чуждой стихией. Нам стало тесно, душно, невыносимо. Нас томят условные формы общежития, томят условные формы нравственности, самые условия познания, все, что наложено извне. Нашей душе потребно иное, иначе она умрет”; “... то, что нами пока считается случайным и исключительным, – то, что мы смутно знаем из предчувствий, веших снов, симпатий, что почитается темной, бессознательной стороной нашего духа, – становится основой всего бытия” (с. 10–11, 22). Спиритизм был для Брюсова одной из конкретных, прикладных форм исследования “таинственного и странного” в человеческой душе и в окружающем мире.

¹⁰ Оговорка Волошина; подразумевается: “В конце девятисотых годов”.

¹¹ Государственная Дума размещалась в Таврическом дворце.

¹² Ошибка памяти Волошина: он впервые появился на “башне” Вяч. Иванова в сентябре 1906 г.

¹³ Михаил Михайлович *Гербановский* – поэт, автор стихотворного сб. “Лестницы” (СПб., 1903). “Лелечкин” – И.О. Лялечкин (см. о нем наст. том, кн. I, Письма Ноздрина, п. 1, прим. 1 и *Тетради*, п. 24, преамбула к коммент.). О В.М. Голыкове см. наст. том, кн. I, Переписка с Коневским, п. 30, прим. 24.

¹⁴ Имеются в виду статьи Н.К. Михайловского из его авторского цикла “Литература и жизнь”, опубликованные в “Русской мысли” в 1893 г. (№ 1. Отд. II. С. 145–169; № 4. Отд. II. С. 176–208).

¹⁵ Имеется в виду Ваганьковский переулок.

¹⁶ В 1923 г. Совнарком Армении присвоил Брюсову звание “народного поэта Армении” (см.: *Памяти Валерия Брюсова: Сб. / Сост. В.Е. Максимов-Евгеньев*. Л.: кн. сектор Губоно, 1925. С. 17).

¹⁷ В своей ответной речи, произнесенной во время юбилейного чествования в Российской Академии художественных наук в декабре 1923 г., Брюсов говорил: “Мне казалось, что теперь, в последний период моей жизни, я вернулся в Дом отчий. – так все это было мне *просто и понятно!* Никакой метаморфозы я в себе не чувствовал” (Валерию Брюсову (1873–1923). Сб., посвященный 50-летию со дня рождения поэта / Под ред. П. Когана. М., 1924. С. 56). В той же речи Брюсов сказал: «Первые мои впечатления в детстве это – портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца и так остались висеть до самой его смерти» (с. 55). Об этом же упоминается и в “Автобиографии” поэта: “Между прочим, в 70-х годах отец был близок с Н.А. Морозовым, будущим шлиссельбуржцем, образ которого я помню из дней моего раннего детства. Над столом отца постоянно висели портреты Чернышевского и Писарева. Я был воспитан, так сказать, “с пеленок” в принципах материализма и атеизма” (Там же. С. 13). Ср. дневниковую запись Брюсова, относящуюся к марту 1910 г.: “Познакомился с Н.А. Морозовым, шлиссельбуржцем. Он знал меня ребенком, качал на коленях, – так как гимназистом и студентом был близок с моим отцом” (*Дневники*. С. 142). О взаимоотношениях Брюсова с Н.А. Морозовым см. подробнее: *Белов С.В.* Брюсов и Н.А. Морозов: Неопубликованные письма Брюсова // *Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз.* 1964. Т. 23, вып. 4. С. 331–339; *Маргарян А.* Валерий Брюсов и шлиссельбуржец Николай Морозов // *Рус. лит.* 1965. № 1. С. 169–187.

¹⁸ Аналогичным образом характеризует Волошин свои взаимоотношения с Брюсовым перед его приездом в Коктебель в письме к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 16 ноября 1924 г: “Пред этим мы с ним долго не выдвигались. Между нами не было ссоры, но было некоторое неблагоприятное равнодушие, какое устанавливается между писателями, окруженными аурой литературных сплетен, а интимно видящихся редко” (ГПБ. Ф. 1015. Ед. хр. 517).

¹⁹ Аделина Ефимовна *Адалис* (наст. фамилия Ефрон; 1900–1969) – поэтесса и переводчица. Ученица Брюсова. Летом 1924 г. Адалис одновременно с Брюсовым гостила в Коктебеле в доме Волошина.

²⁰ Об интересе Брюсова к проблеме межпланетных сообщений, и в частности к “марсианской” теме см.: ЛН. Т. 85. С. 70–71 (предисл. Вл.Б. Муравьева); Герасимов К.С. “Штурм неба” в поэзии Валерия Брюсова // *Чтения* 1963. С. 138–140.

²¹ Фактическая достоверность сведений, приведенных в этом отрывке, вызывает сомнения, поскольку никаких документальных свидетельств, подтверждающих эту часть волошинских воспоминаний, не обнаружено. Более того, все обнаруженные к настоящему времени материалы, освещающие послеоктябрьский период жизни Брюсова, говорят о его вступлении в партию как о продуманном и совершенно искреннем шаге. “Он гордился тем, что он коммунист, – вспоминает о Брюсове А.В. Луначарский. – Он относился с огромным уважением к марксистской мысли и несколько раз говорил мне, что не видит другого законного подхода к вопросам общечеловечности, в том числе и к вопросам литературы. И если иногда эти усилия большого поэта целиком перейти на почву нового мирозерцания, новой терминологии бывали неудовлетворительными и неуклюжими, то эти добросовестнейшие усилия не могут не вызвать у партии чувства уважения за ту несомненную и серьезнейшую добрую волю, которую вносил Брюсов в свое преобразование” (*Луначарский А.В.* Собр. соч.: В 8-ти т. М., 1963. Т. 1. С. 434; см. также: Речь А.В. Луначарского на юбилейном чествовании В.Я. Брюсова в Большом театре 17 декабря 1923 г. – ЛН. Т. 82. А.В. Луначарский. Незданные материалы. М., 1970. С. 245–262; Трифонов Н.А. Луначарский и Брюсов // *Чтения* 1973. С. 182–196). Возможно, что Брюсов, касаясь этой темы в разговорах с Волошиным, далеким от симпатий к идеологии и политической практике большевизма, сознательно выстроил ту версию своего приобщения к Коммунистической партии, которая была наименее болезненна для его собеседника и не способствовала возникновению дискуссий по принципиальным вопросам.

²² Мария Степановна *Волошина* (рожд. Заболоцкая; 1887–1976) – вторая жена Волошина.

²³ Ср. слова Волошина о Коктебеле в письме к А.М. Пешковскому от 23 марта 1925 г.: “... литературная жизнь идет очень интенсивно, и покойный Брюсов говорил, что сейчас в России нет нигде такого сосредоточия интересных людей” (*ИМЛИ*. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 27).

²⁴ Имеются в виду Московский Литературно-художественный кружок и “Общество свободной эстетики”.

²⁵ О поэтических состязаниях, которые устраивались в доме Волошина в августе 1924 г., вспоминает гостивший в то лето в Коктебеле Леонид Гроссман: «Одной из таких забав, всецело организованной им (Брюсовым. – *Ред.*), были стихотворные конкурсы. По вечерам на большой террасе, при многолюдном стечении всех обитателей дачи, устраивался турнир поэтов. Каждый присутствующий подавал записку с предлагаемой темой. Из общей массы извлекались три записки. Конкурирующие поэты по общему согласию останавливались на одной из них, обязательной для всех участников конкурса. Правила состязания сводились к следующему: стихотворение должно быть непременно рифмованным, размер его от 8 до 20 строк, срок подачи одинаковый для всех – через полчаса на первом конкурсе или час – на втором. (...) Поэты прочитывали свои стихотворения, после чего избранное жюри определяло лучшее произведение. Решение его санкционировалось всем собранием. Такой “статут” был предложен Брюсовым и принят всем обществом.

В стихотворных конкурсах принимали участие, помимо самого Брюсова, Максимилиан Волошин, С.В. Шервинский, поэтесса Адалис, П.Н. Зайцев и пишущий эти строки. Во главе жюри находился Андрей Белый» (*Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова // *Гроссман Л.* Борьба за стиль: Опыт по критике и поэтике. М., 1927. С. 288–289). Далее Л. Гроссман рассказывает о конкурсах на тему “Женский портрет” и “Соломон”, где победителями были признаны С.В. Шервинский и Адалис (с. 290–291).

Воспоминания Гроссмана подтверждаются и мемуарами художницы А.П. Остроумовой-Лебедевой (*Автобиографические записки*. М., 1974. Т. 3. С. 66). Остроумова-Лебедева уточняет, что “среди живущих у Волошина в то лето находились поэты – Андрей Белый, Шервинский, Шенгели, Леонид Гроссман, Мария Шкапская, Адалис, несколько юных поэтов и поэтесс, московские профессора А. Габричевский, Б. Ярхо и др. Гостили также художники Богаевский, Шаронов, Кандауров, Костенко, артистки балета – всех не перечислить. Позднее приехал Валерий Брюсов” (Там же. С. 54). См. также: *Купченко Вл.* Лето 1924 года в Коктебеле // *Новый журнал*. Кн. 168–169. Нью-Йорк, 1987. С. 250–255.

²⁶ Александр Александрович *Байков* (1870–1946) – химик, специалист в области металлургии; с 1932 г. – академик.

²⁷ Ср. описание этой прогулки в воспоминаниях Остроумовой-Лебедевой: “Очень запомнилась мне прогулка, затеянная Волошиным, – через Северный перевал пройти на Карадагскую биологическую станцию. Отойдя версты три и поднявшись на крутые глинистые холмы, мы были неожиданно застигнуты грозой и сильным ливнем. Небо обрушилось потоками воды. Все бросились кто куда. Среди грохота грома и падающей воды Максимилиан Александрович усиленно кричал нам, чтобы мы спрятались в пастуший шалаш. Через несколько минут мы вместе с шалашом и пластом земли поплыли по скату холма. (...) Волошин не потерял присутствие духа. Просил всех переждать натиск воды. Организовал переправу через воду цепью, и таким образом никто не пострадал. Все шли босиком, сняв свою обувь. Помню то чувство необыкновенной бодрости и подъема, когда мы вернулись домой по уши мокрые, в глине и песке” (*Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. Т. 3. С. 62–63).

²⁸ Имеется в виду Золотые ворота Кара-Дага – скала в море, представляющая собой естественную каменную арку.

²⁹ “Lunaria” – венок сонетов, написанный Волошиным в 1913 г. Опубликован в кн.: Альманах “Гриф”. 1903–1913. М., 1914. С. 56–63; вошел в сб. Волошина “Иверни. (Избранные стихотворения)” (М.: Творчество, 1918).

³⁰ О “шуточной оде” Брюсова, обращенной к Волошину, см. подробнее во вступительной статье. Во-

лошин имеет в виду следующую строфу из нее:

Но по желанью смерч ты взводишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одеянии,
Иль чарой слов ей вновь велишь: явись –
Да небеса гласят твои даянья!

(III, 434).

Прогулка к подножию Кара-Дага, описанная Волошиным, запечатлена также в воспоминаниях Л. Гроссмана: «Однажды, на закате, общество отправилось лодками в соседние бухты (...) Темные базальтовые слои скалистых стен, гроты, колонны, причудливые арки создают здесь впечатление какого-то древнего пейзажа. Словно разворачивается здесь фантастический фон Одиссеевых странствий – острова сирен, пещеры циклопов. Ритм качающейся лодки настроил Брюсова на декламативный лад. Еще при отчаливании он начал декламировать Баратынского (...) За Баратынским последовал Вергилий. (...)»

Максимилиан Волошин, сидя на корме, читал свои стихи о Коктебеле: «И на скале, замкнувшей зыбь залива, – Судьбой и ветрами изваян профиль мой...» Медленно проплывала лодка вдоль готических уступов огромных скал, и мерно звучали пластические строки о Киммерии, о «напряженном пафосе Карадага»... Цикл поэм о восточном Крыме был закончен. Кто-то обратился к Брюсову с просьбой прочесть его давнишнее стихотворение «Антоний».

– О нет, это так давно писано, я от этого совершенно ушел. Это словно не я писал...

Но через несколько дней мы услышали стихи Брюсова, отчасти навеянные этой поездкой. В оде Максимилиану Волошину, написанной ко дню его рождения, Брюсов называет его *genius loci* Коктебеля, пользуясь эпизодами и впечатлениями нашей морской экскурсии и даже отмечая затмение луны, которым ознаменовался в тот вечер наш обратный путь. Ода была великолепно прочитана Брюсовым за праздничным пиршеством среди обильных гроздей винограда и августовских крымских плодов» (Гроссман Л. Последний отдых Брюсова. С. 292–294).

³¹ Надежда Януарьевна Рыкова (р. 1901) – переводчица, литературовед, критик. Автор книги «Современная французская литература» (Л., 1939). В 1924 г. студентка факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета. Сохранилась акварель Волошина, подаренная им Рыковой летом 1924 г. с дарственной надписью: «Наде Рыковой. «В надежде славы и добра». Максимилиан Волошин. 12.VIII. 1924» (собрание Н.Я. Рыковой, Петербург).

³² Юлия Сергеевна Каракаш (в замужестве Мурзаева, 1901–1963) – дочь крымского землевладельца, гимназическая подруга Н.Я. Рыковой; писала стихи. См. о ней: Рыкова Н. «Но я воскресну всем, что ты любил» // Вечерний Петербург. 1993. 30 дек. № 300. С. 4.

³³ Антонина Николаевна Изергина (1906–1969) – искусствовед, в 1930–1969 гг. сотрудник Государственного Эрмитажа. Мария Николаевна Изергина (р. 1904) – сестра А.Н. Изергиной, пианистка, концертмейстер драматических театров.

³⁴ Михаил Соломонович Фельдштейн (1884–1944) – юрист, переводчик; он и его жена Ева Адольфовна (рожд. Левина; 1886–1964), художница, принадлежали к числу близких друзей Волошина.

³⁵ Существенные дополнения к этому спору, происходившему в доме Волошина, позволяет сделать запись беседы с Н.Я. Рыковой (март 1984 г.). «Я говорила очень запальчиво, – вспоминает Рыкова, – но не совсем так. Я говорила о сравнительной ценности западных и восточных элементов в русской культуре, считая, что многие наши национальные тенденции, например, славянофильство, совершенно неоправданны. «На Запад» означало воспринимать и впитывать культуру Запада, продолжать учиться у Запада».

Н.Я. Рыкова уточняет также, что спор велся почти целиком с Андреем Белым: «Белый кричал: «Девчонка! Доживите до моих лет!» Сестры Изергины возмутились: «Что это за аргументы! Причем здесь возраст!» Тогда Белый убежал с веранды. Рассуждений Брюсова, которые приводит Волошин, я не помню, хотя должна была бы запомнить, так как в те годы я чрезвычайно почитала Брюсова. Но то, что он занимал в этом споре примирительную позицию, это верно».

Рассказ Рыковой подтверждается и воспоминаниями Л. Гроссмана, который пишет, что Брюсов «потечески снисходительно и дружелюбно вступал в спор с задорными девицами, отрицавшими огулом всю русскую культуру или отвергавшими какое-нибудь крупнейшее поэтическое явление» (Гроссман Л. Последний отдых Брюсова. С. 295).

Воспоминания Волошина об этой беседе Брюсова и Андрея Белого с молодыми гостями Коктебеля зафиксированы и в его дневниковой записи от 7 сентября 1930 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 442. Л. 73–73об.).